Е.М. Карлова, А.М. Пастухов, А.Ю. Попов, Е.Н. Успенская

СМЕРТЕЛЬНАЯ КРАСОТА

ОРУЖИЕ ИНДИИ И КИТАЯ

Каталог выставки

E. Karlova, A. Pastukhov, A. Popov, E. Uspenskaya

MORTAL BEAUTY

ARMS AND ARMOUR OF INDIA AND CHINA

Exhibition Catalogue

Государственный музей Востока
2015

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей Востока

Печатается по решению Реакционно-издательского совета
Государственного музея Востока

СМЕРТЕЛЬНАЯ КРАСОТА
ОРУЖИЕ ИНДИИ И КИТАЯ

Выставка в Государственном музее Востока
7 апреля 2015 – 28 мая 2015

Куратор выставки: **Е.М. Карлова**
Коллекционеры: **А.Ю. Попов, В.Е. Белановский, В.Г. Кормщиков**
Хранители коллекций: **Н.Г. Альфонсо, И.И. Шептунова**
Реставраторы: **И.В. Кротков, А.Ю. Родионов**
Дизайн выставки: **Л.Д. Рапопорт**
Графический дизайн: **П.В. Теплякова, К.Ю. Косачева**
Монтаж экспозиции: **Д.В. Денисов, Н.А. Малахова, И.В. Педенко, Н.Н. Паршин, Д.П. Народицкий**
Документальное оформление: **О.С. Прыткова**

Е.М. Карлова, А.М. Пастухов, А.Ю. Попов, Е.Н. Успенская. Смертельная красота. Оружие Индии и Китая. Каталог выставки. М.: ГМВ, 2015 – ? с., ил.

Настоящее издание подготовлено к выставке, состоявшейся в Государственном музее Востока, которая посвящена холодному оружию Индии и Китая. Предметы этого региона представлены во всем своем многообразии – от редких образцов племенного вооружения до изысканно украшенного драгоценного личного оружия знати. В основу выставки легли частные собрания московских коллекционеров, любезно предоставленные для выставки владельцами. Прекрасным дополнением стали старинные вещи из коллекции Государственного музея Востока. Предназначено для широкого круга читателей.

Редактор каталога: **Е.М. Карлова**
Фотографы: **Э.Т. Басилия, К.А. Гребнев**
Дизайн макета: **О.И. Бойко**
Корректор: **С.В. Лапина**

ISBN 978-5903417-73-5

© Государственный музей Востока
© Е.М. Карлова, А.М. Пастухов, А.Ю. Попов, Е.Н. Успенская, текст
© О. И. Бойко, дизайн каталога

Содержание

Вступительное слово

Успенская Е.Н. **О воинской культуре Индии**

Карлова Е.М. **Оружие Индии в собрании Музея Востока**

Попов А.Ю. **О типологическом разнообразии индийского оружия**

Пастухов А.М. **Место оружия воина в традиционной культуре Китая**

Каталог

Оружие из собрания ГМВ

Оружие Индии из частных коллекций

- Копья
- Катары
- Ножи и кинжалы
- Мечи и сабли
- Топоры и булавы
- Прочее

Оружие Китая, Тибета и Непала из частных коллекций

Оружие армейских образцов

- Древковое оружие
- Ручницы
- Шлемы
- Боевые ножи

Гражданское оружие

- Мечи
- Сабли
- Боевые ножи
- Тесаки
- Оружие боевых искусств
- Оружие скрытого ношения
- Ударно-дробящие оружие

Оружие национальных окраин империи Цин

- Северяне
- Южане
- Тибет
- Непал

Список сокращений

Глоссарий

Список литературы

CONTENTS

Introduction

On the Military Culture in India *by Elena Uspenskaya*

Indian Arms and Armour in the Collection of the Museum of Oriental Art *by Euguenia Karpova*

On the Typological Diversity in Indian Weapons *by Andrey Popov*

The Place of the Warrior and his Weapons in the Traditional Culture of China *by Alexey Pastukhov*

Catalogue

Indian Arms and Armour in the State Museum of Oriental Art

Indian Arms and Armour from Private Collections

- Spears
- Katars
- Knives and Daggers
- Swords and Sabres
- Axes and Maces
- Other Arms and Armour

Arms and Armours of China, Tibet, Nepal from Private Collections

Army Issue Weapons

- Pole-Arms
- Handgonnes Helmets Combat Knives
- Civilian Weapons Swords Sabers
- Combat Knives

Cutlasses

- Martial Arts Weapons
- Concealed Weapons
- Blunt Melee Weapons

Weapons of the Ethnic Borderlands of the Qing State

- Northerners
- Southerners
- Tibet
- Nepal

Bibliography

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Выставка оружия Индии и Китая, прошедшая с 7 апреля по 28 мая 2015 г. в залах Государственного музея Востока, неспроста носит название «Смертельная красота». Представленные на ней предметы суть орудия убийства, иногда предназначенные более для устрашения или украшения, но чаще именно для отнятия жизни. При этом парадоксальным образом каждый из них – одновременно и частичка сильнейшей созидательной силы на свете: произведение искусства. Красота и изящество видны и в мастерстве исполнения, и в рисунке булатной стали клинка, и в изысканной декоративной отделке.

Бóльшая часть представленных на выставке предметов происходит из трех частных коллекций. Оружие Индии было собрано азартным путешественником и знатоком индийской культуры, художником Андреем Поповым и коллекционером, офицером Валентином Кормщиковым. Китайская часть экспозиции предоставлена кандидатом исторических наук, реставратором Владимиром Белановским. Благодаря этим трем страстно увлеченным общим делом людям мы имеем возможность показать широкому кругу зрителей уникальные образцы оружия, некоторым из которых могут позавидовать самые знаменитые музеи мира. Авторы выставки благодарят всех, кто помогал в ее подготовке, – И.В. Кроткова, А.Ю. Родионова, С.Е. Острову, А.И. Асланянца, К.А. Гребнева, М. Панчала, Х. Шарма, Р. Бандари, А. Карима (Нанэ), Г. Парихара, Р. Чаухана, Р. Сингха, Т. Бакша и многих других. Отдельную благодарность мы выражаем специалистам, принявшим участие в работе над каталогом. Статьи для него любезно согласились написать доктор исторических наук, ведущий сотрудник МАЭ (Кунсткамера) Е.Н. Успенская, коллекционер А.Ю. Попов и специалист по китайскому холодному оружию А.М. Пастухов.

Е.М. Карлова,
зав. отделом искусства стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии ГМВ
канд. искусствоведения

INTRODUCTION

The exhibition of Indian and Chinese weaponry that took place from April 7 to May 28, 2015 at the Museum of Oriental Art in Moscow was called 'Deadly Beauty' for a reason. Even though the items on display may have been meant for decoration or intimidation, they were above all designed to kill. Paradoxically, these exhibits at the same time belong to the most powerful instrument of creation on Earth as they are works of art. Beauty and elegance show in the mastery of their design, the pattern of the wootz steel, the intricate decoration.

Most exhibits on display come from three private collections. Indian arms and armour was collected by an avid traveller and expert in Indian culture Andrey Popov and by officer and collector Valentin Kormshchikov. The Chinese part of the exhibition was kindly lent by restorer Vladimir Belanovsky, PhD. The world's most famous museums could envy some of the unique arms and armour that we had a possibility to show to the general public thanks to these three collectors, passionate about their shared field of study. Besides, some exhibits from the collection of the Museum or Oriental Art were also on display. The present catalogue documents over 300 works of bladesmiths and armourers from India, China, Tibet and Nepal.

We are using this opportunity to express our sincere gratitude to Ivan Krotkov, Anton Rodionov, Svetlana Ostrova, Alexey Aslanyants, Konstantin Grebnev, M. Panchal, H.Sharma, R. Bhandari, A. Karim, G. Parihar, R. Chauhan, Runjeet Singh, T. Baksh and many others who made this exhibition possible. We also express our warm thanks to Elena Uspenskaya, PhD, leading researcher at the Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) in St Petersburg, collector Andrey Popov, and Alexey Pastukhov, an expert on Chinese bladed weapons, who kindly accepted to author articles for the present catalogue.

Eugenia M. Karlova, PhD.
Deputy Head of Department
of the Art of Near and Middle East,
South and Central Asia,
Museum of Oriental Art

Е.Н. Успенская

О ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ИНДИИ

В Индии, как и везде, военная составляющая политической истории и практики была ключевой. Но в Индии, как, вероятно, нигде больше, воинская традиция уже в древности подверглась детальному и глубокому теоретизированию со стороны жрецов-брахманов и оказалась жестко регламентирована. Идеология индуизма, его ранних вариантов и догматических ответвлений была и остается системообразующей в индийском кастовом обществе, и брахманы, которых уместно назвать профессионалами религии индуизм, всегда претендовали на социальное и интеллектуальное лидерство. В брахманской науке управления огромное значение придается концепту культуры и градациям степеней культурности, самой антитезе «натура – культура». Именно в этом воспитательном направлении регламентировалось и военное дело. Развития собственно военной науки практически не произошло: на первом плане оказались философия обоснованности насилия и контролирование возможностей военных людей.

При кастовой организации традиционного общества воинским сообществам изначально отводилось особенное положение – они составили так называемую варну (класс, сословие) кшатриев, «воинов и правителей», выше которой в кастовой иерархии стоят только сами брахманы – жрецы, наставники, учителя. Воинское и военное дело возведено в обязанность кшатриев и одновременно их привилегию: представители других варн: торговцы и «чистые» ремесленники вайшья, зем-

Такоджирао III (01.01.1888 – 21.12.1937). Махараджа княжества Девас с 1900 г. до своей смерти в 1937 г.

Elena Uspenskaya

ON THE MILITARY CULTURE IN INDIA

In India, like everywhere else, the military component of political history had a key role. But in no other country was the martial tradition so thoroughly and profoundly conceptualized as it was in India by Brahmin priests where it was eventually strictly regulated. Hinduism, with all its early variations and dogmatic offshoots remains the backbone of the Indian caste-ridden society. Brahmins, who might as well be called Hinduism religion, have always claimed to lead this soicety in social and intellectual terms. In the Brahmin management science great emphasis is placed upon the concept of culture, various gradations of cultural awareness, and the “nature-culture” antithesis itself. It was in these educational terms that the art of war was regulated. The actual military science received virtually no development. The priority was given instead to the philosophical justification of violence and to control over the warriors’ capabilities. The caste organization of the traditional society ensured that military communities were assigned a special position from the very start. They constituted the so-called *varna* (class, order) of the Kshatriyas, the ‘warriors and rulers’ who rank above everyone but the Brahmins themselves in the caste hierarchy, the Brahmins being priests, advisers, and teachers. The martial and military arts were proclaimed to be the obligation of the Kshatriyas and their privilege at the same time. The other varnas, comprised of the Vaishyas (traders and “pure” craftsmen), the Shudras (agricultural workers, “impure” craftsmen and service providers), as well as the “the untouchable” Ava-

Tukojirao III (1 January 1888 – 21 December 1937) was the ruling Maharaja of the princely state of from 1900 to 1937

ледельцы, «нечистые» ремесленные и обслуживающие касты шудра и «неприкасаемые» аварна не имели права заниматься воинским делом и даже не могли брать в руки оружие.

В индийской традиции военное дело считается неотделимым от дела государственного управления и подлежит строгой организации и регламентации через религиозное наставление, а именно адресованный кшатриям вариант «закона жизни» (дхарма воина и правителя)[1]. Брахманы предложили кшатриям целую систему идей и представлений, регламентирующих жизненные цели, задачи, этические нормы воинского сословия. Теория и практика воинской дхармы, психологические и воспитательные аспекты подготовки воина, права и обязанности правителя, а также обоснования для применения силового «наказания» *данда* (букв. «палки, дубинки, палицы») со стороны правителя, государства и вооруженного человека уже в древности (за несколько веков до

[1] В характерном для индуизма осмыслении устройства мира с глубокой древности существует понимание системности мироздания, выражаемое понятием «дхарма» («закон мироздания», «закон жизни»). Дхарма как закон структурирования космоса охватывает своим действием все многообразие природы и разумной жизни, в том числе и человеческое общество. Дхарма вечная, безначальная, бесконечная – это монистический принцип, действию которого подчиняются даже боги. В этой картине мира всякий, бесконечно большой и ничтожно малый, элемент необходим в общей гармонии и имеет «собственную дхарму», или жизненное предназначение. Индуизм учит, что люди как существа разумные могут осознанно «поддерживать дхарму», каждый на своем участке ответственности, поэтому должны выполнять свое адресное религиозное предписание-наставление, которое зависит от того, в какой кастовой группе человек родился и на каком этапе жизненного пути находится; это наставление разное для мужчин и женщин. В целом для «поддержания дхармы» нужно вести культурную (противопоставляемую дикой, неокультуренной, необлагороженной, неотягощенной знаниями) личную и общественную жизнь, т. е. почитать брахманов и слушать их наставления, совершать ритуалы, грамотно выполнять свои жизненные предназначения (профессиональные обязанности), строгие правила соблюдения ритуальной чистоты, принцип неубийства божьих тварей (ненасилие ахимса) и т.д. Фундаментальный концепт дхармы органично связан с концептами кармы и сансары (реинкарнации) и является основополагающим для всех индийских религиозных учений – буддизма, джайнизма, сикхизма, различных небрахманических вариантов индуизма.

rnas, did not have the right to engage in the trade of war were not even permitted to lay their hands upon weapons.

In Indian tradition, the military art is considered to be integral to state administration affairs and is subject to strict organization and regulation by means of religious counselling, namely by means of a particular version of "the law of life" that is addressed to the Kshatriyas (the dharma of a warrior ruler)[1]. The Brahmins offered to the Kshatriyas a complete system of ideas and concepts regulating the life goals, objectives and ethical norms of the military class. The theory and practice of a warrior's dharma, psychological and educational aspects of his preparation, a ruler's rights and duties, and grounds for the use of *danda,* "punishment" (literally, "stick" or "club"), by a ruler, a state or an armed person – all these aspects were given a profound conceptualization in the ancient times, several centuries B.C. They were worded and defined in the Dharmasastras and in other instructive and legislative texts by Indian intellectuals and have served for the Kshatriyas as a lantern of faith ever since. "...The duty of a Kshatriya is study, per-

[1] The characteristic Hinduist conceptualization of the world structure has since ancient times revolved around an insight into universe consistency which is expressed via the term dharma («the law of the universe» or «the law of life»). As the cosmic structuring law, dharma affects every aspect of nature and intelligent life, including human society. The eternal dharma knows neither beginning nor end. Even the gods have to comply with this monistic principle. In this world view any element, whether infinitely huge or negligibly tiny, is essential for general harmony and has its "own dharma" or its worldly purpose. Hinduists believe that as intellectual beings people can "maintain dharma" consciously, everyone within their own area of responsibility. So everyone has to follow the religious instructions given to them which depend on the caste the person was born into and on the life stage they are at currently; these instructions are different for men and women. All in all, in order to "maintain dharma" one has to live a cultured life both personally and socially, 'cultured' being the opposite of wild, uncultured, unrefined and devoid of knowledge. In other words, one has to honour Brahmins and follow their instructions, perform rituals, properly accomplish their life goals (that is, fulfil their professional obligations), comply with the strict rules of ritual purity, refrain from killing any living creatures (the ahimsa nonviolence doctrine), etc. The fundamental dharma concept is naturally related to those of karma and samsara (reincarnation) and underlies all Indian religions, including Buddhism, Jainism, Sikhism, and various non-Brahminian denominations of Hinduism.

н. э.) глубоко и разносторонне осмыслены и сформулированы в дхармашастрах и других наставительных и законодательных текстах индийскими интеллектуалами и по сию пору служат для кшатриев светочем веры. «...Закон для кшатрия – учение, жертвоприношение, раздача даров, добывание средств к жизни военным делом и охрана живых существ» [*Артхашастра 1959*:18]. Воинская культура Индии формировалась в соответствии с требованиями дхармы кшатрия.

В действительности классические кшатрии давно исчезли, и в течение, пожалуй, последних 25–26 веков индийской истории позиция кшатрия была открыта для тех воинских отрядов и вождей–военачальников–правителей, кто был готов и принять брахманское наставничество, и окультуривать свое поведение в быту и на войне в соответствии с требованиями кшатрийской дхармы. Антропологи заметили удивительную вещь: кастовый строй конституировал в качестве воинов-кшатриев не только отдельные кланы, добывающие себе пропитание войной, но и целые народы и племена «воинов и правителей». Таковыми во многих исторически известных случаях были признаны кочевые и полукочевые, горные пастухи и скотоводы, имеющие коней и стада коров; эти склонные к воинственному поведению мобильные, сильные, решительные мясоеды, нередко покорители мирных земледельческих общин, доказали кастовому обществу свое соответствие профессии воина и правителя и заняли кшатрийскую нишу. Подвижность, воинские умения и некоторая агрессивность в отстаивании своих интересов, а также способность налаживать административное управление на завоеванных территориях по каналам родственных связей позволяли им легко стать «воинами и правителями» в самых разных частях Индии еще в XVIII в. Важно и то, что со времен ведических ариев скотоводство считается наиболее почтенным и престижным из доступных небрахманам занятий и сообщает практикующим его кастовым группам очень высокий социальный статус. Активные в течение последних нескольких сотен лет воинские кастовые и этнокастовые группы – раджпуты, джаты, маратхи, наяры, кургормance of sacrifice, giving gifts, military occupation and protection of life [*Arthashastra, 1959*: 18]. The Indian martial culture was shaped in compliance with the Kshatriya dharma requirements.

Classical Kshatriyas disappeared long time ago. For the last 25 or 26 centuries of Indian history the position of a Kshatriya has been open for those military units and leaders, military commanders or rulers who were willing to accept Brahmin guidance and behave like a cultured being both in everyday life and at war in conformity with the dharma requirements of a Kshatriya. Anthropologists note an amazing thing: not only particular clans who earned their living by war were institutionalized as Kshatriyas by the caste structure of the society, but so were entire peoples and tribes of "warriors and rulers". Nomadic and seminomadic highland shepherds and herdsmen that possessed horses and herds of cattle were recognized as Kshatriyas in many recorded cases. Belligerent, mobile, strong and determined, these meat-eaters would frequently conquer peaceful agrarian communities, proving to the caste society their conformity to the trade of a warrior and a ruler and so they were able to occupy the Kshatriya niche. Their mobility, warrior skills and certain aggressiveness in asserting their interests combined with the capability to set up an administrative structure in conquered territories via kinship enabled them to easily become "warriors and rulers" in completely different parts of India up to the 18th century. It is also important to note that since the Vedic Aryan period cattle herding was considered the most honoured and prestigious activity available for non-Brahmins and it served to confer a very high social status to a caste group that practiced it. All martial caste and ethnical groups that have been active for the last centuries (the Rajputs, the Jats, the Marathas, the Nairs, the Coorgs, the Kallar, etc.) come from non-agricultural communities.

The world got to know Indian warriors as sepoys, who were soldiers of Indian regiments serving a colonial empire. Since the 1760s the East India Company devised a system of recruiting and maintaining armies via the so-called subsidiary agreements with Indian rajas that were formally independent of the British authorities. The rajas raised troops at their own expense and paid for their maintenance. European

ги, каллары и др. – происходят из неземледельческих сообществ.

Всему миру индийские воины стали известны как сипаи, солдаты индийских полков колониальной империи. С 1760-х гг. Ост-Индская компания организовала особый способ найма и содержания армий – через так называемые субсидиарные договоры с формально независимыми от британской власти индийскими раджами, которые на свои средства собирали войска и оплачивали все расходы на их содержание. Руководили сипайскими подразделениями европейские офицеры, которые их и обучали. Сипаи были экипированы европейским оружием, в основе контингента были полки пехоты; кавалерия, артиллерия и саперы оставались в меньшинстве.

Набор в сипаи проводился на основании антропологических «научных исследований», особенно после Великого народного восстания 1857–1858 гг. Основное наблюдение англичан состояло в том, что в целом индийские мужчины отличаются отсутствием брутальности и в облике, и в воинской подготовке и в действии. «Британцы в Индии считали себя образцом мужественности <…> и насмехались над индийцами, особенно над индуистами, говоря, что те женоподобны, подвержены предрассудкам, иррациональны, слабы и пассивны, неспособны контролировать себя, подчиняться дисциплине и руководить» [*Osella, Osella 2006*:63]. Однако колониальные администраторы посчитали подходящими для военной службы представителей нескольких military races, как они называли воинские касты и этнокастовые группы. В число этих «прирожденных воинов» совершенно закономерно и заслуженно попали считающие себя кшатриями раджпуты, джаты (сикхи и мусульмане), догра, гуркхи, маратхи, курги, патаны, а также североиндийские мусульмане-«моголы», южноиндийские мусульмане-мопла и некоторые другие. Мусульман определяли в кавалерию, а в отряды саперов и минеров попадали представители низших каст (парии) и племен, поскольку всем другим эта специализация казалась неприемлемой: кшатрии ни в коем случае «не ползают по земле» – это обрушило бы их статус. Более того, настоящие кшатрии вообще «не ходят по земле пешком», только верхом на коне, поэтому officers commanded and trained sepoy units. Sepoys were equipped with European weapons. These forces mostly consisted of infantry regiments, with cavalry, artillery and sappers remaining a minority.

Sepoy recruitment was based on anthropological "scientific research", especially after the Great Rebellion of 1857–1858. The fundamental observation that the British made was that Indian men generally lacked brutality in their looks, their martial training, and their actions. «The British in India presented themselves as hyper-masculine <…> they then derided Indian, especially Hindu, men as effeminate – superstitious and irrational, lacking in self-control, weak and passive, unable to defend or govern themselves» [*Osella, Osella, 2006*, p. 63]. However, the colonial administrators judged representatives of several 'martial races', the name they had given to military castes and ethnic caste groups, fit for service in the army. Quite logically and deservedly, these "born warriors" included those groups who considered themselves Kshatriya, such as the Rajputs, the Jats (Sikhs and Muslims), the Dogras, the Gurkhas, the Marathas, the Coorgs, the Pathans as well as North Indian Moghul Muslims, South Indian Mopla Muslims and several other peoples. Muslims were assigned to cavalry units whereas members of lower castes (pariahs) and tribal groups went to sapper units as this specialty seemed unacceptable to others – the Kshatriyas may under no circumstances "crawl on the ground", which would rob them of their status. Moreover, real Kshatriyas "do not tread the ground" at all, they only ride horses, so infantry was composed of soldiers coming from agricultural castes (such as the Jats).

It must be admitted, though, that martial culture developed in all ethno-cultural flows of the Indian North and South, among adherents of different religions (Hinduism, Islam, Jainism, and Sikhism), in caste societies and in tribal communities. Their typically sophisticated folkloric and epic traditions contain collections of heroic ballads, lyric poems and "mournful songs". All these texts represent the world view of the military community and tell stories of heroic actions undertaken by ancestors of certain clans, stories of clashes and reconciliation with their neighbours, of success and failure, all for the edification of their descendants. Both the Mahabharata, the

Махараджа с сыном восседают на боевом слоне во время военного парада. Фрагмент стенной росписи во дворце Чхатра-Махал. Бунди, Раджастхан. Индия XVIII–XIX вв.

A Maharaja and his son riding a war elephant at a military parade. Chhatra Mahal murals detail. Bundi palace. Rajasthan. 18th to 19th centuries

му в пехоту набирались солдаты из земледельческих каст (те же джаты).

Но надо признать, что воинская культура развита во всех этнокультурных потоках Севера и Юга Индии, среди представителей разных религий (индуизма, ислама, джайнизма, сикхизма), в кастовых и племенных сообществах. Для них характерно наличие развитой фольклорной и эпической традиции: своды героических баллад, лирических стихов и «печальных песен». Все эти тексты представляют мировоззрение воинского сообщества, историю подвигов предков отдельных кланов, историю ссор и примирений с соседями, успехи и поражения – в назидание потомкам. И Махабхарата, великий эпос Индии, и более поздняя Рамаяна имеют в своей основе кшатрийские эпические сказания, описывают великие подвиги воинов-кшатриев, хотя щедро ре-

great Indian epic poem, and the Ramayana, which appeared at a later time, are based on Kshatriya epic folktales and describe Kshatriya warriors' great deeds, although they were thoroughly revised by Brahmins and represent the Brahmin outlook on the world.

The Arthashastra remains the main source of the Brahmin wisdom with regards to the Kshatriya

дактированы брахманами и представляют брахманическое мировоззрение.

Главным источником брахманской мудрости на тему дхармы кшатрия является Артхашастра, которая, как считается, была написана для Чандрагупты Маурья (321–297 гг. до н. э.) его советником брахманом Каутильей (или Каутальей, или Чанакьей). Книга (в английском переводе текст состоит из более 1 млн слов) является своеобразной хрестоматией разработанных более ранними авторами в жанре брахманической «науки управления, или науки политики» (букв. перевод слова *артхашастра*) и к тому времени давно уже устоявшихся знаний, идей и практических советов царю по всем вопросам управления, т. е. наставление по раджа-дхарме. Древнеиндийские мыслители исходили из аксиомы, что война приносит большие бедствия, истребляет население и поглощает огромные ресурсы и во всех случаях она есть зло. Поэтому правители должны в своей политике использовать: 1) мирные переговоры; 2) дары или подкуп; 3) сеяние раздора между врагами с тем, чтобы пожать плоды этого раздора. И лишь тогда, когда ни первое, ни второе, ни третье средства не возымели действия, правитель мог применить четвертое, крайнее, средство: открытое нападение или применение силы. Политэкономические советы Артхашастры мудры и вневременны: основная идея состоит в том, что богатства типа артха (мирские блага) происходят от земли и на земле, населенной людьми и хорошо управляемой. Правитель и его кшатрии должны обеспечить условия жизни своему народу, охрану торговли, строительство храмов, поддержку разумных проектов, собирание налогов, судопроизводство и разрешение споров, т. е. системное поддержание порядка и благополучия. При этом в науке царской власти важна одна деталь, всем индийским правителям и их подданным хорошо известная: правитель не должен придумывать свои собственные законы и заставлять людей выполнять их. Он лишь наблюдает за течением дхармы и ее требованиями.

И сегодня даже рядовые представители воинских каст считают, что надзор за соблюдением порядка – их религиозная и кастовая обязанность, причем «порядок» этот не обязательно космических масштабов; общественный порядок в квар-

dharma. It is believed to have been written for Chandragupta Maurya (321–297 B.C.) by his Brahmin counsellor Kautilya (or Kautalya, or Chanakya). The book, which in its English translation is over 1 million words long, is a kind of a compilation of previous knowledge, ideas, and practical guidelines for an emperor in relation to all governance matters, i.e. guidance in terms of *raja dharma*. These ideas and guidelines had been developed by earlier authors along the lines of the Brahmin "management science, or policy science" (the word *Arthashastra* translated literally) and were established knowledge by that time. Ancient Indian thinkers based their thinking on the axiom that war brings great miseries, causes depopulation and consumes enormous resources. In all cases war is evil. So in pursuing their policy governors must apply: 1) friendly negotiations; 2) gifts or bribes; 3) sowing discord among their enemies so as to reap all the benefits. And only when neither the first, nor the second, nor the third method has any effect, a governor may use their last resort, which is to attack openly, or resort to force. The political and economic tips from the Arthashastra are wise and timeless: the main idea is that prosperity such as *artha* (worldly blessings) come from the land and on a land populated with people and well-run. The ruler and his Kshatriyas must provide living conditions for their people, protect trade, build temples, support reasonable projects, collect taxes, provide legal proceedings and dispute resolutions. That is, they have to consistently maintain order and well-being. The one important idea in the science of imperial rule that was well-known by all Indian rulers and their subjects was that a ruler did not have to invent their own laws and make people obey them. What he did instead was monitor the flow of dharma and its requirements.

Nowadays even ordinary members of military castes believe that maintaining order is their religious and caste obligation. And the "order" in question is not necessarily the one on the cosmic scale. Public order within a neighbourhood also deserves the attention of a commander. In the modern world many Kshatriyas are landowners and "rulers", dominating their villages and striving to obtain key positions in local government so that they can control the situation with transactions in arable land, adopt laws that they could benefit from, fix profitable purchase pric-

тале поселения тоже достоин внимания командира. В современной ситуации многие кшатрии являются землевладельцами-«правителями», доминируют в деревнях и стремятся к обретению ключевых постов в местных органах власти, чтобы контролировать ситуацию с оборотом пахотной земли, принимать полезные для себя законы, устанавливать выгодные закупочные цены и т. д. В городах они обращаются к профессиям, требующим выучки и организаторских умений, и служат на высоких постах в полиции и армии, занимаются административно-управленческими делами; всякие имеющие отношение к форменной одежде занятия им также подходят (например, служба в почтовом ведомстве, охрана в отеле).

Чандрагупта Маурья и Каутилья были младшими современниками Александра Македонского, поход которого на берега р. Инд имел место в 327 г. до н. э. Сохранилось документальное свидетельство о боевом столкновении с местным правителем, и известно, что на иноземцев огромное впечатление произвели боевые слоны. Остались записи ионийского грека Мегасфена, который четыре года (302–298 гг. до н. э.) провел в качестве посла при дворе Чандрагупты. Рассказывая об увиденном в Индии, он между прочим упоминает «пятое сословие» солдат, которые занимались только военным делом, получали за это плату и полную экипировку, т. е. представляли собой профессиональное войско. Рассказал он и о том, что забота о персоне правителя была поручена женщинам, и был особый отряд женщин-охотниц, которые сопровождали Чандрагупту на охоту верхом на конях или слонах – сам он восседал, как и положено кшатрию, в колеснице. Маурийская эпоха осталась в исторической памяти как время побед и изобилия, успехов во всех областях жизни. Сосуществовали и процветали ведические брахманические учения и культовые практики (брахманизм), буддизм, джайнизм, имевшие много общего в ресурсе идей. Внук Чандрагупты Ашока Маурья (ок. 269 г. до н. э. – 232 г. до н. э.) занимает особенное место в индийской буддийской традиции. Ашока завершил строительство империи Маурья присоединением Калинги, государства на территории современной Ориссы. Война с Калингой была тяжелая и кровопролитная,

es, etc. In towns and cities they take up jobs that require training and organizational skills, serve in high positions in the police and the army and deal with administrative and managerial affairs. Any activity that requires wearing a uniform is suitable as well (for instance, work at a post office or a hotel security service).

Chandragupta Maurya and Kautilya were younger contemporaries of Alexander the Great who went on a campaign towards the Indus River in 327 BC. We have documented evidence of a military clash with a local ruler and it is known that foreigners were greatly impressed by war elephants. Megasthenes, an Ionian Greek who spent four years as an ambassador at Chandragupta's court (302–298 BC). In his records of what he had seen in India he casually mentioned a "fifth class" of soldiers who were only engaged in military duty and received payment for this as well as all of their equipment. That is, they were a professional army. He also recounted that taking care of the ruler was entrusted to women, describing a special unit of female hunters who accompanied Chandragupta on a hunt. As they rode horses or elephants, Chandragupta himself was sitting solemnly on a chariot, as befits a Kshatriya. The Maurya period remained in historical memory as that of victories, affluence, and success in all areas of life. Vedic Brahmin teachings and cultic practices (Brahmanism), Buddhism, and Jainism coexisted and had a lot in common in terms of ideas. Chandragupta's grandson, Ashoka Maurya (ca. 269 B.C. – 232 B.C.) occupies a special place in Indian Buddhist tradition. Ashoka finished building the Mauryan Empire by conquering Kalinga, a state in what is now Orissa. The Kalinga war was hard and bloody. Ashoka, a great warrior, was so shocked with the scale of grief and misery that he made a decision to renounce wars henceforth, turned to the Buddha's teachings and implemented a policy of *dharma vijay* (literally translated as "the victory of dharma"), i.e. conquering territories by means of dharma, missionary efforts, erection of temples, and good deeds.

It is appropriate to recall here that teachings of the Buddha (623-543 BC), coming from the Kshatriya class, emerged as a highly intellectual and highly ethical alternative to Brahmanical teachings and caste-based ideology. Buddhism became a doctrine of a tremendous societal significance, offering an ideal

великий воин Ашока был потрясен масштабами горя и бедствий и принял решение отныне отказаться от войн, обратился к учению Будды и стал проводить политику *дхарма-виджая* (букв. «победа дхармы»), т. е. завоевание пространств средствами дхармы, миссионерскими усилиями, возведением храмов и благими делами.

Здесь уместно вспомнить, что учение Будды (623–543 гг. до н. э.), кшатрия по происхождению, появилось как высокоинтеллектуальная и высоконравственная альтернатива брахманическому учению и кастовой идеологии. Буддизм стал учением огромного общественного значения, предложившим идеал регулирования социальных отношений мирными средствами. Вероятно, буддийские символы веры гуманизировали кшатрийское мировоззрение, само понимание диалектического единства функций воина и правителя усовершенствовалось, и буддизм практически сразу начал проявлять себя как идеология высоконравственной царской власти; апофеозом этой роли буддизма в Индии и стало правление Ашоки Маурья. Буддизм как кшатрийский социальный проект не выжил в Индии, как считают индийцы, именно потому что кшатрии от него отвернулись, а монашеские общины не смогли защитить себя (к XIII в н. э.). Но буддизм прекрасно проявил себя как высокодуховная, придающая импульс культурному развитию идеологическая опора государственности и власти во всех тех государствах за границами Индии, где он был усвоен местными «воинами и правителями» (государства Юго-Восточной Азии, Китай, Япония).

В джайнском вероучении были детально разработаны прежде всего бытовые и индивидуально-личностные этические аспекты, приведшие к запрету кровавых жертвоприношений, появлению концепта ненасилия *ахимса* и вегетарианства, и эти достижения тоже вошли в ресурс идей и практик индуизма. Несмотря на подчеркнутое миролюбие, джайнизм показал себя в истории Индии как успешная политическая и идеологическая сила в государствах, где правители получали наставление не от брахманов, а от джайнских проповедников.

Как известно, в джайнизме существуют два основных направления, секты, и они называются дигамбара («одетые сторонами света», т. е. way of regulating social relationships by peaceful means. Buddhist symbols of faith might have humanized the Kshatriya outlook on the world. It deepened the comprehension of a dialectical unity of functions performed by a warrior and a ruler. And Buddhism almost immediately proved itself as an ideology of a highly ethical imperial rule. This role played by Buddhism in India peaked during the reign of Ashoka Maurya. If Buddhism did not survive in India as a Kshatriya social project, Indians believe, it was because the Kshatriyas turned their backs on it and monastic communities could not protect themselves (by XIII century AD). However, Buddhism was a trigger of cultural development and a highly spiritual ideological backbone of national identity and royal power in all those countries outside Indian borders where it was adopted by local "warriors and rulers" (in South-East Asia, China and Japan).

Jain religious doctrine first and foremost dwelled on household and personal ethics aspects, which led to the banning of bloody sacrifices and to the emergence of the non-violence concept of *ahimsa* and vegetarianism. These achievements added to the pool of Hinduism ideas and practices. In spite of its marked peacefulness, Jainism was a successful political and ideological force in Indian states whose rulers were guided by Jain preachers instead of Brahmins.

It is a well-known fact that Jainism has two principal directions or sects, called Digambara ("dressed in the four cardinal points", i.e. absolutely naked) and Shvetambara ("white-robed"). Members of the second group are more worldly-oriented and hedonistic, whereas the Digambara gained a reputation of faith and ritual purity devotees who shun all social contacts and tend to live strictly ascetic lives as itinerant monks. These ascetic warriors and solitary heroes are the ones to resist all violations of the law of justice and harmony by performing their personal acts of faith bordering on self-sacrifice. An issue they pondered upon was whether it was possible to combine the noble *ahimsa* non-violence and the ever-present danger of getting bad karma by means of violence. The solution they found was in the practice of detachment and situational presence in the flow of events. These ideas may have contributed to the emergence of the typical Indian reflective attitude towards the means used for destroying an adversary. Indian weapon

абсолютно нагие) и шветамбара («одетые в белое»). Эти вторые отличаются большей мирской ориентированностью и жизнелюбием, в то время как дигамабры зарекомендовали себя как тяготящиеся социальными контактами ревнители веры и ритуальной чистоты, склонные к строго аскетическому образу жизни бродячих монахов. Именно они, аскеты-воины, одиночные герои, сопротивляются нарушениям закона справедливости и гармонии личными подвигами веры на грани самопожертвования. Они обдумывали проблему – как можно совместить благородное ненасилие ахимса и постоянно присутствующую в жизни опасность приобретения плохой кармы через насилие. Решение было найдено в практике бесстрастности, ситуативного пребывания в потоке событий. Вероятно, именно благодаря этим идеям развилось характерное для индийской воинской культуры рефлектирующее отношение к средствам поражения противника. Исконно индийские виды оружия соответствуют принципу непричинения зла насилием: преимущество отдается различным типам метательного оружия и оружия ближнего боя, которое применялось при обороне. Метательное оружие позволяло бесконтактно поражать противника, и опосредованный, непрямой удар летящим копьем, дротиком, чакрой[2] имел особое значение с философской

types conform to the principle of non-committing evil by means of violence. The priority is given to various types of throwing weapons and to close combat weapons that are used in defence. Throwing weapons provided a possibility to defeat an enemy without hand-to-hand contact. An indirect impact by a flying spear, a dart or a chakra[2] was of particular importance from the philosophical point of view. Their use of such weapons might have been regarded as non-personal ("spray and pray") or as self-defence. Whether someone was injured by it ("caught it themselves"), the degree of their injuries – all of this had everything to do to the karmic destiny of the afflicted. Jain ascetic warriors are known to have carried a chakra on their neck all the time. A chakra is a ritually pure weapon that does not leave a trace of a sin upon its user. It is a weapon that lives its own life, the right weapon in terms of Indian military ethics. It is no coincidence that Indian gods first and foremost arm themselves with a chakra.

Classical Indian literature abounds with descriptions of a perfect Kshatriya, with justifications of his violent trade and descriptions of the exploits of these valiant heroes who protected Brahmins, cows, women and children. They also provide clear evidence that spiritual unrest and doubts never left the Kshatriyas. The Mahabharata and the Ramayana are devoted to the events of epic ancient wars and to perfect heroes. That is why the psychological and educational impact

[2] Чакра, дисковый нож, древнейшее изобретение индийцев, с точки зрения физики и военно-инженерного искусства представляет собой совершенный боевой снаряд. Плоское кольцо или диск с очень острым внешним краем раскручивался в горизонтальной плоскости на металлическом пруте или на пальце с помощью специального перстня и направлялся на врагов, поражая незащищенные участки лица, шеи, разрубая руки т.д. При другом способе метания чакра запускалась вертикально вверх и вдаль, и буквально падая с неба на врагов, при удачном броске могла разрубать тела. Это страшное оружие было очень популярно в древности, и два наиболее любимых индуистских божества – Вишну (Кришна) и Кали изображаются с этим метательным снарядом в руках. В историческую эпоху это оружие не пользовалось большой популярностью, но часто упоминается в эпосе и исторической литературе. Вообще же кшатрии знали, что есть оружие нескольких категорий: мукта – «то, что отпускают, бросают, свободное», амукта «то, которое держат в руке, букв. несвободное», и мукта-самдхарита – «то, что бросают и возвращают», например, метательный нож на цепи. Последняя категория наименее ритуально чистая.

[2] The chakra is a disk blade, an ancient Indian invention which is a perfect missile in terms of physics as well as in terms of military and engineering art. A flat ring or a disc with an extremely sharp external edge was propelled horizontally on a metal rod or on a finger equipped with a special ring and then directed at the enemy, injuring exposed parts of their faces and necks, splitting hands and arms open, etc. Another way of throwing a chakra was to launch it vertically up and into the distance. It then literally fell down upon the enemy out of the blue sky and could split their bodies in two, if well thrown. This dreadful weapon used to be extremely popular in ancient times. Two best-loved Indian gods, Vishnu (Krishna) and Kali, are depicted with this throwing weapon in their hands. In the historical era this weapon did not enjoy wide popularity but it was frequently mentioned in epics and historical texts. The Kshatriyas knew that there were several categories of weapons: mukta ("which is released or thrown, free"), amukta ("which is held in hand", literally "non-free"), and mukta-samdharita ("which is thrown and received back", such as a throwing knife on a chain). The latter category is the least pure in ritual terms.

точки зрения. Применение подобного оружия могло считаться безадресным, оружием самозащиты, а уж кто и насколько от него пострадал («поймал на себя») – это проблема кармической судьбы пострадавшего. Известно, что джайнские аскеты-воины постоянно носили чакру на шее. Чакра-ритуально чистое оружие, не оставляющее на применившем его человеке следов греха, это оружие, живущее своей жизнью, очень правильное с точки зрения индийской воинской этики. Неслучайно индийские боги вооружаются прежде всего чакрой.

Классическая индийская литература изобилует описаниями идеального кшатрия, обоснованиями праведности насильственного дела кшатрия, описаниями подвигов доблестных героев при защите брахманов, коров, женщин и детей. Она же является ярким свидетельством того, что душевные муки и сомнения не оставляли кшатриев. Махабхарата и Рамаяна посвящены событиям эпических войн древности и идеальным героям, поэтому психологически-воспитательное воздействие этих великих текстов на воинскую культуру трудно переоценить. Здесь кшатрии находят «прецеденты» и примеры самых разных аспектов ведения войны, соответствующей Закону дхармы – дхармаюддхи. Абсолютное значение имеет Бхагавадгита, или Гита, букв. «Песнь Господня», один из главных религиозных текстов индуизма. Бхагавадгита представляет собой диалог между Арджуной, великим лучником и воином, и богом Кришной, который в смиренном облике колесничего Арджуны помогает силам добра. В момент, когда громадные противостоящие армии выстроились готовые к сражению, Арджуна все еще не теряет надежды избежать большого кровопролития, готов отказаться от своих притязаний на царство, чтобы не убивать родичей и друзей. Кришна произносит проповедь о долге кшатрия, о нравственности и морали, о самом предназначении человека и разъясняет Арджуне, что душа бессмертна, убить ее невозможно и куда опаснее для собственной души и кармы кшатрия совершить грех невыполнения своей дхармы (см., напр. [*Семенцов 1985*:147–149]). Еще один очень важный для кшатрия философский момент в Махабхарата

that these great texts had upon martial culture cannot be overrated. It is here that the Kshatriyas find "precedents" and examples of all sorts of aspects related to waging a war which conforms to a dharma law called *dharmayudha*. The Bhagavad Gita, or simply the Gita, literally "The Song of the Lord", is of absolute importance and one of the principal religious texts of Hinduism. The Bhagavad Gita is set in the form of a dialogue between Arjuna, a great archer and warrior, and the god Krishna, humbly disguised as Arjuna's charioteer, who helps the forces of good. At the moment when enormous armies confronting each other are lined up and ready for a battle, Arjuna has not lost his hope yet to avert major bloodshed and is ready to abandon his claims for the empire so as not to have to kill his relatives and friends. Krishna delivers a sermon on the Kshatriya's duty, on ethics and morality, on the purpose of the human existence. He explains to Arjuna that the soul is immortal and cannot be killed, so it is much more dangerous for a Kshatriya's own soul and karma to commit the sin of failing to follow their dharma. (see, for example, [*Sementsov, 1985*: 147–149]). Another philosophical point which is extremely important for the Kshatriya is "*Vidura's guidelines for his son*" in Udyoga Parva, the fifth book of the Mahabharata [*Mahabharata, 1976*: 261–269]. This is an educational conversation between a Kshatriya mother and her Kshatriya son who she cannot be proud of at the moment. This is a wonderful specimen of literary work but it is also significant as a testimony that the position of a woman and a mother was exceptionally high in a Kshatriya milieu and her opinion was never disregarded.

All military communities in India adhere to the Kshatriya dharma, even if approximating perfection to various extents and following the rules with various degrees of purity and competence. And the other way round, rigid adherence to instructions, following rules of honour and their martial civility confers on this group a high position in the Kshatriya hierarchy, the hierarchy that found its expression in ancient lists of Kshatriya clans and so-called dynasties: the Solar Dynasty (tracing their descent from Rama), the Lunar dynasty (whose ancestors include Krishna), the Fire and Snake Dynasty (a small group that includes military clans descending from forest-dwelling tribes).

те – «Наставление Видуры своему сыну» из пятой книги Удьогапарва [*Махабхарата 1976*:261–269]. Это воспитательная беседа матери-кшатрийки с сыном-кшатрием, которым она в данный момент не может гордиться. Оно является прекрасным образцом литературного творчества, но показательно и в том отношении, что в кшатрийской среде положение женщины-матери было исключительно высоким, а ее мнением никогда не пренебрегали.

Все воинские сообщества Индии – в той или иной степени приближения к идеалу, в той или иной степени чистоты и грамотности исполнения правил – придерживаются дхармы кшатрия. И, наоборот, детальное выполнение предписаний, поддержание правил чести, воинская культурность сообщает группе высокое место в кшатрийской иерархии, которая представлена в древних списках кшатрийских родов и так называемых династий – Солнечной (возводится к Раме), Лунной (среди предков бог Кришна), Огненной и Змеиной (включает воинские кланы, происходящие из лесных племен, немногочисленна).

Наиболее профессиональными и успешными кшатриями исторического времени признаются **раджпуты**. Появление и конституирование раджпутов (букв. «сыновья царей-раджей») в качестве кшатриев совпало с арабским завоеванием Синда (711 г. н. э.). Предки раджпутов, номады засушливых степей и полупустынь, пришли в Индию как завоеватели и переселенцы через Афганистан и Синд и сумели вписаться со своим образом жизни воинственных пастухов и воинскими же умениями и в экологическую, и в социальную ниши Северной Индии, что обусловило их успешность и процветание. Новейшие гипотезы не исключают арабского происхождения по крайней мере части раджпутских кланов. Влияние раджпутов на политическую и общественную ситуацию в стране было особенно велико в VII–XVIII вв., когда в их руках находились властно-административные и воинские функции в большинстве государств Северной Индии. Раджпуты расселились среди индийских кастовых общин в качестве защитников мирных земледельцев, подпали под контроль брахманов и джайнов (в VI–VIII вв. н. э.)

Изображения отпечатков ладоней, которые оставили 15 жен махараджи Мана Синга перед тем, как взойти на погребальный костер после гибели мужа в 1843 году.
Мехрангарх-форт, Джодхпур, Раджастхан, Индия

Image of handprints left by fifteen wives of Maharaja Man Singh before they threw themselves upon a funeral pyre after the death of their husband in 1843
Mehrangarh Fort, Jodhpur, Rajasthan, India

Rajputs are recognized as the most professional and successful Kshatriyas in historical time. The emergence and institutionalization of the Rajputs (literally translated as “sons of raja kings”) as Kshatriyas coincided with the Arab conquest of Sindh (711 AD). Their ancestors were nomads from arid plains who came to India as conquerors and settlers across Afghanistan and Sindh. With their lifestyle of belligerent shepherds and their martial skills they were able to fit in the environmental and social niches of North India which ensured their success and prosperity. The most recent hypotheses do not eliminate a possi-

и с тех пор считаются полноправными наследниками ведических кшатриев, культивируют дхарму кшатрия и строят свою жизнь в соответствии с ней. Недоступность Юга Индии для иноземных вторжений с северо-запада вплоть до XII в. в очень большой степени объясняется тем, что раджпуты защитили ее, встав преградой на пути любых завоевателей. Укоренившись на индийской земле, раджпуты наладили эффективное управление по каналам родственных связей[3]. После этого в Северной Индии никто уже не мог более претендовать на место правителей, не выиграв борьбу с раджпутами (см. подробнее [*Успенская 2003*]).

Дравидский Юг в традиционной брахманской картине мира представлен как объект духовного и «колонизаторского» завоевания для индоариев Севера (300 г. до н. э. – 600 г. н. э.). В наше время возвращается исторически достоверная, более сложная канва событий, говорящих о плодотворном и вдохновляющем взаимовлиянии и взаимодействии дравидского и индоарийского компонентов индийской цивилизации.

Древняя земля тамилов Тамилакам объединяла несколько процветающих царств на территории Индостана южнее гор Виндхья (современные штаты Тамилнаду, Телангана, Андхра Прадеш, Карнатака, Керала). Здесь уже с древности развиты сложные в техническом отношении системы ирригации, и выращивание риса стало основой цветущей земледельческой экономики, которая установила тесные торговые отношения с приморскими портами Западной Азии и Древнего Рима, Юго-Восточной Азии и Индокитая. В Керале богатства возрастали на посреднических операциях в морской торговой экономике, которая сформировалась уже в II–I вв. до н. э. на экспорте черного перца, пряностей и ценных продуктов

[3] Традиционные социальные связи в раджпутской общности чрезвычайно сильны. Они определяют не только родственные эмоциональные контакты, но и системообразующие экономические, ритуальные, а в прошлом и военные, взаимные обязанности раджпутских групп друг перед другом. Имущество клана не делится; оно по обычаям раджпутов должно только прирастать. Самым значительным предприятием клана испокон веку считалось завоевание земли, хотя занятие земледелием является для раджпутов табуированным.

bility that at least some Rajput clans descended from Arabs. The Rajputs had a particularly strong impact upon the political and public situation in the country between the 7th and the 18th centuries when they monopolized administrative and military functions in most North Indian states. The Rajputs settled among Indian caste communities as protectors of peaceful agriculturalists and found themselves under the control of the Brahmins and the Jains (6th-8th centuries AD). Ever since they have been regarded as the rightful successors to the Vedic Kshatriyas, cultivated the Kshatriya dharma and organized their life in compliance with it. The inaccessibility for foreign invaders from the north-west that South India enjoyed up to the 12th century may to a great extent be accounted for by the fact that the Rajputs protected this area, an obstacle in the way of any conquerors. Having taken roots in the Indian lands, the Rajputs used their ties of kinship to set up an effective system of management[3]. After that nobody in North India could claim to rule without winning a fight against the Rajputs (for details refer to [*Uspenskaya, 2003*]).

In the traditional Brahmin worldview the Dravidian South is presented as a subject of spiritual and "colonialist" conquest for Northern Indo-Aryans (300 BC–600 AD). At present, a more complicated and historically accurate outline of events reappears. These events attest the mutually profitable and inspiring cross-influence between the Dravidian and Indo-Aryan components of the Indian civilization.

Tamilakam, the ancient land of Tamils, united several thriving kingdoms in the territory of Hindustan to the south of the Vindhya Range (the modern states of Tamil Nadu, Telangana, Andhra Pradesh, Karnataka, and Kerala). Sophisticated irrigation systems develop here in the ancient times and rice cultivation become the basis of a prosperous agricultural economy that established close trading links with sea ports of West Asia and ancient Rome, South-West

[3] Traditional social ties are extremely strong within the Rajput community. They define not only emotional contacts between kins but also the system-building economic, ritual, and, in the past, military obligations that the Rajput groups had in relation to each other. The clan's property is not divided. According to the Rajput customs, it must only grow. Since the beginning of time, conquest of lands has been considered the most significant activity for a Rajput clan even though engaging in agriculture remains a taboo.

леса. Южноиндийские мореплаватели были профессиональными и решительными. Однако кшатриев (в классическом понимании) здесь не было до XVII в.

Прибывшие с севера проповедники культуры дхармы селились здесь мирно, как наставники и гости конкретных правителей и отдельных деревень, вызывающие уважение людей своим благочестивым образом жизни, выполнением ритуалов и т. д. Брахманы не уставали учить новообретенную паству, что религиозное благочестие состоит в том, чтобы делать дары брахманам по бесчисленным поводам, как отдельным наставникам, так и храмам, и сделались очень состоятельными землевладельцами. Джайны и буддисты также обрели благодатные условия для своих монастырей. «Брахманы» составляли тонкий, но очень влиятельный слой элиты, а статус всех остальных, в том числе и местных правителей, был определен в варне шудра (поскольку эти группы населения обеспечивали свое существование земледелием) или в слое вневарновых «неприкасаемых» и даже «неприближаемых». Правители богатейших процветающих царств возмущались статусом шудры, но поделать ничего не могли – брахманская социология с ведических времен отводит роль кшатрия только тем, кто не связан с работами на земле, кто «не ранит грудь матери-земли плугом», т. е. прежде всего владельцам стад. В частности, и поэтому, многие из них «уходили» под наставление буддистов и джайнов, которые проповедовали отказ от кастовой идеологии.

Добрахманическая история региона говорит о том, что в дравидских землях воинский образ жизни был как раз очень распространенным, если не всеобщим. Брахманам некастовое воинство было непонятно, его неподконтрольность пугала. С тех пор в брахманских представлениях «воинственные некультурные» дравиды противопоставлялись возвышенным утонченным брахманам, и эти мысли вошли в научную литературу. А. Бэшем пишет: «Из самых ранних произведений тамильской литературы, которые создавались, видимо, в первые века н. э., явствует, что три царства находились в состоянии почти непрерывных войн. Их цари и многочисленные

Asia and Indo-China. The wealth of Kerala was accumulated on intermediation in the maritime trading economy which had already been shaped in the 2nd-1st centuries BC around the export of black pepper, spices and valuable wood products. South Indian sailors were qualified and determined. However, in classical terms, there were no Kshatriyas here before the 17th century.

Those who came here from the north to preach the dharma culture settled peacefully as mentors and guests of given rulers or particular villages and commanding the respect of the people with their devout lifestyle, adherence to rituals, etc. The Brahmins never tired of teaching their newly found flock that religious piety consisted in giving gifts to the Brahmin on countless occasions, both to individual mentors and to temples. So they became wealthy landowners. Jains and Buddhists also discovered favourable conditions for their monasteries. The “Brahmins” comprised a thin layer of a very influential elite, whereas other people, including the local rulers, were assigned to the Shudra varna (as these population groups lived off the land), to the “untouchable” layer or even classified as the “unapproachable”. The rulers of the most affluent and prosperous kingdoms resented their Shudra status but there was nothing they could do as since the Vedic times the Brahmin sociology had only assigned the Kshatriya role to those whose job did not involve working on the land, to someone “who does not hurt the bossom of our Mother Earth with a plough”, that is, first and foremost, to the herd owners. That was one particular reason why a lot of these rulers “went away” to be guided by Buddhists or Jains who preached refusal of the caste ideology.

The pre-Brahmin history of the area provides evidence that military lifestyle was quite common or even universal in Dravidian lands. The Brahmins did not understand non-caste armies and were scared of the fact that these were not easily controllable. Ever since the Brahmin worldview has contrasted the “belligerent and uncivilized” Dravidians to the high-minded and exquisite Brahmins, and these ideas entered scientific literature. Arthur L. Basham writes: “In the earliest stratum of Tamil literature, which was probably composed in the early centuries A.D., we find the three kingdoms in a state of almost conitual warfare. Their kings, and the numerous less-

мелкие вожди проявляли, очевидно, большую жестокость, нежели правители Северной Индии. Тамильские источники упоминают об избиении мирных жителей и других злодеяниях, о которых почти ничего не сообщает литература на санскрите <…> Древний житель Тамилнада, далеко не полностью арьянизированный, совсем не походил на своих кротких потомков, склонных к созерцанию. Дикий и жестокий, ищущий наслаждений в войне и опьянении, выражающий поклонение своим свирепым богам вакханальными плясками, неистовый в любви, он разительно отличался от степенных рыцарственных героев санскритских эпических поэм, которые, очевидно, окончательно сложились в то же время, когда создавались поэмы тамильских антологий» [*Бэшем 1977*:71–72].

Тамилы древности оценивали свою жизнь и свою культуру совсем иначе и оставили нам ее образ в поэтических антологиях первой половины I тыс. н. э., в стихах и гимнах, воспевающих любовь, добродетели, богатство и удовольствия. Романтизированный мир классической тамильской поэзии (см. [*Hart III 1975*]) населен могущественными царями и рыцарственными героическими воинами. В этом обществе еще не было жреческого класса типа брахманов, цари и вожди сами проводили ритуалы, а шаманствующие предсказатели и медиумы контролировали враждебные силы. Это были анимистические верования и магические практики, позднее нашедшие свой путь в формирующийся полиморфный индуизм. «Битва была формой ритуала плодородия, целью которого было завладеть «жизненной силой» (уир) других людей. Религии, в которых приняты ритуалы жертвоприношения, заменяют ими реальные ритуальные битвы, праздники ликования по поводу кровопролития, предвкушение грядущих битв и ублажение воинственных предков» [*Freeman, 2003:* 161]. Одна из самых ярких черт добрахманических культов – ритуальный танец. «Танец является элементом всех ритуалов. Земледельцы танцуют чтобы обеспечить изобильный урожай, охотники ради щедрой добычи, рыбаки для хорошего улова. Календарные праздники, религиозные ярмарки, свадьбы, рождения детей празднуются общинным танцем. Воин танцует

er chieftains who are also mentioned, seem to have been more bloodthirsty than those of the North, and the literature contains hints of massacres and other atrocities such as are rarely heard of in Sanskrit literature <…> The ancient Tamil, by no means perfectly Aryanized, was a man of very different stamp from his gentle and thoughtful descendant. Wild and ruthless, delighting in war and drink, worshipping fierce gods with bacchanalian dances, passionate in love, he compares strikingly with the grave and knightly warriors of Sanskrit epics, which were probably receiving their final form at the time when the poems of the Tamil anthologies were being written» [*Basham 1954*: 62].

Ancient Tamils evaluated their life and their culture in a completely different way, leaving a picture of it for us in their poetic anthologies created in the first half of the first millennium A.D., in poems and hymns that praise love, virtues, wealth and life's little pleasures. Mighty emperors and chivalrous heroic warriors inhabit the romanticized world of classical Tamil poetry (see [*Hart III 1975*]). This society did not yet have a priest-like class along the lines of the Brahmins. Kings and chieftains performed rituals themselves, whereas shamanic fortune-tellers and mediums controlled hostile energies. Theirs were animistic beliefs and magical practices which later found their way into the developing polymorphous Hinduism. "Battle was a form of sacrificial religion, striving to appropriate the life-force (*uyir*) of others, while sacrificial religion was a substitute battle, a celebration of past blood-letting, and the promise and foretaste to ancestral deities of battles to come" [*Freeman, 2003*: 161]. Ritual dancing is one of the most striking features of pre-Brahmanic cults. "Dance is a part of all Hindu rituals. Farmers dance for a plentiful harvest, hunters for a rich bag, fishermen for a good catch. Seasonal festivals, religious fairs, marriages, and births are celebrated by community dancing. A warrior dances before the image of his goddess and receives her blessings before he leaves for battle. A temple girl dances to please her god. The gods dance in joy, in anger, in triumph. The world itself was created by the Cosmic Dance of Lord Shiva, who is called Nataraja, the king of dancers, and worshipped by actors and dancers as their patron". [*Culture of India, 2011*: 268].

перед изображением своей богини и получает ее благословение, перед тем как выступить на битву. Боги танцуют в радости, в гневе и триумфе побед. Сам мир был создан в неистовом космическом танце бога Шивы, которого называют Натараджа, царь танцующих, почитаемый актерами и танцорами как их божество-покровитель» [*Culture of India, 2011*:268].

Всеобщий характер воинских занятий дравидов древности связан с особенностями их социальной организации, с тем, что здесь существовало правовое доминирование женщин[4]. Линия родства велась по матери, имущественные аспекты были ориентированы на женщин. Женщины жили крупными общинами (на основе женского клана в составе старшей женщины, ее дочерей и внучек с детьми, в том числе маленькими сыновьями), и их общинные дома были расположены вблизи полей, фруктовых и кокосовых плантаций. Мужчины не жили в доме жен, они обитали в мужских домах и постоянно были заняты мужскими делами. Они переходили в мужскую половину общества в возрасте семи лет и под началом опытных пожилых воинов готовились к инициации и профессиональной работе добытчиков и воинов.

Эта архаическая воинская культура дольше всех (конец XVIII–XIX вв.) сохранялась у **наяров** Кералы. Она и сегодня сохраняется в форме *калари*, «школ боевых искусств» (сама воинская подготовка называется «каларипаяттам»), в которых, правда, подчеркнуто педалируются санскритские идеи воинской культуры, присутствуют брахманы-наставники. Уже в новое время о воинах тропического леса говорили: они появляются незаметно и опасно, как пчелы в июне. Неодетые, щедро намазанные маслом, вооружен-

The all-encompassing nature of martial activities of the ancient Dravidians was related to peculiarities of their social organization, to the legal domination of women.[4] They traced their descent through their maternal ancestors and aspects of property were women-oriented. Their women lived in big communities, based on a female clan consisting of the oldest woman, her daughters and granddaughters with their children including little sons. Their communal houses were situated near their fields and fruit and coconut plantations. Men did not live in their wives' houses. They lived in male houses and were constantly occupied with men's business. Boys went over to the male part of the society at the age of seven and were prepared by experienced elderly warriors to be initiated and work professionally as breadwinners and warriors.

The **Nair** of Kerala kept this archaic military culture longest of all (the end of the 18th to the 19th century). It is still preserved in the form of their *kalaris,* "schools of martial arts" (the martial training itself is called "kalaripayattu"), even though the Sanskrit ideas of martial culture are now emphasized and Brahmin mentors are present. In modern history the warriors of the rainforest were described as creeping up on the enemy out of nowhere stealthily and dangerously like bees in June. Naked, generously oiled, armed with bamboo bows and shields and with machete-like daggers that were used for both war and everyday life in the jungle (a widely known example of such a blade is the Coorg *ayudha katti*), these warriors were the best at achieving their goals. Very tough and well trained, they instilled fear and awe with their tactic of raining down throngs of arrows (presumably, poisoned) on their enemies from the depths of the forest, the warriors themselves remaining unseen. When they got to know firearms, they became excellent sharp-

[4] Есть и обратный пример – курги, воинственные жители горного региона Кург, строят свою кшатрийскую идентичность на педалировании «невлиятельности женщин» и патриархальности. В их среде укрепилось антибрахманское оригинальное своими установками движение лингаятов (носят на шее изображение фаллоса, символ бога Шивы). Уместно сказать, что ограничение женского влияния и контроль над женскими энергиями является самой существенной частью практических аспектов дхармы кшатрия, о чем пойдет речь ниже.

[4] An example of the opposite situation would be the Coorgs. These belligerent inhabitants of the Coorg highlands base their Kshatriya identity on emphasizing patriarchy and the lack of female influence. It was in this milieu that the anti-Brahmanic Lingayat movement with its peculiar tenets gained a foothold (the name of the Lingayats derives from the image of a phallus, a symbol of the god Shiva, which they wear around their necks). It is relevant to say that restricting female influence and controlling female energies is the most essential part of the practical aspects related to Kshatriya dharma, which will be further discussed below.

ные бамбуковыми луками и щитами, кинжалами типа мачете для жизни и войны в джунглях (этот тип клинка широко известен на примере клинков аюддхакатти у кургов), эти воины были на высоте своих задач. Очень выносливые и тренированные, они внушали страх и ужас, потому что применяли тактику пускания стрел (вероятно, отравленных) тучами из чащи леса; самих воинов при этом не было видно. Когда узнали ружья, стали сверхметкими стрелками. Отлично вели рукопашную схватку. Есть сведения, что иногда принимали допинги в виде тропических интоксикантов. То, что мы называем упражнениями йоги и «аюрведическим массажем», было нормой жизни для этих воинов – им полагалось «не иметь костей», уметь выскальзывать из объятий противника, «протекать» сквозь густую чащу леса.

Наяры занимались охраной полей и территорий, сопровождали торговцев и путешественников (говорят, в случае катастрофы с охраняемым наяр убивал себя от горя и утраты чести). Правители наяров могли выставить большой воинский контингент, работа которого оплачивалась, а в случае гибели полагалось содержание матери и детям сестер. Наярские армии традиционного типа были распущены после английских завоеваний.

К концу I тыс. н. э. ситуация была уже другой. Богатые благополучные государства соревновались в монументальности храмов, красоте столиц и санскритской культурности своих царей. Наибольшего могущества достигли Чола; их государство включало густонаселенные земли в долине р. Кавери, в Танджоре (Тханджавур) и Тричинополи (Тируччирапалли). Раджараджа I Чола завоевал Шри-Ланку и Мальдивы и включил их в состав своей империи, подчинил себе Кералу. Флот Чолов контролировал морские торговые пути от Кералы до Китая через Моллуккский пролив, торговцы под защитой государства и его армий щедро наполняли казну. Соседи Чолов Пандья правили на территории вокруг древнего храмового города Мадураи, а Паллава базировались в Канчипураме (Кондживерам). Храмы обзаводились пашнями, фруктовыми садами, цветочными плантациями, организовывали ремесленные мастерские – ткацкие, гончарные, литейные

shooters. They were brilliant at hand-to-hand fighting. There are testimonies that they occasionally used stimulants in the form of tropical intoxicants. What we now call yoga exercises and "Ayurvedic massage" used to be a routine activity for these warriors – they were supposed to "have no bones", be able to slip out of their enemy's embrace, and "flow" through a dense forest.

The Nair engaged in fields and territory protection, accompanied traders and travellers (should an accident occur to a person under their guard, Nairs are said to have killed themselves out of grief and the loss of honour). Nair rulers could field large military contingents of warriors who got paid for their job and should they die, their mothers and the children of their sisters were entitled to an allowance. Traditional Nair armies were disbanded after the British conquest.

By the end of the first millennium A.D. the situation changed. Wealthy and successful kingdoms competed against each other in terms of the monumentality of their temples, the beauty of their capital cities and the Sanskrit civility of their kings. The Chola dynasty gained the greatest power. Their state included the densely populated lands in the valley of the Kaveri River, in Tanjore (Thanjavur) and Trichinopoly (Tiruchirappalli). Raja Raja Chola I conquered Sri Lanka and the Maldives and joined them to his empire. He also conquered Kerala. The Chola fleet controlled maritime trade routes from Kerala to China via the Strait of Malacca. Traders under the protection of the state and its armies were filling the treasury generously. The Pandyan dynasty, Chola's neighbours, ruled the territory surrounding the ancient temple city of Madurai, whereas the Pallava dynasty was based in Kanchipuram (Conjevaram). Their temples acquired ploughlands, orchards, and flower plantations; weaving workshops, potteries, foundries, and jeweller's workshops were established, along with thriving communities of gardeners, drummers, musicians, and garland manufacturers. "A Tanjore record states that 400 dancing girls were assigned each a *pangu* (share) comprising a house and one *vēli* of land yielding a net revenue of 100 *kalam* of paddy" [*Nandi 1974*: 206]. In these states the trade of a warrior was open to people of all castes, from Brahmins to pariahs. Rulers recruited their army for a fee.

Гости на свадьбе. У одного из приглашенных (на фото второй справа) на шее чакри. Раджастхан, Индия. 1930 г.

Wedding group. One of the guests (second from the right side) is carrying a chakra around his neck. Rajasthan. India. 1930

и ювелирные; при них процветали садовники, барабанщики, музыканты, изготовители гирлянд. «Танджорский храм был знаменит, в частности, своими «танцовщицами-девадаси, которых имел в лучшие времена 400 человек, и каждой полагался дом и участок земли, чтобы кормиться» [*Nandi 1974*: 206]. В этих государствах профессия воина была открыта людям всех каст от брахмана до парии. Правители набирали свое войско за плату. Едва ли не самая знаменитая каста воинов – ткачи кейккулар, которые обратились к воинским занятиям от безвыходности, для охраны своего товара, наработали профессионализм и со временем приобрели славу лучших воинов.

Одной из характерных особенностей культуры Юга было наличие большого количества воинственных религиозных сект (в которых миряне получали воинственное наставление «уметь постоять за себя») и орденов аскетов-воинов, нелогичные для подвижников веры «насильствен-

Perhaps the most well-known caste of warriors is that of the Kaikkoolar weavers who turned to martial affairs because they felt hopeless and needed to protect their goods. They got more qualified and gained the reputation of the best warriors.

One of the typical cultural particularities in the South was the presence of a large number of belligerent religious sects (where laymen got the warlike instruction saying they had to "be able to stand up for themselves") and orders of ascetic warriors. Their "violent" inclinations, so out of tune for the people of faith, were born out of the power struggle, noticeable

ные» профессии которых были вызваны борьбой за власть (это стало заметно уже с VII в. н. э.). Боевые отряды и индивидуальные герои религиозного «спецназа» были представлены подчеркнуто «некультурными» нага-садху аскетами, вооруженными трезубцами, чакрами, копьями, ножами на цепях. Нага-садху имели устрашающий облик: нагое тело натерто пеплом кремационных площадок, волосы от рождения не знали гребня, а питание включало удивительные (и отвратительные) компоненты. При всей неэстетичности это правильная сигнализация статуса отчаянного в борьбе защитника веры. Решимость убивать кого угодно и как угодно, которую культивировали в себе эти аскеты, была полным выходом за границы дозволенного всеобщими представлениями о дхарме, была приемлемой только для людей, стоящих вне общества, каковыми аскеты и являются. Во время ритуала инициации вообще все индийские аскеты отрекаются от социальных связей, проводят для себя символический похоронный обряд и буквально возвращаются в природу, уходят от культуры общественной жизни. Они принимаются генерировать сверхэнергии своего духа и физического существа (техники тапас)[5]. В результате аскет-санньяси может стать полезным обществу как обладатель эзотерического знания и мистического опыта. И может стать, как верят индийские люди, энергетическим сгустком, способным сверхъестественным образом поразить противников до погибели или аннигиляции. Технические детали профанам неизвестны, но репутация аскетов именно такова. Дасанами и иные нага-аскеты шиваитов и вишнуитов – госаины, натхи, байраги, канпхата-джоги («йоги с рваными ушами») имели систему символов своей принадлежности, нанесенных пеплом и цветными пастами на лбу, предплечье и т. д.

Мэтью Кларк указывает на структурное единство религиозного ордена и воинского коллектива: «Эти два образа жизни – нага (общее название для аскетов, букв. «нагой». – *Е.У.*) и воина – требу-

since at least the 7th century A.D. Military units and individual heroes of religious "special forces" were formed by emphatically "uncivilized" *naga sadhu* ascetics who armed themselves with tridents, chakras, spears and chained knives. The naga sadhus looked intimidating. Their naked body was smeared with ashes from cremation grounds, their hair had never been combed since they were born, and their diet included amazing (and disgusting) ingredients. But however repulsive, their looks truly signalled that these were defenders of the faith, desperate in their struggle. The determination to kill anybody with any means possible which these ascetics cultivated was falling completely outside the limits of what was allowed by the universal vision of the dharma. It was only acceptable in those outside the society, which is the right definition for ascetics. During their initiation rites all Indian ascetics renounce social bonds, perform a symbolic funeral ceremony for themselves and literally go back to nature leaving civilized social life behind. They set about generating super-energies of their own spiritual and physical being (*tapas* technique).[5] As a result, a sannyasi ascetic can be beneficial to society as someone with esoteric knowledge and mystical experience. He may even become, Indians believe, a clump of energy having supernatural powers to strike the enemy so that they would be dead or annihilated. Technical details are not known to outsiders but this is what the reputation of these ascetics is. The *dasanamis* and other *naga* ascetics among the Shaivites and the Vaisnavites, such as Gossains, Naths, Bairagis, Kanphata Yogis ("split-ears yogis"), had a system of symbols denoting their affiliation. These symbols were applied with ash and colourful pastes on their forehead, forearm, etc.

Matthew Clark points out structural unity of a religious order and a military team: «The two lifestyles of *nāgā* (a general name for an ascetic, literally "naked" – *notes by E.U*) and soldier <..> both require rigorous self-discipline, and an adaptability to harsh conditions. The travelling *jamāt* (*group of ascetics – notes by EU*) is perfectly adaptable to a military unit,

[5] Считается, что наиболее развитыми аскетическими йога-практиками воина (управление энергиями, кинетика тела, диета и т. д.) обладали джайны-дигамбары. Относящиеся к области тайного знания, они не распознаны общественностью до сих пор.

[5] The most developed ascetic warrior yoga practices (management of energies, body kinetics, diet, etc.) are believed to have been those mastered by Digambara Jains. They were considered secret knowledge and have not been discovered up to date.

ют жесткой самодисциплины и приспособляемости к суровым условиям. Бродячая группа аскетов абсолютно может включиться в военный отряд, с его командной структурой, информационной сетью, умением ставить лагерь и организовать приготовление пищи в любом месте на широких просторах Индии. Воины, неодетые и теоретически не имеющие признаков и правил своей касты, являются учениками-последователями своего командира, который выполняет религиозные ритуалы своей «секты» и тем самым укрепляет внутренние связи воинского подразделения. В средневековой Индии аскетизм, торговля и военное дело ни в коем случае не были несовместимыми» [Clark 2006: 231; *cf. Kolff* 1990: 76-77]. Со временем аскеты-воины некоторых сект стали участвовать в наемных армиях индийских раджей, где считались непревзойденными в роли диверсантов. Они также использовались в качестве надежной охраны обозов, контролировали доставку ценного вооружения (например, пушек, установленных на верблюдах, боевых слонов) и запасов.

Развились и включенные в религиозные структуры варианты организации самозащиты, например, отряды крепких боголюбивых мужчин, состоящие при отдельных храмах и матхах. Такие узнаются по религиозному одеянию «львиного» цвета кесари («шафрановые одежды»)[6] и жесткой организационной структуре. Несведущие люди полагают, что названия типа «войско Шивы» являются фигуральными. Но подобные отряды

with its command structure, information network, and proficiency in practical camping and cooking arrangements over wide areas of India. Soldiers, naked and theoretically beyond identifiable caste, are *celā*-s of a commander, who performs the religious rituals of his sect, thus increasing the bond of the unit. In mediaeval India, asceticism, trade and war were by no means incompatible» [Clark 2006: 231; *cf. Kolff* 1990: 76-77]. As time passed, warrior ascetics of some sects joined the mercenary armies of Indian rajas where they were considered to be unrivalled saboteurs. They were also used as reliable security guards for wagon trains and to monitor delivery of valuable military equipment (for instance, cannons set up on camel back, war elephants) and supplies.

Other developing self-defence organizations were incorporated into religious structures, like units of strong god-loving men who were attached to a particular temple or a *matha*. These were easily recognizable thanks to their religious robes of the leonine *kesari* colour ("saffron clothing")[6] and rigid organization. Laymen may believe that names like the "Shiva's army" are figurative. But such units are fairly functional and capable of operating to certain extents of fanaticism and extremism.

As far as militarized religious communities are concerned, it is necessary to mention the **Sikhs**, even though they entered the historical arena much later and in the North. Sikhism history was shaped by the need for self-defence which had to be developed even if it all was about the most peaceful intentions to build a paradise on a particular spot within

[6] Цвет – это оберег и видимый символ, маркер статуса. Цвет святости и ритуальной чистоты – белый. Он обязателен для санскритского ритуала, для общения с богами. Именно поэтому он применяется в траурных ситуациях. Охровый цвет кесари имеет коннотации активного воинского действия, сигнализирует о «характере льва» и свойствах «раджас», горячей неспокойной энергии. Охра (железистый минеральный пигмент) пользуется повсеместной и всеобщей популярностью с глубокой древности, применяется в ритуалах инициации, воинских и иных ритуалах как аналог крови, служит в качестве бактерицидного средства, способствующего здоровью кожного покрова человека. В индийском варианте цвет охры достигается использованием порошка куркумы, полезные свойства которого широко используются в быту и ритуале. Ткань, окрашенная порошком куркумы в цвет кесари, приобретает бактерицидные и противовоспалительные свойства. Одежды такого цвета надевают и кшатрии.

[6] Colour is a talisman and a visible symbol, a status marker. White is the colour of holiness and ritual purity. It is obligatory for any Sanskrit ritual and for communicating with gods. That is the reason why it is used on mournful occasions. *Kesari* ochre colour has connotations of active martial occupation and denotes one's "lion-like character" and *rajas*, the hot and restless energy. Ochre (ferrous mineral pigment) has enjoyed wide popularity since ancient times. It is used in initiation rites and in military and other rituals as a blood substitute. It also serves as a germicide which is beneficial for health of human skin. The Indian option of achieving the ochre colour boils down to the use of turmeric powder which is widely used in everyday life and rituals. Turmeric powder-dyed Kesari cloth has anti-bacterial and anti-inflammatory properties. Kshatriyas also wear clothes dyed this way.

вполне функциональные, доходящие в своей деятельности до степеней фанатизма и экстремизма.

Говоря о военизированных религиозных сообществах, необходимо сказать о **сикхах**, хотя они вышли на арену истории гораздо позднее, и на Севере. В истории сикхизма воплотилась логика необходимости самозащиты, которую приходится развивать даже при самых мирных намерениях построения рая на отдельно взятом кусочке территории дхармы. Внешние угрозы и межконфессиональные разногласия заставили сикхов военизироваться.

Сикхи – это последователи (букв. «ученик») десяти сикхских вероучителей-гуру (Нанак, 1469–1539 гг., Гобинд Сингх, 1675–1708 гг. и др.). Учение гуру Нанака и его преемников-гуру появилось как социально ориентированная ревизия индуизма и кастовой организации, имеет следы влияния суфийских мистических учений и зафиксировано в священной книге Ади Грантх («Изначальная Книга»). Основополагающая для сикхизма идея всеобщего равенства людей, настрой на благочестивую деятельную мирскую жизнь и взаимопомощь в обществе единомышленников под руководством наставника-гуру, отрицание аскетизма и идолопоклонничества были провозглашены в сикхизме именно гуру Нанаком. Он учил почитать Бога в простоте будничных дел, любя людей и помогая им всяческой поддержкой. Первоначально основную массу сикхов составляли выходцы из индуистов и мусульман – земледельцев, мелких торговцев и средних слоев горожан. В сикхизме существует хальса – бескастовое, готовое к воинскому самопожертвованию братство сикхов, созданное десятым гуру Гобинд Сингхом в ходе важнейших реформ вероучения и организации (1699). Хальса очень консолидирована, а вера сикхов в коллективный разум, в истинность общего решения находит свое воплощение в демократических традициях самоуправления. Решения, принятые выборными представителями общины, становятся «приказом гуру», обязательным к исполнению. Вступившие в хальсу мужчины получают в знак общего братства и равенства дополнение к имени, что-то вроде единой для всех фамилии «Сингх» (букв. «лев»). Они должны всегда носить пять знаков

the dharma territory. External threats and sectarian differences forced the Sikhs to militarize.

The Sikhs are followers (literally “disciples”) of ten Sikh religious teachers called Gurus (Guru Nanak, 1469–1539, Guru Gobind Singh, 1675–1708, etc.). The teachings of Guru Nanak and his successors emerged as a socially oriented revision of Hinduism and the caste organization, with some traces of an influence left by the Sufi mystical teachings. It was recorded in a sacred book, the *Adi Granth* (“The First Book”). It was Guru Nanak who first proclaimed the founding Sikh ideas of universal equality of people, the emphasis on a devout worldly life and mutual aid within a community of like-minded people under the guidance of a guru mentor, and negation of asceticism and idolatry. Guru Nanak preached the need to respect God in the simplicity of everyday routine activities, to love people and help them in everything. Initially, the majority of Sikhs were agriculturalists, petty traders, and middle-class burgers of Hindu and Muslim descent. The Sikh *Khalsa* is a caste-free brotherhood of Sikhs which is ready for martial self-sacrifice. It was founded by the tenth Guru Gobind Singh in the course of major reforms of the doctrine and organization (1699). The Khalsa is very well consolidated, and the Sikh belief in collective intelligence and in the merits of a collective decision is embodied in their democratic traditions of self-government. Decisions taken by selected community representatives become “guru’s order” which is mandatory for execution. As a sign of common brotherhood and equality all men who join the Khalsa get the title of “Singh” (literally “a lion”) added to their name which serves as a kind of common surname for every member. They must always display the five signs showing that they belong to the Khalsa. With these signs (the Five Ks) a person can be easily recognized and would have difficulty renouncing their faith. The Five Ks are as follows: Kesh is long hair, a beard, and a moustache that have never been cut or shaved (hence *Keshdhari*, lit. ‘one who does not trim or remove their hair’); Kangha is a wooden comb in their hair which helps to do it up tidily; Kara is a steel (or iron) bracelet worn on their right wrist; Kacchera are short pants (as opposed to the waistcloth worn by Indian peasants); Kirpan is a dagger. A turban is an essential complement to the emblematic uncut hair. Those

принадлежности к хальсе, имея которые легко быть узнанным и трудно отречься от своей веры (эмблемы «пять «к»). Это кеш – длинные волосы, борода и усы, никогда не стриженные и не бритые (отсюда *кешдхари* – «носящие волосы»); кангха – деревянный гребень в волосах, который помогает аккуратно их уложить; кара – стальной (железный) браслет на правом запястье; каччха – короткие штаны (в отличие от набедренной тканевой повязки индийских крестьян); кирпан – кинжал. Тюрбан является неотъемлемым дополнением к эмблеме «нестриженые волосы». Сикхи, не принимающие условия постоянной «боевой готовности», характерного для хальсы, не носящие «пять символов», относятся к категории сахаджджхари. Кроме того, существует военизированный орден ревнителей веры ниханг для охраны храмов, сикхских святынь и выполнения задач специального назначения; поверх синего тюрбана ниханги носят чакру[7].

В XII–XIII вв. началась почти 600-летняя эпоха власти мусульманских завоевателей и правителей в Индии. Довольно скоро они оказались и в южных пределах Индостана. На севере страны им противостояли практически только раджпутские военные отряды, комплектовавшиеся по клановому принципу, привыкшие к некрупным боевым событиям, например, к нападению на торговые караваны и осадам крепостей своих врагов. В условиях битвы они придерживались кшатрийской тактики битвы как множества поединков, причем бились только на равнинной местности. Раджа и крупные персоны княжества шествовали на битву на боевом слоне, слоны[8]

Sikhs who do not accept the conditions of permanent "combat alert", which is typical of the Khalsa, and do not wear or carry the "five symbols", are ranked as *sahajdharis*. Besides, there is a paramilitary Nihang order comprised of faith devotees who safeguard Sikh temples and shrines and perform special assignments. The Nihang wear a chakra on top of their blue turbans[7].

The period of Muslim conquest and rule in India started in the 12th and the 13th centuries and lasted for almost 600 years. The Muslims reached the southern lands of Hindustan quite soon. In the north of the country they practically only met resistance by Rajput military units. These were organized along the clan lines, mainly accustomed to minor skirmishes such as attacking trade caravans and besieging the fortresses of their enemies. In combat they adhered to Kshatriya tactics where a battle was regarded as a number of fights. Besides, they only fought on the flat ground. The raja and important persons of his princely state would parade towards the battlefield upon a war elephant. Elephants[8] were used to carry groups of archers who were also armed with spears, battle axes and war clubs. The bulk of the army consisted of cavalry (camels were used in the desert). Infantry was few in numbers and meant to protect the war elephants'

[7] Традиционные социальные связи в раджпутской общности чрезвычайно сильны. Они определяют не только родственные эмоциональные контакты, но системообразующие экономические, ритуальные, а в прошлом и военные, взаимные обязанности раджпутских групп друг перед другом. Имущество клана не делится; оно по обычаям раджпутов должно только прирастать. Самым значительным предприятием клана испокон веку считалось завоевание земли, хотя занятие земледелием является для раджпутов табуированным.

[8] Боевые слоны – могучеее оружие против пехоты или других слонов, они используются при осаде крепостей. Слона долго готовят к боевой работе, он хорошо понимает речь и слушается указаний. Наилучшими для этой

[7] Further reading on the Sikh beliefs, culture and history includes [*Uspenskaya, Kotin, 2007*].

[8] The war elephant is a powerful weapon against infantry or other elephants. They are used when laying siege to fortresses. Elephants take a long time to train for combat performance as they need to be able to understand human speech and obey instructions. Forty-year-old elephants are considered to work best for this purpose. An elephant equipped with armour and brandishing a heavy chain or a flail that it is holding in its trunk is the armoured vehicle of the Indian Middle Ages. It literally clears its way through thick crowds of fighting people. But a horse, for instance, may jump upon an elephant's head and could make it panic. A scared elephant poses a tremendous danger for everyone on the battlefield. The combat environment, with its hustle and bustle, the blood, the flying arrows and other horrors excited an elephant immensely. A normally phlegmatic and cold-minded animal would get enraged and fight "furiously". Indians believe that elephants only display such behaviour over the mating period, so in their poems war elephants are often compared to elephants in love. It is sometimes said that before a battle an elephant was given a kind of syrup, some opium infusion or some palm wine, but this does not seem very reasonable considering that the animal was entrusted with lives of many people, including the ruler or the general himself.

служили средством передвижения для групп лучников, применявших также копья, боевые топоры и палицы. Кавалерия составляла основную массу войска (в пустынных районах использовались верблюды). Пехота была немногочисленной и предназначалась для защиты ног боевых слонов; на эту роль набирались представители лесных племен, вооруженные луками и пиками. Отряды были компактными и по-раджпутски мобильными: они оставались на поле боя сколько считали возможным. Даже собрав заметное по численности войско, раджпутский раджа руководить им фактически не мог: раджпуты не знали воинской иерархии (признавали только родственную иерархию) и демонстративно подчинялись лишь указаниям предводителя своего клана [*Успенская, 2000*].

В эпоху мусульманских завоеваний индийские воинские традиции стали изменяться. Усовершенствовалась кавалерия: с установлением мусульманской власти поставки лошадей в Индию стали масштабными и регулярными. Конница завоевателей была впечатляюще мобильной и эффективной, и все индийские раджи стали стремиться обеспечить себя подобными войсками. Это было дорогое удовольствие, не всегда оправдывавшее вложенные средства. Кони не природны в Индии. Привезенные морем (позднее сухопутными маршрутами через Панджаб) из Аравии,

цели считались сорокалетние слоны. Слон, снаряженный доспехами и размахивающий тяжелой цепью или кистенем, удерживаемым в хоботе, является бронированной машиной пехоты индийского средневековья – он буквально расчищает себе путь в гуще сражающихся людей. Но, например, конь может совершить наскок на голову слона, чем ввергает того в панику. Напуганный или взбесившийся слон представляет огромную опасность всем находящимся на поле битвы. Пребывание в обстановке сражения, среди толкотни, крови, летящих стрел и других ужасов битвы чрезвычайно возбуждало обычно флегматичного и рассудительного слона, он приходил в неистовство и сражался «бешено». Индийцы считают, что такое поведение слона бывает только еще во время течки, поэтому в поэмах боевых слонов сравнивают с влюбленными слонами. Иногда говорят, что перед битвой слона поили патокой, опийным настоем или пальмовым вином, но это все-таки представляется не очень разумным, учитывая, что он несет ответственность за жизнь многих человек, в том числе самого правителя или военачальника.

feet; members of forest tribes armed with bows and spears were recruited for this task. Units were compact and mobile in the Rajput way: they stayed on the battlefield as long as they themselves judged it possible. Having raised even a sizeable army, a Rajput raja could not actually manage it, as Rajputs did not recognize military hierarchy (they recognized only that of kin) and in a defiant gesture only obeyed the instructions given by a leader from their own clan [*Uspenskaya, 2000*].

The period of Muslim conquests saw the Indian military traditions start to change. Cavalry was improved as the arrival of Muslim reign made the supply of horses to India large-scale and regular. The conquerors' cavalry was impressively mobile and efficient so Indian rajas strove to get comparable troops for themselves. This was costly and did not always justify the expense. Horses are not endemic to India. They would be brought by sea (and, later, by land via Punjab) from Arabia, Persia, Syria or Turkey, and then they would die in huge numbers because the Indians did not know how to care for them or due to severe tropical climate and malnutrition. For instance, in the South, where horses were an absolutely exotic species, the kind equerries would feed them cooked food which they prepared as if for themselves. Records show that horses were fed with the best types of food, such as would be given to a person weakened by illness or to an expectant mother. Afanasiy Nikitin, who once remarked famously "I don't know a way out of Hindustan, there's war everywhere", was astounded by the fact that horses were fed on rice (boiled with milk, oil and sugar) and bean soup with curry. This would almost immediately end quite fatally. [*Elgood 2004*: 47].

Arms changed, too. The original Indian weapon are known to have remained much as they had been during the Vedic and Ramayana period practically until the 13th century. The military traditions brought by Arabian, Eastern Iranian, and Central Asian conquerors had an immense impact on Indians in this sphere. The most effective change was in how quick they mastered artillery. Various weapons have since existed in types and variants that are considered to be original Indian, "Muslim", or Mughal-Persian.

The Mughal army consisted of various units and included mercenaries. It is known to have included

Группа барабанщиков в составе войск, марширующих на военном параде. Фрагмент стенной росписи во дворце Чхатра-Махал. Бунди. Раджастхан, Индия. XVIII–XIX вв.

A group of drummers marching at a military parade. Chhatra Mahal murals detail. Bundi palace. Rajasthan. India.18th to 19th centuries

Персии, Сирии, Турции, иноземные лошади нещадно мерли от неумения индийцев ухаживать за ними, суровости тропического климата и истощения. Например, на Юге, где кони были полной экзотикой, добрые «штальмейстеры» кормили лошадей вареной пищей, приготовленной как для себя, судя по описаниям, лучшими видами еды – такой, какую дают ослабленному болезнями человеку или роженице. Афанасий Никитин с его знаменитым «пути не знаю, как выйти из Индостана – везде война», изумлялся, что лошади питаются рисовыми кашами на молоке и масле с сахаром, их кормят бобовыми похлебками с карри. Плачевный результат наступал почти немедленно [*Elgood 2004*:47].

Произошли изменения в вооружениях. Известно, что практически до XIII в. оригинальное, собственное оружие индийцев было таким же,

natives of Central Asia, Kandahar, Khorasan and Multan; Rohillas (the Afghans who settled down in India); Turks from Constantinople; even European soldiers of fortune and fugitive seamen. The Mughal army was established on the basis of the Mansabdari administrative system. Under this system Indian rajas and hired state officials received from the Padishah their “mansab”, a special rank in the national

как во времена Вед и Рамаяны. Воинская традиция арабских, восточноиранских, центральноазиатских завоевателей оказала огромное влияние на представления индийцев в этой области. Особенно эффективным стало освоение артиллерии. Различные виды вооружения имеют с тех пор исконно индийские и «мусульманские», могольско-персидские виды и варианты.

Могольская армия состояла из разнородных отрядов, в том числе из наемников. Известно, что в ней служили выходцы из Средней Азии, Кандагара, Хорасана, Мултана, рохиллы (прижившиеся в Индии афганцы), константинопольские турки, даже европейские авантюристы и беглые матросы. Армия Моголов была устроена на началах административной системы «мансабдари», при которой индийские раджи и нанимаемые государственные чиновники получали от падишаха «мансаб» – специальный ранг в государственной иерархии, определявшийся двумя аспектами, «зат» и «савар». Первый придавал обладателю статус, в соответствии с которым назначалось содержание в виде поместья, большого района «на кормление», так называемого «джагира». Второй аспект мансаба говорил о количестве вооруженных солдат, конников и пехоты, которые мансабдар должен выставить для армии падишаха. Мансабдар должен был лично участвовать в военных операциях и походах падишаха с этим своим отрядом. Чем выше был ранг, тем больше был военный отряд мансабдара (в диапазоне от 20 до 10 000) и тем выше статус в иерархии власти. Гражданские чиновники империи войск не водили, но, как обладатели мансаба, должны были выставить полностью экипированные воинские подразделения. Так появились наемники. Система не была простой и четкой, не была наследственной, всякий случай рассматривался лично падишахом, бывали отступления и уточнения, но в целом работала успешно. Воинские отряды мансабдаров включали и раджпутов, и индийских мусульман, и воинов-выходцев из Декана. Знамениты орисские бойцы паяк, отлично владевшие мечом (двумя мечами) – они входили в охрану заметных персон.

На Юге в отсутствие кшатрийских воинских каст сложилась своя стратегия защиты индий-

hierarchy that was determined by two aspects, “zat” and “savar”. The former conferred a status that determined the allowance that was assigned in the form of an estate called “jagir”, a large area its owner could live off. The latter referred to the number of armed warriors, both cavalry and infantry, that the Mansabdar had to provide for the Padishah’s army. A Mansabdar had to personally take part in the Padishah’s military operations and campaigns with this military unit of his. The higher the rank, the more numerous the Mansabdar’s military unit was (ranging from 20 to 10000 people) and the higher his status in the ruling hierarchy. Civilian officials did not lead any military forces but, as they held a mansab, they had to provide for completely equipped military units. This is where mercenaries came from. The system was not simple or clear. It was not hereditary. Every case was considered by the Padishah himself. There could be digressions and clarifications but on the whole the system worked successfully. Mansabdari military units included Rajputs, Indian Muslims and warriors from the Deccan. The famed *paika* soldiers of Orissa were brilliant at handling a sword (or two swords) and were employed as security guards for distinguished people.

Lacking any Kshatriya military castes, the South established its own strategy to protect the Indian national identity in the form of the emergence of the powerful and thriving Vijayanagara Empire (1336–1642). This state united the efforts of allied local rulers in order to fend off threats of conquests and ensure prosperity of dharma institutions, of communities, temples, trades and crafts, and the Sanskrit scholarly knowledge. In other words, to achieve the goals of the Kshatriya dharma. The Vijayanagara army was organized on the traditional Muslim pattern and was raised out of mercenaries. It included hundreds of thousands of people and consisted of units which had “one elephant, twenty horses, sixty archers, sixty swordsmen and 60 spearmen. There were 3500 of these units” in a particular army [*Elgood 2004*: 45]. People ready to fight flocked here from every quarter in pursuit of fortune. Mercenaries included many Muslims, both Indian[9] and from other Asian

[9] As a rule, it was easier for Muslims to rise through the ranks in the military than it was for caste Indians who were

ской государственности, которая реализовалась в создании мощного процветающего государства Виджаянагар (1336–1642), объединившего союзнические усилия местных правителей для отражения территориальных захватнических угроз и обеспечения благоденствия институтов дхармы, общин, храмов, ремесла, санскритской учености, то есть выполнение задач кшатрийской дхармы. Армия Виджаянагара строились по образцам мусульманской традиции и набиралась из наемников. Она насчитывала сотни тысяч и «состояла из полков, в каждом из которых был 1 слон, 20 коней, 60 лучников, 60 мечников, 60 копьеносцев. В армии было 3500 этих условных полков» [*Elgood 2004*:45]. Сюда отовсюду стекались в поисках удачи люди, готовые воевать. Среди наемных солдат было много мусульман, как индийских[9], так и выходцев из разных регионов Азии (афганцы, турки, арабы), которые селились целыми кварталами. Обнаружились европейские военные специалисты. Африканцы (эфиопы-хабаши) встречались тут и ранее, их с удовольствием брали в охрану правителей. Когда они принимали ислам, то называли себя сидди (т. е. саиды, потомки Мухаммеда). Вдохновились новыми возможностями мастера-оружейники. Потомки этих людей и сегодня остаются хорошо определимыми в составе населения региона по своим кастовым титулам, таким, как, например, равутан или каллар.

Когда со временем защитный зонт большого государства начал качаться и рассыпаться, оказалось, что на территории Виджаянагара окрепли или возникли с нуля многочисленные чересполосные хинду-княжества и владения мусульманских правителей–низамов, навабов, султанов, а появившиеся кшатрии Декана готовы к самостоятельному путешествию в историю. Многие из них установили собственные территории власти (так называемые полигары) и обрели элитарный титул «наяк»[10]. Первые европейские

areas (Afghans, Turks, and Arabs), who settled and formed separate neighbourhoods. European military experts came around. Africans (Habashi Ethiopians) had been found here even in earlier periods and were eagerly sought as security guards for rulers. When they converted to Islam, they called themselves Siddis (i.e. Sayyids, Muhammad's descendants). Master armourers were inspired with new opportunities. Descendants of these people are still well-distinguished among the population of the region due to their caste and corporate titles such as Ravutan or Kallar.

As after a while a shielding umbrella of this large empire was starting to sway and fall apart, it turned out that within the Vijayanagara territory there were states that became stronger or emerged out of nowhere. This was a patchwork of Hindu principalities and Muslim states ruled by Nizams, Nawabs or Sultans. And the newly emerging Kshatriyas of the Deccan were ready for their independent journey into history. Many of them established their own areas of power (the so called Polygars) and gained the elite title of a Nayak.[10] The early European trade companies had to deal with Polygars and Nayaks who bravely defended their lands when the colonial conquest of India began (1740–1801).

The emergence of new Kshatriyas during the Vijayanagara period indicates that abrupt and large-scale changes in the caste hierarchy were still possible. These Southern Kshatriyas descended from a vast class of landless groups that were not bound by caste activities and did not have caste-prescribed professions but were socially active and responded to the demand for mercenaries. Even after they had started their service in the army all of them kept strong ties with the place where they had been born and contin-

[9] Мусульманам было, как правило, проще и легче делать военную карьеру, поскольку кастовые индийцы зависели от многочисленных регламентаций индуизма.

[10] Этот титул имеет множество диалектных и фонетических вариантов и имеет отношение к типологии поведенческих стереотипов мужчины и женщины в фольbound by the numerous regulations of Hinduism.

[10] This title has a variety of dialect and phonetic variants and is related to the typology of male and female behavioural stereotypes in Bhakti folklore. In the non-Sanskrit Bhakti religious culture, a Nayak is a mascuine gender standard, a hero, a handsome man, a man loved by a beautiful lady (Naika) who may spend years waiting for him to come back from a war. He is the archetype of a passionate person, a lover of life who does not vegetate in a boring routine. The title implies a military status but it is not, strictly speaking, a Kshatriya, "lion-like" one. In my opinion, if it gained a foothold in the social nomenclature in the first place, it was exactly because of its connotations of entrepreneurial spirit, destiny of adventure and male charisma. .

торговые компании имели дело с полигарами и наяками, которые, когда началось колониальное завоевание Индии, мужественно защищали свои территории (1740–1801).

Это появление новых кшатриев эпохи Виджаянагара говорит о возможности резких и масштабных изменений в кастовой иерархии. Кшатрии Юга вышли из обширной категории безземельных, не связанных кастовыми занятиями и не обеспеченных кастовыми профессиями социально активных групп, отозвавшихся на спрос на военных наемников. Даже поступив на службу в качестве наемника, все они сохраняли крепкие связи с местом своего рождения, активно участвуя в жизни своей семьи, помогая выплачивать налоги, организовывать свадьбы племянников и т. д. У них была своя иерархия и свои представления о чести, напоминающие воинские традиции. Кстати сказать, «прославившиеся» на весь мир в XIX в. туги-душители тоже относятся к этой категории не обеспеченных кастовым разделением труда авантюрных людей.

Характерна история калларов, которые оказались в роли правящей верхушки небольшого княжества (царства) Пудуккоттей в самом центре Тамилнада. Хотя каллары характеризовались своими соседями как дикие разбойники (каллар на тамильском означает «воры»), а позднее были включены англичанами в число криминальных племен и подпадали под действие специального репрессивного закона, в Пудуккоттей они создали династию раджей Тондейман. Они остались в истории как достойные кшатрии, которые провозгласили политику наведения в государстве «контроля и порядка» и успешно ее проводили, сформулировали для себя кшатрийский кодекс чести каттупату, которого продолжали принимать активное участие в жизни своей семьи, помогая выплачивать налоги, организовывать свадьбы племянников и т. д. У них была своя иерархия и свои представления о чести, напоминающие воинские традиции. Кстати сказать, «прославившиеся» на весь мир в XIX в. туги-душители тоже относятся к этой категории не обеспеченных кастовым разделением труда авантюрных людей.

An indicative story is that of the Kallars who came to be known as the ruling clique of a small princely state (kingdom) of Pudukkottai in the heart of Tamil Nadu. Although the Kallars were described by their neighbours as savage bandits (Kallar means "thief" in Tamil) and were later included by the British on the list of criminal tribes and were subject to a special repressive law, they established the Thondaiman dynasty of the rajas of Pudukkottai. They remain in historical records as decent Kshatriyas who declared the policy of bringing their country to the state of "law and order" and implemented it successfully. They laid down their own code of honour (Kattupatu), which they strictly adhered to, and generally cultivated in their milieu a lot of typical features of a highly cultured Sanskritized power. They turned out to be good experts in politics. During a war against the British Pudukkottai sided with them and eventually the Kallar dynasty kept its princely title under the British Raj.

In their administrative practice and the symbolism of their royal courts the Nayaks and their nouveaux riches did not follow an ancient tradition but rather reacted to the necessities of the day and, something quite uncommon for India, were driven by fashion, in which they borrowed ideas from Muslim and European cultures. Some Nayaks, though, strived to demonstrate the high standards of a Kshatriya and regal culture in a Brahmanic manner. Tanjore in the Tamil lands was particularly famous in this regard. Tanjore had always enjoyed a strong economy and thrived due to its rice paddy culture. Cultivation of rice was monopolized by the state, with all revenues going straight into the royal treasury. Raghunatha Nayak (1600–1634) was an active supporter of the Brahmins. The state saw rapid development in temple construction, in trades, crafts, art and literature. The capital turned into a showpiece of the Brahmin

клоре бхакти. В несанскритской религиозной культуре бхакти наяк – это мужской гендерный эталон, герой, красавец, возлюбленный прекрасной дамы (наика), годами ждущей его возвращения из похода. Это типаж пассионария, любителя жизни, который не прозябает в тоске буден и рутины. Титул говорит о воинском статусе, но не является собственно кшатрийским «львиным». На мой взгляд, он утвердился в социальной номенклатуре именно потому, что символизировал коннотации предприимчивости, авантюрной судьбы, мужской харизмы.

рого строго придерживались, и в целом культивировали в своей среде множество черт высококультурной санскритизированной власти. Они оказались достаточно сведущими в политике, во время войны с англичанами Пудуккоттей встал на сторону англичан, и в результате династия калларов сохраняла свой княжеский титул и при британской власти.

В государственной практике и придворной символике наяки и их нувориши руководствовались не старинной традицией, а необходимостью сегодняшнего дня и – что для Индии редкость – модой, в которой были заимствования из мусульманской и европейской культуры. Некоторые, однако, стремились демонстрировать высокие стандарты кшатрийской и царской культуры в брахманическом стиле – этим особенно прославился Танджор в тамильских землях. Танджор всегда отличался сильной экономикой и процветал благодаря рисосеянию, которое было государственной монополией, все доходы от которой шли в казну. Наяка Рагхунатха (1600–1634) активно поддерживал брахманов. В государстве наблюдалось бурное развитие храмового строительства, ремесел, искусства и литературы. Столица превратилась в выставочный зал брахманской культуры. Но после серии военных поражений от наяков Мадураи (1659, 1673) наяки Танджора покинули свою столицу. С 1674–1675 гг. тут появились маратхи во главе с родственником великого маратхского лидера Шиваджи Бхонсле. Новая маратхская династия осталась здесь до 1855 г., пока не уступила свои права англичанам. Маратхские правители Танджора тоже прославили себя эффектным «настоящим индийским» брахманическим стилем правления. Воцарившись здесь, они восстановили старинные системы ирригации, ремесленное производство и установили связи с европейскими торговыми компаниями. Претендуя на статус дхармараджи в государстве дхармы, правители стали культивировать санскритские науки и утонченный образ жизни. В искусстве развился узнаваемый стиль, основанный на сочетании тамильских, маратхских, деканских художественных традиций.

Маратхское воинское сообщество тоже относится к категории новых кшатриев Декана.

Фрагмент стенной росписи. Читра-Махал (Читрашала) Бунди. Раджастхан, Индия XVIII в.

Murals detail. Chitra Mahal (Chitrashala). Bundi palace. Rajasthan. India. 18th century

culture. But after a series of military defeats at the hands of the Madurai Nayaks (1659, 1673) the Tanjore Nayaks abandoned their capital. In 1674–1675 the Marathas came here under a relative of the great Maratha leader Shivaji Bhonsle. The new Maratha dynasty remained in Tanjore until 1855 when it ceded

Маратхи являются одним из наиболее консолидированных, крупных, рано сформировавшихся этносов Индии. В его составе заметное место принадлежит одноименной кшатрийской воинской кастовой группе, восходящей к деканской этнической общности кунби. Кунби занялись военным делом при мусульманских султанах в XIV–XV вв. К XVI в. самые успешные из них перешли на название «маратха», которое стало «почти кшатрийским» (наподобие раджпутов) и обозначало тех, кто, подобно самому Шиваджи и его семье, в качестве солдат и мелких офицеров наемных армий были вознаграждены за службу особыми правами и земельными наделами. Для маратхов были характерны партизанские тактики, кавалерия, хорошее развитие артиллерии и особый стиль владения клинковым оружием. В противостоянии с Могольской империей под руководством Шиваджи Бхонсле они создали свое государство. Когда Шиваджи был провозглашен махараджей маратхского государства в 1697 г., он был возведен в статус кшатрия через инициацию «дваждырожденных»; вместе с ним стали кшатриями кланы сподвижников. Е.Ю. Ванина говорит так: «Верхушка земледельческих и частично пастушеских каст, составившая основу сословия маратха, отказалась от традиционных занятий в пользу воинской профессии и выдвинулась на службе мусульманским правителям деканских государств, возникших на обломках Делийского султаната. До тех пор пока Махараштра не входила в состав империи Моголов, этот процесс не затрагивал интересы Могольской и раджпутской знати. Когда же под руководством Шиваджи возникло Маратхское государство, которое сначала бросило вызов империи Моголов и одержало над ней победу, а затем стало претендовать на доминирование в Северной Индии, тут моголы и раджпуты оказались удивительно едины. <…> И могольские, и раджпутские феодалы в один голос, как свидетельствует литература, с презрением называли маратха низкородными плебеями, чуждыми подлинной воинской чести и изысканности. В частности, возмущение вызывала излюбленная тактика маратхских воинов – партизанская война, засады и ночные набеги, которые, естественно, были неприемлемы для благородных правил ведения войны».

its rights to the English. The Maratha rulers of Tanjore were also renowned for their effective and "true Indian", Brahmanic style of government. After their accession to the throne they restored ancient irrigation systems and handicraft industry and established contacts with European trade companies. Seeking the status of Dharmaraja in a dharma state, these rulers set about to cultivate Sanskrit sciences and exquisite lifestyle. They developed a very peculiar style of art based on a combination of Tamil, Maratha, and Deccani artistic traditions.

The Maratha military community also falls within the category of the new Kshatriyas of the Deccan. The Marathas are one of the more cohesive, large and old ethnic groups in India. A noticeable place in its structure is reserved for a Kshatriya martial caste group of the same name, its members descending from a Deccani ethnic community known as the Kunbis. They took up military affairs under Muslim sultans in the 14th and 15th centuries. By the 16th century the most successful Kunbis took on the name of "Marathas" which became an "almost Kshatriya" one (like that of the Rajputs) and referred to those who, like Shivaji and his family, were rewarded with special rights and plots of land for their service as soldiers and junior officers in mercenary armies. The Marathas distinguished themselves with their tactics of guerrilla warfare, good cavalry, well-developed artillery, and their special style of handling bladed weapons. In their confrontation with the Mughal Empire, led by Shivaji Bhonsle, they established a state of their own. When Shivaji was proclaimed Maharaja of the Maratha Empire in 1697, he was elevated to a Kshatriya through the Dvija ("twice-born") initiation procedure; along with him, clans of his associates became Kshatriyas, too. Eugenia Vanina comments: "The elite of agricultural and pastoral communities that later formed the Maratha estate, renounced their traditional occupation in favour of a military profession and made a successful career serving the rulers of the Deccan states. When Maharashtra was outside of the Mughal empire, this process had no influence upon Mughal and Rajput nobility. But when the Maratha state founded by Shivaji, first challenged the Mughal empire, finally emerged victorious and, later claimed domination of the whole of the north, the Mughals and the Rajputs appeared surprisingly united. <…> The Rajputs and

Группа знати, вооруженная тальварами. Крайний слева мужчина держит щит дхал
Раджастхан, Индия

A group of nobles armed with talwars. The man on the left is holding a thal shield
Rajasthan. India

ных раджпутов и моголов, привыкших сражаться с врагом в открытом бою. И маратха, и возглавивших Маратхское государство в XVIII в. конканских брахманов-читпаванов обвиняли в скупости, что также было в глазах раджпутской и могольской знати совершенно несовместимым с принадлежностью к благородному сословию» [*Ванина 2007*:196–197].

События англо-маратхских (1775–1782, 1803–1805, 1817–1818), англо-майсорских (1767–1769, 1780–1784, 1789–1792, 1799), англо-сикхских (1845–1846, 1848–1849) войн довольно хорошо документированы и описаны историками. В частности, на русском языке очень интересны записки князя А.Д. Салтыкова [*Салтыков 1985]*. В 1848–1849 гг. аннексией Панджаба военное противостояние индийских государств и британских колониальных властей формально завершилось. В условиях колониального правления даже в сохранившихся индийских княжествах воинская культура Индии оказалась фактически под запретом («разоружением») и стала развиваться под влиянием стандартов европейского военного дела.

В мировоззрении индуизма жизненный путь воина рассматривается как один бесконечный ритуал жертвенного служения, который называется «виргати» (букв. «путь героя»). Мы сегодня можем судить о его особенностях преимущественно по раджпутской литературе, истории и даже живописи. Неприступные раджпутские крепости превращены ныне в музеи и хранят память о военном искусстве, бытовых и религиозных особенностях жизни средневековых воинов, об особенной судьбе раджпутских женщин. Обычаи самосожжения вдов сати, жертвенного самосожжения женщин и детей клана джаухар и жертвенная смертная битва шака (в случае военного поражения) были развиты у раджпутов в трагической степени и заслуживают огромного уважения [*Успенская 2000*].

Профессиональная практика воинских сообществ Индии представляет собой соединение брахманских наставлений и воинских традиций соответствующих этнических культур. У раджпутов, например, дхарма кшатрия усилена требованиями самобытного неписаного кодекса чести

the Mughals were, as proved by contemporary texts, unanimous in viewing the Marathas as low-born plebeians, foreign to military honour and refined manners. They were especially scornful of the Maratha favourite tactics of guerilla warfare, ambushes and night attacks, unacceptale for noble Mughals and Rajputs. The Marathas along with the Chitpavan Brahmans, who as Peshwas became heads of the Maratha confederacy since the early eighteenth century, were also accused of niggardly manners that in the view of both the Rajputs and the Mughals were incompatible with the noble status" [*Vanina 2012*: 196-197].

Events that occurred during the Anglo-Maratha wars (1775–1782, 1803–1805, 1817–1818), Anglo–Mysore wars (1767–1769, 1780–1784, 1789–1792, 1799), and Anglo-Sikh wars (1845–1846, 1848–1849) are particularly well-documented and described by historians. In particular, very interesting records were made in Russian by Prince Aleksey Saltykov [*Saltykov 1985]*. In 1848–1849, military confrontation between Indian states and the British colonial authorities was brought to an official close by the annexation of the Punjab. Under colonial rule the Indian military culture was virtually banned ("disarmed") even in surviving princely states. And from that moment on, its continuing development was under the influence of European military standards.

In the Hindu worldview, a warrior's life journey is regarded as one neverending ritual of sacrificial service called "veergati" (lit. "a hero's journey"). Our sources on its peculiarities are primarily the Rajput literature, history, and even pictorial art. The unassailable Rajput fortresses have now been turned into museums and keep the memories of their martial art, household and religious particularities of the life these medieval warriors led as well as of the unusual destinies of Rajput women. The *sati* custom of self-immolation of widows, the *jauhar* clan custom of self-immolation of women and children, and the sacrificial *shaka* fight to the death (in case of a military defeat) were all practiced by the Rajputs to a tragic degree and deserve immense respect [*Uspenskaya 2000*].

Professional practice in Indian military communities is a combination of Brahmin guidelines and the martial traditions of relevant ethnic cultures. For instance, among the Rajputs the Kshatriya dharma was

раджпути. Следуя своему жизненному предназначению, раджпуты стремились «не уронить честь» и «не посрамить молоко матери». Для них важными были и личная честь, и честь собственного рода, и защита земли, «соль которой они ели». Раджпути – это магически-защитная и нравственная основа воинского служения, те традиции и обычаи, которые хранят сакральные качества воина и в бою, и в быту. В нераджпутских воинских сообществах развились собственные варианты воинского магизма, свои особенности культовой практики, свои богини-матери (отвечающие за благополучие сообщества и его военные успехи), культы погибших воинов-героев и их жен. Однако заметны общие идеи религиозного характера и особенности воспитания воинов, которые характеризуют индийскую военную культуру в целом.

Воинский магизм имеет древние начала и абсолютно универсален; он связан с представлениями о всепроникающем присутствии и плодородных возможностях жизненных сил и губительных воздействиях недобрых энергий, воплощением которых являются бесчисленные духи и кровожадные божества. Война, битва, кровопролитие, насилие являются ситуациями предельной опасности, пограничности, перехода, которые расцениваются в этой системе представлений как ситуации, требующих контролирования, подготовки, защитных мер и ритуальной защиты. Наиболее сложным и потенциально наиболее опасным представляется воздействие женских энергий. В воинской культуре акцентируется мужское физиологическое и гендерное начало. Индийский герой, великий воин, называется на санскрите *вир*. В этом слове явно соответствие латинскому vir, которое означает «муж, настоящий мужчина, мужественный человек, воин». Древняя тамильская литература пропитана идеями воинского магизма и представляет важнейшую мировоззренческую идею: «женщина [ухожена и красива] как куколка, ее дом как картина. Но мужчина, когда он ушел за пределы дома и семейной жизни, живет на природе, в своем естественном состоянии. <…> Женщина ассоциируется с домашней жизнью, мужчина обычно ассоциируется с урожаем и битвами, и оба эти занятия направлены на ре-

Фрагмент стенной росписи. Читра-Махал (Читрашала), Бунди. Раджастхан, Индия. XVIII в.

Murals detail. Chitra Mahal (Chitrashala). Bundi palace. Rajasthan. India. 18th century

enhanced by the requirements set forth in the unwritten Rajput code of honour. In following their path to their life destination the Rajputs strove not to "damage their reputation" and not to "put their mother's milk to shame". They attached great importance to their personal honour, to that of their family, and to protection of the land "whose salt they were eating".

альный неокультуренный [внешний] мир» [*Hart III 1975:*111].

Женская природа осмысляется в индуизме как амбивалентная сила, которая может нести и разрушение, и благополучие. «Неблагоприятное состояние женских энергий наступает в результате падения ее нравственности. Древние тамильские поэмы нигде не описывают это событийно, потому что идеализируют женщин, однако все знают <…> «жизнь моряка, который в море, находится в руках женщин на берегу» [*Hart III 1975:*36]. С этим комплексом представлений связаны многочисленные предписания и поверья, ограничивающие женское присутствие и влияние, требования к внешнему виду и облику женщин, скромности, преданности, верности и т.д. С этим связан, например, запрет женщинам украшать свои волосы драгоценностями и цветами, когда их мужья находятся в походе, вне дома [*Hart III 1975:*166]. Приемы охранительной магии помогали традиционным воинам контролировать ситуацию. Особенными предосторожностями сопровождались отношения мужа и жены. Герой-воин вир и его жена буквально составляют половинки единого целостного сакрального организма. В связи с этим женщина может повлиять на, казалось бы, неподвластные простому смертному вещи: она является главной хранительницей судьбы своего мужа, от нее в очень значительной степени зависит его жизнь и смерть. Вся жизнь воина воспринимается как существование на грани жизни и смерти, и женщина своей благой сакральной силой может удержать воина на этой стороне, а может и вытолкнуть его за грань, если нечиста. Отсюда та повышенная ответственность, которую проявляют женщины воинских сообществ буквально к каждому своему поступку и слову, и к невысказанному слову – мысли. От-

Совместное выступление отрядов сипаев Британской Ост-Индийской компании и военных отрядов княжества Бунди в религиозной процессии. Пхул-Махал (Дворец цветов), Бунди, Раджастхан, Индия XVIII в.

The British East India Company sepoy troops and the armies of Bundi in procession. Phool Mahal (Flower Palace), Bundi palace. Rajasthan. India. 18th century

Rajputi is a magical protective and ethical basis for military service, the customs and traditions that safeguard the sacred qualities of a warrior both at war and in everyday life. Non-Rajput military communities developed their own variants of martial magical beliefs, their own particularities of ceremonial practice, their own mother goddesses (responsible for the well-being and military successes of a community), cults of the fallen hero warriors and their wives. However, one can notice a certain commonality in religious ideas and aspects of martial education that are typical of the Indian military culture as a whole.

Military magic goes back to ancient times and is absolutely universal. It is linked to the ideas of the omnipresence and fertile capabilities of life powers and the detrimental effects of evil energies that are personified in numerous spirits and bloodthirsty gods. Wars, battle, bloodshed and violence are situations of utmost danger, of being on the edge and crossing all lines. Within this system of beliefs they are regarded as situations that require control, preparation, prevention, and ritual protection. Female energy is thought to be the most complicated and potentially the most hazardous. The military culture emphasizes the male physiological and gender element. An Indian hero and a great warrior is called *veer* in Sanskrit. This word obviously corresponds to the Latin *vir* which stands for “a man, a man of courage, a warrior”. Ancient Tamil texts are imbued with martial magical beliefs and introduce a most important idea related to their authors’ outlook on the world: “The woman is like a doll; her house is like a painting. But the man lives in the midst of nature, in his natural state, after he has renounced women and family life <…> [The woman] is associated with the house. On the other hand, the man is commonly associated with the harvest and with battle, both occupations that center on the real, uncultured world” [*Hart III 1975:* 111].

Hinduism interprets female nature as an ambivalent power that can bring about both destruction and well-being. “In marriage, moreover, the husband benefits from his wife’s sacred power, which protects him as long as she is alive and chaste. ‘*This wide-open sea contains everything, my child. Everything. Why do you think all the men who go out there come back safely? It is because of the women at home who live*

Фрагмент стенной росписи. Читра-Махал (Читрашала), Бунди, Раджастхан, Индия XVIII в.

Murals detail. Chitra Mahal (Chitrashala). Bundi palace. Rajasthan. India. 18th century

сюда то благочестие жизни, к которому они во всем стремятся, и самопожертвование, возведенное в основное правило дхармы для кшатрийских женщин.

Неблагоприятные энергии активизируются в периоды физиологически обусловленной женской нечистоты, в частности в родах. Так, Дж. Харт описывает (по древнетамильским текстам) ритуал первой встречи отца-воина с новорожденным сыном. «Через несколько дней после его рождения отец в окружении хороших людей отправляется повидать сына, надев свое воинское снаряжение и воинское одеяние. <…> Это делает*clean lives. Otherwise the currents in the sea will swallow them up. The lives of the men at sea are in the hands of the women on shore*'…" [*Hart III 1975:* 36]. This set of beliefs implied a number of regulations and legends as well as requirements as to the looks, modesty, loyalty, faithfulness of a woman, etc. Thus, for instance, women were not allowed to adorn their hair with jewels and flowers when their husbands were away [*Hart III 1975:* 166]. Protective magic techniques helped traditional warriors control the situation. Husband and wife relationship was accompanied with particular precautions. A *veer* hero warrior and his wife literally were the two halves of a single sacred body. Consequently a woman was able to influence things which could seem to be beyond the control of a mere mortal: she is the main protector of her husband's fate and his life and death depend on her to a great extent. The life of a warrior is perceived as existence on the brink of life and death and it is the woman who can either keep the warrior on this side using her good sacred power or push him off the brink if she is impure. Hence the heightened responsibility that women from military communities demonstrate in almost every their action and word as well as in words unvoiced, i.e. their thoughts. Hence their worldly piety that was elevated to the main dharma rule for Kshatriya women.

Negative energies become more active during periods of physiological female impurity, for instance, when a woman is in labour. George L. Hart describes (after ancient Tamil texts) a ritual when a father-warrior meets his son for the first time. "[A] few days after his birth, the father would put on war dress and, surrounded by good men, go to see his son <…> The purpose of this was to imprint on the heart of the child a warlike mentality and spirit when he first saw his father. The poem says:

In his hand is a spear /and on his feet are battle anklets./Sweat glistens on his body / and on his neck is a fresh wound. / Adorning his curly black hair / he wears a venkai *blossom / ogether with a large* vetci *flower / and with needly white leaves/ from the top / of the fast-growing young palmyra, / which causes foes to flee* [presumably, the tutelary tree]. */ His rage, / like that of an elephant / that dares to fight a tiger, /is still unspent; /none escaped /who angered him. /*

лось для того, чтобы в сердце малыша навсегда запечатлелся образ отца в том воинственном состоянии ума и духа, в котором он его впервые увидел. Поэма так описывает это: «В руке его копье, на щиколотках боевые браслеты-поножи, пот струится, блестя, по его телу. На шее свежая рана. Свои прекрасные кудрявые волосы он украсил цветком венкей и большим цветком ветчи, и белыми игольчатыми листьями верхушки молодой пальмиры, которая заставляет врагов бежать [вероятно, это тотемное дерево. – *Примеч. Дж. Харта*]. Его ярость, как у слона, осмелившегося напасть на тигра, до сих пор не успокоилась, никто не уцелел из тех, кто разозлил его. Его глаза, смотревшие на врагов, все еще красны сейчас, когда он пришел повидать сына». В поэме особое внимание обращается на священное вооружение и экипировку воина: его копье, браслеты-поножи, цветы и листья, надетые им на себя <…> Пот и рана подчеркивают эмоциональное состояние воина, еще не отошедшего от безумия битвы. Все эти детали помогают ему отвратить от себя женские, делающие женственным, ослабляющие качества кормящей матери, состояние которой в равной степени священное, но оно другой природы. Опасность, заключенная в ситуации первого контакта отца с новорожденным ребенком, привела к появлению обычая, распространенного в современной Андхре, где принято показывать отцу лицо новорожденного ребенка, отраженное в плошке с маслом, как в зеркале, пока сами мать и младенец сидят за занавеской» [*Hart III 1975:*95]. Далее описывается, что счастливый отец-воин смог обнять свою супругу нежно и ласково, но только сзади, потому что иначе ему на грудь могли попасть капли молока, а женское молоко опасно для силы воина [*Hart III 1975:*96].

В раджпутской культуре контроль над вредоносными энергиями уже не воспринимается как предписания контактной или охранительной магии. Здесь культивируются высокие стандарты психологической устойчивости и порядочность поступков, поддержание чести. Кодекс чести раджпути предписывает жесткие правила поведения для женщин, и раджпуты воспитывали своих женщин так, чтобы те умели быть твердыми

His eyes, which glared at foes, / are still red/ though they see his son.

The poem places great emphasis on the sacred accouterments of war that characterize the hero: his spear, his anklets, and the flowers and leaves he wears <…> The sweat and wound of the warrior indicate his emotional state, the sacred frenzy of battle. All of these elements help him to offset the effeminate qualities of the nursing mother, whose state is equally sacred, though of a different nature. The danger inherent in the situation of a father's first sight of his child is also suggested by a ceremony practiced in modern Andhra, at which the father must first see the child as a reflection in a bowl of oil as the child and its mother sit behind a curtain» [*Hart III 1975:* 95]. The text goes on to describe how a happy father-warrior hugged his spouse gently and affectionately but he could only do so from behind because otherwise milk drops could get upon his chest and breast milk is dangerous for a warrior's strength [*Hart III 1975:* 96].

Control over detrimental energies is not perceived in the Rajput culture as instructions of contact or protective magic any longer. High standards of psychological stability, decency in acts and deeds, and an ability to preserve one's honour are cultivated there. The Rajputi code of honour prescribes rigorous rules of conduct for women. The Rajputs educated their women in such a way that they would be able to be tough and disciplined under any circumstances, however dire.

Magical beliefs are particularly intensive in matters of soldierly sacrifice. The Rajput ballads and poems quite poignantly describe heroes getting ready for a battle. These preparations are sung and glorified as if the warrior was hetting ready to meet *Apsara* celestial maidens in Indra's kingdom, the paradise. These preparations are ritually purifying and propitiatory. A warrior performs ablutions, worships gods and makes offerings to them, particularly to the protecting goddess of his clan. He rubs oil into his skin, which is an obligatory element of the Hindu purifying ritual and is of hygienic importance as well; these actions are similar in every way to a custom observed by Russian warriors who would bathe and put on a clean shirt before a battle. Indian culture abounds with various variants and modes of psychotechnics, but in this case the typical spiritual concentration

и дисциплинированными в любых, даже самых отчаянных, обстоятельствах.

Магические представления особенно интенсивны в аспектах воинской жертвенности. Раджпутские баллады и поэмы очень проникновенно описывают, как герои готовятся к битве. Эти приготовления воспеваются как приготовления воина к встрече с небесными девами-апсарами в царстве Индры, в раю. Приготовления носят ритуальный очистительный и умилостивительный характер. Воин совершает омовение, совершает почитание и жертвоприношения богам и особенно богине-хранительнице своего клана. Воин делает масляные растирания, непременный элемент индуистского очистительного ритуала, который имеет и гигиеническое значение; эти действия во всех смыслах аналогичны обычаю русских воинов мыться и надевать чистую рубаху перед боем. Духовное сосредоточение, характерное для индийской культуры, изобилующей различными вариантами и режимами психотехники, в данном случае тоже имело вполне материально измеряемый смысл – морально подготовленный воин мог лучше пройти через испытания, в том числе и ранения. Во время боевых действий соблюдение обетов, воздержание от услад жизни как элемент ритуального очищения необходимы для усиления сакральной силы воина и усиливают вероятность счастливого исхода военной операции и для каждого отдельного солдата, и для войска в целом. Победа как плод должна была произрасти из совместных усилий мужчины-воина и его оружия; энергетика оружия имеет как мужскую, так и женскую природу, что отражено в символах, нанесенных на клинки.

Тамильские воины контролировали эти магические силы барабанными ритмами. Барабанная музыка, как считают индийцы, может «отгонять» зловредные вибрации и нормализовать полезные. В военном деле барабаны имели первостепенное значение: барабанный бой – это призыв к битве, ритмизация событий, психологическая атака. Существует поверье, что барабанная дробь может отогнать вражеские стрелы, буквально изменив кривизну пространства, и направить их против самого врага. Барабанная дробь может отогнать врагов и помогает защититься от ранe-

made quite physically measurable sense – a morally prepared warrior could better go through ordeals, including wounds. Keeping one's vows over the time of hostilities and abstaining from worldly pleasures are necessary to enhance the warrior's sacred strength as elements of ritual purification. Doing that increases the probability of a happy outcome for the military operation, for every single soldier, and for the army as a whole. Victory was a fruit that must have been borne by the joint efforts of a warrior and his weapons; the energy generated by weaponry is both male and female in nature, which is reflected in symbols on the blades.

Tamil warriors controlled these magical powers with a drum rhythm. Indians believe that drumbeats can "ward off" malicious vibrations and normalize the beneficial ones. In military terms, drums used to be of prime importance: the drumbeat was a call to fight, a rhythm to events, and a weapon of psychological warfare. Drumming is believed to be able to ward off the enemy's arrows, literally altering the curvature of space, and send them back onto the enemy. It could scare off enemies and help to protect you from getting injured, or so Tamil warriors believed. George L. Hart describes their preparations before a battle. The drum of a war leader, his sword and spear, adorned with flower garlands, are taken across the city upon an elephant. Warriors dip their swords and spears into the sacred pool by a temple in preparation for the bloodshed ritual. Maidens give flowers to warriors as flowers enhance the male energy and ward off malicious powers. "Warriors inhale the smoke of mustard seed before fighting (for its prophylactic qualities) <…> There seems to have been a custom by which the king gave to the best of his warriors a cup of liquor before battle, but the exact procedure is not clear <..> Warriors, taking their swords, have shut their mouths, indicating perhaps that men would not talk as they went into battle" [*Hart III 1975:* 31-32].

Rajputs believe that death on a battlefield may be either "dignified" or impure. Death by beheading on a battlefield is humiliating and divests the deceased warrior of his *Rajputi*. Direct blows to the head seem to have been prohibited in traditional Rajput military culture. But anything could happen in the heat of a fight. A special type of a hero, called *jumjhar*, is a beheaded warrior who goes on striking his enemies

ний, думали тамильские воины. Дж. Харт описывает их приготовления к битве. Барабанная дробь созывает героев на битву. Барабан вождя, его меч и копье, украшенные гирляндами цветов, провозятся по периметру города на слоне; воины окунают свои мечи и копья в священный водоем около храма, готовя его к ритуалу кровопролития; девушки дарят воинам цветы, потому что те усиливают мужскую энергетику и отвращают зловредные силы. «Воины вдыхают дым горчичиных зерен, вероятно, в качестве бактерицидного средства. Правитель дает лучшим воинам кубок алкогольного напитка. И воины, взяв мечи, перестают разговаривать, вероятно, потому, что они должны идти на битву молча» [*Hart III 1975:*32].

Гибель на поле боя может быть, как считают раджпуты, «достойной» или нечистой, неблагоприятной. Гибель через отсечение головы на поле боя – унизительна и лишает погибшего воина его *раджпути*. Судя по всему, в традиционной раджпутской воинской культуре были запрещены прямые удары по голове. Но в пылу боя бывало всякое, и существует особый тип героя – *джумджхар*, воин, который с отсеченной головой продолжает разить врагов, пока его тело «вращается вокруг собственного меча». Обезглавленный *джумджхар* очищает свою раджпути тем, что сам за себя мстит врагам и таким образом преодолевает бесчестье обезглавливания.

Неблагоприятная в ритуальном смысле гибель на поле боя – это, например, скальпирование. Такая смерть считалась глубоким нарушением *раджпути*, позором. Существовало поверье, что это случалось, если жена воина была ему неверна, «нечиста». Поэтому раджпуты считали, что нанесший такое ранение противник должен быть непременно убит – по законам кровной мести, как нарушитель чести всего клана, а не только самого убитого.

Представления о чести требовали вести бой до конца – к победе или гибели на поле боя. «Бегство от врага было позором. Поэтому ранение в спину считалось недопустимо позорным и оскорбительным. Когда правитель Чераман Перунчералатан получил ранение копьем в спину, он лег лицом к северу и перестал есть, пока не умер от голода» [*Hart III 1975:*88]. В древнета-

Представитель знати Северо-Западной Индии

A Noble man from North-West India

down while his body "turns around his own sword". A headless *jumjhar* purifies his Rajputi by dishing out revenge on his enemies himself and overcomes the disgrace of having lost his head.

Scalping is another example of adverse death on a battlefield, in ritual terms. It was considered a gross violation of *Rajputi* and a disgrace. It was supposed to only happen if this warrior's wife was unfaithful to him and "impure". Consequently, the Rajputs believed that the enemy who inflicted this injury must be immediately killed, according to the rules of blood vengeance, as one who damaged the whole clan's honour apart from that of the deceased warrior.

The Rajput ideas of honour supposed that a warrior should fight until the end, be it a victory or his death on the battlefield. Fleeing away from your enemy was shameful. That is why getting your back injured was believed to be unacceptably disgraceful and insulting. "A king who felt that he had incurred an unbearable loss of honor could fast himself to death

мильской воинской традиции существовал культ ранений и шрамов. Жены и матери гордились шрамами воинов. Считалось, что они увеличивают воинскую силу и устрашают врагов. Не иметь боевых шрамов считалось неправильным. И если воин умирал в постели дома, его друзья наносили на тело умершего порезы и раны перед погребением (дравиды хоронили своих мертвых), чтобы воин мог попасть в рай. Точно так же особенным почтением пользовалось оружие, имеющее следы боевого применения, разбитое, «раненое».

Знание магических предосторожностей считалось важнейшим аспектом профессиональной подготовки воинов, которых с детства учили пользоваться различными видами оружия, координации движений и владению телом (практики йоги), навыкам рукопашной схватки, знанию болевых и смертельно опасных точек, чтобы уметь защищаться от коварной атаки. Умению соблюдать личную психологическую и физическую гигиену все индийцы придают огромное значение; для воинов эти знания также обязательны и включают владение психотехниками, традиционную диететику (знания о «горячей» и «холодной» пище), начала медицины. Чрезвычайно важным считался крепкий здоровый сон. Дханурведа («наука о владении луком») – одна из 18 классических наук, по ее наставлениям учились владению всеми видами оружия и приемам рукопашного боя «для воинов на колесницах, слонах, верхом на коне, для пехоты, для борцов». Рукопашная считалась наименее престижной и ритуально наименее чистой боевой техникой – иерархия ставит на высшие позиции лук/стрелы, копье, меч [*Zarrilli, 2001*]. Однако считается, что именно в рукопашной схватке лучше всего проявляются личные качества воина, мастерство, героизм и отвага. Приветствуется умение избежать атаки, способность увернуться, выскользнуть, отступить, победитель должен приподнять противника в воздух на несколько секунд. Однако в любом случае считается, что поединок надо завершить чем скорее тем лучше, лучше всего одним ударом, введя противника в бессознательное состояние, выбив оружие, повредив руки-ноги и т. д. В Индии существует множество видов и вариантов техники безоружного поединка, и это некшатрийское искусство,

in a rite named *vatakkiruttal* ("sitting [facing the] North"). One king who resorted to this expedient was Ceraman Perunceralatan, who was wounded in battle by a spear that entered his back. Ashamed at his back wound, he starved himself to death" [*Hart III 1975:* 88]. A cult of injuries and scars used to exist in ancient Tamil military traditions. Wives and mothers were proud of the warriors' scars. Scars were believed to increase a warrior's power and to intimidate his enemies. It a man did not have battle scars something was wrong with him. Should a warrior die in bed at home, his friends would inflict cuts and wounds on his body before the burial ceremony (Dravidians buried their dead) so that he could go to heaven. Similar respect was paid to weapons carrying traces of use in battle, the so-called "wounded" weapons.

Knowledge of magical precautions was believed an essential aspect of professional martial training. From their childhood they were taught to use different types of weaponry, coordinate their moves and control their body (yoga practices), mastered the skills of hand-to-hand combat and knew to protect the weak points of their body so that a surprise attack could not incapacitate or kill them. All Indians attach great importance to proper psychological and physical hygiene; such knowledge is also obligatory for warriors and includes mastering various psychotechniques, traditional nutritional science (knowledge of "hot" and "cold" foods) and basic medicinal knowledge. Sound and healthy sleep was considered to be of utmost importance. Dhanur veda ("the science of archery") is one of the eighteen classical sciences. It gave guidelines on mastering all kinds of weapons and hand-to-hand combat techniques "for warriors going in chariots, on elephants and horses, for infantrymen, and for wrestlers". The hand-to-hand combat was considered to be the least prestigious and the least pure in ritual terms. Hierarchically, the top positions were reserved for the bow and arrows, the spear, and the sword. [*Zarrilli, 2001*]. However, it is the hand-to-hand combat that is believed to best reveal a warrior's personal qualities, skills, heroism and courage. An ability to avoid an attack and to dodge, to slip out and retreat is an asset. The winner has to lift his enemy up in the air for several seconds. Yet, in any case, it was considered that the sooner the combat was over, the better – preferably, with a single blow,

овладеть которым (в целях самообороны) имеют право даже крестьяне и горожане. В некоторых видах борьбы используются в качестве кастета браслеты или «когти тигра». У всех воинских сообществ развиты техники борьбы и тренировки с палками. Наиболее полно эта техника представлена в сикхской гатка, а также в воинских и ритуальных свадебных танцах разных народов. Палка может быть бамбуковая или тяжелая тиковая, обернутая кожей, с металлическим наконечником, короткая или длинная. Палка может дополнять меч, бывают виды упражнений с двумя палками и т. д. Здесь тоже есть своя философия – пользуются ногами больше, чем руками, чтобы не прикасаться к врагу (это осквернение и поэтому табуировано). В борьбе с палками есть техники подражания божественным животным-спутниками богов (гаруда-юддха – подражание орлу Гаруде, нанесение ударов сверху, в воздухе).

Сегодня классическая индийская военная доктрина и геополитика, представленная идеологемами дхармашастр и глубокими, управленчески грамотными и психологически выверенными размышлениями и наставлениями древних брахманов, развивается в соответствии с требованиями новейших технологических укладов (в частности, успешным развитием ИТ-технологий) и современных внешнеполитических угроз. Концепт изоляционистской самодостаточности Южной Азии остается геополитически определяющим и идеологически продуктивным и сегодня (политика неприсоединения). Но классика претерпевает существенные изменения. В частности, на первый план по значимости выводятся военно-воздушные и военно-морские силы, на которые возлагается контроль над рубежами (точнее сказать, над путями враждебного доступа) к территории дхармы. Представители сообщества летчиков и моряков пользуются огромной организационной, финансовой и моральной поддержкой, и именно они стоят сегодня на самом высоком уровне статусно-кастовой респектабельности в ряду индийских военных. И Индия по–прежнему может положиться на военное мастерство своих кшатриев.

knocking the opponent unconscious or knocking his weapon from his hand, injuring his arms or legs, etc. A lot of types and techniques of unarmed combat exist in India. It is a non-Kshatriya art, and even peasants and city dwellers are entitled to master it for the purposes of self-defence. Bracelets or “tiger claws” are used in some combat types as brass knuckles. All military communities have well developed techniques of combat and training with sticks. This technique is best represented in the Sikh *gatka* as well as in military and ritual wedding dances of different peoples. The stick may be of bamboo or teak, which is heavier, short or long, wrapped in leather and capped in metal. It could be a supplement to a sword. Some exercises imply the use of two sticks, etc. There is also a certain philosophy involved – legs and feet see more use than hands so that the fighter can avoid touching the enemy (which is defiling and, hence, a taboo). Stick-fighting involves various techniques that imitate the heavenly animals, companions to the gods (say, the *garuda-yuddha* style imitates the eagle Garuda and involves striking blows from above, in the air, etc).

Nowadays the classical Indian military doctrine and geopolitics is represented by Dharmaśāstra ideologemes and the profound thoughts and guidelines of the ancient Brahmins, excelling in administration and psychology. It develops in accordance with the requirements of the modern advanced technology culture (particularly in the IT technology department) and the external threats of the day. The concept of isolationist self-sufficiency of South Asia remains crucial in geopolitical terms and ideologically productive even today (the policy of non-alignment). But classical patterns undergo significant changes. In particular, the air forces and the navy come to the foreground in terms of their significance, as these are charged with controlling the boundaries of the dharma territory (more specifically, the routes of inimical access). Airmen and seamen enjoy a tremendous organizational, financial and moral support. They are on the top of the status and caste respectability within the Indian military. And India can still rely upon the martial skills of her Kshatriyas.

Е.М. Карлова

Оружие Индии в собрании Музея Востока

Коллекция оружия Индии в Музее Востока сравнительно небольшая, она состоит из нескольких предметов холодного оружия, двух щитов и одной пороховницы. Однако в ней есть музейные предметы, составляющие гордость нашего собрания. Некоторые из них были закуплены в середине 1930-х гг. у частных лиц, один кинжал был передан в 1940 г. из Музея народов СССР, а основная часть коллекции была передана из Государственного Эрмитажа в 1955 г.

Многие эрмитажные вещи изначально входили в коллекцию князя П.Д. Салтыкова, состоявшую из более чем 1100 предметов. Страстными коллекционерами были старшие братья Салтыковы, Петр и Александр, однако нам интересен младший, Алексей. Много лет отслуживший на посольской работе, уволившись со службы, он стал путешествовать, побывал во многих восточных странах. Оттуда он посылал своим братьям новые интересные предметы для их обширной коллекции. Алексей Дмитриевич Салтыков поделился с современниками своими впечатлениями и наблюдениями от восточных путешествий: результатом поездки в Тегеран стала книга «Путешествие в Персию», а печатавшиеся в «Москви-

Забдад-Аль-Талей Мохамед Хан. Последний наваб Паланпура (Гуджарат). 1922 г.

Zobdat al-Molk Taley Mohammad Khan. The Last Nawab of Palanpur (Gujarat). 1922

Euguenia Karlova

Indian Arms and Armour in the Collection of the Museum of Oriental Art

The collection of Indian weapons in the Museum of Oriental Art is relatively small, comprising but several bladed weapons, two shields and a powder flask. Nevertheless it has museum-quality items which are the pride of our collection. Some of these were purchased in the mid-1930s from private individuals, one dagger was transferred in 1940 from the Museum of the Peoples of the USSR, and the main part of the collection was transferred from the State Hermitage in 1955.

Many items from the Hermitage originally belonged to the collection of Prince Piotr Saltykov that consisted of over 1,100 items. Two elder Saltykov brothers, Piotr and Alexander, were avid collectors but we are now interested in the youngest of the brothers, Aleksey. After years of diplomatic service and he retired and began to travel, visited many Eastern countries. During his travels, he would send his brothers new and curious items for their extensive collection. Aleksey Saltykov shared his impressions and observations from his journeys to the Orient with his contemporaries. A trip to Tehran resulted in the book *A Journey to Persia*, and his travel notes were published in Moskvityanin literary review and would later appear as a book, *Letters from India*. It is from this book that we learn that on February 9, 1842 Alexei Saltykov wrote to his brother about the Indian market: “They mainly sell weapons: shields, armour and their broadswords, which in London are known as ‘executioner’s swords’, are innumerable. Although I did not know whether you were still alive, I bought for you,

тянине» путевые записки позже были изданы книгой «Письма об Индии». Из нее мы узнаем, что 9 февраля 1842 г. Алексей Салтыков писал брату об индийском рынке: «Преимущественно торгуют оружием: щитам, панцирям и палашам, которые известны в Лондоне под именем executioner`s sword [«меч палача»] несть числа. Хотя я и не знал, наверное, в живых ли ты, но купил на всякий случай несколько оружия, имеющего свое достоинство и ценность. Купил я тебе два железных щита <…> прямой меч, кинжал с кривой рукояткой и еще кинжал, всего на 750 рупий» [*Салтыков, 1985:84*].

Восточная часть коллекции братьев Салтыковых была приобретена императором Александром II в апреле 1861 г., хранилась в Царскосельском арсенале до 1886 г., а затем была передана в Эрмитаж.

Прежде чем говорить о холодном оружии, хочется упомянуть прекрасную пороховницу из слоновой кости из постоянной экспозиции музея (2054 II, кат. 1), также поступившую из Эрмитажа. Она представляет собой типичный пример могольских декоративных предметов такого рода. Пороховницы появились в Индии в XIV в. с приходом мусульман, в отличие от коренного населения субконтинента к тому времени уже использовавших огнестрельное оружие как в бою, так и для охоты.

Расцвет декоративно-прикладного искусства при дворе могольских правителей подпитывался модой на изящно украшенные небольшие личные предметы – детали костюма, ювелирные изделия, художественно оформленное оружие. Пороховницу вместе с несколькими мешочками для пуль носили на кожаном или тканевом поясе. Она самой своей конструкцией давала художнику простор для фантазии, а владельцу – для демонстрации своего достатка и вкуса.

Часто мотивы украшения этих изящных вещиц были связаны с охотой – на них можно увидеть изображения хищников, копытных животных, птиц, часто сцены терзания. Для могольских пороховниц характерен повторяющий форму рога абрис, хотя делали их как из рога, так и из слоновой кости, дерева, металла. Пороховницы

just in case, a few weapons of dignity and worth. I bought you two iron shields <..>, a straight sword, a dagger with a crooked handle and another dagger, all for 750 rupees" [Saltykov, 1985:84].

The eastern part of the Saltykov brothers' collection was acquired by Emperor Alexander II in April, 1861 and stored in the Tsarskoye Selo Arsenal until 1886, when it was transferred to the Hermitage.

Before talking about the blades, I would like to mention the excellent powder flask of ivory on permanent display at the museum (2054 II, cat. 1), which also came from the Hermitage. It is a typical example of the Mughal decorative objects of this kind. Powder flasks appeared in India in the 14th century with the arrival of the Muslims, who, unlike the indigenous population of the subcontinent, had already used firearms in combat and hunting.

The flourishing of arts and crafts at the court of the Mughal rulers was fuelled by fashion for elegantly decorated small personal items – costume details, jewellery, artfully decorated weapons. The flasks along with several bags for bullets were worn on a leather or cloth belt. It was its very design that gave the artist room for imagination, and the owner, for demonstrating his wealth and taste.

Decorative motifs on these elegant knick-knacks were often related to hunting. They feature images of predators, hoofed animals, birds, and often attack scenes. Mughal powder flasks typically have a horn-shaped form, although they were made not only from horn, but also from ivory, wood, metal. Ivory powder flasks, shaped like an elongated antelope horn, were often designed to look like the bodies of several animals. These bodies are arranged in such a way that smaller animals merge together to form the outline of a large animal. Images of composite creatures are a characteristic motif in Indian art. It was born on the subcontinent although the Muslim tradition also knows such examples. In the present case, the Mughal arts and crafts synthesized both traditions, having found them a peculiar embodiment. This composite creature is often an antelope, its head covering the lid. Our powder flask has its lid in the form of a horned animal which is being mauled by a cheetah. If you look closely, you

из слоновой кости, имеющие форму удлиненного рога антилопы, часто оформлены в виде тел животных. Тела эти скомпонованы таким образом, что более мелкие сливаются вместе и образуют очертания крупного зверя. Изображения композитных существ – характерный мотив в индийском искусстве. На субконтиненте он зародился самостоятельно, хотя и мусульманская традиция тоже знает такие примеры. В данном случае могольское декоративно-прикладное искусство синтезировало обе традиции, найдя им своеобразное воплощение. Часто в качестве этого композитного существа выступает антилопа – в виде ее головы оформляется крышка изделия. В музейной пороховнице крышка выполнена в форме рогатого животного, терзаемого гепардом. Если присмотреться, можно увидеть, что с внешней стороны это короткорогая антилопа (именно ее терзает гепард), а с внутренней (где находилось утраченное металлическое крепление) – баран.

Похожее изделие хранится в музее Уолтерс (The Walters Art Museum) в Балтиморе – в нем так же оформлена крышка и тулово изделия, декорированное орнаментальными полосами в форме зигзагов. Барана на крышке пожирает гепард, а антилопе досталось в соперники мифическое животное *макара*. В обоих случаях на вогнутой части изделия мы видим изображение рыбы, однако на выгнутой стороне балтиморской пороховницы изображен тигр, тогда как на музейном изделии – *макара*, как и рыба ассоциируемый с водой.

Со второй половины XVII в. пороховницы такой конструкции часто бывают разделены орнаментальными поясками на три неравные части: один оформляет крепление крышки, другой – украшенный тонкой резьбой кончик пороховницы, который также содержит изображения композитных животных или птиц – часто ловчих. Наша пороховница оформлена показанной в прыжке антилопой с *макарой* и головой слона по сторонам. Более ранние вещи часто имеют украшенное тонкой фигуративной резьбой тулово, а геометрический орнамент характерен скорее для изделий XVIII в.

Характер орнаментации могольских пороховниц говорит о том, что это скорее охотничий, чем

Фрагмент стенной росписи. Чхатра-Махал, Бунди. Раджастхан, Индия. XVIII в.

Murals detail. Chhatra Mahal. Bundi palace. Rajasthan. India. 18th century

Портрет знатного мужчины
Индия. XIX в. Бумага, темпера, позолота. 8,5x14,9 см
ГМВ, инв. № 273 II

Portrait of a Noble Man
India. 19th century, paper, tempera, gilding, 8.5x14.9 cm
Museum of Oriental Arts, accession number 273 II

военный аксессуар. Охота с ручными гепардами была забавой, весьма распространенной при дворе могольских правителей в XVII–XVIII вв., их отлавливали тысячами и к XX в. практически истребили. Антилопа гарна, небольшое животное с длинными, тонкими витыми по спирали рогами, и антилопа нильгау – крупная, короткорогая,

can see that what is on the outside a short-horned antelope (that the cheetah is mauling), from the inside, where the missing metal mount was, is a ram.

The lid and the body of a comparable item in the Walters Art Museum in Baltimore are decorated with zig-zagging ornamental stripes. On the lid a cheetah is devouring a ram, and an antelope has a mythological creature, a *makara*, as a rival. In both cases one can see an image of a fish on the concave part of the flask, but the Baltimore powder flask features a tiger on the curved side, whereas our museum exhibit has a *makara,* which, just like the fish, is associated with water.

Since the second half of the 17th century powder flasks of this design are often divided by ornamental bands into three unequal parts, with one band decorating the mount of the lid and the other adorning the finely carved tip of the powder flask which may also feature images of composite animals or hunting birds. Our flask is decorated by an antelope in the middle of a jump and a *makara*, and elephant heads on both sides. Earlier works often have their body decorated with fine figurative carving, while geometric patterns are rather typical of items made in the 18th century.

The ornamentation features of Mughal flasks indicate that they were rather a hunting accessory than a military one. Hunting with trained cheetahs was a very common entertainment at the court of the Mughal rulers in the 17th and the 18th centuries. The big cats were being caught in their thousands and by the 20th century became virtually extinct. The Indian antelope, or blackbuck, a small animal with long, thin, twisting spiral horns, and the large, short-horned, buffalo-like nilgai were the natural prey for cheetahs in India. These animals are easily recognized in the decoration of powder flasks. The *makara* here is very reminiscent of the *gharial*, an Indian freshwater crocodile with its characteristic narrow elongated snout. All that he got from the mythological creature is the long pointed ears and the clawed paws of a mammal.

The choice of material for our powder flask is also characteristic. Ivory was widely used for such products, but in India they preferred imported tusks of African elephants which would remain white over the years. Indian ivory yellows notice-

похожая на буйвола – естественная добыча гепарда в Индии. Эти животные легко узнаются в декоре пороховниц. *Макара* здесь очень напоминает гавиала – индийского пресноводного крокодила, отличающегося вытянутым узким рылом. От мифического животного ему достались только длинные острые уши и принадлежащие когтистому млекопитающему лапы.

Характерным представляется и выбор материала для пороховницы. Слоновая кость широко применялась для таких изделий, однако в Индии старались использовать импортную кость африканских слонов, которая не теряла с годами своей белизны. Кость индийского слона сильно желтеет и подвержена растрескиванию, ее экспортировали в Китай, где эти качества материала ценились в декоративных изделиях.

В коллекции Музея Востока хранятся два круглых индийских щита (*дхал*). Один из них выполнен из кожи носорога (№ 2049 II, кат. 2). Щиты из кожи животных были широко распространены в Индии, для этого использовались и кожа буйвола, и антилопы, и даже гангского дельфина. Однако именно кожа носорога считалась наиболее удобным материалом за свою легкость и прочность. В таком качестве она использовалась и в других частях Азии, из нее делали в том числе и доспехи. В то время как щиты из других материалов имели тканевый подклад, кожу носорога часто просто красили изнутри и снаружи, покрывая сверху лаком – на свет щит оставался полупрозрачным. Иногда на теле щита оставляли специальное «окошко», не закрытое росписью, как показатель качества выделки шкуры. Край щита делали отогнутым, чтобы отвести скользящий удар оружия противника по гладкой лакированной поверхности.

Обычно щит несет на себе четыре симметрично расположенных *умбона* (на кожаных щитах – с шерстяными прокладками, чтобы не повредить кожу), которым с внутренней части соответствуют кольца, закрепленная на них подушечка и формирующие перевязь шнуры. Всадник с их помощью закреплял щит за своей спиной, пеший носил щит на шнуре через правое плечо, на уровне бедра – так, чтобы он прикрывал саблю. В бою с помощь

ably with age and is prone to cracking. It was exported to China where these properties were highly prized for decorative products.

The collection of the Museum of Oriental Art has two Indian round shields (*dhals*). One of them is made of rhinoceros hide (No. 2049 II, cat. 2). Shields of animal hide were common in India where and they used the skins of the buffalo, the antelope, and even the Gangetic dolphin for this purpose. However, the rhino hide was considered the most convenient material for its lightness and sturdiness. It was used in other parts of Asia, too, for building shields and even armour. Where shields of other materials have fabric lining, rhino hide was often simply painted inside and out and varnished so that the shield would remain translucent. Sometimes the shield-makers would deliberately leave a small clearance unpainted as an indicator of the quality of the hide treatment. The edge of the shield was slightly bent outside to draw an enemy blow aside along the smooth lacquered surface.

A shield typically has four symmetrically arranged shield bosses (on leather shields these were mounted on wool pads to prevent damage to the skin). On the inside rings were fastened to these bosses, with a pad and cords that formed the shield's strap. Thanks to this strap a rider could carry his shield behind his back whereas a foot warrior would carry his over his right shoulder, at the hip level so that the shield covered his sabre. During a battle, the cords helped the warrior hold the shield on his arm, and the pad served as a cushion for comfort. The museum's shield has six *umboes*, or shield bosses, their location indicating that two extra ones were added to the already finished product later, but obviously by the same master, probably at the request of the customer. This seems to indicate that the shield was in active use.

The background is maroon brown, which is typical for Indian hide shields, and the shield itself is painted with flowers and animals in golden hues. These include cheetahs and antelopes in the outer row, and hares in the inner row. An ornamental roundel in the central part of the shield mirrors the decorative belt along the edge. The strictness of the pattern, the use of gold, the thin semi-translucent lines, and the curvature of the branches are remi-

этих шнуров удерживали щит на руке, подушечка же служила для удобства. На музейном щите шесть *умбонов*, расположение которых говорит о том, что два дополнительных были добавлены к уже готовому изделию позже, но, очевидно, тем же мастером – вероятно, по просьбе заказчика. Это может свидетельствовать о том, что щитом активно пользовались.

Фон изделия коричнево-бордовый, что характерно для индийских кожаных щитов, а сам щит покрыт мелкой золотистой росписью с изображением цветов и животных: во внешнем ряду гепардов, терзающих антилоп, во внутреннем – зайцев. В центральной части щита помещена орнаментальная розетка, перекликающаяся с декоративным поясом по краю изделия. Строгий колорит узора с использованием золота, тонкие полупрозрачные линии и изгибы ветвей напоминают декор расписных полей могольской миниатюры. Известно, что мастера миниатюры занимались росписью щитов. Франсуа Бернье в письме к Де Ла Мот Ле Вайе упоминает об этом: «Особенно меня поразило изображение сражений Акбара, сделанное одним известным художником на щите. Говорят, что он семь лет работал над этим замечательным произведением» [*Бернье, 2008:311*].

Практически такой же по декору и исполнению щит находится в коллекции Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, он также выполнен из кожи носорога и несет на себе очень похожую стилистически роспись со сценами терзания. Незначительное отличие состоит в расположении фигур терзаемых животных, а вместо зайцев изображены антилопы. Щит из Эрмитажа также шестиумбонный, причем *умбоны* имеют такую же, как на московском щите, форму, однако декорированы иначе. У них нет обычной прокладки, защищающей тело щита.

В производстве щитов из кожи носорога очень важна правильная выделка кожи – иначе щит не будет прозрачным и легким и со временем в результате коробления потеряет свою форму. Щит из музейной коллекции отличается высочайшим качеством – он тонкий и достаточной легкий, о том же говорит и его прекрасная

niscent of the painted margins in Mughal miniatures. Miniature artists are known to have engaged in painting shields. François Bernier wrote to La Mothe Le Vayer the following: “I was particularly struck by an image of Akbar’s battles made by a famous artist on the shield. They say that he spent seven years working on this remarkable item.” [Bernier, 2008:311].

There was a shield of virtually similar décor and design in the collection of the State Hermitage in St. Petersburg. It is also made of rhinoceros hide and features a very stylistically similar painting with scenes of mauling. The slight difference is in the arrangement of figures of hunted animals, with antelopes taking the place of hares. This shield also has six umboes and they are of the same shape as those on the Moscow shield, but feature a different decoration. They do not feature the conventional linen that protects the shield body.

When manufacturing a shield of rhino skin the proper treatment of the hide was of utmost importance. Otherwise, the shield would not be transparent and light and would deform with time due to warping. The shield from our collection is of the highest quality. It is thin and light enough and the quality of the work also shows in the fact that it is perfectly preserved. It features a decorative pattern on the inner side as well.

The other shield in the museum’s collection (No. 511 II, Cat. 3) is a metal *dhal* that features four bosses. It is field in its entirety with a decorative pattern made using engraving and niello. This item is quite late, most likely of the late 19th century, however it has kept the outlines and proportions of Mughal shields. Peacocks and four male figures are freely arranged on a floral background, with two men sporting guns and the other two armed with sabres.

The Mughal-period bladed weapons are represented in the museum’s collection by three daggers with nephrite jade handles. A dagger with precious finish was not only a weapon, but also an indicator of the status and wealth of its ower. They were carried in a boot or on a wide belt and the scabbard could be attached to the belt by a chain or a cord. While a dagger was a mandatory attribute of a noble man, its type remained a matter of choice and

сохранность. Узор расположен также и на внутренней стороне щита.

Второй щит из музейной коллекции (№ 511 II, кат. 3) – металлический четырехумбонный *дхал*. Он покрыт сплошным узором, сделанным с использованием гравировки и чернения. Это вещь достаточно поздняя, скорее всего конца XIX в., однако она сохранила очертания и пропорции щитов могольского времени. На сплошном ковре мелкого растительного орнамента свободно расположены изображения павлинов и четыре мужские фигуры – две с ружьями, две с саблями.

Холодное оружие могольского времени представлено в музейной коллекции тремя кинжалами с нефритовыми рукоятями. Кинжал с драгоценной отделкой не только оружие, но и показатель статуса и состоятельности хозяина. Его носили в голенище сапога или заткнутым за широкий пояс, при этом ножны могли крепиться к поясу цепочкой или шнуром. Личный кинжал – обязательный атрибут знатного человека, но вот выбор типа клинка был обусловлен личными предпочтениями. В одно и то же время в ходу были разные кинжалы – привнесенные из Персии *кханджары, пешкабзы*, исконно индийские *катары* (*джамадхары*), имеющий арабское происхождение изогнутый *джамбия*... Оружием владели не только знать, но и простолюдины, даже дети. «В этой стране все до малого ребенка ходят с оружием; даже наши факельщики были со щитами» [*Салтыков, 1985:108*]. Культ оружия при могольском дворе и высокую ценность умения им владеть хорошо иллюстрирует цитата из Бернье: «Государь развлекается также испытанием лезвий ножовщиков на тушах овец, которые ему приносят без внутренностей и изящно связанными. Молодые эмиры, мансабдары и гурзбердары, т. е. вооруженные дубинками, показывают свою силу, ловкость, одним ударом отрубая от тела овцы четыре ноги, связанные вместе» [*Бернье, 2008:316*].

Правители и знать собирали любое оружие и доспехи, в том числе и европейские – все это хранилось в оружейных комнатах и с гордостью демонстрировалось гостям. Подобное мероприятие, имевшее место в Лахоре, описывает в письме к брату князь Алексей Салтыков: «Король повел г-на Кларка за руку, и нашим глазам представил-

personal preferences. Different daggers remained popular at the same time, including the *khanjars* and the *pesh-kabz* brought from Persia, the native Indian *katars* (*jamadhars*), the curved Arabian jambiyas. Nobles did not have an exclusive right to carry weapons. The commoners and even children carried them, too. “In this country, everyone has a weapon; even our torch-bearers had shields.” [Saltykov, 1985:108]. A quote from Bernier is a good illustration of the cult of weapons at the Mughal court and the high value that was placed on the skills in their use: “The Emperor also entertains himself at trying cutlers’ blades on sheep carcasses, which they bring to him without guts and elegantly bound. Young emirs, mansabdars and gurzberdars, i.e. clubmen, show their strength and agility, with one blow cutting off from the body four sheep legs bound together.” [Bernier, 2008:316]

Rulers and nobles collected arms and armour, including those from Europe. These were stored in armouries and were proudly displayed to visitors. In a letter to his brother Prince Aleksei Saltykov describes an event of the kind, which took place in Lahore: “The King took Mr. Clark’s hand and our eyes had the view of an infinite row of tables covered with royal arms: hundreds of swords, daggers, shields, mail armour and helmets <..> I would be in a great difficulty if I were allowed to get out of this pile of weapons something for your arsenal” [Saltykov, 1985:105].

One of the Mughal daggers in the museum’s collection (No. 2056 / 1-2 II, Cat. 4) has an elegant handle made of milk jade inlaid with rubies and emeralds. The shape of the hilt and the blade and its decoration are very characteristic of the end of the 17th or the beginning of the 18th century. The inlaid floral pattern is concentrated on the rounded end of the handle (the *pommel*) and by the guard, featuring symmetrical six-petalled flowers. Indian daggers of this type are called *khandjars*[1]. They have a long, slightly curving blade and a peculiar pommel shape. A khandjar was carried on the right side of the belt. This particular dagger preserved

[1] *Khandjar* is an Arabicized Persian word that denotes various types of bladed weapons. It is from this word that the Russian *kinzhal* derives.

ся бесконечный ряд столов, заваленных королевским оружием: сотни сабель, кинжалов, щитов, кольчуг и шлемов <...> Я пришел бы в большое затруднение, если бы мне позволили выбрать из этой кучи оружия что-нибудь для твоего арсенала» [*Салтыков, 1985:105*].

Один из могольских кинжалов в музейной коллекции (№ 2056/1–2 II, кат. 4) имеет изящную рукоять из молочного нефрита, инкрустированную рубинами и изумрудами. Форма рукояти и лезвия кинжала, а также его отделка весьма характерны для конца XVII – начала XVIII вв. Инкрустированный узор сосредотачивается на закругленном окончании рукояти (*головке*) и у ограничителя и носит растительный характер – изображения симметричных шестилепестковых цветов. Индийские кинжалы такого типа принято называть термином *кханджар*[11] – они имеют длинный, слегка изогнутый клинок и характерную форму головки рукояти. *Кханджар* носили на правом боку за поясом. У этого кинжала сохранились деревянные ножны в бархатной обивке с отделкой в технике *минакари*[12].

Другой кинжал (№ 5595 II, кат. 5) имеет рукоять из резного молочного нефрита, украшенную крупными цветами. При поступлении он был ошибочно атрибутирован как китайский, однако материал и характер декора рукояти, а также форма и украшение клинка позволят с уверенностью отнести его к позднемогольским образцам. Клинок прямой, равномерно сужающийся и не имеет изгиба. Он украшен изящным узором, выполненным золотом, серебром и чернением в технике *кофтгари*.

Третий кинжал (№ 2052 II, кат. 6) также обладает рукоятью из зеленоватого нефрита лаконичной формы, которая не имеет ни *гарды*, ни *головки* и инкрустирована формирующими геометрический орнамент пластинами перламутра и слоновой кости. Кинжалы такой формы – тонкие, однолезвийные, но с двулезвийным боевым

[11] Кханджар – персидское арабизированное слово для обозначения разных типов холодного оружия, от него произошло русское слово кинжал.

[12] Минакари – техника выемчатой эмали.

its wooden scabbard which is covered in velvet and features *minakari*[2] detailing.

Another dagger (No. 5595 II, cat. 5) has a handle made of carved milk jade, decorated with large flowers. On admission it was wrongly attributed as Chinese, but the medium and the style of the handle decor as well as the shape of the blade and its decoration allow us to confidently recognize it as a late Mughal work. The blade is straight, tapers evenly and has no curve. It is decorated with an elegant *koftgari* pattern of gold, silver and niello.

The third dagger (No. 2052 II, cat. 6) also has a laconic handle of greenish jade that has neither a guards nor a pommel and is inlaid with pearl and ivory plates that form a geometric pattern. Thin single-edged daggers of this form with a double-edge point are called *pesh-kabz*. A pesh-kabz was worn at the front; it was designed primarily for powerful stabs and ripping cuts. Some researchers believe it could pierce armour, hence the weighted blade with a faceted tip, the wide back of the blade and the peculiar handle shape. Persian pesh-kabz often had handles of *shirmani*, the walrus tusk, which was highly prized for its strength, as ivory handles could not sustain such a powerful blow that the blade could deliver. In India elephant tusks, rhino horn, metal and, often, jade were used. This type of weapon came to the Subcontinent via Afghanistan and in the British environment it was even called a *khyber*, after the Khyber Pass that connected Afghanistan and what is now Pakistan. The town of Bhera in the vicinity was a leading centre of pesh-kabz production [Watt, 1908: 87].

The *katar* (*jamadhar*) (No. 2050 II, cat. 7) is a typically Indian stabbing knife with a characteristic H-shaped grip which is perpendicular to the blade. The grip is almost invariably made of metal and the sample in our collection is no exception. The nielloed surface of the grip is decorated with a gilded floral pattern which used to cover it entirely but has worn out in places where the dagger is gripped by the hand.

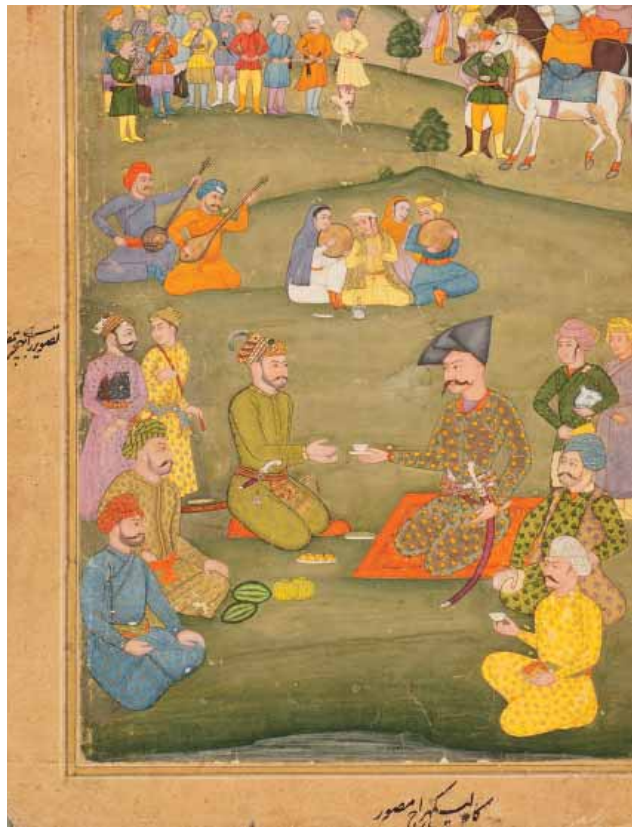
Other weapon types in the museum's collection include a mace (*gada/garz*) with a six-flanged head (a morningstar / shishpar) (No. 2055 II, cat.

[2] Minakari is an enamelling technicque.

концом, носят название *пешкабз* (*пишкабз*). *Пешкабз* носили спереди, он был предназначен в основном для мощных колющих и вспарывающих ударов, по мнению некоторых исследователей призванных пробить броню противника. Отсюда утяжеленный клинок с граненой формой острия, широкий *обух* и характерная форма рукояти. Персидские *пешкабзы* часто имели рукоять из *ширмани*, моржового клыка, который высоко ценился за свою крепость – рукояти из слоновой кости не выдерживали такого усилия, которое давал возможность приложить клинок. В Индии использовали бивни слона и носорога, металл, часто – нефрит. На субконтинент этот тип оружия попадает через Афганистан, и в англо-британской среде его даже называли *хайбер* по названию Хайберского прохода, связывающего Афганистан с современным Пакистаном. Здесь же, в городе Бера, был расположен один из ведущих центров производства *пешкабзов* [*Watt,* 1908:87].

Катáр (*джамадхар*) (№ 2050 II, кат. 7) – типично индийская разновидность колющего холодного оружия, имеющая характерную Н-образную перпендикулярную клинку рукоять. Последняя у катаров практически всегда выполнена из металла, и образец из нашей коллекции не является исключением. Черненая поверхность рукояти украшена позолоченным растительным орнаментом, который когда-то покрывал ее целиком, но стерся в местах захвата.

Другие виды оружия представлены в музейном собрании булавой (*гада/гарз*) с шестиреберным навершием (*шестопер/шашпар*) (№ 2055 II, кат. 8), топором и клевцом. Боевой топор, или *табар/табарзин* (от перс. табар – топор, или табар-и-зин – седельный топор) (№ 2051/1–2 II, кат. 9) имеет и исконно индийское название – *парашу*. Фактически он представляет собой проушную секиру (имеет значительно расширяющийся к лезвию клинок), при этом клинок располагается под небольшим уклоном вниз относительно топорища. Это одна из древнейших форм секиры, встречающаяся на субконтиненте с хараппских времен. Наконечник топорища съемный, внутри спрятан шип. Оружие такого



Сцена приема (фрагмент)
Индия, XVIII в.
Бумага, темпера. 38,5х26 см
ГМВ, инв. № 1725 II

A Reception (fragment)
India, 18th century, paper, tempera, 38.5x26cm
Museum of Oriental Arts, accession number 1725 II

8), an axe and a crow-bill. A battle axe, or a *tabar/tabarzin*, from the Persian *tabar* (axe) or *tabar-i-zin* (horse axe) (No. 2051/1-2 II, cat. 9) also has a native Indian name, *parashu*. Typologically it is an eyed axe, its blade expanding significantly towards the edge. The blade is set at a slight downward angle with respect to the shaft. This is one of the oldest forms of axes and is found in the Subcontinent since the times of the Harappan civilization. The axe head is removable and there is a spike secreted inside. Light single-edged axes on short shafts were easy to keep in the belt, so weapons of this type were mainly used by riders. Precious axes were of-

типа использовалось в основном всадниками – легкую однолезвийную секиру с коротким топорищем удобно было держать за поясом. Драгоценные образцы часто были украшены – узор наносился на топорище, оставляя свободным только лезвие. Похожую форму и пропорции имеет знаменитый боевой топор Надир-шаха из Национального музея в Нью-Дели, выполненный в 1739 г. Клинок топора украшен травленым узором, напоминающим рисунки тканей или повторяющиеся сочетания растительного и геометрического орнамента на изделиях *бидри*. Расположение узора на теле клинка полностью игнорирует его форму, будто бы сверху накинута прозрачная узорчатая ткань.

Клевец (*хулурдж/загнал* – от перс. вороний клюв) (№ 513 II, кат. 10) из музейной коллекции имеет распространенную в Индии форму вороньего клюва, немного загнутого книзу. Коготь клевца скомбинирован с молотком с квадратной головкой, что характерно для индийских образцов. Сам коготь выполнен по образцу кинжала, имеет ребро жесткости и долы. Характерно и оформление гарды когтя, напоминающее два стилизованных лепестка, весьма распространенное явление в рукоятях могольских кинжалов, в том числе и на двух кинжалах в музейной коллекции.

Отдельно хочется обратить внимание на декор описанных выше изделий. Три кинжала имеют нефритовые ручки, декорированные в разных техниках. Нефрит – распространенный материал в декоративно-прикладном искусстве Индии могольского и позднемогольского времени. Особенно часто его используют в рукоятях оружия, и не случайно – нефрит имеет очень высокую вязкость, поэтому не трескается от усилий и ударов, выдерживает большие нагрузки. При этом он хорошо режется, что открывает перед художником большие возможности. Предпочитали наиболее дорогой сорт нефрита, молочно-белый – он перекликался по цвету с белым мрамором, вошедшим в моду для облицовки дворцов и мавзолеев в могольское время. Сочетание некрупных растительных узоров, выполненных самоцветами на белом фоне макарнского мрамора, цветными нитями на выбеленной кашмирской шерсти или шелке, драten decorated, with a pattern covering the whole of the head except the blade. The famous battle axe of Nadir Shah in the National Museum in New Delhi, manufactured in 1739, is of similar shape and proportions. The etched pattern that decorates the axe blade is reminiscent of patterns on fabric or the recurring combinations of floral and geometric patterns on *bidri* products. The pattern seems to totally disregard the outline of the blade as if it were a colourful transparent cloth that was thrown on top of the weapon.

The crow-bill (hoolurge/zaghnal, from 'crow's beak' in Persian) (No. 513 II, cat. 10) in the museum's is shaped like has a crow's beak, slightly bent downwards, a design that was widespread in India. Also typical for India, the beak is combined with a square-headed hammer. The beak itself is modelled on a dagger, complete with a central ridge and fullers. The design of the guard is also characteristic, resembling two stylized petals, a very common phenomenon in Mughal dagger handles which can also be observed in two daggers in the museum's collection.

I would like to dwell on the decoration of the above exhibits. Three daggers have jade handles, worked upon in different techniques. Nephrite jade is a common material in the arts and crafts of Mughal and late-Mughal India. It was often used in handles of weapons which is not a coincidence. Jade has a very high viscosity so it does not crack easily on impact and is capable of sustaining heavy loads. At the same time it is easy to cut and carve, opening up great opportunities for an artist. Indian weapon-makers preferred the most expensive sort of jade, the milky white one, as its colour echoed that of the white marble which came into vogue as a facing material in palaces and mausoleums in the Mughal period. A combination of medium-sized floral patterns made with gemstones against a white marble, with coloured threads on bleached cashmere or silk, with precious stones on milky white jade – such was the flavour and the palette of the Mughal era. The grip of one of our daggers (No. 2056 II, cat. 4) is a typical example of Mughal inlaid handles. An almost white nephrite jade base is decorated with six-petalled flowers and curving branches made of emeralds and rubies in thin gold

гоценными камнями на молочном нефрите – вот колорит могольской эпохи. Рукоять кинжала (№ 2056 II, кат. 4) – типичный образец могольских инкрустированных рукоятей. Почти белая нефритовая основа декорирована шестилепестковыми цветами и изгибающимися веточками, выполненными из изумрудов и рубинов в тонкой золотой обводке. Характерно для могольских кинжалов оформление сочленения рукояти и клинка в виде двух раскрытых листьев. Более наглядно этот мотив виден в кинжале с резной рукоятью (№ 5595 II, кат. 5), однако он виден и в оформлении клевца из музейной коллекции (№ 513 II, кат. 10). Расположение цветов и листьев на рукояти обычно соответствует ее архитектонике – так, на обоих упомянутых кинжалах расположение цветка повторяет форму *головки* рукояти, а сам узор размещен симметрично. Что касается *пешкабза* (№ 2052 II, кат. 6), то его декор является довольно типичным для этого типа оружия. Нефритовая рукоять декорирована пластинами перламутра, скомпонованными таким образом, чтобы напоминать стилизованный узор булатного клинка. Узор булата всегда светлее фона, или грунта, – и для этого кинжала выбран темный, зеленоватый нефрит и светлые пластины перламутра. Украшались не только рукояти изделий, но и сами клинки. Так, клинок кинжала (№ 5595 II, кат. 5) украшен изящной инкрустацией золотой и серебряной нитью и чернением. Тончайший узор представляет собой сочетание растительного и геометрического орнаментов.

Небольшое собрание оружия Музея Востока включает в себя драгоценные образцы, оформление которых зачастую представляет большую ценность, чем функциональные качества. Художественные приемы, которые использовали мастера в отделке рукоятей, клинков, щитов, лежат в контексте эстетики своего времени, ведь для оформления привлекались и мастера-ремесленники других специальностей. Высокое качество представленного в коллекции оружия позволяет ему считаться одной из ценнейших частей обширной коллекции предметов искусства Индии в собрании Музея Востока.

outlines. In Mughal daggers the joining of the blade and the handle was often masked with a design that showed two open leaves. This device is more clearly visible in our dagger with a carved handle (№ 5595 II, cat. 5), but it can also be seen in the crow bill (No. 513 II, cat. 10). The location of flowers and leaves on the handle usually corresponds to its architectonics. Thus, in both daggers the floral arrangement closely follows the shape of the pommel and the pattern is symmetrical. As for the pesh-kabz (No. 2052 II, cat. 6), it features a quite typical decor for this type of a weapon. The nacre plates on its jade hilt are arranged in such a way so as to resemble a stylized pattern of a wootz steel blade. The wootz steel pattern is always brighter than its background, so the makers of this dagger opted for dark green jade and brighter nacre plates. Not only handles were decorated in Indian weapons but so were their blades. For instance, the blade of one of our daggers (No. 5595 II, cat. 5) is finely damascened in gold and silver in an exquisite combination of floral and geometric patterns.

The small arms and armour collection of the Museum of Oriental Arts includes precious samples, their decoration often proving more value than their functional quality. The artistic techniques employed in finishing handles, blades or shields are to be evaluated in the context of contemporary aesthetics as artists and craftsmen of various specializations were involved in decorating these weapons. The high quality of these weapons allows one to consider them a most valuable part of the extensive collection of Indian art in the Museum of Oriental Arts.

А.Ю. Попов

О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ РАЗНООБРАЗИИ ИНДИЙСКОГО ОРУЖИЯ

Andrey Popov

ON THE TYPOLOGICAL DIVERSITY IN INDIAN WEAPONS

Экспонируемые на выставке оружие можно разделить на несколько типологических групп, самые представительные из которых – копья, катары, ножи и кинжалы, мечи и сабли, а также топоры и булавы. В меньшем объеме можно увидеть метательное оружие и доспехи.

КОПЬЯ

Наконечники копий (кат. 11–18) происходят из Южной Индии и были выполнены в период правления династии Наяков (1532–1673). В конце XIV в. империя Виджаянагар подчинила своей власти весь юг Индии. Военные наместники в княжества Южной Индии назначались из ее центра. Оружейная школа юга Индии в этот период сохраняла традиции, сложившиеся в период правления династии Чола (II–XIII вв.). В XV–XVI вв. на оружейников Танджора (Танджавура) и Мадурая оказала влияние воинская культура Виджаянагара. После битвы при Таликоте в 1565 г., когда империя Виджаянагар – последнее великое индуистское государство – была разгромлена Деканскими султанатами, южноиндийские княжества остались одним из последних оплотов ортодоксальной оружейной культуры.

Крупные изогнутые копья или алебарды носили название *сангам*. Основания клинков копий

Ракхубер Сингх (21.09.1869 – 26.07.1927). 26-й правитель княжества Бунди (правил с 1889 г. до своей смерти в 1927 г.)

Raghubir Singh (21 September 1869 – 26 July 1927). 26th ruler of the princely state Bundi (from 1889 till his death in 1927)

Arms and armour on view at the exhibition fall into several typological groups. The more representative of those groups are spears, katars, knives and daggers, swords and sabres and axes and maces. Though fewer in numbers, one can also see some throwing weapons and armour.

SPEARS

Spear heads 11-18 come from South India and date back to the reign of the Nayak dynasty (1532-1673). At the end of the 14th century the Vijayanagara Empire subdued the whole of South India. The military governors of South Indian principalities were appointed from its centre. The weapon-making school in South India during this period kept the traditions that had been established during the reign of the Chola dynasty (2nd to 13th centure). In the 15th to 16th centuries blade smiths at Tanjore (Thanjavur) and Madurai were influenced by the military culture of Vijayanagara. After the battle of Talikota in 1565, when the Vijayanagar Empire, the last great Hindu power, was defeated by Deccani sultanates, the South Indian principalities remained among the last strongholds of the orthodox weapon-making culture.

Large curved spears or halberds were called the *sangam*. Spear head sockets were decorated with images of mythological creatures – makaras and yalis. The makara – a kind of a cross between a crocodile and a dolphin – serves as the *vahana* (vehicle) of Varuna, the king of waters and oceans. Powerful blades seem to grow out from a tangle of powerful makaras, these creatures of the underworld that are close to the gods. Yali is a mythological creature with the body of a lion and an elephant trunk. No other beast in existence was believed to be stronger than Yali. Images of

Воин с булавой и цветком. Фрагмент стенной росписи во дворце Чхатра-Махал, Бунди, Раджастхан, Индия. XVIII–XIX вв.). Фото К. Гребнева

A warrior with a mace and a flower. Chhatra Mahal murals detail. Bundi palace. Rajasthan. 18th to 19th centuries. Photograph by K. Grebnev

украшались изображениями мифологических животных – *макары* и *яли*. Макара – существо, похожее на крокодила и дельфина одновременно, – служит *ваханой* (ездовым животным) Варуны – повелителя стихии вод и океанов. Мощные клинки как бы вырастают из клубка могущественных *макар* – близких богам существ из потустороннего мира. *Яли* – мифологическое существо с телом льва и мордой слона. Считалось, что нет зверя сильнее *яли*. Изображения зубастого зверя с хоботом широко распространено в оформлении культовых сооружений Тамилнада и Карнатаки. Часто образ *яли* является частью колонн или опор здания. *Яли* – сильнейшее из созданий, способно поддерживать своды храма, принадлежащего богам, и клинок воина-героя. Массивные наконечники копий из южноиндийских княжеств монтировались из нескольких литых и кованых деталей (5–10 штук), соединяемых в одном изделии с помощью сварки и пайки. Завершающая обработка – полировка, чеканка, гравировка.

this sharp-toothed beast with a trunk are widespread in the design of Tamil Nadu and Karnataka religious buildings. The Yali us often depicted on columns or supports. The strongest of all creatures, Yali is capable of supporting both the arches of a temple that belongs to the gods and the blade of a hero warrior. The massive spearheads of South Indian kingdoms were assembled from several cast and forged parts (5-10 pieces) that were joined together with forge welding and soldering. The tip was then finished by polishing, chiselling, chasing and engraving.

Наконечники копий 19-21 происходят из Майсура, южноиндийского княжества, которым правила династия Водеяров. Вместе с тамильскими царствами Майсур до 1565 г. был вассальным государством Виджаянагара. Представленные наконечники копий можно датировать второй половиной XVII – первой половиной XVIII в. Они, вероятно, были изготовлены до прихода к власти в княжестве Хайдер Али. Конструкция втулок с кольцевым фиксатором такая же, как у ранних танджурских копий, но здесь уже нет места традиционным индуистским образам и обилию орнаментации. Наконечники копий выполнены в мрачной и лаконичной манере.

Spear heads 19-21 come from Mysore, a South Indian principality that was ruled by the Wodeyar dynasty. Along with Tamil kingdoms Mysore was up to 1565 a vassal state of Vijayanagara. Spear heads on display can be dated to the second half of the 17th century or the first half of the 18th century. They were probably made before Hyder Ali seized power in the principality. The design of the ring-retained sockets is the same as that of the early Tanjore spears, but there is no place now for traditional Hinduist images or the abundance of ornamentation. The spear heads are now made in a sombre and concise manner.

Наконечники копий 27-32, 37 и 38 были изготовлены в различных частях Раджастхана между концом XVII и началом XIX в. В Раджастхане копья назывались *балам*. Клинковая арматура Северо-Запада Индии иногда украшалась изображениями цветов и орнаментальными узорами. Верхние части втулки часто имеют форму *макары*. Встречаются также изображения львов (см. кат. 29 и 33). В конце XVII в. правители раджастханских княжеств в составе армий Великих Моголов принимали участие в походах Аурангзеба в Декане, и большое количество захваченного оружия попало в *силехханы* (оружейные палаты) раджпутанских махараджей. Технический и художественный багаж оружейников Раджастхана пополнился заимствованными образцами южной школы. Глубина содержания и смысл изображений здесь отличаются от тех, что мы видим в оформлении оружия и доспехов Южной Индии, где магическая составляющая декора не менее важна, чем боевые качества оружия. Распространение огнестрельного оружия в XVIII в. привело к уменьшению роли доспехов и кольчуг. Наконечники копий, которые ранее имели усиленные бронебойные острия, теперь стали легче, тоньше и изящнее. Северноиндийские наконечники копий обычно собирались

Spear heads 27-32, 37 and 38 were produced in different parts of Rajasthan between the end of the 17th and the beginning of the 19th centuries. In Rajasthan spears were called *balam*. Blade fittings of Northwest India were sometimes decorated with images of flowers and with ornamental patterns. The upper parts of the socket are often shaped like a *makara*. There are also images of lions (see cat. 29 and 33). At the end of the 17th century rulers of the Rajasthani principalities in the Mughal armies took part in Aurangzeb's campaigns in the Deccan and a large number of captured weapons fell into the *silekhanas* (armouries) of the Maharajas of Rajputana. The technical and artistic baggage of the armourers of Rajasthan was replenished with the ideas borrowed from the samples of the Southern school. The depth of the content and the meaning of the images here are different from those in the design of arms and armour from South India, where the magical component of the decor is not less important than the weapon's performance. Spreading of firearms in the 18th century led to a decrease in the role of armour and chain mail. The spear heads that had previously featured reinforced armour-piercing tips are now lighter, thinner and more elegant. North Indian spear heads were usually assem-

мощью кузнечной сварки и пайки медным припоем. Затем наконечник дорабатывался полировкой, резьбой, чеканкой и гравировкой.

Наконечники копий (кат. 19–21) происходят из Майсура – южноиндийского княжества, управлявшегося династией Вадеяров. Майсур, как и тамильские царства, до 1565 г. был вассалом Виджаянагара. Представленные здесь наконечники можно отнести ко второй половине XVII в. или к первой половине XVIII в. Вероятно, они произведены до захвата власти в княжестве Хайдером Али. Конструкция обхваченных кольцами втулок здесь та же, что и в ранних танджорских копьях, однако здесь нет места традиционным индуистским изображениям и изобилию орнамента. Наконечники выполнены в строгой лаконичной манере.

Наконечники копий (кат. 27–32, 37, 38) произведены в разных частях Раджастхана в период с конца XVII по начало XIX вв. Копья в Раджастхане называли *балам*. Основания клинков наконечников из Северо-Западной Индии иногда украшено изображениями цветов и орнаментом. Верхние части втулок наконечников часто решены в форме *макар*. Встречаются и образы львов, как на предметах в кат. 29 и 33. В конце XVII в. правители раджастханских княжеств в составе могольских армий участвовали в компаниях Аурангазеба в Декане, и большое количество трофейного оружия попало в *силекханы* (арсеналы) махарадж Раджпутаны. Технический и художественный багаж оружейных мастеров Раджастана пополнился идеями, позаимствованными из образцов южной школы. Глубина содержания и значение образов здесь иные, чем в оформлении оружия из Южной Индии, где магическое содержание декора не менее важно, чем технические характеристики. Благодаря распространению огнестрельного оружия, в XVIII в. падает значение доспехов и кольчуг. Наконечники копий, ранее усиленные на боевом конце для пробития кольчуг, становятся легче, тоньше и изящней. В Северной Индии наконечники копий, как правило, монтировали из двух-трех предварительно подготовленных деталей. Клинок, порой откованный из тигельного булата, крепился во втулке с помощью кузнечной сварки и медного припоя. Затем наконечники доводились с помощью резцов,

bled from two or three pre-prepared items. The blade, sometimes forged from wootz steel, was set into the socket using forge welding and copper solder. Then the heads were refined with chisels, puncheons and polishing. Sometimes they were damascened in gold.

In the 17th and 18th centuries Indian armourers were influenced by European weapons trends. A spear on display (cat. 24) is a striking example of a combination of European design and Indian technology. The blade is forged from shakila Damascus steel but the T-shaped crosspiece is borrowed from naval half-pikes in use with the British Royal Navy in the 1770s-1780s.

KATARS

A katar is a cold steel weapon with a handle designed for the cross-grip that perhaps only existed in India. Today a dagger with an H-shaped grip is called *katar* or *kutar*, although in ancient times such a weapon was known as *jamadhar*, 'the death-bringer'. The oldest extant katars come from South India and date back to the 16th to 17th centuries. Daggers set on a two-bar handle that was protected by a curved plate existed on the territory of the Vijayanagara Empire and the Tamil kingdoms. Dagger (cat. 44) is a typical Vijayanagara katar. Anthony S. Tirri calls these daggers *turums* or *turups*[1]. Daggers of similar design are depicted in the temple sculpture of the 16th century at Srirangam, Vellore and others. The guard of the early southern katars was decorated by floral patterns and sometimes by images of mythological creatures. The blade is double-edged, features multiple fullers and is usually fastened between two figured braces. Early Southern India katars were assembled from 10 to 20 pre-forged parts and fastened with copper solder and rivets. The transverse grip presupposed a specific fencing technique. Decorated with safety symbols, the dagger was not a tool, but rather an extension of the warrior's hand.

Katars from South India (cat. 46, 47, 50, 51) can be dated to the period between 1610 and 1687. At the beginning of the 16th century the principalities of Golconda, Bijapur, Berar, Bedar or Ahmadnagar rose from the ruins of the Bahmani Sultanate (1347-1518) on the Deccan Plain. The elites of these principalities were formed by

[1] *Tirri A.C.* Islamic Weapons. Maghrib to Moghul. Indigo Publishing, 2003, p. 312.

чеканов и полировки. Иногда украшались насечкой золотом.

В XVII–XVIII вв. на оружейников Индии оказывали влияние европейские оружейные тенденции. Один из ярких примеров смешения европейского дизайна и индийской техники представлен на выставке (кат. 24). Клинок наконечника откован из дамасской стали *шакила*, Т-образное перекрестье позаимствовано от бывших на вооружении Британского Королевского флота в 1770–1780–х гг. наконечников пик.

КАТАРЫ

Катары представляют собой холодное оружие с рукоятью, предназначенной для поперечного хвата, встречаются, возможно, только в Индии. Кинжал с Н-образной рукоятью сегодня называют *катар* или *кутар*, хотя в древности подобное оружие было известно как *джамдхар* – «несущий смерть». Самые древние из известных нам *катаров* происходят из Южной Индии XVI–XVII вв. Кинжалы с рукоятью из двух перекладин, защищенных изогнутой пластиной, бытовали на территории империи Виджаянагар и тамильских княжеств. Один из типичных виджаянагарских *катаров* представлен на выставке (кат. 44). Энтони С. Тирри для подобных кинжалов приводит название *турум* или *туруп*[13]. Изображения кинжалов подобной конструкции встречаются в храмовой скульптуре XVI в. в Шрирангаме, Веллоре и др. Защищающая кисть руки пластина в ранних южных *катарах* декорировалась растительным орнаментом, иногда изображениями мифологических животных. Многодольный, обоюдоострый клинок, как правило, крепился между двух фигурных пластин. Ранние *катары* из Южной Индии собирались из предварительно откованных деталей (10–20 шт.) с помощью медного припоя и заклепок. Поперечный хват предполагал специфическую технику фехтования. Кинжал, украшенный защитными изображениями, являлся не инструментом, а скорее продолжением руки воина.

Катары из Южной Индии (кат. 46, 47, 50, 51) можно отнести к периоду между 1610 и 1687 гг. В начале XVI в. на Деканском плоскогорье из руин

[13] *Tirri A.C.* Islamic Weapons. Maghrib to Moghul. Indigo Publishing, 2003, p. 312.

natives of Central Asia and the Middle East who had brought Turkish and Persian weapon technology to Central India. These principalities waged war on Vijayanagara, fought among themselves and constantly had to deal with attacks of the Mughal armies. In the 16th and 17th centuries European military experts begin to appear in South and Central India. In the beginning of the 17th century Deccan katars were often mounted on European blades. Their design is getting simplified, the fist-guard disappears. There were changes in the decoration as well, with floral motifs replacing the images of mythological monsters. As was the case with the Vijayanagara katars, the base of the blade is fixed between two figured braces, which sometimes feature pierced work.

Daggers 53-57 were probably produced in the Deccan after 1687. The Mughal armies, having conquered Golconda and Bijapur, brought with them the influence of the Northern weapon-making schools. The design of the katar changes radically. The base of the blade is no longer riveted between two figured races, it is now connected to the hilt with forge welding or copper solder. By the end of the 17th century the image of the katar becomes complete.

Katars 59-67 and 69-71 were produced in northwestern and central India in the 18th to 19th centuries, probably between 1707 and 1857. The place of manufacture of a given katar may be difficult to determine. Master bladesmiths moved from place to place with the Mughal armies. The Rajput princely courts exchanged artisans and craftsmen when concluding dynastic alliances. Northern katars with images of elephants and other animals in relief are usually associated with the Bundi School. The katars that have their transverse grips formed from flat plates (see cat. 64) were produced in Burhanpur, but also in the principalities of Rajasthan. In northern katars the blade is usually forged from wootz steel. The handle is often damascened in gold or is silver-plated. Relief images of flowers, animals or gods may decorate the base of the blade. Besides their combat functions these ornate katars now serve to indicate the high status of their owners.

KNIVES AND DAGGERS

Different weapon-making traditions interacted in India in the 17th and the 18th centuries. The many coloured puzzle that was the historic reality in India during this period is reflected in the sheer variety of

Придворные, вооруженные катарами и щитами. Фрагмент стенной росписи во дворце Чхатра-Махал, Бунди, Раджастхан, Индия. XVIII–XIX вв.

Courtiers armed with katars and shields. Chhatra Mahal murals detail. Bundi palace. Rajasthan. 18th to 19th centuries

Бахманидского султаната (1347–1518) появляются государства Голконда, Биджапур, Берар, Бедар, Ахмаднагар. Выходцы из стран Средней Азии и Ближнего Востока, составлявшие элиты деканских княжеств, принесли в Центральную Индию турецкие и персидские оружейные технологии. Княжества вели войну с Виджаянагаром, воевали друг с другом и непрерывно отражали атаки могольских армий. В XVI–XVII вв. в Южной и Центральной Индии появляются военные специалисты из Европы. В начале XVII в. на деканских *катарах* часто крепятся клинки европейского производства. Конструкция упрощается, исчезает защищающая кисть руки пластина. Изменяется и декор. Растительные мотивы вытесняют изображения мифологических монстров. Как и на *катарах* из Виджаянагара, основание клинка крепится между двух фигурных, иногда просечных пластин.

Часть экспозиции представляет кинжалы (кат. 53–57), произведенные, вероятно, в Дека-

short bladed weapons. Chilanum, khandjar, khandjarli, pesh-kabz, kard, bichuwa, katar and many other types of knives and daggers coexist in India at the same time. Rulers of the Deccani states and the Mughal Empire are connected to the Middle East and Central Asia and stay true to the Ottoman and Safavid weapon-making traditions. Our kard dagger (cat. 78) is probably made in North India in the second half of the 17th century. The blade is forged from wootz steel in an Iranian fashion. The handle is carved from nephrite jade and decorated with a floral motif in relief. A kard like this could belong to a Delhi courtier

не после 1687 г. Могольские армии, завоевавшие Голконду и Биджапур, принесли с собой влияние северных оружейных школ. Конструкция *катара* радикально меняется. Основание клинка больше не заклепывается между двух фигурных пластин, а соединяется с эфесом кузнечной сваркой или медным припоем. В конце XVII в. образ *катара* приобретает законченные черты.

На выставке представлены катары (кат. 59–67, 69–71), произведенные в северо–западных и центральных районах Индии в XVIII–XIX вв., вероятно, в период с 1707 по 1857 г. Место производства определенного *катара* бывает сложно определить. Мастера-оружейники переезжали с места на место вместе с могольскими армиями. Дворы раджпутских княжеств обменивались мастерами и ремесленниками, заключая династические союзы. Северные *катары* с рельефными изображениями слонов и других животных принято связывать со школой Бунди. *Катары* с перекладинами рукояти, сформированными из плоских пластин (кат. 64), производились в Бурханпуре, но также и в княжествах Раджастхана. Клинки северных *катаров*, как правило, откованы из тигельного булата. Рукоять часто украшена насечкой золотом или плакировкой серебром. Основание клинка иногда оформлено рельефными изображениями цветов, богов либо животных. Богато украшенные *катары* помимо боевой функции теперь обозначают статус владельца.

НОЖИ И КИНЖАЛЫ

В Индии XVII–XVIII вв. встречались различные оружейные традиции. Разнообразие коротколинкового оружия этого периода отображает пеструю картину исторической действительности. *Чиланум, кханджар, кханджарли, пешкабз, кард, бичва, катар* и множество других разновидностей ножей и кинжалов сосуществуют на территории Индии одновременно. Правители деканских государств и Могольской империи, связанные с Ближним Востоком и Средней Азией, придерживаются оттоманских и сефевидских оружейных традиций. На выставке представлен *кард* (кат. 78), который, вероятно, изготовлен в Северной Индии во второй половине XVII в. Клинок откован из булатной стали по иранскому образцу. Рукоять выточена из нефрита и украшена рельефной резьбой с растительным орнаментом. Вероятно, он принадлежал турецкому сановнику. Еще один кард с похожим клинком находится в коллекции Аль-Сабах[2], а Роберт Хейлс опубликовал изображение турецкого кинжала с похожей рукоятью, вырезанной из темного нефрита[3]. Наши ножи с каменными рукоятями (кат. 92, 93) были сделаны несколько позднее, вероятно, в XVIII в. Правители провинциальных индийских княжеств стараются сохранить традиционные формы. Цельнометаллические чиланумы использовались в Центральной и Южной Индии с XVI или XVII вв. до конца XVIII в. Чиланум кат. 80 имеет характерную Х-образную рукоять с навершием в виде стилизованного цветка. Перекрученный клинок усилен ромбовидным в сечении бронебойным утолщением. Наш деканский кинжал с костяными накладками на рукояти (кат. 79) имеет небольшую гарду. Украшенные бусинами в рельефе гарды такой конструкции характерны для второй половины XVII в. Используя изображения нескольких кинжалов в Метрополитен-музее, Роберт Элгуд прослеживает эволюцию рукоятей южноиндийских кинжалов от Х-образных к грибовидным или полумесяцевидным[4]. Восточноиндийские кинжалы кханджарли восходят к чиланумам и ранним деканским образцам. Кханджарли 83 и 84 имеют типичные грибовидные рукояти и перекрученные клинки с несколькими долами. Качественные кханджарли обычно ассоциируются с княжеством Визианагарам на юго-востоке Индии. Его правители происходили из раджпутского клана Сисодиа и были родственны махараджам Удайпура, известного центра производства оружия на северо-западе Индии. До начала XIX в. кханджарли производились по образцам второй половины XVII в. Марафы завоевали юго-восток Индии в XVIII в., обогатив местную школу оружейников деканскими влияниями. Наш кинжал с пистолетной рукоятью и бусинами на краях гарды (кат. 82), кханджар, был произведен в первой половине XVIII в. на северо-западе Индии и не имеет общих

[2] Treasury of the World, 2001. Fig. 8.27.

[3] *Hales R.* Islamic and Oriental Arms and Armour. A Lifetime's Passion. London, 2013, p. 84, № 185.

[4] *Elgood R.* Hindu Arms and Ritual. Arms and Armour from India. 1400–1865. Ahmedabad, 2004, p. 179, fig. 16.36.

тельным мотивом. Подобным *кардом* мог владеть делийский придворный или турецкий вельможа. *Кард* с аналогичным клинком есть в коллекции Аль-Сабах[14], а Роберт Хейлс[15] приводит изображение турецкого кинжала со схожей рукоятью, выточенной из темного нефрита. Ножи с каменными рукоятями (кат. 92, 93) были изготовлены чуть позже, вероятно, в XVIII в. Правители провинциальных индуистских княжеств стараются сохранять традиционные формы. Цельнометаллические кинжалы *чиланум* бытовали в Центральной и Южной Индии в XVI–XVII вв. и вплоть до конца XVIII в. *Чиланум* (кат. 80) имеет характерную рукоять в форме буквы X, тыльная часть которой оформлена в виде стилизованного цветка. Клинок двойного изгиба на боевом конце усилен бронебойным утолщением ромбического сечения. Деканский кинжал с костяными накладками на рукояти (кат. 79) имеет небольшую *гарду*. Такие декорированные маленькими шариками *гарды* характерны для второй половины XVII в. Роберт Элгуд[16] приводит ряд изображений кинжалов из коллекции Музея Метрополитен, Нью-Уорк (Metropolitan Museum of Art, New-York) для иллюстрации эволюции рукояти южноиндийских кинжалов от X-образных рукоятей к рукояти в форме гриба или полумесяца. От *чиланума* и раннего деканского оружия происходят восточно-индийские кинжалы – *кханжарли*. *Кханжарли* (кат. 83, 84) имеют характерные грибовидные рукояти и многодольные клинки двойного изгиба. *Кханджарли* хорошего качества принято связывать с княжеством Визинагарам в Юго-Восточной Индии. Правители княжества происходили из раджпутского клана Сисодия и доводились родственниками Махараджам Удайпура – известного оружейного центра северо-запада Индии. *Кханджарли* производились вплоть до начала XIX в., повторяя образцы второй половины XVII в. Маратхи, завоевавшие в XVIII в. юго-восток Индии, обогатили местную оружейную школу влиянием деканских школ. Кинжал с «пи-

Фрагмент стенной росписи в дворце Чхатра-Махал. Бунди. Раджастхан. (XVIII-XIX вв.

Chhatra Mahal murals detail. Bundi palace. Rajasthan. 18th- 19th centuries

ancestors with khandjarlis, the early Deccan daggers of the 16th and the 17th centuries.

A very interesting knife (cat. 77) was probably made in southern India no later than the middle of the 17th century. The Central Asian pesh-kabz with a T-section blade acquires new features in the interpretation of a South Indian swordsmith. The re-curve of the blade lends the dagger a predatory air. An animal

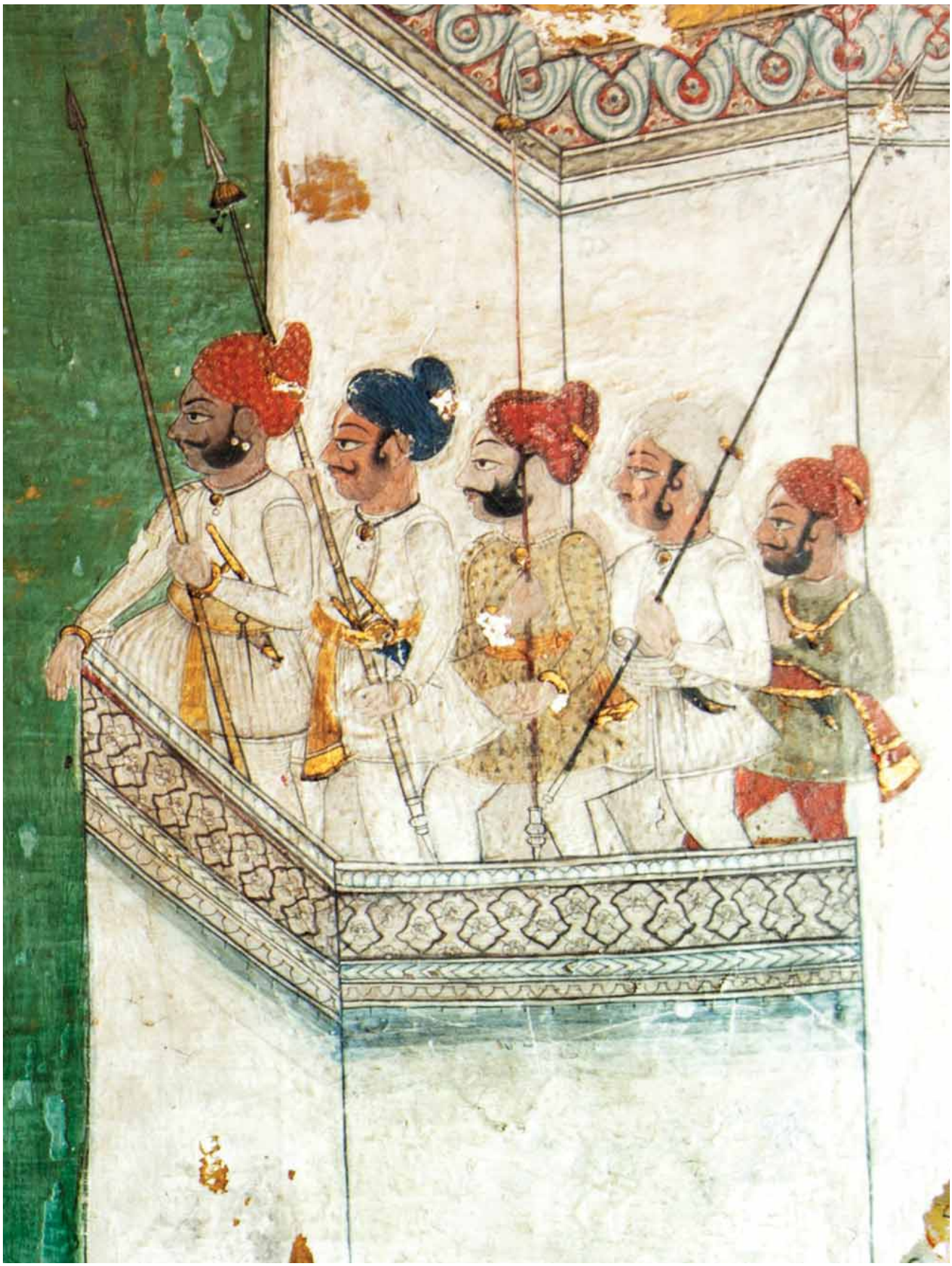
[14] Сокровищница мира. Ювелирное искусство Индии в эпоху Великих Моголов. Лондон, 2009, с. 104, № 8.27.
[15] *Hales R.* Islamic and Oriental Arms and Armour. A Lifetime's Passion. London, 2013, p. 84, № 185.
[16] *Elgood R.* Hindu Arms and Ritual. Arms and Armour from India. 1400–1865. Ahmedabad, 2004, p. 179, № 16.36.

столетной» рукоятью и маленькими шариками на краях *гарды* (кат. 82) – *кханджар* – произведен в первой половине XVIII в. в Северо-Западной Индии и имеет общих с *кханджарли* предков – ранние деканские кинжалы XVI–XVII вв.

В экспозиции представлен очень интересный нож (кат. 77) который, вероятно, был произведен на юге Индии не позже середины XVII в. Среднеазиатский *пешкабз* с Т-образным сечением клинка в интерпретации южноиндийского оружейника приобретает новые черты. Двойной изгиб клинка придает кинжалу хищные очертания. В оформлении рукояти использован мотив головы животного с закрученным хоботом. Ребристая деталь рукояти нетипична для *пешкабзов*. Подобные ребристые шары можно увидеть на ранних иранских *кардах* и в оформлении оружия из Южной Индии XVI–XVII вв. Иногда кинжал (кат. 81) имеет черты как северного, так и южного оружия. Типичный индийский многодольный обоюдоострый клинок закреплен в практичной рукояти среднеазиатского типа. Часть экспонируемых кинжалов (кат. 78–82, 90) можно отнести ко второй половине XVII – началу XVIII вв. Характерна для рубежа XVII–XVIII вв. и техника насечки золотом – *зарнишан*. *Пешкабз,* декорированный в такой технике, представлен на выставке (кат. 90). Нож *банк* (кат. 87, 88) и кинжал *бичва* (кат. 85) – излюбленное коротко-клинковое оружие маратхов. Считается, что именно кинжалом *бичва* лидер маратхов Шиваджи в 1658 г. умертвил военачальника Биджапура Афзал Хана. Кинжалы *кханджарли* происходят из Центральной Индии и Ориссы. Такие кинжалы (кат. 83, 84) имеют характерные грибовидные рукояти и многодольные клинки двойного изгиба. К XVIII в. можно отнести *пешкабз* (кат. 91). Клинок с Т-образным сечением клинка выкован из булатной стали, накладки рукоятки выточены из драгоценного клыка моржа. Медные устье и кончик ножен вызолочены. *Пешкабзом* мог владеть чиновник или офицер Могольской империи. Встречались такие ножи и в арсеналах раджпутских княжеств. *Кард* (кат. 95) с шевронным клинком выдержан в классических пропорциях. Шевронные клинки выковывались из чередующихся поперечных полос булатной и дамасской стали. Полосы на поверхности клинка могли быть созhead motif, complete with a spiralling trunk, decorates the handle. The ribbed detail on the handle is atypical for a pesh-kabz. Similar ribbed balls can be seen in the early Iranian kard knives and in the design of weapons from South India from the 16th or the 17th century. Daggers 78-82 and 90 can be dated to the second half of the 17th or the beginning of the 18th century. Dagger 81 has certain features of both northern and southern arms. A typically Indian double-edged blade with multiple fullers is mounted on a practical handle of a Central Asian type. The *zarnishan* technique of damascening steel in gold is very characteristic of the turn of the 18th century. It is in this manner that pesh-kabz 90 is decorated. The bank knife (cat. 87, 88) and the bichuwa dagger (cat. 85) were the favourite short-bladed weapon of the Marathas. It is with a bichuwa dagger that the Maratha leader Shivaji is believed to have killed general Afzal Khan of Bijapur. Khandjarli daggers come from Central India and Orissa. Daggers 83 and 84 have typical mushroom-shaped hilts and re-curved bands with multiple fullers. Pesh-kabz 91 may be dated to the 18th century. The T-section blade is forged from wootz steel and the cheeks of the handle are carved from precious walrus tooth. The copper throat and the tip of the scabbard are gilded. A high-ranking individual in the Mughal Imperial civil service or the military may have owned this pesh-kabz. Knives of the kind were to be found in the arsenals of the Rajput principalities, too. The kard knife 95 with a chevron blade keeps to the classic proportions. Chevron blades were forged from alternating bars of wootz and Damascus steel. The pattern on the surface could also be created using etching. In India, these blades were referred to as ‘Lehariya’ (wave) or ‘Ganga Jamuna’, after two sacred rivers. In the 18th to 19th century Bhinder, a small town near Udaipur, was famous for locally-produced ‘Lehariya’ blades.

Группа воинов, вооруженных катарами и копьями, на балконе. Фрагмент стенной росписи во дворце Чхатра-Махал, Бунди, Раджастхан, Индия. XVIII–XIX вв.)
Фото К. Гребнева

A group of warriors armed with katars and spears stand on a balcony. Chhatra Mahal murals detail. Bundi palace. Rajasthan. 18th to 19th centuries



Аристократ с тальваром. Индия

A nobleman with a talwar. India

даны и с применением травления. В Индии такие клинки называли *лехария* – «волна», или в честь великих рек – Ганга и Джамна. В XVIII–XIX вв. производством клинков *лехария* славился городок Бхиндер в окрестностях Удайпура. Некоторые *пешкабзы* и *джамбии* (кат. 97–101) произведены на северо-западе Индии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Эпоха больших войн заканчивается в 1818–1820 гг. разгромом маратхской конфедерации англичанами. Ножи и кинжалы становятся тоньше, легче и декоративней. Боевой конец кинжала первой половины XIX в. может быть усилен бронебойным утолщением, но это уже скорее дань традиции, чем необходимость пробивать доспехи.

МЕЧИ И САБЛИ

Мечи *патисса* (кат. 109–112) произведены в Южной Индии в XVI–XVII вв. С таким оружием воевали на территории Тамилнада, Кералы, Карнатаки, Декана. Конструкция *патиссы* происходит от древних образцов. Клинок *патиссы* заклепан

Our pesh-kabz daggers and jumbhiya (cat. 97-101) were produced in the north-west of India between the end of the 18th and the first half of the 19th century. The era of big wars came to an end in 1818-1820 with the defeat of the Maratha Confederacy at the hands of the British. After that date knives and daggers become thinner, lighter and more decorative. A dagger produced in the first half of the 19th century may well be strengthened with an armour-piercing tip, but now it is rather a tribute to tradition than is due to the actual need to pierce armour.

SWORDS AND SABRES

Our patissa swords (cat. 109-112) were manufactured in South India in the 16th and the 17th centuries. This weapon saw much use in the many wars in Tamil Nadu, Kerala, Karnataka and the Deccan. The design of the patissa descends from ancient samples. The blade of a patissa is riveted between two elongated plates, or *langets* that are connected to the hilt. The length of the langets may reach up to one third of the length of the blade. Swords with similarly mounted blades can be seen in the temple sculpture of the Chola period. The long straight blade of a patissa widens slightly toward the end into a tie-like shape. Due to the peculiar shape of the blade it was used for cutting but not for thrusting. Many experts define the patissa as a khanda sword with the Old Indian hilt. Our khanda swords (cat. 113, 114, 115) can be dated to the second half of 17th or the beginning of the 18th century. These swords probably originated in Central India. Khanda swords were popular among the Marathas, in the East of India in Orissa and in the West, in Rajasthan. As was the case of the patissa, the blade of a khanda is also riveted between two elongated langets, but their length is reduced to approximately one sixth of the length of the blade. The blade usually features a false edge and is reinforced with riveted plates on the back of the blade and the forte. A broadened knuckle-guard appears on traditional Indian hilt in the 17th century. The discoid pommel now ends in a slightly curved spike that allows the swordsman to hold the weapon in two hands. This type of a hilt is known as the Indian basket hilt. The tip of the blade of sword 115 is slightly bent forward. Anthony C. Tirri defines a

между двух продолговатых пластин – *лангет*, соединенных с *гардой*. Длина *лангет* иногда достигает трети длины клинка. В храмовой скульптуре периода Чола можно увидеть изображения мечей с клинками, закрепленными таким образом. Длинный прямой клинок *патиссы* слегка расширяется ближе к концу и по форме напоминает галстук. Форма клинка подразумевает рубящие, а не колющие удары. Многие исследователи определяют *патиссу* как меч *кханда* со староиндийским *эфесом*. Мечи *кханда* соответствующего раздела экспозиции (кат. 113, 114, 115) можно отнести ко второй половине XVII – началу XVIII вв. Эти мечи происходят, вероятно, из Центральной Индии. *Кханды* были популярны среди маратхов, встречались на востоке страны в Ориссе и на западе в Раджастхане. Клинок, как и в случае с *патиссой*, заклепывается между двух продолговатых *лангет*, однако их длина сокращается и составляет примерно шестую часть длины клинка. Клинок обычно полуторной заточки, усиливается наклепанными пластинами на *обухе* и основании. В XVII в. на традиционном индийском *эфесе* появляется широкая *дужка*. Дисковидное навершие дополняется слегка загнутым стержнем, позволяющим удерживать меч двумя руками. *Эфес* данного типа принято называть *индийская корзина*. Кончик клинка такого меча (кат. 115) слегка загнут вперед. Энтони С. Тирри определяет меч с такой формой клинка как *кирах*[17]. П.С. Роусон приводит изображение меча схожей конструкции из Музея Виктории и Альберта (Victoria and Albert Museum, London)[18]. Кончик меча, приведенного Роусоном, имеет двойной изгиб, линия заточки проходит по вогнутой стороне клинка. Мечи и сабли с клинками таких очертаний называют *сосун пата* (цветок лилии). Такой тип клинка также определяют как *ятаганный*. *Сосун пата* (кат. 116) имеет фигурные накладки на обухе и основании клинка. В данном случае клинок закреплен в индомусульманском *эфесе* и декорирован по краю рядом шариков и отверстий. Рукояти *катаров* и *тальваров,* декорированные таким образом, принято связывать с Деканом, и в частности с княжеством Голконда.

sword with such a blade as a kirah[5]. Philipp S. Rawson published an image of a sword of similar design from the Victoria and Albert Museum in London[6]. The tip of the sword that Rawson quotes has a recurve and the cutting edge is on the concave side of the blade. A sword or a sabre with such a blade is called a sosun pattah (the lily flower). Such a blade may also be defined as a scimitar. Our sosun pattah 116 has figured plates on the back of the blade and at the forte of the cutting edge. In this case the blade is mounted on an Indo-Muslim hilt. Katar and talwar handles featuring beads-and-holes decoration are usually associated with the Deccan, particularly with the principality of Golconda.

A sword of massive proportions (cat. 126) that was probably made in the second half of the 17th century in Central India may also be called a sosun pattah. The 17th century saw many European blades mounted on typical Indian hilts. Broadsword or rapier blades found their way into India in the 17th and the 18th centuries through the ports of the Malabar Coast. Both straight and curved blades were mounted on Indian basket hilts. A combination of an Indian hilt and a straight blade was called a *firangi,* a foreigner, while that of an Indian hilt and a curved blade from Europe may have been called an alamani. The modest size of one of our *firangi* swords (cat. 121) suggests that it was made for a child. The blade may have been forged in Passau, Germany. The flat of the blade is stamped with the numbers 1727 and a stylized image of a running wolf.

Wide straight blades of European origin were used in *pata* swords, too. The H-shaped grip of a pata was fastened inside a gauntlet. Pata swords of the 16th or the first half of the 17th century come from South India. The blade of our pata sword 117 is strengthened with a central ridge and features a significant semi-discoid bulge at the forte. The blades of this rare form are usually dated to the first half of the 16th century. Several blades with a discoid bulge at the forte in the Ganga Government Museum in Bikaner were published by Robert Elgood[7]. In the second half of 17th century and the

[17] *Tirri A.C.* Op. cit., p. 318, fig. 240.
[18] *Rawson P.S.* The Indian Sword. New York, 1969, fig. 11.

[5] *Tirri A.C.* Op. cit., p. 318, fig. 240.
[6] *Rawson P.S.* The Indian Sword. New York, 1969, fig. 11.
[7] *Elgood R.* Op. cit., quoting: *Goetz H.* The Art and Architecture of Bikaner State. Oxford, 1950, p. 110.

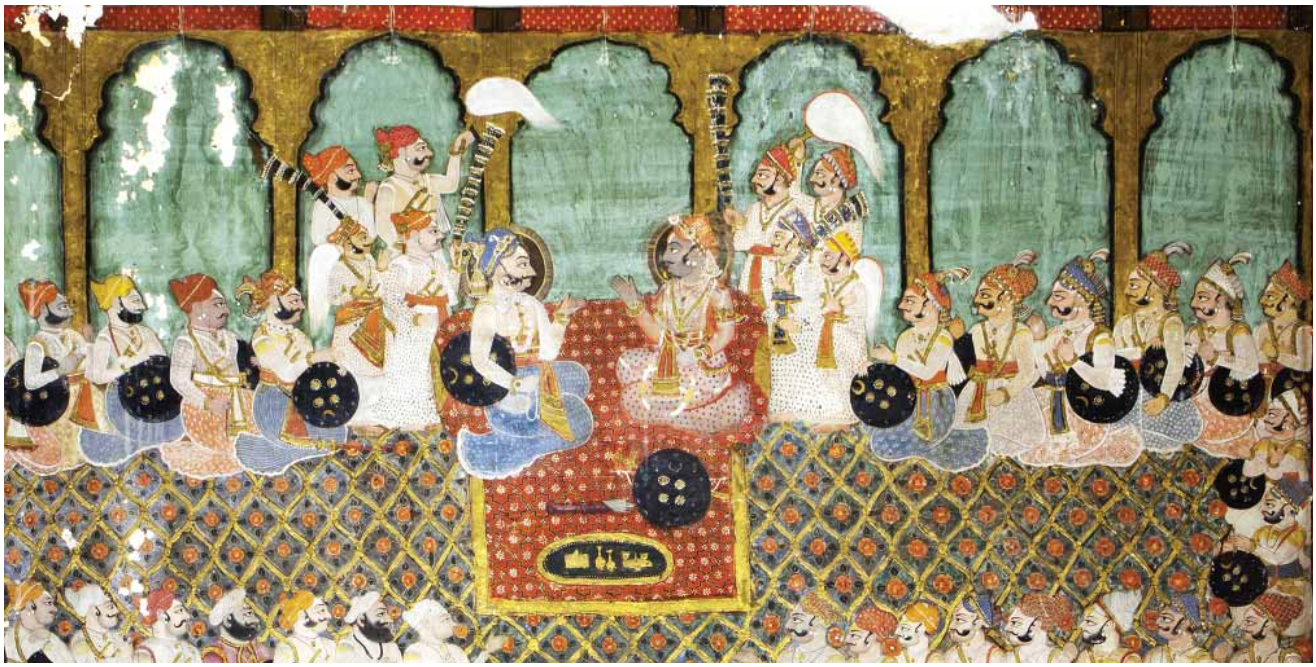
На выставке представлен меч массивных пропорций (кат. 126) изготовленный, вероятно, во второй половине XVII в. в Центральной Индии, который также можно назвать *сосун пата*. В XVII в. на типичные индийские *эфесы* устанавливали и европейские клинки. Палашные или шпажные полосы попадали в Индию в XVII–XVIII вв. через порты Малабарского побережья. Как прямые, так и изогнутые клинки часто закрепляли в *эфесе* типа *индийская корзина*. Комбинацию индийского *эфеса* и прямого клинка называли *фаранги* – «иностранец». Сочетание индийского *эфеса* и изогнутого сабельного клинка из Европы могли называть *алемани*. Скромные размеры одного из представленных на выставке *фаранги* (кат. 121) позволяют предположить, что меч был изготовлен для ребенка. Клинок, вероятно, выкован в Пассау, Германия. На *голомени* клинка выбиты цифры 1727 и выгравировано стилизованное изображение клейма, известного как «волчок». Широкие прямые клинки европейского производства устанавливали и на мечи *пата*. Н-образная рукоять *паты* крепилась внутри *наруча* или латной рукавицы. Мечи *пата* XVI в. и первой половины XVII в. происходят из Южной Индии. Клинок меча *пата* (кат. 117) усилен центральным ребром, основание клинка имеет значительное расширение в форме полудиска. Редкие клинки такой формы относят к первой половине XVI в. Клинки с дисковидным расширением у основания из коллекции Музея Ганги в Биканере (Ganga Government Museum, Bikaner) опубликованы Робертом Элгудом[19]. Во второй половине XVII – начале XVIII вв. *пата* излюбленное длинно-клинковое оружие маратхов. Ранние танджорские *паты* отличались сложными фигуративными рукавицами, выполненными в форме *яли*, слонов, птиц и т.д. Клинок одного из мечей *пата* (кат. 118), вероятно, европейского производства, *эфес* выполнен в форме фигуры павлина или попугая. Подобный меч хранится в коллекции Государственного музея в Ченнае (Government Museum, Chennai // № 2134)[20]. Мечи *пата* из арсенала маратхов оформлялись в сдержанной лаконичной манере. Типичным примером деканских *пата* рубежа

[19] *Elgood R.* Op. cit., со ссылкой на: *Goetz H.* The Art and Architecture of Bikaner State. Oxford, 1950, p. 110.
[20] *Elgood R.* Op. cit., p. 98, ил.8.61.

early 18th century the pata was the preferred long-bladed weapon of the Marathas. Complex figurative gauntlets in the form of yalis, elephants, birds, etc. are characteristic of the early Tanjore pata swords. The blade of the pata sword 118 is probably of European manufacture, the hilt is shaped like a peacock or a parrot. There is a comparable sword in the Government Museum, Chennai (accession number 2134)[8]. Pata swords of the Marathas were decorated in a restrained and laconic manner. Our swords 119 and 120 can serve as two typical examples of turn of the 18th century Deccani pata. Our tegha sword (cat. 127) can be dated to the early 18th century as well. Tegha blades 143, 144 and 145 were forged in the 19th century and mounted on 17th or 19th century hilts.

Central Asian swords get widespread in North India during the Delhi Sultanate period. It was in the 16th century that the Indo-Muslim hilt design seems to have appeared, incorporating a crosspiece and a discoid pommel. Some early Mughal blades with a small false edge preserve recognizable Syrian and Ottoman features. The blade of one our talwars (cat. 123) was probably made in the last quarter of the 16th century. The co-existence of Arabic lettering and a chiselled image of a Hindu deity (Surya) in the design of the blade was only possible during the reign of Emperor Akbar. The 17th century sees the courts of the great Mughal rulers and of the Deccan follow the Persian weapons fashion. The hilt of one of our talwars (cat. 128) is decorated with elaborate gold inlay in the *tah i nishan* technique. The strongly curved blade of the shamshir geometry was made by Persian masters. The sabre can be dated to the turn of the 18th century. The blade of talwar 129 features a rhythmic pattern of the wootz steel structure known as *kirk narbudan* or *the steps of Allah*. The peculiar Iranian weapon-making tradition can be discerned in the design of the blade of another talwar (cat. 142). A talwar with a similar forte design was published by Leo Figiel[9]. The hilts of our early 18th century swords (ref. 130, 131) are chiselled in relief and silver-plated. Their blades do not show such pronounced curvature is as do those of Persian

[8] *Elgood R.* Op. cit., p. 98, fig 8.61.
[9] *Figiel L.* On Damascus Steel. New York, 1991, p. 55.



Встреча двух махараджей в окружении придворных. На переднем плане на ковре: колчан со стрелами, лук, тальвар, щит. Фрагмент стенной росписи во дворце Чхатра-Махал, Бунди, Раджастхан, Индия. XVIII–XIX вв.

Meeting of two Maharajas surrounded by courtiers. In the foreground, a quiver and arrows, a bow, a talwar and a shield. Chhatra Mahal murals detail. Bundi palace. Rajasthan. 18th to 19th centuries

XVII и XVIII вв. могут служить некоторые из представленных на выставке мечей (кат. 119, 120). К началу XVIII в. можно отнести один из экпонируемых мечей *тега* (кат. 127). Также представлены предметы, где клинки мечей *тега* (кат. 144, 145, 146) выкованы в XIX в. и установлены на *эфесы* XVII–XIX вв.

В период делийских султанатов в Северной Индии получают распространение среднеазиатские сабли. Вероятно, в XVI в. появляется конструкция индомусульманского *эфеса* с перекрестьем и дисковидным навершием. Ранние могольские клинки с небольшой *елманью* иногда имеют узнаваемые сирийские и оттоманские черты. Клинок *тальвара* (кат. 123), вероятно, изготовлен в последнюю четверть XVI в. Сочетание арабской графики и резного изображения индуистского божества (Сурья) в оформлении клинка было, возможно, в период правления императора Акбара. В XVII в. придворные великих Моголов и правителей Декана следуют иранской оружейной моде. *Эфес тальвара* (кат. 128) украшен искусной насечкой золотом в технике *тах-и-нишан*. Сильно изогнутый клинок шамширной геометрии изготовлен персидскими мастерами. Саблю можно отнести к рубежу XVII–XVIII вв. Один из клинков *тальвара* (кат. 129) демонстрирует ритмичную структуру рисунка булатной стали, известной как *кирк нарбудан* или *лестница Проро-*

shamshir sabers. The blades feature an unsharpened section at the base, a ricasso. The blades of swords 134 and 135 are manufactured from chevrons of different varieties of steel. These alternating light and dark chevrons form a ‘Lehariya’ pattern. These blades were produced in North India from the 17th to the 19th century. Our cutlasses (cat. 149.150) come from South India. The *veecharooval* cutlass (cat. 150) was intended for ritual beheading of sacrificial animals but it could also be used in combat. Robert Elgood published similar cutlasses that are decorated with *yali* heads in relief[10]. The *moplah* (cat. 148) is a typical example of Muslim weapons of Kerala.

[10] *Elgood R.* Op. cit., p. 70.

ка. Почерк иранской оружейной школы угадывается и в оформлении другого клинка *тальвара* (кат. 142). Лео Фигель в своей работе приводит *тальвар* со схожим оформлением основания клинка[21]. Эфесы сабель начала XVIII в. (кат. 130, 131) украшены рельефной резьбой и плакировкой серебром. Изгиб клинков не столь значителен, как у персидских *шамширов*. Клинки имеют секцию в основание клинка, не имеющую заточки, – *рикассо*. Некоторые клинки сабель (кат. 134, 135) выкованы из поперечных полос стали разных сортов. Чередующиеся шевроны темной и светлой стали образуют орнамент лехария. Такие клинки производили в Северной Индии в XVII–XIX вв. В коллекции представлены тесаки из Южной Индии (кат. 149, 150). Тесак *верчворал* (кат. 150) предназначался для ритуального отсекания голов жертвенных животных, но мог использоваться и в бою. Подобные тесаки, украшенные рельефными изображениями голов *яли*, приводит Роберт Элгуд[22]. *Моплах* (кат. 148) – это типичный образец оружия мусульман Кералы.

ТОПОРЫ И БУЛАВЫ

Булаву в Индии называют *гурз*. Булава символизирует силу, мощь и власть. Булавой вооружен могущественный Хануман. Булава (кат. 151), украшенная арабской графикой, произведена во владениях Моголов или в Декане. Тип грушевидной булавы приходит в Северную и Центральную Индию из Турции и Ирана на рубеже XVI–XVII вв. Булава не только служила на поле боя, но и обозначала высокий военный статус владельца. На выставке представлена булава (кат. 152), которая происходит из Декана рубежа XVI–XVII вв. и, вероятно, демонстрирует черты местного архаического оружия[23]. Пернач, или шестопер, в Индии известен как *шешпар*. Булавы с фигурными перьями были распространены в Северной и Центральной Индии. В XVII–XVIII вв. *шешпар* был популярен среди маратхов. *Шешпары* (кат. 153–156) бытовали на рубеже XVII–XVIII вв. Пернатые булавы встречаются с различными вариантами

AXES AND MACES

The word that is used in India to refer to a mace is *gurz*. A mace symbolizes power and strength. It is a weapon of the mighty Hanuman. Our mace (cat. 151) is decorated in Arabic lettering and was made in the Mughal lands or in the Deccan. The pear-shaped mace type comes to North and Central India from Turkey and Iran at the turn of the 17th century. The mace was not only used on battlefields but it also stood for the high military status of its owner. Our mace or war club 152 comes from the Deccan, dates back to the turn of the 17th century and seems to have preserved some features of archaic weapons of the region[11]. The preferred Indian term for the flanged mace is *shishpar*. Figured flanged maces were widespread in North and Central India. In the 17th and the 18th centuries the shishpar was popular with the Marathas. Shishpars (cat. 153-156) were produced around the turn of the 18th century. Feathered maces may feature handles of several different types[12]. A Persian type of a mace with its head shaped like a human hand gains traction in India in the 17th and the 18th centuries. Our mace 159 features a bronze hand and a knotted handle and was probably made in North India in the 18th century. Mace 160, featuring its apple of the head shaped like a ribbed knob, is damascened with Devanagari inscriptions in gold. The mace seems to have been manufactured in the 18th-century Central India. A 19th century mace (cat. 161) is made of wood and is covered in embossed silver. The pommel is shaped like a lion head. This exhibit had a strictly ceremonial function and was not meant to be used in combat.

A peculiar type of weapon is the arm support known as *jafar taqiyya*. It had many functions, serving as a ceremonial baton and denoting the high status of its owner, but it could also be used as a blunt weapon or to fend off a sabre blow. A *jafar taqiyya* could also be called *asha* or *bagli* (armpit). One of our *jafar taqiyyas* is forged from steel (cat. 162) and the other (cat. 163) is made from a copper alloy.

[21] *Figiel L.* On Damascus Steel. New York, 1991, p. 55.
[22] *Elgood R.* Op. cit., p. 70.
[23] Подобные ребристые пруты из коллекции Фурусия опубликованы в: *The Arts of the Muslim Khight*: The Furusiyya Art Foundation Collection. Paris, 2008. P. 257, il. 247.

[11] See comparable ribbed rods in the Furusiyya art collection in: The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Paris, 2007, p. 257, fig. 247.
[12] Cf, for example, images of *shishpar* maces in the Junagarh Fort Museum in Bikaner, published in: Nosov K. Traditsionnoye Oruzhiye Indii, Moscow, 2011, p. 260.

рукоятей[24]. В XVII–XVIII вв. в Индии появляется персидский тип булавы с навершием в форме кисти руки. Булава с бронзовой кистью и витой рукоятью (кат. 159), вероятно, произведена в XVIII в. в Северной Индии. Булава с навершием в форме ребристого шара (кат. 160) украшена надписями на деванагари, выполненными насечкой золотом – вероятно XVIII в., Центральная Индия. Булава начала XIX в. (кат. 161) выполнена из дерева, обитого чеканным серебром. Навершие выполнено в форме головы льва. Предмет нес церемониальную функцию и не предназначался для использования в бою.

Своеобразный тип оружия представляет собой подпорка для руки (церемониальный жезл) *джафар такия*. Она служила жезлом, обозначающем статус владельца, однако могла быть и ударно-дробящим оружием или позволяла парировать сабельный удар. *Джафар такия* также называли *асха* или *багли*, что значит подмышка. Один из экспонируемых церемониальных жезлов (кат. 162) выкован из стали, а другой (кат. 163) изготовлен из медного сплава.

Существенное место в арсеналах индийских воинов составляли боевые топоры. Топор *табар* из нашей коллекции (кат. 164) выкован из булатной стали и украшен насечкой золотом. Топоры такого типа пришли в Индию из сефевидского Ирана. К XVIII в. можно отнести топор на изогнутой рукояти (кат. 165). Конструкция *клевца* или *чекана* также пришла в Индию из Ирана в XVI–XVII вв. Топор с клювообразным клинком называли *загнол*. Мощный клинок ромбического сечения позволял пробивать доспехи. Представленные на выставке *загнолы* (кат. 167–170), украшенные рельефными изображениями животных, произведены в Северной Индии в XVIII–XIX вв. Форму топора *бхудж* принято связывать с Гуджаратом. В экспозиции имеется клинок топора *бхудж* начала XIX в. (кат. 172), который выкован из дамасской стали. Изображение *бхуджа* приводит в своей работе Энтони С. Тирри[25].

[24] См., например, изображения булав шешпар из коллекции форта Джунагарх, Биканер (Junagarh fort, Bikaner), опубликованные: *Носов К.* Традиционное оружие Индии. Москва, 2011, с. 260.

[25] *Tirri A.C.* Op. cit., p. 288, il. 211, 211a.

Фрагмент настенной росписи. Бадал-Махал (Облачный дворец) Бунди, Раджастхан, Индия. XVIII в.

Murals detail. Badal Mahal (Cloud Mahal). Bundi palace. Rajasthan. India. 18th century

Battle axes occupied a significant place in the arsenal of an Indian warrior. One of our tabar axes (cat. 164) is forged from wootz steel and is damascened in gold. Axes of the type came to India from Safavid Iran. An axe on a curved handle (cat. 165) may be dated to the 18th century.

The crow-bill is another weapon design that came to India from Iran in the 16th or the 17th centuries. This axe with a hook-like blade was called a zaghnal. Its powerful diamond section tip was capable of piercing armour. Our zaghnals (cat. 167-170) are decorated with animals in relief and were produced in North India between the 18th and the 19th century.

The *bhuj* axe is usually associated with Gujarat. The blade of our early 19th century *bhuj* axe (cat. 172) is forged from Damascus steel. Comparable *bhuj* axes are published in the work of Anthony C. Tirri[13].

[13] *Tirri A.C.* Op. cit., p. 288, figs. 211, 211A.

А.М. Пастухов

МЕСТО ОРУЖИЯ И ВОИНА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Для Дальнего Востока цивилизация Китая значит то же, что и греко-римская цивилизация для современной Европы.

Предания относят возникновение военного дела и оружия к временам легендарного императора Хуан-ди: «Хуан-ди, потомок [рода] Шаодянь, носил фамилию Гунсунь и имя Сюаньюань. ..Ко времени Сюань-юаня род Шэнь-нуна хирел из поколения в поколение. Владетельные князья – *чжухоу* нападали друг на друга, мучили и терзали народ – *байсинов*, но род Шэнь-нуна не был в состоянии покарать *чжухоу*. Тогда Сюаньюань стал упражняться в применении щита и копья, чтобы покарать тех, кто не являлся с дарами, и все владетельные князья прибыли ко двору с изъявлением учтивости и покорности» [*Сыма Цянь*, 1972:I / 133–134].

Решающую роль в победе Китая над кочевниками *сюнну* сыграло его превосходство в вооружении: «[Поскольку у нас на вооружении] прочные латы и острые клинки ... то *воины сюнну не могут противостоять* [нам] (*курсив наш.* – А.П.)» [Доклады Чао Цо, 2005:398].

Однако если сравнивать, сколько бед причинили Китаю враги с тем, что могла сделать прихотливо меняющая свое русло Хуанхэ, то становится ясно – на фоне страшных ударов стихии набеги кочевников были лишь комариными укусами. Поэтому-то

Солдаты роты штабной охраны цинской Бэйянской армии. Солдат в центре вооружен дадао». Китай, 1900 г.

Soldiers of the Qing Beiyang Army's Staff guarding company. The soldier in the center is armed with dadao. China, 1900

Alexey Pastukhov

THE PLACE OF THE WARRIOR AND HIS WEAPONS

The role of the Chinese civilization for the countries of the Far East is similar to that of the Greco–Roman civilization for modern Europe.

As legends would have it, warfare and weapons appeared in the days of the legendary Emperor Huang Di, "Huang Di, the descendant of Shao–dian [clan], had the surname Gongsun and the name Xuan Yuan. .. By the time of Xuan Yuan the clan of Shen–Nong grew weaker from generation to generation. The sovereign *zhuhou* princes attacked each other, tortured and harassed the people [*baixing*], but the descendants of Shen–Nong could not punish the *zhuhou*. So Xuan Yuan began practicing with a shield and a spear in order to be able to punish those who did not come with gifts. All the sovereign princes came to the court with expressions of courtesy and humility" [*Sima Qian*, 1972: I / 133–134].

Superior weapons played a decisive role in China's victory over the *Xiongnu* nomadic tribes: "[Since we are armed with] strong armour and sharp blades. *Xiongnu warriors cannot resist* [us] (emphasis mine – A.P.)" [Chao Cuo, 2005: 398].

However, should one compare the misfortunes caused to China by her enemies to the damage that the Huang He could inflict as it changed its river–bed as it used to do, all on its own, it becomes clear that nomad raids were just mosquito bites compared to the terrible disasters caused by the whims of the Great River. The following words are attributed to Confucius: "Zi–gong asked, "[What is] the government?" The Philosopher said, "[If] there is enough food [there is no shortage of food supplies], enough weapons [everything is prepared to repel the enemy, then] people [will be] confident". Zi–gong said, *"[If] it is imperative, out of necessity, to give up [one] of the*

и приписывают Конфуцию такие слова: «Цзы-гун спросил: «[В чем состоит] управление?» Философ сказал: «[Ежели] довольно пищи [нет недостатка в съестных припасах], довольно оружия, [все приготовлено к отражению врага, то] народ [будет] верен». Цзы-гун сказал: *«[Ежели] непременно, по необходимости, придется отбросить [одно] из этих трех, то которое прежде?»* [Философ] сказал: «*Отбросить оружие*» (*курсив наш.* – А.П.). Цзы-гун сказал: «[Ежели] непременно необходимо будет отбросить одно из этих двух, которое прежде?» Философ сказал: «Отбросить пищу, [потому что] в древности [от сотворения мира] все умирают, но народ без доверия не устоит» [Конфуций, 1999:12:7 / 415].

Понимание взаимосвязи гражданского и военного начал пронизывает китайскую культуру. Весь корпус классического китайского военного канона состоит из сочинений, указывающих на необходимость соизмерения внутреннего состояния государства и внешнеполитических амбиций. В Китае очень рано пришли к выводу: *«Поднебесная [такова]: хотя и [можно] получить ее, сидя на лошади, [но] нельзя управлять [ею], сидя на лошади» [Сыма Цянь, 2002:VIII / 187]*. Нарушения этого правила осуждались: «Цзинь[1] армией начала и армией кончила»[2].

Начиная с эпохи Сун (960–1279) императоры Китая начинают последовательно проводить политику «укрепления ствола и ослабления ветвей», направленную на упрочение центральной власти в Китае и на искоренение центробежных тенденций на местах. В частности, это проявлялось в подавлении самовольных местных военачальников и подчинении их гражданским чиновникам центрального аппарата.

Стало ли это началом конца Китая как военной державы? Безусловно, стремление императоров не допустить захвата власти инициативными и смелыми военачальниками привело к серьезному застою в военном деле. Ведь тем

[1] Цзинь (1115–1234) – династия в Китае, образованная «варварскими» племенами чжурчжэней и павшая под ударами монголов. Ее история была составлена в Китае в середине XIV в.

[2] См. «Цзинь ши», *цз.* 94, цит. по: [Воробьев, 1975:191].

three, which goes first?" [Philosopher] said: "*Give up the weapons*" [emphasis added – A.P.]. Zi–gong said, *"[If] it is imperative to give up one of the two, which goes first?*" The Philosopher said, "Give up the food, [because] since ancient times [since the creation of the world] everybody dies, but a people will not stand without confidence" [Confucius, 1999: 12: 7 / 415].

An understanding of the interrelation of the civil and the military permeates Chinese culture. All treatises of the classical Chinese Military Canon point to a necessity to adjust a country's foreign policy ambitions to the state of its internal affairs. In China, it was very early concluded: *«The Celestial Empire [is as follows]: even though [you can] get it on horseback, [but] you cannot govern [it] on horseback» [Sima Qian, 2002: VIII / 187]*. Violations of the rule were condemned, "The Jin[1] started with an army [when they began] and finished with an army [when they crashed]"[2].

Starting in the Song period (960–1279), Chinese emperors began to consistently implement a policy of "strengthening the trunk and weakening the branches" which was aimed at strengthening the central government of China and elimination of local centrifugal tendencies. In particular, it implied suppression of opportunist local military commanders and their subordination to civil officials of the central authorities.

Did it herald the beginning of the end of China as a military power? Certainly, the imperial desire to prevent a coup by ambitious and courageous war leaders led to serious stagnation in military affairs. Instead of experienced professionals it was the civil administrators who now had the last word in military affairs and these sought to control and replace war leaders.

According to detailed codes of law, any misconduct on the part of a military commander could be interpreted as an attempt at treason or a conspiracy. Thus, military officers were reduced to simple executors of the government's political line, greatly discouraged in their initiative and independent actions,

[1] Jin dynasty (1115–1234) was established by "barbarian" Nuzhen tribes and destroyed by the Mongols. A history of the Jin was compiled in China in mid–14th century.

[2] Jin Shi, j. 94, quoted in: [*Vorobyov*, 1975:191].

«Снимая доспехи» (фрагмент свитка).
Худ. Ли Гунлинь (1046–1106). Шелк, тушь.
Китай, период Сун (960–1279).

"Taking armour off" (fragment of the scroll).
Art. Li Gonglin (1046-1106). Silk, ink.
China, Song dynasty (960-1279).

перь решающее слово в военных делах имели не опытные профессионалы, а гражданские управленцы, стремившиеся контролировать и замещать военачальников.

Согласно детально разработанным кодексам законов, любой проступок полководца мог трактоваться как попытка измены или заговора. Таким образом, военных низводили до уровня простых исполнителей политической линии правительства, отбивая у них инициативу и самостоятельность, и ставили под контроль гражданских или же вовсе замещали ими военных. Подбор военачальников производился так, чтобы они контролировали друг друга и не могли сговориться между собой, во всем апеллируя к гражданским чиновникам, курировавшим военные дела. Оттесненные от кормила власти военные оказались в положении второразрядных чиновников, грубых солдафонов [*Фомина*, 1974:43].

and put under civilian control or replaced by civilians outright. Generals were selected so that they would control each other, could not form conspiracies and have at all times to appeal to the civil officials supervising military affairs. Ousted from the helm, military officers were in the position of second–rate officials, rough martinets [*Fomina*, 1974: 43].

But on the other hand, there started to emerge a new model where the development of warfare relied most of all on the people of the country. Raising of militias to maintain order in the country and to

С другой стороны, выстраивалась модель, согласно которой главное в военном деле заключалось в опоре на народ. Создание народных дружин для поддержания общественного порядка и пресечения мятежей органически вошло в образ мышления китайской интеллектуальной элиты – *шэньши*. При этом народный характер таких отрядов, всецело связанных с сельскохозяйственным производством, противопоставлялся наемному характеру правительственной армии (*гуаньбин*)[3]. Воин, сочетающий обработку земли с ее защитой, считался высшим образцом доблести, в отличие от наемника, который воевал за плату. В Китае говорили: «Из хорошего железа не куют гвоздей, хороший человек не идет в солдаты».

Значительную роль в трансформации взглядов китайцев на военное дело сыграла и концепция *Pax Sinica*, согласно которой естественным центром мироздания являлся Китай. Все народы должны были подчиняться китайскому императору[4]. Завися от Китая в вопросах торговли жизненно важными товарами, соседние народы были вынуждены признавать себя вассалами Китая – *фань*[5].

suppress rebels organically permeated the mentality of *shenshi*, the Chinese intellectual elite. They contrasted the popular character of this militia, fully connected to agriculture, and the mercenary nature of a governmental army (*guanbing*)[3]. A warrior who tilled the land and protected it was considered the best example of valour, unlike a mercenary who fought for a fee. As a popular Chinese proverb had it, "Good iron is not used to produce nails, a good man doesn't become a soldier".

Another concept that played a significant role in a transformation of Chinese views on warfare was that of *Pax Sinica,* that regarded China as the natural centre of the universe and every nation on Earth as subjects of the Chinese emperor[4]. Depending on China for trade in vital goods, neighbouring peoples were forced to recognize themselves as *fan*, vassals of China[5].

Consequently all military actions of the Chinese government were called 'punitive expeditions' (*zhengfa*) and all external enemies of China were considered 'rebels' who had revolted against the will

[3] Политика *ян бин* (букв. «воспитание солдатской службой») была введена первым императором династии Сун Чжао Куанъинем (960–976). Согласно этой концепции, в случае необходимости правительство нанимало разорившихся и деклассированных крестьян в армию в огромных количествах, уменьшая тем самым социальную базу для возможных мятежей и усиливая армию для их подавления [Смолин, 1974: 179]. С периода Мин наемничество принимает все большее распространение в Китае [Волков, 1999: 51–52]. Эта практика сохранилась до создания КНР в 1949 г. Солдаты подписывали контракт с правительством на несколько лет, получая за свою службу определенную плату. Поскольку военная служба расценивалась ими лишь как средство для обеспечения собственного существования, части, состоявшие из наемников, не отличались высокими боевыми качествами.

[4] Подробнее о концепции Pax Sinica [Мартынов, 1978:39–40].

[5] Случаи, когда иноземцы не только одерживали верх над китайскими войсками, но и создавали собственные государства на территории Китая, расценивались китайцами как досадные отклонения от нормы, вызванные несоблюдением императором Пути (Дао), за что всевидящее Небо (Тянь), лишало его своей благой силы

[3] The *Yang bing* policy (literally, "education by military service") was introduced by Zhao Kuangyin (960–976), the first emperor of the Song dynasty. It implied that the government hire, in cases of necessity, large quantities of impoverished peasants for military service. This policy would serve to both reduce the social base for possible riots and strengthen an army that was needed to suppress them [*Smolin*, 1974: 179]. Mercenary units became increasingly common from the Ming period onwards [*Volkov*, 1999: 51–52]. This practice survived until the PRC was created in 1949. Soldiers signed a contract with the government for several years, receiving a fee for their services. As they tended to regard military service solely as a means to earn their living, mercenary units boasted no remarkable fighting qualities.

[4] Read more about the concept of *Pax Sinica* [*Martynov*, 1978: 39–40].

[5] Instances of foreigners not only gaining the upper hand in battle against Chinese troops, but also setting up their own states on Chinese territory were regarded by the Chinese as annoying abnormalities caused by the Emperor's failure to keep the Way (Dao). In punishment the all–seeing Heaven (Tian) deprived him of its good power (De) and its mandate to govern the Celestial Empire (Tianming). Such an elaborated mechanism of psychological compensation, along with consequent implications for any conqueror who was expelled from China once the internal problems of Chinese society were overcome, helped preserve the tradition.

«Выступление гвардии» (фрагмент свитка), между 1522 и 1566 гг. Шелк, цветная тушь. Китай, период Мин (1368–1644). Национальный Дворцовый музей, Тайбэй.

"Departure Herald" (fragment of the scroll). Ca. 1522-1566. Silk, colour ink. China, Ming dynasty (1368-1644). Ntional Palace Museum, Taibei.

Одним из следствий господства такой концепции являлось то, что все военные акции китайского правительства именовались «каратель-

(Дэ) и мандата на управление Поднебесной (Тяньмин). Такой тщательно разработанный механизм психологической компенсации вкупе с закономерными для любого завоевателя последствиями – изгнанием из Китая после преодоления внутренних проблем китайского общества, помогал законсервировать традицию.

ными походами» (*чжэнфа*), а все внешние враги Китая – «мятежниками», бунтующими против воли Сына Неба. Внешние войны формально исчезли – остались только «операции по наведению законного порядка», что еще более усилило позиции гражданских чиновников в руководстве военном ведомством Китая.

Постепенно в Китае стали считать, что если правящая династия будет опираться на силы народа и придерживаться классических военных трактатов, то она будет непобедима. В обществе господствовало мнение, что «военное дело само по себе несложно – достаточно научиться ездить верхом и стрелять из лука, а также не бояться смерти». Уровень военного образования снизился до овладения основными техниками боя традиционными видами оружия и заучивания наизусть текстов «Лю тао» и «Сунь-цзы»[6].

Эта застойность проявила себя уже в ходе «войны Цзиннань» (1399–402) – китайские полководцы практически не использовали свою многочисленную хорошую конницу на пригодной для дальних рейдов территории Северного Китая как средство стратегического маневра [*Бокщанин*, 1973:127]. А в конце XVI в. войска, направленные в Корею, не смогли быстро разгромить вторгшихся туда японцев. Давление на изолированные в крепостях южного побережья Кореи японские гарнизоны рано или поздно принесло бы свои плоды, но это никак не вязалось с образом военной супердержавы, какой мнили Китай его правители. Фактически Имджинская война (1592–1598) закончилась отводом японских войск после смерти инициатора похода в Корею Тоетоми Хидэеси (1537–1598).

Некоторое улучшение наступило после того, как национальную китайскую династию Мин (1368–1644) сменила маньчжурская династия Цин (1644–1911). Хотя без помощи китайских феодалов, сговорившихся с «северными варварами», завоевание Китая маньчжурами оказалось бы нереальным, некоторое время в обновленной империи удерживалось жесткое разграничение военной и гражданской власти. Войсками ко-

of the Son of Heaven. External wars formally disappeared, leaving only 'operations to restore law and order' and further reinforcing the position of civil officials in the leadership of the war ministry.

The Chinese gradually came to believe that a ruling dynasty, should it rely on the power of the population of the country and stick to the classic military treatises, would be invincible. The dominant opinion in the society was that "warfare is easy by itself – one just needs to learn riding and archery, and should not be afraid of death". The military education was reduced to mastering the basic techniques of combat with the use of traditional weapons and memorizing the texts of Liu Tao and Sun Zi[6].

This stagnation manifested itself quite clearly in the so–called Jingnan war (1399–1402), when Chinese generals hardly used their numerous and well–trained cavalry on the plains of Northern China, an ideal terrain for long–distance raids, as a means of strategic manoeuvre [*Bokschanin*, 1973: 127]. Late in the 16th century the troops sent to Korea could not quickly defeat the invading Japanese. Japanese garrisons were isolated in their fortresses along the southern Korean coast and exerting pressure on them would bear fruit sooner or later. However, that did not square with an image of a military superpower which was how the Chinese rulers fancied China. As a matter of fact, the Imjin War (1592–1598) was only brought to a close with the withdrawal of the Japanese after the death of Toyotomi Hideyoshi (1537–1598), the initiator of the Korea campaign.

There was some improvement after the Han Chinese Ming dynasty (1368–1644) was replaced by the Manchu Qing dynasty (1644–1911). Although the Manchu could not have realistically conquered China without help from Chinese feudal lords who conspired with the "Northern barbarians", the renewed empire maintained for some time a hard distinction between the military and civil authorities. Troops were commanded by either Manchu princes, warriors by birth and lifestyle, or by professional Chinese military officers who had sided with what they thought was the more promising suzerain. The main forces of the regime consisted of Manchu units organized into eight corps, each having a banner of its

[6] Трактаты, включенные в состав китайского военного канона.

[6] Treatises included in the Chinese military canon.

мандовали либо маньчжурские князья, воины по праву рождения и образу жизни, либо профессиональные китайские военные, перешедшие на сторону более перспективного, с их точки зрения, сюзерена. Главные силы режима состояли из маньчжурских частей, организованных в военно–административном отношении в восемь корпусов, каждый из которых имел знамя своего цвета[7] и подчинялся либо непосредственно императору, либо кому-либо из ближайших родственников императора[8]. По количеству корпусов эти войска назывались Восьмизнаменными. В помощь им предназначались более чем втрое превышавшие численность знаменных корпусов наемные китайские войска Зеленого знамени, также возглавлявшиеся маньчжурскими князьями[9].

Подавив антицинские выступления, маньчжурские императоры надолго решили проблему внутренней стабильности в стране. Крупные восстания против правящего режима начались лишь в последней четверти XVIII в. Но это оказалось началом конца – неспособная в силу внутренней сущности своей власти[10] на модернизацию империя Цин стала неудержимо клониться к упадку. С началом XIX в. страну словно взорвало изнутри – восстание секты «Белого Лотоса» (1796–1804), «пиратская война» (1800-е), непрерывные мятежи на национальных окраинах стра-

[7] Желтое, Белое, Красное и Синее знамена назывались «истинными», а с каймой белого (Красное) или красного (все остальные) цвета – «окаймленными». В каждом корпусе насчитывалось по 3 «дивизии», состоявшие соответственно из маньчжуров, знаменных монголов и знаменных китайцев. Знаменные монголы и китайцы были причислены к знаменным корпусам до 1644 г. и находились в привилегированном положении по сравнению с простыми монголами и китайцами.

[8] Знаменный корпус был административной, а не тактической единицей. Для действий на поле боя от каждого знамени призывалось определенное количество воинов, которые сводились в полевые части.

[9] Однако значительная часть офицеров и даже генералов в китайских войсках Зеленого Знамени была этническими китайцами, т.к. маньчжуры не считали эту службу престижной.

[10] Союз с китайскими феодалами, ратовавшими за консервацию старых порядков и решительно отвергавших все новое.

own colour[7] and being subordinated either directly to the Emperor or to one of his closest relatives[8]. These troops were called the Eight Banners Army after the number of corps that it had. They were supported by mercenary Chinese troops of the Green Standard Army that outnumbered the Eight Banners three to one. These were also led by Manchu princes [9].

Having suppressed anti–Qing riots, Manchu emperors solved the problem of internal stability in the country for a long time. Major uprisings against the regime began only in the last quarter of the 18th century. But it turned out to be the beginning of the end. Unable to modernize itself by its very nature[10], the empire was on a path to decline. Starting from the early 19th century the country appeared to be exploding from inside. The White Lotus rebellion (1796–1804), the pirate war of the 1800s, constant rebellions in ethnic borderlands, mass peasant revolts in Guangdong and Guangxi – all further shattered the already fragile foundations of the empire.

By early 19th century Bannermen were a parasitic caste, unable to repel Western aggression or even suppress popular uprisings. As a result, the Manchu emperors had to renew their alliance with Chinese feudal lords. In 1853 Chinese nobleman Zeng Guofan (1812–1871) by Imperial decree started forming a new Han Chinese army. It was these new Xiang and Huai armies, consisting of ethnic Chinese and formed on the basis of village self–defence squads,

[7] The Yellow, White, Red and Blue Banners were called 'plain', and the same banners with a border of white (for the Red Banner) or red (for all others Banners) were referred to as 'bordered'. Each corps consisted of three "divisions", with one being Manchu, one Mongolian and one Han Chinese. Mongols and the Chinese joined the Eight Banners before 1644 and were in a privileged position compared to ordinary Mongols and Chinese.

[8] A Banner corps was an administrative unit rather than a tactical one. A certain number of soldiers were drafted from each corps to form a field unit for the battlefield.

[9] A significant part of officers and even generals in the Chinese Green Standard Army, though, were ethnic Chinese as Manchus did not consider this service prestigious.

[10] As an alliance with Chinese feudal lords who stuck to the preservation of the old order and strongly rejected anything new.

ны, массовые выступления китайских крестьян в Гуандуне и Гуанси – все это расшатывало и без того непрочную опору империи.

Превратившиеся к началу XIX в. в паразитарную касту знаменные войска оказались неспособны не только отразить агрессию европейских держав, но и подавить народные восстания. В результате маньчжурским императорам пришлось пойти на обновление союза с китайскими феодалами – в 1853 г. китайский сановник Цзэн Гофань (1812–1871) получил указ императора приступить к формированию новых войск, состоявших из этнических китайцев. Разгром народных и национальных движений, угрожавших самому существованию империи Цин, был произведен силами «новых армий» – Сянской и Хуайской, состоявших из этнических китайцев и формировавшихся на основе деревенских отрядов самообороны.

Это явление, ознаменовавшее начало первой волны китайского милитаризма, стало возможным благодаря длительному существованию его первичной формы – «сельского милитаризма». Наиболее влиятельные местные *шэньши* были способны не только взять на себя некоторые административные дела и оказывать помощь в сборе налогов, но и вербовать рекрутов в отряды самообороны (*туаньлянь* или *миньтуань*).

Эти отряды могли решать некоторые оперативные задачи – большая часть деревенских дружин входила в разветвленные союзы самообороны, имевшие общее командование и координировавшие действия отрядов. Половина дружины постоянно охраняла родную деревню, в то время как вторая половина действовала совместно с дружинами из других деревень.

Одним из первых известных военачальников нового типа был Ху Линьи (1812–1861). Позднее когорту ранних милитаристов пополнили Цзэн Гофань, Ли Хунчжан, Цзо Цзунтан, Юань Цзясань, Лю Миньчжуань и др.

Однако в 1875 г. правительство было вынуждено пойти на резкое сокращение «новых армий» – оторванные от родных мест и превратившиеся в чисто наемные войска, они стали дестабилизирующим общество фактором. В то же самое время для борьбы с иностранными агрессорами они оказались непригодны – для боя

that crushed the popular and national movements that threatened the very existence of the Empire.

This phenomenon, marking the beginning of the first wave of Chinese militarism, was made possible by the continuing existence of its primary form, a "rural militarism". The most powerful local *shenshi* were able not only to take over some administrative matters and assist in collecting taxes, but also to recruit self–defence units (*tuanlian* or *mintuan*).

Those units could solve some operational tasks as most of them were part of larger self–defence unions under single overall command which coordinated actions of local militia squads. Half of these squads guarded their home village, while the other half acted together with squads from other villages.

Hu Linyi (1812–1861) became one of the first famous military leaders of the new type. Later, Zeng Guofan, Li Hongzhang, Zuo Zongtang, Yuan Jiasan, Liu Minzhuan and others joined the cohort of early militarists.

However, in 1875 the government had to sharply downsize the New Armies as, isolated from their homes and turned into strict mercenary forces, they now were a destabilizing factor. At the same time, they proved unsuitable to fight against foreign aggressors as this required modern levels of weapons and troop control. Fighting rebels was the one thing they could do and for this, mastery of the traditional art of war was good enough.

The serious delay in societal development influenced the emergence of a sense of patriotism in China that rather meant a loyalty to the dynasty. Differences between various provinces were often more pronounced than those between the Chinese and foreigners. Attempts to blend tradition with modernity proved unsuccessful – for example, the idea of reviving military settlements was a complete fiasco. A well–known warlord Zuo Zongtang (1812–1885), who regained the rebellious Xinjiang for China in 1878, said on this occasion: "We draw a circle with our left hand and a square with our right one. And these two figures cannot be combined. And the result is, our soldier warriors cannot fight and our soldier farmers cannot work the land" [*Kuznetsov*, 1973: 32].

This was confirmed by the events of 1900, when large rebel masses proved unable to take the Legation Quarter in Beijing that was defended by a small

«Большой смотр» (фрагмент свитка).
Худ. Цзинь Кунь, 1747 г.
Китай, период Цин (1644–1911).
Национальный Дворцовый Музей, Тайбэй

“The Grand Review” (fragment of the scroll).
Art. Jin Kun, 1747. China, Qing dynasty (1644-1911)
National Palace Museum, Taibei

с повстанцами достаточно было хорошо владеть традиционным военным искусством, не подразумевавшим современного уровня управления войсками и вооружений.

Серьезное запаздывание общественного развития Китая повлияло на развитие в Китае чувства патриотизма – фактически под патриотизмом подразумевалась верность династии, а межпровинциальные различия оказывались зачастую сильнее различий между китайцами и иностранцами. Попытки срастить между собой традицию и современные тенденции оказывались неудачными – например, полное фиаско потерпела идея возрождения военных поселений. Известный военачальник Цзо Цзунтан (1812–1885), вернувший Китаю в 1878 г. мятежный Синьцзян, сказал по этому поводу: «Левой рукой мы чертим круг, а правой – квадрат. А эти две фигуры никак нель-

foreign military contingent, or at least to delay, even for a while, the advancing armies of the Eight–Nations Alliance to the Chinese capital.

The Qing government tried to modernize its armed forces. It created military schools, bought modern weapons, built arsenals. But the weight of tradition continued to suppress the weak sprouts of this new attitude to military affairs. Chinese officers demonstrated their narrow–mindedness and

зя совместить. И получается: и солдаты-воины не способны воевать, и солдаты-земледельцы не могут пахать» [*Кузнецов*, 1973:32].

Это подтвердили события 1900 г., когда огромные массы повстанцев так и не смогли взять обороняемый незначительным иностранным воинским контингентом Посольский квартал в Пекине или хоть немного задержать продвижение армий держав к китайской столице.

Поэтому цинское правительство пыталось модернизировать свои вооруженные силы – создавались военные училища, закупалось современное вооружение, строились заводы по его производству. Но груз традиции продолжал давить слабые ростки нового отношения к военному делу. Ограниченность, косность китайских военных выражались в их полном непонимании современных методов ведения войны и управления войсками, в неумении применять современное вооружение и даже просто поддерживать его в пригодном для применения состоянии. Еще в 1920-е гг. стратегия воспринималась генералами второго поколения милитаристов как «искусство обмана противника». Например, в декабре 1925 г. имела место попытка прорыва фронта противника у Тяньцзиня при помощи стада баранов с подожженными хвостами, выпущенного на проволочные заграждения![11]

Лишь после того, как в Китай в 1923 г. прибыли советские военные советники и открылись современные военные школы, началось создание современной китайской армии, способной преодолеть косное наследие долгих веков застоя[12]. Но это ознаменовало собой конец традиционного военного дела. Того самого, материальные свидетельства которого представлены на нашей выставке.

inertness in their profound lack of understanding of modern warfare or methods of commanding the troops, in their inability to use modern weapons and even just to keep them serviceable. As late as in the 1920s, generals of the second generation of militarists continued to perceive strategy as 'the art of deception'. In December 1925 there was an attempt to break through the enemy's front near Tianjin releasing a herd of sheep with their tails set ablaze against barbed wire defences![11]

It was only in 1923, when Soviet military advisers arrived in China and opened modern military schools, that a modern Chinese army started to emerge, overcoming the inertia of its centuries–long stagnation[12]. But it marked the end of traditional warfare, the one that our exhibition presents tangible evidence of.

China's well–developed and highly peculiar military tradition left an indelible mark on Chinese attitude to weapons.

The Chinese regarded the teachings of Confucius as the ultimate truth and as the great sage said that, if necessary, one can abandon weapons, the attitude to weapons in China was strictly utilitarian. In short it can be expressed in the words of another ancient Chinese sage, Zhuang–zi (4th century BC): "The creel is used for fishing. Once fishing is finished, one forgets about the creel. The trap is used for catching hares. Once the hare is caught, one forgets about the trap" [Sages, 1994: 313]. Aristocratic tendencies of the first centuries AD, when the most famous swords were given names and the Emperor's relatives competed in who was the best in shooting a bow at full gallop, were quickly pushed into the background. They never disappeared completely, though, but did not lead to a cult of weapons in Chinese society.

[11] См. [Примаков, 1967:145–147]. Ранее, в 1860 г., цинский командующий цинь-ван Сэнгэ Ринчэн (1811-1865) был подвергнут осмеянию англо-французским командованием, узнавшим о серьезном обсуждении плана атаки на десантировавшихся в Бэйтане солдат союзных войск при помощи стада быков с подожженными хвостами [Бутаков, Тизенгаузен, 2002:283–284].

[12] Тем не менее полностью изжить все недостатки переходного периода китайская армия оказалась не в состоянии и к 1937 г., когда началась вторая война с Японией.

[11] Ref. [*Primakov*, 1967: 145–147]. Earlier, in 1860, the Qing commander *qing–wang* Sengge Rinchen (1811–1865) was ridiculed by the Anglo–French command as he discussed a plan to attack the Allied troops that had landed in Beitang by a herd of bulls with their tails set on fire [*Butakov*, *Tizengauzen*, 2002: 283–284].

[12] However, the Chinese army was not able to completely get rid of all the shortcomings of the transitional period by 1937, when the second war with Japan started.

Развитая военная традиция, во многом отличающаяся от традиций других стран мира, оставила свой неизгладимый отпечаток на отношении китайцев к оружию.

Учение Конфуция являлось для китайца высшей истиной, и если великий мудрец сказал, что в случае необходимости можно отказаться от оружия, то и отношение к оружию у китайцев было сугубо утилитарным. Вкратце его можно выразить словами другого древнекитайского мыслителя – Чжуан-цзы (IV в. до н. э.): «Вершей пользуются при рыбной ловле. Наловив же рыбы, забывают про вершу. Ловушкой пользуются при ловле зайцев. Поймав же зайца, забывают про ловушку» [Мудрецы, 1994:313]. Аристократические тенденции первых веков нашей эры, когда наиболее известным мечам давали собственные имена, а родственники императора соперничали в умении стрелять из лука на полном скаку, довольно быстро были оттеснены на второй план. Никогда не исчезая полностью, они тем не менее не оказались способными сформировать в китайском обществе культ оружия.

Кроме того, на развитие китайского оружия сильно влияло преклонение китайцев перед традицией, пусть даже оказавшейся недостаточно практичной. Иностранная мода также не приживалась в Китае надолго – «пистолетные» рукояти сабель индоиранского типа, нефритовые «могольские» рукояти кинжалов, сквозные каналы в теле сабельного клинка, по которым перекатывались металлические шарики – все эти экзотические мотивы быстро приходили и также быстро уходили, оставаясь капризом того или иного императора[13]. И все вновь возвращалось к традиционным формам.

Для целей данной выставки предметы китайского вооружения группируются по общим признакам, в основу которых положена сфера преимущественного применения. Это деление не абсолютно, и были возможны случаи нетипичного применения оружия той или иной категории.

[13] Большая часть новшеств в оформлении оружия появилась в Китае в долгий период правления императора Цяньлуна (1735–1796) и вышла из употребления уже к концу его правления.

In addition, Chinese arms and armour were strongly influenced in their development by the typical reverence to tradition, even if it proved to be insufficiently practical. Neither did foreign fashions take root in China for a long time – pistol–type sabre handles in the Indo–Iranian style, jade 'Mughal' dagger hilts, bearing balls rolling along channels bored in a sabre blade – all these exotic motifs quickly came in and out of fashion, remaining a whim of a particular emperor[13]. And everything would always return to traditional forms again.

For the purposes of this exhibition, Chinese weapons on display are grouped according to the sphere of their primary usage. This division is not absolute and there were cases of atypical usage of weapons of a particular category.

ARMY ISSUE WEAPONS

The main distinguishing features of this group are the relative unity of types and kinds of weapons, of their components and their decoration. Overall, these arms were intended for combat in both dense and skirmishing arrays of troops.

BOWS

The bow was considered the main weapon in China. A well–known military theorist Mao Yuanyi (1594–1641) wrote: "The bow is the head of [all types of] weapons. When people talk about warfare, they call the bow and arrows the principal [weapons]" [*Zhongguo junshi* 2007: 179]. As Nikita Bichurin observed, "every soldier is trained in the use of arms peculiar to his appointment; but all soldiers, without exception, are to be trained in archery" [*Bichurin* 2002: 214]. He also made this brief but succinct description of the Qing bow: "The body is made of elm and planed bamboo; it is 3 and 7/10 feet long; it is glued with ox horn from the inside, with tendons on the front and with birch bark at the top. The elasticity degrees in bows are called "forces" and depend on the number of tendons and glue. To make a bow of one to three "forces", eight *lan* of tendons and five *lan* of glue are used. For a bow of 16 to 18 "forces",

[13] Most of the innovations in weapon design appeared in China during the long reign of the Qianlong Emperor (1735–1796) and went into disuse by the end of his reign.

ОРУЖИЕ АРМЕЙСКИХ ОБРАЗЦОВ

Главными отличительными признаками этой группы являются относительная унификация типов и видов оружия, деталей и способов отделки. В целом оно предназначалось для ведения боя в составе подразделений, использовавших как плотное, так и рассыпное построение.

ЛУК

Основным оружием в Китае считался лук. Известный военный теоретик Мао Юаньи (1594–1641) писал: «Лук – это глава [всех видов] оружия. Когда говорят о военном деле, то лук и стрелы называют главным [оружием]» [*Чжунго цзюньши*, 2007:179]. По наблюдениям Н.Я. Бичурина «каждый солдат обучается владеть оружием свойственным его назначению; но стрелянию из лука все без исключения обязаны обучаться» [*Бичурин*, 2002:214]. Ему же принадлежит краткое, но емкое описание цинского лука: «Лучной остов делается из ильма и обстроганного бамбука; длиною в 3 7/10 фута; внутри выклеивается воловьим рогом, на лицевой стороне жилами и сверху берестою. Степени упругости в луке называются силами, и зависят от количества жил с клеем. На лук от одной до трех сил употребляется восемь *лан* жил и пять *лан* клея. На лук от 16 до 18 сил употребляется 38 *лан* жил и 14 *лан* клея. Стрелы делаются из березового или ивового дерева длиною в три фута» [*Бичурин*, 2002:211].

Луки были стандартизованным вооружением и массово изготавливались казенными ремесленниками. При этом производители ориентировались на заказ, в котором указывалось, сколько луков какой силы необходимо произвести. Правительственный чиновник, основываясь на данных по потребности в луках в том или ином гарнизоне и имея на руках результаты экзаменов, регулярно проводившихся среди воинов, определял количество луков той или иной силы натяжения и размещал заказ. По окончании производства луки тестировались на соответствие заказной спецификации с применением гирь разного веса.

Стрелы изготавливались разных по форме наконечника типов и даже различались по длине, что было обусловлено силой натяжения луков, для

38 *lan* of tendons and 14 *lan* of glue are used. Arrows are made of birch or willow wood and are three feet long" [*Bichurin* 2002: 211].

Bows were standardized and produced by governmental workshops in large numbers. Manufacturers relied on orders stating how many bows and of what force were needed. A government official, based on demand for bows in military garrisons and the results of examinations that were held regularly among the soldiers, determined the number of bows of various force and placed the order. At the end of production the bows were tested for compliance with customer specifications using different weights.

Arrows were produced in different types, depending on the form of the arrowhead, and even differed in length, in accordance with the draw weight of the bows for which the arrows were meant[14]. The exhibition displays military arrowheads of the *meizhen* type, excavated in 2012–2013 by the Albazin archaeological expedition at the site of the Russian fort of Albazin that was attacked by Qing forces in 1685 and in 1686–1689.[15]

In 1885, during military examinations in Shanghai, most of the subjects hit their targets at full gallop at least 5 times out of 6 and could pulled their bows with draw weight of about 60–70 kgs. Of course, weaker bows and light arrows were used for target shooting, and an archer who could brace a bow instead of chest pull was not guaranteed to hit a target in battle, using a battle bow and heavy arrows. However, the pre–eminent place of bows in Chinese warfare is beyond the slightest doubt.

SABRES

The most ancient long–blade weapon in China is a straight double–edged sword called *jian*. Eventually several types of single–edged blades emerged, too,

[14] According to Chinese treatises on archery, a discrepancy between the length and thickness of an arrow and the draw weight of a bow would break the arrow at the time of the shot. This is confirmed by modern field studies using replicas of bows and arrows of different eras *[Malyavin, p. 74]*.

[15] We express our gratitude to the head of the Albazin archaeological expedition, established by the Petropavlovsk Foundation, archaeologist A. Cherkasov for his courtesy in exhibiting these findings.

Стрельба по мишени. Фучжоу, между 1897 и 1909 гг. Фото Уильяма Чарльза Уайта (1873–1960)

Target shooting. Fuzhou. Ca. 1897-1909. Photo taken by William Charles White (1873-1960)

которых стрелы предназначались[14]. На выставке представлены наконечники боевых стрел типа *мэйчжэнь*, обнаруженные в ходе раскопок, проводившихся в 2012–2013 гг. Албазинской археологической экспедицией на месте расположения русского острога Албазин, подвергавшегося нападениям цинских войск в 1685 и 1686–1689 гг.[15]

Еще в 1885 г. на военных экзаменах в Шанхае большинство испытуемых попало не менее 5 раз из 6 в цель из лука на скаку и смогло натянуть лук с силой натяжения порядка 60–70 кг. Безусловно,

first with a straight back, and later, from the end of the Han period (206 BC–220 AD), a real sabre [*Bobrov, Khudyakov*, 2005 : 120].

By the end of the Song period (960–1279) a significant part of infantry troops was armed with broad heavy *shoudao* cutlasses. By the beginning of the Qing period two main sabre types existed, namely the gently curving *luyedao,* its handle slightly bent towards the edge of the blade, and the *yanmaodao,* a slightly curving (a pronounced curvature only appears in the last third of the blade) sabre with a straight handle (Cat. 202). These sabres were used up to and including the period of the Chinese Republic.

There were also specialized weapons. Select soldiers in the Green Standard Army, for example, car-

[14] Согласно китайским трактатам по стрельбе из лука, несоответствие длины и толщины стрелы силе натяжения лука вело к перелому стрелы в момент выстрела. Это подтверждается и современными полевыми исследованиями с применением реплик луков и стрел разных эпох. См. Малявин, с. 74.

[15] Мы приносим свою благодарность руководителю Албазинской археологической экспедиции, учрежденной фондом «Петропавловск», археологу А.Н. Черкасову, предоставившему данные находки для экспозиции.

для стрельбы по мишеням использовались более слабые луки и легкие стрелы, а способность натянуть тугой лук вместо эспандера не гарантировала, что воин сможет также точно поразить цель во время боя, используя тугой боевой лук и тяжелые стрелы. Однако первенствующее место лука в военном деле Китая не подлежит никакому сомнению!

САБЛИ

Наиболее древним длинноклинковым оружием в Китае был прямой обоюдоострый меч, называвшийся *цзянь*. Однако со временем он был потеснен различными однолезвийными клинками – сначала с прямым обухом, а затем, с конца периода Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) – и настоящей саблей [*Бобров, Худяков*, 2005:120].

К концу периода Сун (960–1279) значительная часть пеших солдат вооружалась широким тяжелым тесаком *шоудао*. В период Цин китайцы вошли с двумя основными видами сабель – *люедао,* отличающейся плавным изгибом клинка и отогнутым в сторону лезвия череном рукояти, и *яньмаодао* со слабоизогнутым (выраженный изгиб начинается только в последней трети клинка) клинком и прямым череном рукояти (кат. 202). Эти сабли использовались и в период Республики.

Существовали и специализированные виды клинкового оружия. Так, в Зеленознаменных войсках отборные воины вооружались длинной двуручной саблей *водао*, использовавшейся в бою против конницы [*Diary*, 2006:66].

Для вооружения милиционных формирований широко использовались мечи-бабочки (*худедао*). Они имели клинки разного типа – от длинных, треугольных до широких, со сведенным практически на нет острием, применялись в парном и одиночном варианте и могли разительно отличаться друг от друга в зависимости от места и времени изготовления. Тем не менее всех их объединяла характерная черта оформления эфеса – редкая для Китая D-образная гарда, обеспечивавшая защиту пальцев руки, и отогнутый в сторону острия конец перекрестья гарды со стороны обуха. Первые его изображения встречаются на фотографиях южнокитайских сельских

ried long two–handed *wodao* sabres that were used to fight against cavalry [*Diary*, 2006: 66].

Militias widely used butterfly swords (*hudiedao*). These could have different types of blades, from long triangular ones to broad ones with oblique tips that narrowed down to virtually nothing. The hudiedaos could be used in pairs or in a single version and were strikingly different depending on where and when they were made. What makes a hudiedao is not the shape of the blade but a peculiar design of its guard, a D–shaped guard (something that was very rare for China indeed) that protected the knuckles, with one of its quillons bending towards the point. The earliest images of *hudiedao* sabres are photographs of rural militia in South China and the earliest extant blade dates back to 1863.

A wide curved blade with excellent chopping abilities, but absolutely unsuitable for stabbing began to develop as far back as the Song period. During the Qing period it turned into a kind of a cutlass called *pudao*, featuring a short handle and a disk–shaped guard. This weapon was not widely spread during the Qing period but it became a prototype for the Republican *dadao* sabre which was nicknamed "*katana*–killer" by the media[16].

Introduction of European long–blade weapons into the Chinese army is also worth mentioning. From the end of the 19th century Germany became the leading supplier of arms to China. However, Solingen blades soon proved too expensive, and China started producing their substitutes after imported samples. Officer sabres continued to be imported, but soldiers were armed with blades of domestic production.

Special manuals had to be drafted to teach soldiers how to use this type of weapon. In 1925, during an inspection tour of Feng Yuxiang's First National Army, Soviet military instructor Vitaly Primakov observed: "[The Cavalry School in Fengzhengting] has quite a different appearance. *It is real cavalry, boldly making for obstacles, properly seated in the saddle and able to cut the enemy well with German broadswords that are in service* [emphasis added – AP]" [*Primakov*, 1967: 88]. *Qimadao* broadswords of this type are presented in our

[16] According to enthusiastic American front–line correspondents, a Chinese *dadao* easily broke a Japanese army *shin–gunto* blade in two.

дружин, а наиболее ранний известный нам датированный образец изготовлен в 1863 г.

Еще с эпохи Сун началось формирование изогнутого широкого клинка, имеющего прекрасные рубящие способности, но совершенно не предназначенного для укола. В период Цин он превратился в тесак *пудао* с короткой рукоятью и дисковидной гардой. Большого распространения при Цинах это оружие не получило, но послужило прообразом республиканского *дадао*, получившего от журналистов прозвище «*катана*-киллера»[16].

Необходимо сказать также и о внедрении в китайскую армию европейского длинноклинкового оружия – с конца XIX в. Германия становится ведущим поставщиком оружия в Китай. Однако вскоре выяснилось, что золингеновские клинки слишком дороги, и в Китае началось производство их аналогов. Офицерское оружие продолжали поставлять из-за границы, а солдат вооружали палашами отечественного производства.

Для обучения солдат владению этим оружием были разработаны специальные наставления. В 1925 г., инспектируя войска 1-й Национальной армии Фэн Юйсяна, советский военный инструктор В.М. Примаков отметил относительно кавалерийского училища в Фэнчжэнтине: «Совсем иной вид имеет школа. *Это настоящая кавалерия, смело идущая на препятствия, правильно сидящая в седле и хорошо умеющая рубить противника немецкими палашами, находящимися на вооружении* (*курсив наш. – А.П.*» [*Примаков*, 1967:88]. Два палаша *цимадао* – офицерский (кат. 207) и солдатский (кат. 207), с серийным номером 44433, представлены на нашей выставке[17].

Традиция изготовления сабель в Китае практически не прерывалась, однако это не стало основой для создания мифа о китайском клинковом оружии, аналогично активно пропагандируемому мифу о клинке японском. Разница заключалась в сугубо утилитарном отношении китайцев

Изготовление китайского композитного лука. 1930-е г.

Making a Chinese composite bow, ca. 1930-es

exhibition by two samples. One is an officer's sabre (cat. 208) and the other, stamped with serial number 44433, was meant for a common trooper (cat. 207)[17].

Even though China could boast an almost uninterrupted tradition of sword–smithing, it never gave rise to a legend in the vein of the actively advertised myth of Japanese blades. The cause was probably in the purely utilitarian Chinese attitude to weapons. Sabres really played a significant role in the never–ending wars of the first half of the 20th century. Contrast this to Japan where neither the *kyu–gunto* nor the *shin–gunto* appear to have had any influence on a battlefield.

POLE ARMS

The Korean treatise *Muye Dobo Tongji* (1790) says that each of the three armies that met on the battlefields of the Imjin war relied upon their best weapon – short arrows *pyeonjeon* (Korea), harquebuses (Japan) or long spears (China).

[16] Согласно восторженным фронтовым корреспонденциям американских журналистов, японские армейские син-гунто легко ломались о китайские дадао.

[17] Основой для разработки китайской модели послужил немецкий кавалерийский палаш обр. 1889 г.

[17] This Chinese model is based on the German Model 1889 cavalry backsword.

Наконечники цинских стрел мэйчжэньцзянь, обнаруженные на месте сражения за Албазинский острог. Китай, конец XVII в.

Qing meizhenjian arrowheads excavated on the site of the battle for the fort of Albazin. China. Late XVII century

к оружию, а также была обусловлена непрерывными войнами первой половины XX в., в которых сабли играли действительно заметную роль, в отличие от Японии, где ни *кю-гунто*, ни *син-гунто* не оказывали какого-либо заметного влияния на ведение боевых действий.

ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ

В корейском трактате «Муе тобо тхонджи» (1790) было сказано, что на полях сражений Имджинской войны сошлись армии трех государств, каждая из которых полагалась на свое лучшее оружие – короткие стрелы *пхёнджон* (Корея), аркебузы (Япония) и длинные копья (Китай).

Таким образом, Китай считался обладателем наиболее развитых систем боя древковым оружи-

So China was considered to have the most advanced techniques of pole arm combat. This view was not contested in China itself, but it was the fighting pole that was considered the best type of a pole arm there.

However, China would not have been the leading country in the use of pole weapons had it only had these two varieties – the pole and the long spear. In fact, there were many kinds of it here, way above any conceivable limits. Some pole weapons, slightly differing from each other, however, are considered totally separate types, each having a fighting technique of its own, and some of these techniques were even deemed confidential.

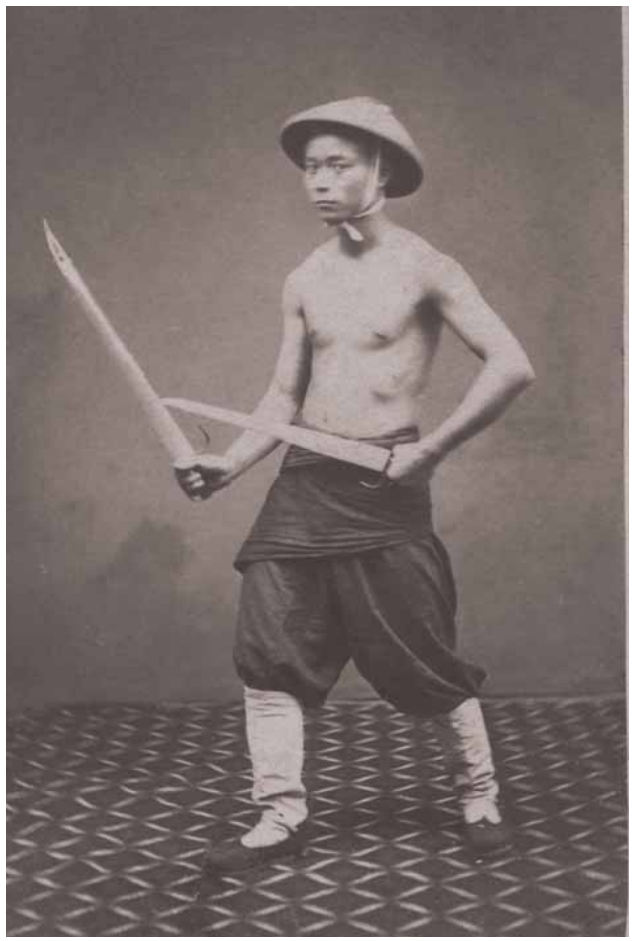
In 1885, Captain of the General Staff of the Imperial Russian Army A.S. Galkin visited a camp of the Qing troops in Xinjiang and left us this description: “In the infantry units in East Turkestan one can see three types of cold weapons, namely pikes, *tskhodo*[18]

[18] As can be seen from the description below, this weapon was a kind of a shafted sabre. But it is difficult to say what Chinese word Galkin rendered in a distorted form as *tskhodo*.

ем. Этот взгляд не оспаривался и в самом Китае, но в нем считали лучшим видом древкового оружия боевой шест.

Однако Китай не был бы страной, лидирующей в применении древкового оружия, если бы имел только две его разновидности – шест и длинное копье! На самом деле количество его разновидностей превышает все мыслимые пределы. Многие виды древкового оружия, незначительно отличаясь от прототипа, тем не менее считаются отдельными видами и имеют собственные техники боя, часть из которых считалась даже секретными.

Капитан Генерального штаба А.С. Галкин, посетивший в 1885 г. лагерь цинских войск в Синьцзяне, так описывает древковое оружие Цинов: «В пехотных частях Восточного Туркестана можно встретить три типа холодного оружия, именно: пики, *цходо*[18] и вилы, причем последние бывают двузубья и трехзубья… Древка пик приготавливают из бамбука и имеют в пехоте более 10 аршин длины[19], а в кавалерии – около 8 аршин. Для приготовления древка берут длинные полосы бамбука около полудюйма ширины и четверти дюйма высоты, склеивают их между собой при помощи мастики и полученную таким образом тонкую жердь обматывают лентой из *дабы*[20]. После этого на жердь снова накладывают те же полоски бамбука, приклеивают их к ней при помощи мастики и снова все обматывают лентой из *дабы*. Поступая еще несколько раз таким образом, получают древко нужной толщины, очень прочное и очень гибкое. После этого на конец древка насаживается самым примитивным образом железный наконечник, навязываются красные кисти, и пика готова.



Воин сельской милиции с худедао. Южный Китай. Конец XIX в.

Rural militiaman with hudiedao. Southern China. Late XIX century

and battle forks, the latter can be two–pronged and three–pronged.. The pike staff is made of bamboo and is more than 10 arshins long[19] in the infantry, and about 8 arshins in the cavalry. To make the staff, they take long strips of bamboo about half an inch wide and a quarter of inch high, glue them together with mastic and wrap the obtained thin pole with *daba*[20] tape. After that the pole is again covered with

[18] Как следует из дальнейшего описания, это оружие типа древковой сабли. Но какое китайское слово было передано Галкиным в искаженной форме как цходо, сказать затруднительно.

[19] Русский аршин равен 71,12 см. Таким образом, длина пехотной пики у китайских солдат составляла более 7 м, а у кавалеристов – более 5,5 м.

[20] Китайская прочная хлопчатобумажная ткань. Аналогичную по технике изготовления пику можно видеть в собрании Читинского музея. См. [Багрин, Васильев, 2010:258, 275, рис. 11].

[19] A Russian *arshin* is 71.12 cm. Thus, the length of an infantry pike was more than 7 m and the one in the cavalry was over 5.5 m.

[20] Chinese chino cloth. A similarly made pike may be seen in the collection of the Chita Museum [*Bagrin, Vasiliev*, 2010: 258, 275, Fig. 11].

Цходо представляет собой длинный легкий топор, который насажен на бамбуковое древко. Древки бывают длиной в три и в четыре аршина.

Вилы имеется двух образцов: двузубые и трехзубые. Древки вил имеют также длину от 3 до 4 аршин» [*Колесников, Кляшторный*, 1988:190–191].

Среди экспонатов выставки имеется 4 предмета, традиционно именуемые в отечественной литературе алебардами, и пара копейных наконечников, один из которых представляет собой редко встречающееся наконечник копья *тайпинцян* клинкового типа с парными крюками на втулке.

Общей чертой алебард являются широкие клинки. Наличие пробойника, полноценного или рудиментарного, характерно для оружия типа *яньюэдао* («алебарда ущербной луны»). Под клинком расположена гарда – дисковидная, поперечная, в виде бараньего рога или же полумесяца, а крепление осуществляется при посредстве хвостовика в форме ласточкиного хвоста, укрепленного в древке при помощи заклепок. Нет гарды только у поздних вариантов *яньюэдао* – массового оружия пехоты и ополченцев в первой половине XX в.

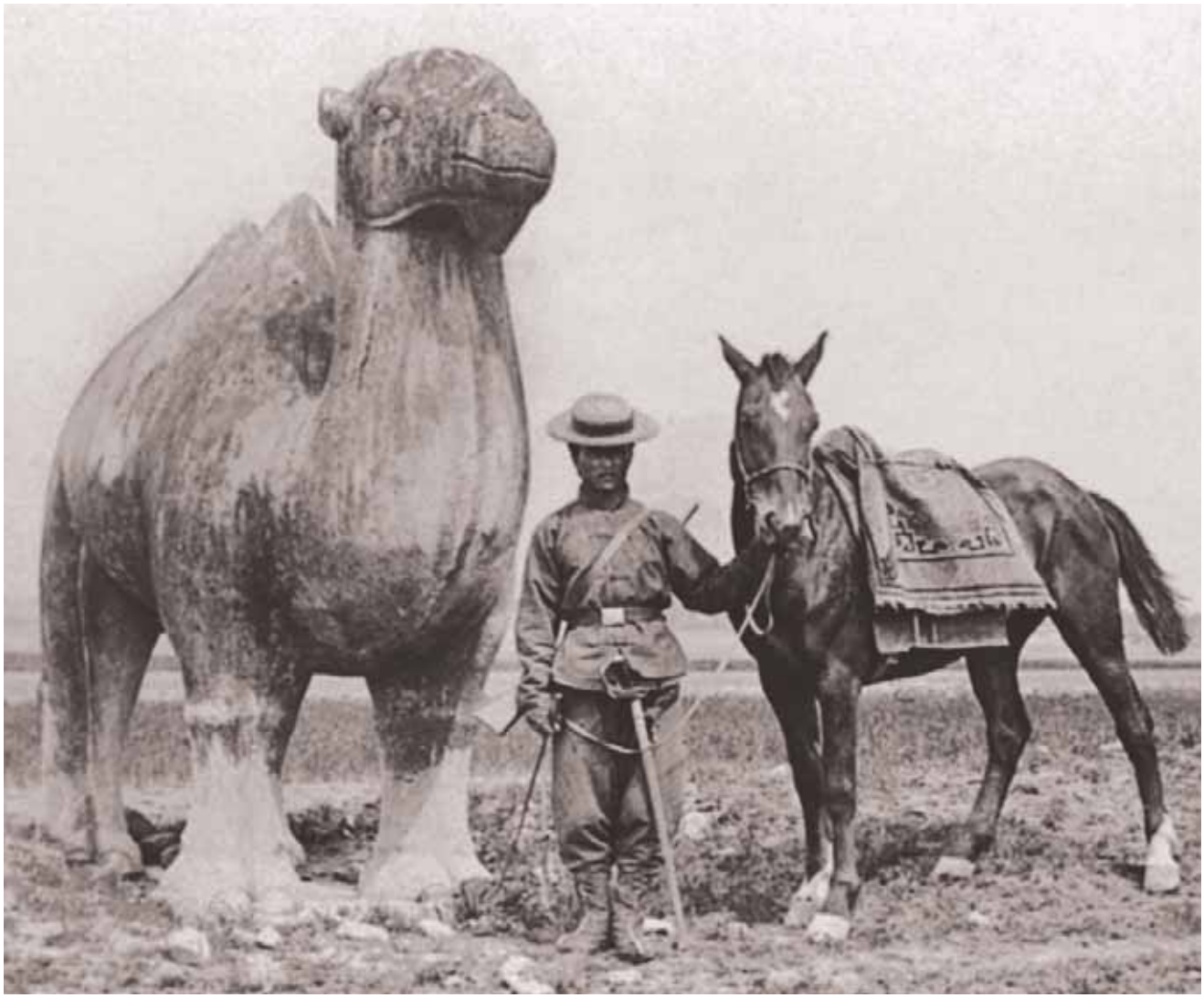
Образцы, традиционно относящиеся в Китае не к древковому, а к клинковому оружию, хотя и располагающему гипертрофированной (до полутора метров длиной) рукоятью, имеют цельный металлический хвостовик, проходящий по всей длине рукояти и оканчивающийся на торце металлическим кольцом. Один из таких образцов представлен среди экспонатов выставки – тип плавно изогнутого клинка с *елманью* и без пробойника можно определить как *чуаньвэйдао* (алебарда «корма корабля»).

В цинских войсках использовались и экзаменационные алебарды *укэдао*, отличавшиеся огромным весом. Н.Я. Бичурин оставил описание испытаний в силе, практиковавшейся в войсках: «Ловкость и сила показываются в … действовании огромным мечом … Меч есть в 80, 100 и 110 *гинов* (27 ½ *гинов* составляют русский пуд, или 40 фунтов). При испытании в ловкости и силе… должно … мечом сделать несколько приемов» [*Бичурин*, 2002: 111].

Параметры экзаменационной алебарды согласно данным цинского кодекса «Хуанчао лици туши» (1759) впечатляют: «Экзаменационная алебарда имеет длину в 3 чи 6 цуней, ширина клинка 3 цуня, толщина 1 цунь, длина рукояти 1 чи 6 цуней, толщина 3 цуня, длина хвостовика 1 чи 6 цуней, ширина 1 цунь, толщина 3 цуня. Вес 80 цзиней» [*Хуанчао лици туши*, 1759: 1].

Экспонат выставки имеет несколько иные параметры: длина клинка 30 см, ширина 4 см, толщина 1 см, длина рукояти 150 см, толщина 3 см, длина хвостовика 30 см, ширина 1 см, толщина 3 см. Вес 4 кг.

Клинок экспоната выставки имеет ромбическое сечение, что характерно для оружия, предназначенного для нанесения колющих ударов. Рукоять обмотана кожаным ремнем, что обеспечивает надежный хват. Хвостовик имеет форму ласточкиного хвоста, что обеспечивает надежное крепление клинка в древке. Хвостовик имеет кольцо, что также обеспечивает надежное крепление клинка в древке.



Цинский солдат с цимадао. Окрестности Пекина, начало XX в.

Qing armed rmed with qimadao. Vicinity of Beijing. Early XX century

барда [*укэдао*]. Почтительнейше докладываю, согласно установлениям ныне правящей династии: *укэдао* изготавливается [по форме] как *яньюэдао*, клинок и рукоять полностью из железа, снизу [древко] круглое, как позвонок, на конце подток.

Также делится на три категории – первая категория весит 120 *цзинь*, длина 8 *чи* 1 *цунь* 5 *фэнь*, следующая – 100 *цзинь*, длина 7 *чи* 8 *цунь* 7 *фэнь*, следующая за ней – 80 *цзинь*, длина 7 *чи* 4 *цунь*[21]. При испытаниях [следует] поднять [*укэдао*] двумя руками и сравнить силу».

The parameters of examination halberds, as described in the *Huangchao Liqi Tushi* codex (1759), are quite impressive: "Examination halberd [*wukedao*]. I report respectfully that, in accordance with the statutes of the ruling dynasty, a *wukedao* is made like a *yanyuedao* [in shape], the blade and handle are entirely of iron, from below [the staff] is round as a bell, and there is a butt pointed cap at the end.

It is also divided into three categories. Category 1 weighs 120 *jin*, is 8 *chi* 1 *cun* 5 *fen* long; the next

[21] Вес алебарды 1-й категории составлял 72 кг, длина – ок. 2,6 м; 2-й – 60 кг и ок. 2,52 м; третьей – 48 кг и ок. 2,37 м.

Судя по сохранившимся изображениям и заметкам наблюдателей, упражнения включали вращения алебарды и поднятие оружия над головой.

В экспозиции представлен *укэдао* с обрезанным древком из г. Сиань. Вес сохранившейся части достигает 22 кг, а расчетная изначальная масса этого оружия могла составлять более 40 кг.

РУЧНИЦЫ

Это оружие появилось в Китае раньше, чем где-либо в мире. Самое первое свидетельство существования ручниц в Китае относится к X в. – чудом сохранившийся в сухом климате центральноазиатской пустыни «стяг из Дуньхуана»[22] запечатлел для нас сцену искушения Будды Гаутамы злым демоном Марой. Насылаемые им мороки включают и демона, стреляющего в Будду из ручницы.

Сложность хранения и передачи информации, локальность применения того или иного изобретения, а также повышенная секретность в отношении всего, что относится к военному делу, привели к тому, что в XII в. ручницу пришлось «изобрести заново».

Под 1132 г. в династийной истории «Сун ши» упоминается об использовании прославленным сунским военачальником Чэнь Гуем (1072–1141) при обороне крепости Дэань от чжурчжэней ручниц *хоцян*: «В это время мост через крепостной ров рухнул [тогда Чэнь] Гуй с 60 людьми, имевшими *хоцян*, лично вышел из западных ворот и сжег осадные мостки, и отогнал «огненных быков» (*хоню*)[23], в один миг все было уничтожено, дерзко напавший на укрепления [противник] отступил» [*Чжунго гудай*, 2008:160].

В трактате «Шоучэн лу» (Записки об обороне крепостей, 1193) Тан Шу так описывал изобрете-

one is 100 *jin*, 7 *chi* 8 *cun* 7 *fen* long, the following one is 80 *jin*, 7 *chi* 4 *cun* long[21]. During the test [one should] raise [a *wukedao*] with both hands and then the strength is compared".

Judging by the images and notes of those who observed them, these exercises included rotation of halberds and raising arms above the head.

The *wukedao* on display is from Xi'an and features a truncated shaft. The weight of the preserved part is 22 kg, and the estimated total mass of this weapon could have been over 40 kg.

HANDGONNES

This weapon appeared in China earlier than anywhere else in the world. The first evidence of its existence in China dates back to the 10th century. The so called Banner from Dunhuang[22], miraculously preserved in the dry climate of the Central Asian desert, depicts the temptation of Buddha Gautama by evil demon Mara. One of the devils sent by Mara is firing at Buddha with a handgonne.

Complexity of storing and transmitting information, the localized character of the use of an invention, as well as the increased secrecy in everything that related to military affairs, led to the need to virtually reinvent the handgonne in the 12th century.

Use of *huoqiang* handgonnes by the renowned Song commander Chen Gui (1072–1141) during the defence of De'an fortress from the Nuzhen is mentioned under 1132 in the *Song Shi* dynastic history: "At this time, the bridge over the moat collapsed, [then Chen] Gui personally led 60 people, armed with *huoqiang,* to come out from the west gate and then burned the siege bridges and fought back the "fire bulls" (*huoniu*)[23], in a moment everything was

[22] Ритуальная буддийская хоругвь с сюжетом «Искушение Будды Шакья Муни», обнаруженная в 1908 г. французским синологом Полем Пеллио в т. н. «Пещере манускриптов» в пещерном храмовом комплексе Могао. Хоругвь, по мнению специалистов Музея Гиме, датируется периодом 907–960 гг.

[23] Быки, нагруженные горючими материалами, использовались для того, чтобы доставить огонь к крепостным воротам без потерь среди воинов, осаждающих крепость.

[21] Thus, halberds of the 1st category weighted 72 kg and were approx. 2.6 m long; Category 2 halberds were 60 kg and approx. 2.52 m; those of Category 3 were 48 kg and approx. 2.37 m.

[22] A ritual Buddhist banner depicting "The Temptation of Buddha Shakya Muni" was discovered in 1908 by French sinologist Paul Pelliot in the so–called Cave of Manuscripts in the Mogao cave–temple complex. The banner, according to experts of the Guimet Museum, dates to between 907 and the 960s.

[23] Bulls loaded with flammable materials were used to deliver fire to a fortress gate with no loss among the besieging troops.

Похоронная процессия в Шанхае. Свита несет алебарды яньюэдао Китай, почтовая открытка конца XIX – начала XX вв.

Funeral procession in Shanghai. China. Postal card, late XIX – early XX centuries. The escort is carrying the yanyuedao halberds

ние Чэнь Гуя: «используя порох для огненных снарядов (*хопао*), изготовил из длинных стволов бамбука более 20 огненных копий (*хоцян*)» [*Чжунго гудай*, 2008:160].

Впервые применение ручниц, заряженных прообразом пули (*цзыкэ*), отмечено в «Сун ши» под 1259 г.: «В начальный год эры правления под девизом Кайцин в Шоучуньфу[24] … также изготовили *тухоцян*[25], из большого бамбука сделали ствол, внутри поместили *цзыкэ*, если поджечь для выстрела, то когда огонь прекратится, *цзыкэ* вылетает, звук, как от огненного снаряда [*хопао*], слышен более чем на 150 шагов[26] « [*Чжунго гудай*, 2004:448].

Первая дошедшая до нас металлическая ручница хранится Историческом музее в Пекине

destroyed, [and the enemy] who had boldly attacked the fortifications retreated" [*Zhongguo Gudai*, 2008: 160].

Tang Shu described the invention of Chen Gui in his treatise *Shoucheng Lu* (*Writings on Fortresses Defence*, 1193): "by using gunpowder for fiery shells (*huopao*) he made more than 20 fiery lances (*huoqiang*) of long bamboo trunks" [*Zhongguo Gudai* 2008 : 160].

The first use of handgonnes that were charged with prototype bullets (*zike*) is mentioned in *Song Shi* under 1259: "In the initial year of the Kaiqing

[24] Город в провинции Аньхуй.

[25] Букв. «копье, исторгающее огонь», т. е. ручница.

[26] В данном случае имеется в виду китайская традиционная мера длины – ок. 1,6 м.

и датирована 3-м годом эры правления под девизом Чжишунь (1332). Со временем ручницы не были вытеснены в Китае более совершенным ручным огнестрельным оружием типа фитильных аркебуз даже в XVII в. Однако и ручниц для всех солдат не хватало.

Так, после боя с маньчжурами за Ачанский острог 24 марта 1652 г. казаки Ерофея Хабарова захватили у нападавших несколько многоствольных ручниц: «Да у них же, *богдоев*[27], отбили 17 пищалей скорострельных, а те их пищали по 3 ствола и по 4 ствола вместе, а замков у тех скорострельных пищалей нет» [РКО, 1969:I / 136]. Захваченный казаками китаец Кабышейка на допросе показал, что из 600 воинов маньчжурского отряда ручное огнестрельное оружие имели только 30 воинов: «…пошло нас из Нюлгуцкого города[28] 600, а с нами было пушек 6, да 30 пищалей, да 12 *пинарт*[29] «[РКО, 1969:I / 137].

По всей видимости, на консерватизм военных повлияли как сложность и дороговизна изготовления фитильной аркебузы, так и возможность использовать примитивную многоствольную ручницу в качестве замены оружию ближнего боя – увесистые стволы, насаженные при помощи втулки на древко, могли быть использованы вместо булавы или боевого шеста.

Среди экспонируемых ручниц XVII–XIX вв. обращает на себя внимание компактная трехствольная ручница с надписью «Фушунь» (город в Ляодуне), предположительно датируемая первой четвертью XVII в. (кат. 220) – такие могли применяться в ходе боевых действий в Приамурье в числе «пищалей скорострельных», состоявших на вооружении цинских воинов.

Кроме того, ручницы на длинном древке могли быть использованы в качестве навершия стя-

era in Shouchunfu[24] … a *tuhuoqiang*[25,] was also produced; the barrel was made of a large bamboo, a *zike* was placed inside it; if it is set to fire, then when the blaze stops, the *zike* dashes out with a sound like from a fiery shell [*huopao*] that is heard for more than 150 paces[26]" [*Zhongguo Gudai*, 2004: 448].

The earliest surviving metal handgonne is kept in the Historical Museum in Beijing and dated to the 3rd year of the Zhishun era (1332). Later and more advanced firearms, such as matchlocks, did not completely oust handgonnes, which remained in use even in the 17th century. However, there were not enough handgonnes to go around for every soldier who needed one.

After a battle against Manchus at Fort Achansk on March 24, 1652 Cossacks of Yerofei Khabarov captured several multi–barrelled handgonnes from the attackers: "We have seized 17 quick–firing harquebuses from those *bogdois*[27], and those harquebuses had from 3 to 4 barrels together and no locks" [RKO, 1969: I / 136]. A Chinese man called Kabysheyka, who had been taken prisoner by Cossacks in the battle, revealed during his questioning that of the 600 Manchu soldiers only 30 had firearms: ".. there were 600 of us who went out from Nyulguta post[28], and we had 6 guns, 30 handgonnes and 12 *pinarts*[29]" [RKO, 1969: I / 137].

This conservatism appears to have been influenced by both the complexity and expense of matchlocks, and the ability to use primitive multi–barrelled handgonnes in close combat, as these hefty barrels mounted on a shaft could be used as a mace or a war staff.

[27] Казаки называли маньчжуров и подвластные им народы «богдоями» по титулу маньчжурского императора Богдо-хан, воспринятого ими как самоназвание маньчжуров.

[28] Административный центр Цинов в южном Приамурье – город Нингута, ныне – город Нинъань в провинции Хэйлунцзян, КНР.

[29] Правильно «петарда» – вид снаряда, применяемого в XVII в. в Европе и Азии для подрыва крепостных стен.

[24] A city in Anhui province.

[25] Literally, "a fire–spewing spear", i.e., a handgonne.

[26] In this case a traditional Chinese unit of length, approximately 1.6 m, is meant.

[27] Cossacks called Manchus and their subject peoples "bogdoys" after the title of Bogdo Khan that the Manchu emperor carried, which they presumed to be the Manchu self–designation.

[28] The Qing administrative centre in the southern Amur River region was the town of Ningguta, which is now the city of Ning'an in Heilongjiang Province, PRC.

[29] The correct name of this weapon is *petard*, a kind of a bomb that was used in the 17th century in Europe and Asia to breach fortress walls.

Испытания в силе с укэдао. Гуашь, рисовая бумага Китай, XIX в.

Strength's test using wukedao. Gouache, pith paper China. XIX century

гов и хоругвей – литая из медного сплава ручница с дополнительными декоративными элементами и кольцами (кат. 221) не только внушительно смотрелась в качестве знаменного наконечника, но и производила звон при движении, а при необходимости могла быть использована для салютации.

Новинку оценили не только военные – городской криминал активно вооружался огнестрельными приспособлениями самых разных систем. Так же как и у военных, перед преступниками возникал вопрос о компенсации малой скорострельности огнестрельного оружия. Мастера, работавшие на криминальных авторитетов, создали комбинированное ударно-дробящее оружие. Временами среди изделий китайских оружейников встречаются металлические палицы *цзянь* или «стилеты» *бицзяча*[30], где тело палицы представляет собой граненый ствол с запальным отверстием, расположенным около гарды (кат. 219). В остальном же это

[30] В связи со спецификой распространения в России знаний о дальневосточных видах вооружения это оружие более известно под японским названием *сай*.

17th to 19th century hand cannons on display include a noteworthy compact three–barrelled handgonne, inscribed "Fushun" (a town in Liaodong), presumably of the first quarter of the 17th century (cat. 220). Weapons of this type could have seen use in the war in the Amur River region as some of the Qing "quick–firing harquebuses".

Moreover, handgonnes on long shafts could be used as heads for banners or gonfalons. The cast copper alloy handgonne with additional decorative elements and rings (cat. 221) would not only look impressive as a banner head, but would also produce a ringing sound when in motion and, if necessary, could be used to salute.

This innovation was not only appreciated by the military. City criminals were actively arming themselves with firing devices of a wide variety of systems. They, too, were concerned with the need to

оружие ничем не отличается от обычных *цзянней* и *бицзяча*. Можно предположить, что они активно бытовали в городах и селах Китая еще в первой половине XX в.

ШЛЕМЫ

Металлические шлемы были сравнительно мало распространены в Китае вплоть до периода Сун (960–1279). Да и впоследствии основная масса солдат довольствовалась кожаными шлемами, тюрбанами и плетеными из лозы шляпами.

Основным типом боевых наголовий были сфероконические шлемы. Шею воина защищала бармица из плотной стеганой материи, либо имевшая пластинчато-нашивную или ламеллярную структуру, или же состоящая из кольчужного полотна. Личины из стали, распространенные в Японии, практически не применялись.

Купол шлема в случае, если его изготавливали из металла, мог быть или цельнокованым, или же состоять из двух и более пластин, стыки которых прикрывались стальными накладками. Шлем увенчивался трубкой для крепления плюмажа.

С середины XVII в. распространяются сфероконические шлемы с низкой тульей. Постепенно, к началу XVIII в., сфероконическая форма сменяется цилиндроконической. Соотношение сфера-конус и цилиндр-конус в пропорциях тульи шлема является надежным датирующим признаком.

С конца XVI в. шлемы, произведенные в Китае и Маньчжурии, имели коробчатые фигурные козырьки, с украшениями и без оных. Но налобная пластина, приклепанная к нижней части тульи шлема под козырьком, у маньчжуров имела характерные вырезы, имитирующие контур бровей.

В 1759 г. из-за финансовых трудностей император Цяньлун (1735–1796) приказал ввести для рядового и младшего офицерского состава войск шлемы из лакированной кожи со стеганым подшлемником. Стальные шлемы, гладкие или же богато украшенные, были оставлены только для высших офицеров и членов правящего дома. Однако уже к началу XIX в. кожаные шлемы и стеганые доспехи считались дорогим видом защитного вооружения: «По древнему великому уложению стотысячная армия долженствовала быть выставcompensate for the slow rate of fire, as were the military. Artisans who worked for the criminals created a combination of a mace and a handgonne. These combination weapons are found among the products of Chinese gunsmiths, usually in the form of a metal *jian* club or a *bijiacha*[30] stiletto. The shaft in such weapons is a faceted barrel with a touch hole near the guard (cf. cat. 219), while the rest of this gun is the same as a common *jian* or a *bijiacha*. We can assume that they were widely used in urban and rural China in the first half of the 20th century.

HELMETS

Metal helmets were relatively uncommon for China up to the Song period (960–1279). Even later most Chinese soldiers had to make do with leather helmets, turbans or wicker hats.

Spherical–conical helmets were the main type. The warrior's neck was protected by nape and ears defence flaps. These were either made of thick quilted cloth that may have had metal or leather plates sewn between the fabric layers, or were lamellar or were made of mail. Steel masks, common in Japan, were almost never used.

The dome of the helmet of the metal helmets could be one–piece or consist of two or more plates, the joints covered with special outer plates of steel. A helmet was crowned with a tubular plume–holder.

From mid–17th century low spherical–conical helmets begin to ga9ni traction. By early 18th century the spherical–conical shape is gradually replaced by the cylindrical–conical one. The ratio of sphere–to–cone and cylinder–to–cone is a reliable marker that helps determine the approximate date when the helmet was made.

Since the late 16th century China– and Manchuria–made helmets had box–shaped visors, with or without decoration. In Manchu–made helmets, though, the forehead plate that was riveted to the bottom of the helmet under the visor was cusped in imitation of human eyebrows.

Due to financial difficulties the Qianlong Emperor (1735–1796) decreed in 1759 that helmets of

[30] Due to the specifics of how information on Far Eastern weapons got to Russia this weapon is better known under the Japanese name *sai*.

лена в сем поле; но *по дороговизне стеганых лат и шишаков* (*курсив наш. – Прим. А.П.*) избрано только 23000» [*Пальмовский*, 1817:196].

В ходе гражданской войны 1850–1878 гг. защитное вооружение в Китае постепенно исчезает, сохранившись только в виде стеганой имитации, использовавшейся в качестве парадной формы высших офицеров армии и флота.

Среди представленных экспонатов – редчайший образец полусферического шлема конца XVI – начала XVII вв. с цельнокованой тульей, фигурной налобной пластиной, коробчатым козырьком, трубчатым навершием для крепления султана и кольчужной бармицей (кат. 223). Наиболее близки к нему цельнокованые шлемы т.н. «бутанского типа» [*LaRocca*, 2006:134–136], однако детали их оформления отличаются от данного образца, а бармицы изготовлены из стеганой ткани.

Второй экспонат представляет собой типичный для середины XVII в. сфероконический шлем с низкой тульей, коробчатым козырьком, трубчатым навершием под плюмаж и фигурной налобной пластиной, получивший распространение в Китае после воцарения в Пекине маньчжурской династии (кат. 224). Отсутствие отделки, толстый металл конструкции свидетельствуют о том, что это шлем рядового воина. Бармица не сохранилась, но представленные в музеях России шлемы близкого типа имеют бармицы из стеганой материи.

БОЕВЫЕ НОЖИ

Специально оружие самообороны в Китае никогда не регламентировали. Воины сами обеспечивали себя булавами, палицами или ножами. Когда в 1853 г. во время ожидания штурма Пекина отрядами тайпинов возникла необходимость усилить гарнизон за счет создания отрядов городского ополчения, то последовал приказ, 5-й пункт которого гласил: «5. Как для стражи необходима оборона, то, выключая огнестрельное, *приказать обзавестись на свой счет орудиями: ножами, копьями, стрелами и т. п.* (курсив наш. – *Прим. А.П.*). На каждом орудии должна быть надпись, чье орудие» [*Скачков,* 1958:175]. Несколько ра-

lacquered leather with quilted liners should be used by privates and junior officers. Steel helmets, plain or ornate, were left only for senior officers and members of the ruling house. However, by the early 19th century even leather helmets and quilted armour were considered expensive: “According to the ancient tradition a great army, one hundred thousand men strong, was to be set up in this field; but only 23000 were selected *as the quilted armour and helmets were extremely expensive* [emphasis added – A.P.]” [*Palmovsky* 1817: 196]. [Fig. 11 00015]

Protective armour in China eventually disappeared during the civil war of 1850–1878. It only survived in the form of quilted imitation worn as ceremonial military dress by senior army and navy officers.

Exhibits on display include a rare example of a semi–spherical helmet dated to the late 16th or early 17th centuries, featuring a one–piece dome, cusped forehead plate, box–shaped visor, tubular plume–holder and mailed nape and ears defence (cat. 223). Its closest analogues are the one–piece helmets of the so–called Bhutanese type [*LaRocca*, 2006: 134–136]. But their design differs in some details from our helmet and, unlike ours, their ear and neck guard flaps are made of quilted fabric.

The other exhibit is a typical mid–17th century low spherical–conical helmet, with a box–shaped visor, a tubular plume–holder and a cusped forehead plate. This design widely spread in China after the enthronization of the Manchu dynasty in Beijing (cat. 224). The plain thick metal of the dome and the lack of decoration suggest that it was meant for a common soldier. The ear and neck guard flaps are missing but judging by helmets of similar type in Russian museums these may have been made of quilted cotton or hemp fabric.

COMBAT KNIVES

Self–defence weapons never were subject to special regulations China. It was up to the warriors to arm themselves with clubs, maces or knives. In 1853, as Beijing was expected to be stormed by Taiping troops and there the city garrison needed strengthening by creating groups of urban militia, the Xianfeng Emperor issued a decree, stating, among other things, that: “5. As the guards need weapons for self–defence, so we *order them to obtain the following pieces: knives, spears, arrows, etc. excluding fire-*

нее Н.Я. Бичурин писал: «Есть тесаки, косари[31], бердыши[32], топоры и железные палки[33]; но *сии орудия не имеют общего употребления* (курсив мой. – *Прим. А.П.*)» [*Бичурин,* 2002:211].

Правда, существовало одно исключение – в Восьмизнаменных войсках воины отборных авангардных частей имели на вооружении боевой нож *шуньдао*. В «Хуанчао лици туши» дается его детальное описание, причем различаются *шуньдао* воинов авангардных частей левого и правого крыльев Восьмизнаменных войск: «*Шуньдао* – два, оба с заостренным [клинком], длина клинка 8 *цунь* (25,6 см), ширина – 1 *цунь* (3,2 см), обойма в виде железного диска, толщина 2 *фэнь* (6,4 мм), ножны длиной 9 *цунь* (28,8 см), сделаны из дерева, покрыты кожей. [*Шуньдао*], используемый воинами авангардных частей левого крыла, [по обуху] имеют в середине выступающее ребро, как у мечей. Общая длина 1 *чи* 2 *цунь* (38,4 см), рукоять длиной 4 *цунь* (12,8 см), [сделана] из дерева, окрашена желтым, на конце железная оковка, с обоих концов ножен железные скрепляющие оковки, в центре ножен 2 железные скрепляющие оковки. [*Шуньдао*], используемый воинами авангардных частей правого крыла, не имеют в середине [обуха] выступающего ребра. Общая длина 1 *чи* 1 *цунь* (35,2 см), рукоять [сделана] из древесины груши, длиной 3 *цунь* (9,6 см), на конце железная оковка, привязан голубой темляк, около устья ножен железная скрепляющая оковка» [Чжунго гудай, с. 325].

Именно такой *шуньдао* воинов авангарда левого крыла представлен в нашей экспозиции.

ГРАЖДАНСКОЕ ОРУЖИЕ

В Китае также существовало огромное количество гражданского оружия. В современной китайской литературе для обозначения гражданского клинкового оружия применяется термин *миньцзянь даоцзянь*, т. е. «народные сабли

[31] Согласно словарю Ушакова, косарь – это большой нож с толстым клинком, употребляемый в домашнем хозяйстве.

[32] Имеются в виду древковые сабли типа дадао – яньюэ-дао, чуаньвэйдао, пудао и т. п.

[33] Имеется в виду цельнометаллическая палица цзянь.

arms, on their own expense [emphasis added – A.P.]. Each weapon should have an inscription indicating to whom this piece belongs" [*Skachkov*, 1958: 175]. Somewhat earlier, Nikita Bichurin wrote, "There are cutlasses, choppers[31], poleaxes[32], axes and iron rods[33]; but *these pieces are not in common usage* [emphasis added – ed. A.P.]" [*Bichurin* 2002: 211].

However, there was one exception. Warriors of select avant–garde units of the Eight Banners were issued with *shundao* fighting knives. *Huangchao Liqi Tushi* has this detailed description, differentiating between *shundao* knives of the left and right wings of the vanguard units of the Eight Banners: "*Shundao* – two, both with a sharp [blade], the length of the blade is 8 *cun* (25.6 cm), its width is 1 *cun* (3.2 cm), the ferrule is in the form of an iron disk and is 2 *fen* (6.4 mm) thick, the scabbard is 9 *cun* (28.8 cm) long, made of wood, covered with leather. [*Shundao*] used by the warriors of the left wing of the vanguard units have a projecting rib in the middle [of the back of the blade], like in swords. The total length is 1 *chi* 2 *cun* (38.4 cm), the handle is 4 *cun* (12.8 cm) long, [made] of wood, painted yellow, with an iron ferrule at the end, iron bindings on both ends of the scabbard and 2 bindings in the centre of scabbard. [*Shundao*] used by the warriors of the right wing of vanguard units do not have a projecting rib in the middle [of the back of the blade]. The total length is 1 *chi* 1 *cun* (35.2 cm), the handle [is made] of pear wood and is 3 *cun* (9.6 cm) long, with an iron ferrule at the end, a blue sword–knot, and iron binding near the throat of the scabbard" [*Zhongguo Gudai*, p. 325].

A *shundao* of the left wing vanguard units is presented in our exhibition.

CIVILIAN WEAPONS

There was also a huge number of civilian weapons in China. In modern Chinese literature civilian blad-

[31] The Ushakov's dictionary defines the Russian word *kosar* that Bichurin uses here as a large knife with a thick blade used in the household.

[32] A reference to polearm sabres of *dadao* type like the *yanyuedao, chuanweidao, poudao*, etc.

[33] This refers to the all–metal *jian* club.

и мечи». Сюда относятся прямые обоюдоострые мечи, сабли произвольных образцов, разнообразные тесаки и ножи.

МЕЧИ

До начала правления династии Цин в Китае обоюдоострый прямой меч *цзянь*[34] широко применялся в войсках. По древней традиции, меч представлял собой благородное оружие, владение которым позволяло одержать победу над противником не за счет грубой силы, а за счет фехтовального мастерства. К тому же мечи почитались как символ власти – перед началом похода император вручал главнокомандующему меч в знак его полной власти над войсками.

Мечи продолжали использоваться в войсках и в первые годы маньчжурской династии – их бытование в среде высшей воинской знати отражено в изобразительном и прикладном искусстве Китая XVII в.[35].

Среди экспонатов выставки представлено 7 образцов мечей *цзянь* и 3 образца парных мечей *шуанцзянь*, представляющих собой парные клинки уплощенного профиля с половинной рукоятью, переносящиеся в единых ножнах[36].

Меч (кат. 226) – это прекрасный образец китайского оружейного производства XIX в. Длинный, изящной формы клинок ромбического сечения из ламинированной стали плавно сужается по всей своей длине к острию, поражая благородством пропорций. По лезвиям хорошо прослеживается проявленный травлением «пилообразный» узор линии закалки. Рукоять роговая, отделанная поперечными каннелюрами, с из-

Цинский военачальник Су Юаньчунь (1844-1908) в полной парадной униформе. Фото Огюста Франсуа (1857-1935). 1896 г.

Qing General Su Yuanchun (1844-1908) in full dress uniform. Photo taken by Auguste Francois (1857-1935). 1896

ed weapons are referred to as *minjian daojian*, i.e. “popular sabres and swords”. These include straight double–edged swords, sabres of different types and a great variety of backswords, cutlasses and knives.

[34] Кит. 劍. Не путать с иероглифом цзянь 鋼 применяемым для обозначения металлической палицы.

[35] Например, меч хорошо виден среди изображений вооружения на представленной в экспозиции фарфоровой банке переходного (1640–1660-е гг.) периода. Приносим свою благодарность К.В. Козину за предоставление данного экспоната.

[36] Профиль клинка и рукояти каждого меча из пары шуанцзянь представляет собой как бы половину от полного меча цзянь, разделенного на две симметричные части по продольной оси. Будучи вложенными в единые ножны, оба меча визуально напоминают обычный меч.

ящными деталями прибора, изготовленными из медного сплава желтого цвета. Гарда имеет форму летучей мыши (*фу*), являющейся в Китае благопожелательным символом.

Значительную часть экспонатов представляют собой т.н. *миньцзянь цзянь* с минимальной отделкой, являвшиеся клинковым оружием простонародья (кат. 227–232). Тем не менее они демонстрируют удачную эргономику и разнообразие форм и пропорций клинка и гарды, что отражает постоянный поиск китайскими оружейниками оптимальных форм. Мечи (кат. 227 и кат. 228) имеют гарду «бараний рог». В своем модифицированном виде эта гарда была очень широко распространена в 1920–1930-е гг. на пехотных саблях *дадао*. Однако мечи (кат. 227 и кат. 230) изготовлены в XIX в. и являются ранними примерами использования гарды подобной формы. Кроме того, их клинки украшены распространенным мотивом «Семизвездия Северного Ковша» (*бэйдоу цисин*) – 7 таушированными по голоменям клинка медным сплавом точками, символизирующими 7 звезд созвездия Большой Медведицы. По китайским поверьям, на этих звездах проживают 72 духа, которые покровительствуют военным. Таким образом, изображая *бэйдоу цисин*, мастер обеспечивал магическую помощь духов владельцу меча.

Меч (кат. 228) относится к типу *цюаньте цзянь*, т. е. цельножелезный меч, и не предполагает наличие каких-либо неметаллических элементов, кроме оплетки рукояти шнуром из конопляного волокна. Меч отличает значительный вес, удачные пропорции и высокая прочность металла. Гарда луновидной формы характерна для середины – конца периода Цин, что позволяет датировать этот образец началом – серединой XIX в.

Меч (кат. 229) представляет собой легкий и изящный по пропорциям *цзянь*, типичный для XIX в., с сужающимся к острию клинком ромбического сечения, веретенообразной рукоятью и гардой типа «летучая мышь». На поверхности металла гарды прослеживаются следы всечки серебром, изображение можно интерпретировать как стилизованное изображение летучей мыши (ср. меч кат. 226). Учитывая баланс клинка, его

SWORDS

The straight double–edged *jian*[34] sword was widely used in the pre–Qing military. Since time immemorial the sword was considered a noble weapon as it allowed defeating the enemy not by means of brute force, but by fencing mastery. Moreover, swords were held as a symbol of power. Before a campaign the Emperor would present its Commander–In–Chief with a sword as a sign of the full power over the troops.

Swords were still used in the army in the early years of the Manchu dynasty, as attested by depictions of the highest military nobility in 17th century Chinese art.[35]

Among the exhibits there are seven samples of *jian* swords and three samples of paired *shuangjian* swords, representing half–handled blades of a flattened profile that were carried in pairs in the same scabbard[36].

Sword 226 is a fine example of Chinese weaponry of the 19th century. A long diamond section blade of elegant shape, manufactured from laminated steel, tapers smoothly along its entire length to the edge, striking with its noble proportions. The blades exhibits a well–traced “sawtooth” pattern of the hardening line that was further enhanced with etching. The cross–fluted handle is made of horn and has exquisite fittings of yellow copper alloy. The handguard is shaped like a bat (*fu*), an auspicious symbol in China. [Fig. 13 00017]

Several swords on display are the so–called *minjian jian* with minimal decoration, the bladed weapons of the common folk (cat. 227–232). Nevertheless, they demonstrate good ergonomics and a variety of shapes and proportions of the blade and the guard, well reflecting the Chinese swordsmiths’ constant search for optimal forms. Swords 227 and 231 feature ram’s horn guards. In its modified form

[34] Chin. 劍. Not to be confused with the hieroglyph *jian* 鐧, used to refer to a metal club.

[35] For example, a sword is clearly visible among the weapons depicted on a porcelain jar of the Transition Period (1640–1660s.). We express our gratitude to K.V. Kozin for the provision of this exhibit.

[36] The profile of the blade and the handle of each sword in a *shuanjian* pair is like one half of a *jian* sword divided into two symmetrical parts along the longitudinal axis. When sheathed together in the same scabbard, both swords visually resemble a normal sword.

размеры и строгое, но тщательное и изысканное исполнение, можно считать его выдающимся образцом китайского оружейного дела середины – второй половины XIX в., прослужившим своим хозяевам не менее 100 лет – рукоять меча обмотана затвердевшей изолентой. Судя по состоянию этого покрытия, оно было сделано в 1940-е гг.

Образец (кат. 230) был предназначен для внутреннего рынка страны. В 1920–1930-е гг. изготовлением мечей в Китае занималось более 2000 компаний. Значительная часть продукции продавалась в портовых городах Китая как экзотический сувенир. Эти образцы пышно украшались в псевдоимперском стиле, их оправы пестрят изображениями драконов и фениксов, клинки покрыты всевозможными надписями и клеймами, порой имитирующими реальные клейма императорских мечей[37].

Меч (кат. 230), напротив, совершенно лишен пышной отделки. Коробчатая гарда с оттянутыми в сторону острия концами крестовины характерна для мечей 1930–1950-х гг. Помимо применения в отрядах самообороны, мечи широко использовались в школах боевых искусств (*гошу*). Кроме того, мечи были востребованы в качестве реквизита китайского традиционного театра – многие актеры были одновременно и хорошими фехтовальщиками. Меч (кат. 230) принадлежит к этому же кругу изделий – спортивному снаряжению школ *гошу*, реквизиту национального театра, оружию местных отрядов самообороны.

Меч (кат. 232) совершенно нетипичен для Китая – форма клинка, напоминающая древнегре-

«Выступление гвардии» (фрагмент свитка), между 1522 и 1566 гг. Шелк, цветная тушь. Китай, период Мин (1368–1644). Национальный Дворцовый музей, Тайбэй.

“Departure Herald” (fragment of the scroll). Ca. 1522-1566. China, Ming dynasty (1368-1644). National Palace Museum, Taibei

this guard was widespread in the 1920–1930’s in the infantry *dadao* sabres. However, swords 227 and 231 were made in the 19th century, representing early examples of the use of this form of the handguard. In addition, their blades are decorated with the popular device of the “Seven Stars of the Northern Dipper”

[37] Часть императорских мечей и сабель была похищена военнослужащими оккупационных войск Восьми Держав (в первую очередь, Германии) в 1900 г. при разграблении Пекина и императорских могил в Чжоулине. Кроме того, в 1924 г. маршал Фэн Юйсян изгнал из Запретного Города последнего императора династии Цин Пуи, после чего часть предметов из дворцового собрания пропала бесследно. На рубеже 1920-1930-х гг. некоторые мечи могли всплыть на антикварном рынке Европы и Америки, и их публикациями по каталогам могли воспользоваться китайские мастера, предлагавшие «настоящие императорские мечи» европейским и американским туристам.

ческий *ксифос*, встречается крайне редко. Более того, в связи с редкостью такого типа оружия его правильное название неизвестно. Малые габариты меча в сочетании с характерными признаками полноразмерного *дадао* – формы гарды и навершия – заставляют предположить, что он был изготовлен после 1883 г.[38] и до 1949 г., т. е. мастер обыгрывал уже готовую форму эфеса, приспосабливая ее к конкретной задаче, поставленной заказчиком. Для длинноклинкового оружия эта форма клинка нехарактерна, но среди боевых ножей она встречается (кат. 245). Скорее всего, оружие таких габаритов и конструкции было сделано специально для боя на узких улочках китайских трущоб, где короткий клинок обеспечивал бойцу существенное преимущество, а S-образная гарда давала возможность осуществлять различные зацепы за одежду и эффективное парирование вражеского оружия. Таким образом, этот меч демонстрирует преемственность и развитие китайской оружейной традиции конца XIX – первой половины XX вв.

Пара мечей *шуанцзянь* (кат. 233) имеет мощные клинки, приспособленные для рубки и укола, и полноценные гарды, позволяющие эффективно осуществлять парирование вражеского оружия. Отделка ножен и рукоятей проста, но не лишена сдержанного изящества. Капитан А.С. Галкин, наблюдавший показательные выступления цинских воинов, отметил, что «рубка производилась двумя саблями[39] в предположении, что рубящий окружен неприятелем со всех сторон. Присевши на корточки, рубящий наносил одной саблей удары в разные стороны, другой же в это время за-

(*beidou qixing*), with the flat of blade damascened with seven dots in copper alloy that symbolize the seven stars of Ursa Major. According to Chinese beliefs, these stars are the abode of the 72 spirits that protect the military. Thus, representing the *beidou qixing* a craftsman provided the owner of the sword with the help of magical spirits.

Sword 228 is of the *quantie jian* type, i.e. it is an all–iron sword where the only non–metallic element is the hemp fibre wrapping on the handle. It boasts a considerable weight, good proportions and a high strength of metal. The crescent–shaped guard is characteristic of the mid–late Qing period, allowing us to date this weapon to the early or mid–19th century.

Exhibit 229 is a *jian* sword of light and graceful proportions, typical of the 19th century, its diamond section blade tapering to the tip, featuring a spindle–shaped handgrip and a bat–type guard. There are traces of damascening in silver on the surface of the guard that may be interpreted as a stylized image of a bat (*cf.* cat. 226). Given the balance of the blade, its size and its strict but thorough and sophisticated finish, it may be considered an outstanding example of Chinese bladed weapons of the middle to the second half of the 19th century. This sword seems to have served its owners for at least 100 years as its handle is wrapped with dried up insulation tape. Judging by its state, this wrapping must have been made in the 1940s.

Sword 230 was obviously intended for the domestic market. Over 2,000 companies were engaged in sword–making in China in the 1920 and the 1930s. A substantial part of their products was sold in the port cities as exotic souvenirs. These weapons were luxuriantly decorated in the faux Imperial style, with dragons and phoenixes crowding their fittings, and the blades were covered with all sorts of stamps, sometimes imitating genuine stamps which could be seen on the Emperor's swords[37].

[38] Дата первой фотофиксации развитого дадао с кольцевидным навершием на полуторной рукояти.

[39] В «Муе тобо тхонджи» говорится, что «в настоящее время в их (парных мечей. – Прим. А.П.) роли выступают наиболее короткие из яодао (коротких сабель. – Прим. А.П.). По этой причине здесь не приводится изображение шуанцзянь». Далее идет ссылка на парные сабли цинских Зеленознаменных войск из «Хуанчао лици туши». Т. о. зафиксирован перенос техники владения парным мечом на парные сабли в связи с изменением структуры вооружения войск. Однако вне войсковых структур владение парным мечом сохранялось и позднее.

[37] Some of the Emperor's swords and sabres were looted by soldiers and officers of the Eight Nations (primarily, Germans) in 1900 as they ransacked Beijing and the Royal tombs in Zhaoling. Moreover, some antiquities form the palace collections disappeared in 1924, when Marshal Feng Yuixiang expelled the last Qing emperor, Puyi, from the Forbidden City. At the turn of the 1930s some swords could emerge on the antiques market in Europe and America.

крывался от предполагаемых ударов противника. Нужно сказать, что движения и удары были очень разнообразны и быстры…» [*Колесников, Кляшторный*, 1988:191].

Пара мечей (кат. 234) отражает иную традицию – это не оружие в прямом смысле слова, а средство достижения Пути – легкая конструкция, изящная отделка резным лаком подразумевают утонченность вкусов владельца, его достаточно высокое социальное и материальное положение. Ножны украшены растительным орнаментом, выполненным черным лаком по красному лаковому фону, эфес каждого меча полностью выполнен из дерева и также окрашен черным и красным лаком. Гарды изготовлены в виде стилизованных голов крупного хищника.

Пара мечей (кат. 235) отличается огромными размерами. Вотивная надпись на клинке одного из них, посвящающая мечи храму китайского бога войны Гуань Юя, лишь подчеркивает их необычность. Размеры и вес этой пары мечей серьезно корректируют наши представления о физических возможностях китайских воинов феодального периода.

В целом следует отметить, что подборка мечей для выставки осуществлялась с целью показать наиболее типичные формы, а также продемонстрировать направление развития мысли китайских оружейников XIX – первой половины XX вв.

САБЛИ

Пройдя многовековой путь развития, сабли входят в заключительный этап истории императорского Китая, еще не до конца исчерпав потенциал своего развития. На рубеже XVIII–XIX вв. появляется сабля *нювэйдао*, получившая окончательное оформление к 1880-м гг. К 1880-м же годам из известных ранее конструктивных элементов синтезируется двуручная сабля *дадао* с длинной рукоятью, увенчанной кольцеобразным навершием, появляются различные переходные формы известных ранее типов – в условиях изменения характера боя оружейники ищут способы повысить эффективность оружия.

В экспозиции представлено 8 различных сабель и тесаков, относящихся к неуставным формам клинкового оружия. Это непритязательные

Сине-голубой фарфоровый сосуд с изображением полководца с мечом. Китай, середина XVII в. Собрание Козина К.В.

White and blue porcelain jar depicting the warlord with jian sword. China, mid of XVII century. Collection of K.V. Kozin

Our sword (cat. 230), on the other hand, is completely devoid of lush decoration. The box–shaped guard with the quillons drawn sideways is characteristic of the 1930s–1950s. These saw wide use in self–defence militia units and in Chinese martial arts schools (*guoshu*). In addition, swords were in demand as props for the Chinese traditional theatre where many actors were also good swordsmen. Our

The Chinese craftsmen who offered “real Royal swords” to European and American tourists could have taken advantage of their publication in catalogues to imitate the stamps.

по отделке предметы с мощными клинками, рассчитанными на рубящий удар.

Образец (кат. 236) называется *шоудао*. Первое изображение подобного оружия встречается еще в сунской военной энциклопедии «Уцзин цзунъяо» (1044). Оно массивно, обладает большой инерцией и совершенно не приспособлено для нанесения колющих ударов. Особенностью его является не столько широкий массивный клинок, сколько короткая рукоять, предназначенная для одноручного хвата оружия.

Более развитым видом гражданского оружия являлась сабля *нювэйдао*. Свое название она получила за характерную форму клинка, напоминающую бычий хвост. Ее главным отличием является наличие *фальш-елмани* и плавный изгиб по всей длине клинка. Стоит отметить также дисковидную гарду с глубокой отбортовкой, придающей гардам поздних образцов сходство с чашей, обращенной донышком к навершию рукояти, и длинную (до 15–20 см) слабоизогнутую рукоять, наклоненную в сторону лезвия. К саблям этого типа относятся образцы (кат. 237) и (кат. 239). Сохранившиеся ножны сабли (кат. 239) демонстрируют простой и практичный прибор из белого металла. Навершие сабли (кат. 239) весьма интересно своим оформлением – на черене рукояти всадным способом крепится сегментированный ажурный шар. На конце хвостовика надеты медные китайские монеты с квадратным отверстием посередине. При взмахе оружием монеты перемещаются по хвостовику, издавая металлический звон. Этот мотив нередко встречается на китайском оружии XIX в., но удовлетворительного объяснения не имеет до сих пор. Существует три основные версии его значения:

1) металлический звон отпугивает злых духов;

2) стилизованное изображение литой монеты с квадратным отверстием посередине служит благопожелательным символом, равно как и сама такая монета;

3) в Китае XIX в. существовал ряд тайных обществ, опознавательным знаком которых являлась монета или их определенное сочетание и монеты в навершии могли служить опознавательным знаком члена соответствующего тайного общества.

sword (cat. 230) belongs to the same range of sports equipment of *guoshu* schools, theatre props or the weapons of local militia.

Sword 232 is quite atypical for China. Its blade shape, reminiscent of the ancient Greek *xiphos*, is extremely rare. Due to the rarity of this type of weapon its correct name is unknown. The small size of the sword and its features of a full–length *dadao*, i.e. the shapes of its guard and the pommel, allow us to venture that it was made between 1883[38] and 1949 as the craftsman was adapting an existing handle design to a specific task as set by his customer. This blade shape is uncommon for long–bladed weapons, but it occurs from time to time in fighting knives (cat. 245). Most likely, a weapon of such size and design was explicitly meant for fighting in the narrow alleys of the Chinese slums, where a short blade provided a fighter with a significant advantage and the S–shaped quillons made it possible to entangle the enemy's clothes and better parry their weapons. Thus, this sword demonstrates the development of the Chinese weapon–making tradition of the late 19th to the first half of the 20th centuries.

A pair of *shuangjian* swords (cat. 233) has strong blades adapted for cutting and stabbing, and full guards to parry the enemy's weapons effectively. The decoration of the scabbard and both handles is quite simple, though not devoid of certain elegance. On seeing a demonstration of military skills performed by Qing soldiers, Captain A.S. Galkin notes, "the cutting was performed with two sabres[39] on the assumption that the swordsman was surrounded by the enemy on all sides. Assuming a squatting position, the man hit with one sabre in different directions,

[38] Date of the earliest photographic evidence of a mature hand–a–half *dadao* sword with a ring–shaped pommel.

[39] *Muye Dobo Tongji* reads "now their role [of paired swords] is performed by the shortest of the *yaodao* [short] sabres. For this reason, an image of a *shuanjian* is not presented here". This is followed by a reference to the paired sabres of the Green Standard Army in *Huangchao Liqi Tushi*. Thus, we can observe how changes in the structure of troops' weaponry led to a transfer of the paired–swords fencing techniques to paired sabres. However, paired swords continued to be used outside the military.

Однако эти предположения являются гипотезами, проверка которых является уделом будущего.

Следует обратить внимание также и на *фальш-елмань* сабли (кат. 239) – эта форма служит переходом к ее наиболее утрированному виду – клинку типа *нюэрдао* (сабля «бычье ухо»). Это один из наиболее поздних вариантов сабли *нювэйдао*, с гипертрофированной *фальш-елманью*, отделенной от остальной части клинка прямоугольным выступом. Таким образом, сабля (кат. 239) может быть датирована 1880–1900-ми гг. и представляет собой образец народного оружия, востребованный в среде сельских ополченцев и бойцов охранных контор (*бяоцзюй*), занимавшихся сопровождением караванов на севере Китая.

В отличие от сабли (кат. 239) сабля (кат. 237) это гораздо более гармонично выглядящее оружие, с благородными пропорциями клинка, отлично сбалансированное и представляющее собой огромную опасность в руках профессионального фехтовальщика. У пяты клинка – гравированное изображение пятипалого дракона *лун* и волшебной жемчужины, что является характерным признаком эпохи. Эта сабля является классическим, полностью сформировавшимся образцом *нювэйдао*.

Комплект из парных сабель *шуан нювэйдао* представляет собой дальнейшее развитие творческой мысли китайских оружейников, перенесших в конце XIX в. свойства архаичных парных сабель и мечей на более современный образец. Эти сабли имеют тонкие гибкие клинки и имеют, в первую очередь, значение реквизита боевых искусств. С подобным оружием зачастую выступали бродячие мастера боевых искусств, демонстрировавшие свое мастерство на базарных площадях. Сохранились фото дореволюционного Владивостока, на которых китайские мастера демонстрируют выступления с парными *нювэйдао*. Их ножны отделаны в стиле, характерном для рубежа XIX–XX вв. – по деревянной основе намотана тонкая стальная проволока, промежутки между которой заполнены левкасом. Сверху ножны покрыты темным лаком, прибор гладкий, из медного сплава желтого цвета.

Семья маньчжурского офицера. На переднем плане слева направо сабля нювэйдао, алебарда чуаньвэйдао и сабля люедао в ножнах. Китай, 1903 г.

The familiy of Manchu military officer. In foreground from left to right: niuweidao sabre in scabbard, chuanweidao halberd, liuyedao sabre. China. 1903

all the while closing himself with the other from alleged enemy attacks. I must say that the movements and strokes were very diverse and fast." [*Kolesnikov, Klyashtorny*, 1988: 191].

Another pair of swords (cat. 234) reflects a different tradition. It is not a weapon in the literal sense, but a means of achieving the Way. Its lightweight construction and elegant decoration with carved lacquer imply a refined taste of the owner and his fairly high social and financial position. The scabbard is decorated with black lacquer foliage on the red lacquer background; the hilt of each sword is completely made of wood and painted with black and red lacquer. Each of the two zoomorphic guards is shaped like a head of a large predator.

Yet another pair of swords (cat. 235) is notable for their enormous size. The votive inscription on

Иллюстрация № 13 из агитационного альбома ихэтуаней («боксеров») «Почтительно повинуясь императорскому эдикту, искоренить скверну»: «Застрелить свинью, обезглавить козлов». Палач держит в руках яньюэ бадао. Китай, 1900 г.

Illustration from the propaganda album of Yihetuan (Boxers) "Eradicate the filth, respectfully obeying the imperial edict": "Shoot the Pig, behead Goats". The executioner is armed with yanyuebadao. China. 1900

Тесак (кат. 240) представляет собой сугубо утилитарное оружие, практически лишенное отделки. Примечательным является его общий дизайн, сочетающий гарду «бараний рог» и рукоять мечевого типа со слабоизогнутым клинком, лишенным острия – оружие такого рода совершенно

one of the blades, dedicating the swords to a temple of the Chinese god of war *Guan Yu*, only serves to emphasize the uncommonness of these weapons. Their dimensions and weight seriously alter our ideas of what the Chinese warriors of the feudal period were physically capable of.

In general, it is worth mentioning that swords for the exhibition were selected so as to better showcase the most characteristic forms, as well as to demonstrate the development of Chinese swords–making of the 19th and the first half of the 20th centuries.

SABRES

After centuries of evolution, sabres enter the final stage of Imperial Chinese history without having fully exhausted yet their potential of further development.

Иллюстрация № 14 из агитационного альбома ихэтуаней («боксеров») «Почтительно повинуясь императорскому эдикту, искоренить скверну»: «Железной секирой изгоним скверну». Китай, 1900 г. Небожитель на тигре держит в руках секиру тефу, козел – боевую мотыгу чу, свинья – чагань

Illustration from the propaganda album of Yihetuan (Boxers) "Eradicate the filth, respectfully obeying the imperial edict"": "Drive out the filth with an iron axe". The Celestial riding tiger is armed with tiefu axe, the Goat is armed with the battle hoe chu and the Pig – with chagan. China. 1900

но произвольно по форме и не подпадает ни под какую типологию. По всей вероятности, это изделие мастера-кустаря конца XIX – начала XX вв., существующее в единственном экземпляре.

Интересным также является образец (кат. 241), именуемый современными китайскими авторами *яньюэ бадао*, что является указанием на характерный для алебарды *яньюэдао* клинок с пробойником на обухе в сочетании с короткой рукоятью сабельного типа.

Само по себе оружие этого типа встречается нечасто. Однако у *яньюэ бадао* (кат. 241) имеется одно отличительное свойство, которое делает его уникальным, – это D-образная гарда, более известная на парных тесаках *худедао*, распространенных в Южном и Центральном Китае. Близкая по параметрам сабля с D-образной гардой хра-

The *niuweidao* sabre appeared at the turn of the 19th century and reached its mature form by the 1880s. The two–handed *dadao* sabre, with its long handle and the ring–shaped pommel, was synthesized from earlier known elements by the 1880s as well. Various transi-

нится в ПГОМ им. В.К. Арсеньева, однако у нее нет пробойника на обухе клинка.

Классический *дадао* переходного периода конца XIX – начала XX вв. представлен в данном разделе под (кат. 242). Он имеет конструкцию, сочетающую длинную рукоять с кольцеобразным навершием, обмотанную текстильным шнуром, S-образной гардой и клинком, аналогичным клинку *нювэйдао*. Большинство образцов такого оружия в собраниях Европы, США и России являются трофеями 1900 г.

БОЕВЫЕ НОЖИ

Гражданские боевые ножи представлены 3 образцами, из которых один является метательным ножом *фэйдао* (кат. 247). Это оружие предназначалось исключительно для метания и имеет короткий широкий клинок, напоминающий по форме лавровый лист. Рукоять его представляет собой круглый черен клинка, увенчанный навершием в виде куба со срезанными гранями, выполнявшим роль балансира. К черену рукояти могли привязываться красные ленты, играющие роль стабилизатора при полете.

Два других образца крайне редки – так, если основная часть боевых ножей XIX – начала XX вв. в Китае конструктивно схожи с ножами, аналогичными хранящемуся в ПГОМ им. В.К. Арсеньева боевому ножу [Холодное оружие, 2009: МПК 2281], то ножи представленных на выставке форм не имеют прямых аналогов в доступных на настоящий момент печатных изданиях.

Нож (кат. 245) имеет ромбический в сечении клинок, по форме напоминающий наконечник копья. Рукоять и детали отделки близки представленному на выставке *шуньдао*. Этот нож мог использоваться в ближнем бою и для метания. Предположительно эта форма развилась из однолезвийного охотничьего ножа середины периода Цин [*Хуанфу Цзян*, 2007:200].

Нож (кат. 246) можно назвать *сяодао* (букв. «малый нож») по аналогии с опубликованным Хуанфу Цзяном ножом, датированным им второй половиной XVIII – концом XIX вв. [*Хуанфу Цзян*, 2007:201]. Однако уместно говорить лишь об общей аналогии в конструкции. Это делает предtional forms of previously known types appear by that time as swordsmiths looked for ways to increase the effectiveness of weapons in the changing combat environment.

The exhibition features eight different sabres and cutlasses that all fall outside of the army–regulated forms of bladed weapons. These are functional weapons with unpretentious decoration and strong blades that were designed for cutting strikes.

Cutlass 236 is of the type called *shoudao*. The earliest image of such weapons is found in a Song–period military encyclopaedia, *Wujing Zongyao* (1044). It is massive, has great inertia and is absolutely unsuitable for stabbing. Its defining feature is not so much the broad massive blade as the short handle, designed for the one–handed grip.

The *niuweidao* sabre was a more developed type of civilian weapons. It was named so after the characteristic shape of its blade that resembles an ox's tail. The defining feature of this type is the smooth curvature of the entire length of the blade with a visible broadening in its last third. It is also worth noting its discoid guard with deep flanging, something that makes the guards in later samples look somewhat like a cup with its bottom facing the pommel, and a long (15–20 cm) handle slightly curved towards the blade. Two of our exhibits (cat. 237, 239) are of this type. One of them preserves its scabbard (cat. 239) that features simple and practical fittings made of white metal. The pommel of this sabre is of a notable design, terminating in an openwork sphere segmented by wire ribs. Copper Chinese coins with a square hole in the middle sit on the tang. When the sabre is being brandished, these coins slide along the tang, producing a clanging noise. Such a device, though often found in Chinese weapons of the 19th century, has not been seen a satisfactory explanation so far. There are three principal versions of its possible purpose:

1) metallic clinging scares off evil spirits;

2) a stylized image of a cast coin with a square hole in the middle is an auspicious symbol, and so is the coin itself;

3) a number of secret societies in China in the 19th century had a coin, or a combination of coins, as their identification mark, so coins in the pommel could serve as an identification mark for a member of an appropriate secret society.

ставленные на выставке боевые ножи уникальными экспонатами.

ТЕСАКИ

Небольшую, но представляющую собой значительный интерес группу экспонатов, являющуюся переходной от боевых ножей к саблям, составляют три китайских тесака и парный тесак *худедао*.

Классикой китайского тесака является тесак *худедао* (кат. 251). Однако ни один из трех представленных на экспозиции предметов не относится к этому распространенному оружию, ставшему «визитной карточкой» стиля *вин чун* традиционных китайских боевых искусств.

Тесак (кат. 248) роднит с *худедао* классическая D-образная гарда, но он отличается от *худедао* коротким клинком с гипертрофированной *елманью*, имеющей фигурно вырезанный край. Отличается и массивное навершие в виде куба со срезанными гранями, позволяющее наносить им в ближнем

Памятный снимок учеников школы гошу. В руках у учеников (слева направо): лянцзегунь, сабли нювэйдао, мечи цзянь, копье мао, крюк гоу, на заднем плане у стены – алебарды яньюэдао. Китай, Тяньцзинь, 23 декабря 1929 г.

Commemorative shot of Guoshu School's students. The students are holding (from left to rigth): liang jiegun, niuweidao sabres, jian swords, mao spear, gou hook. Yanyuedao halberds are visible along the wall in the background. China, Tianjin, Dec. 23, 1929

However, these assumptions are mere hypotheses to be checked in the future.

Attention should also be paid to the visible broadening in the last third of this blade. This form is a transition to its most exaggerated type, the so–called "bull's ear" (*niu'erdao*) sabre. Our exhibit is one of the later variants of the *niu'erdao* sabre, with the exaggerated broadening separated from the rest of the blade by a rectangular projection.

бою удары, как кастетом. Общие габариты предмета, его масса и форма гарды позволяют предположить, что он был изготовлен по индивидуальному заказу для использования с щитом *тэнпай*, являясь оружием сельского ополченца.

Тесак (кат. 250) имеет короткую рукоять пистолетного типа[40] и отличается широким клинком, напоминающим клинок *шоудао*, но с фигурно вырезанным краем *елмани*. Такой декоративный мотив носит в Китае название *цзигуань* (гребень петуха) или *яньчи* (крыло гуся). Он встречается у многих тесаков и сабель начиная с конца XVIII в. Изящная гарда с небольшой отбортовкой имеет вид шестилепесткового цветка. Такие гарды встречаются на прорисовке *шоудао* из «Уцзин цзунъяо» (1044), а также на саблях рубежа XVIII–XIX вв.

Тесак (кат. 250) резко выделяется среди всех предметов этой группы своей отделкой – практически прямой клинок с выраженным острием, прямая рукоять с деревянной обкладкой, проработанный прибор из медного сплава желтого цвета с рудиментарной гардой, изображающей рыбью голову с раскрытой пастью, из которой выходит клинок. Конструкция рукояти сочетает в себе признаки как всадного (расклеп хвостовика на навершии), так и площатого (заклепки, удерживающие на черене рукояти деревянные накладки) крепления. В отличие от распространенного мотива оформления рудиментарной гарды в виде головы дракона Яйцзы, гарда исполнена в виде головы рыбы.

Оружие боевых искусств

В первой половине XX в. китайской армии остро не хватало огнестрельного оружия и патронов. В этих условиях огромную роль играли традиционные виды оружия. Широко применялись также и экзотические виды оружия, характерные для адептов многочисленных школ боевых искусств, известных в России под названием *ушу*,

[40] Такие рукояти были характерны для середины периода Цяньлун, а сделанные из нефрита – даже завоевали некоторую популярность среди профессиональных военных и знати, однако большого распространения не получили.

Accordingly, this sabre (cat. 239) can be dated to between the 1880s and the 1900s. It is a specimen of a commoners' weapon, in wide use with rural militias and with private guard companies (*biaoju*) that were hired to accompany trade caravans in the north of China.

In contrast to this, another sabre on display (cat. 237) is a much more harmonious looking weapon, boasting a blade of noble proportions, perfectly balanced and presenting a clear danger in the hands of a professional fencer. The forte of the blade is engraved with a five–clawed *long* dragon chasing a magical pearl, a motif very characteristic of the era. This sabre is a classic and mature sample of a *niuweidao*.

A set of paired *shuang niuweidao* sabres shows a further development of creative thought of Chinese swordsmiths. At the end of the 19th century they transferred properties of archaic paired sabres and swords into weapons of a more modern design. These sabres have thin, flexible blades and were primarily meant for adepts of Chinese martial arts. Weapons of the kind were often used by wandering martial artists who demonstrated their skills in marketplaces. Photos of pre–revolutionary Vladivostok show Chinese artists sword–playing with paired *niuweidaos*. The scabbard of this pair is furnished in a style typical of the turn of the 20th century, featuring thin steel wire wrapped around the wooden base, with intervals between wire bindings filled with gesso. The scabbard is covered with dark varnish; the fittings are smooth and made of yellow copper alloy.

Cutlass 240 is a purely utilitarian weapon, almost devoid of decoration. It is a remarkable combination of a ram–horn guard, a sword–type handle and a slightly curving blade without a sharp point. A weapon of this kind does not fit any typology. Most likely, it is a unique piece made by a local handicraftsman in the late 19th or early 20th century.

Another interesting exhibit (cat. 241) is referred to as a *yanyue badao* by modern Chinese authors. This name indicates it is a combination of a blade similar to that of a *yanyuedao* halberd, featuring a spike in the back of the blade, and a short sabre–type handle.

This type of weapon is uncommon in itself. However, our *yanyue badao* has one distinc-

а на Западе – под искаженным термином *кунгфу*[41].

Для того чтобы понимать специфику данного раздела выставки, необходимо сказать несколько слов о том культурном явлении, которое породило столь необычные образцы вооружения.

Ушу – это сложный, чисто китайский культурный феномен, воспроизвести который на некитайской почве крайне проблематично. Можно скопировать внешнюю сторону, но это не будет означать возможность культивировать в иностранном обществе именно традиционное *ушу*. *Ушу* в понимании современного европейца или американца – это зрелищное, красочное шоу, вид спорта, боевая эффективность которого неясна, а применяемые виды оружия обладают весьма сомнительными утилитарными свойствами. Все это – следствие реформы традиционных боевых искусств, проводимой в Китае под лозунгом использования китайского культурного наследия для оздоровления нации и развития спорта.

Однако традиционное *ушу* – это не только и не столько техника боя с традиционным оружием или без оного, а целый комплекс представлений, тесно связанный с верой в существование энергии *ци*, переплетенный с мифологией, образами народной синкретической религии, зачастую являющимися покровителями тех или иных видов боевых искусств, вдохновляемый реалиями традиционного китайского общества. Практика традиционного *ушу* включает в себя следование особой диете, использование магических приемов наряду с определенным этикетом и физической культурой.

Истинное *ушу* является особым образом жизни. Мастера посвящали себя постоянному совершенствованию *ушу*, но это требовало создания особых условий, включавших в себя финансовую самостоятельность мастеров, и обеспечение им определенного места в обществе. Как правило, это достигалось либо за счет ведения семьей мастера высокодоходного бизнеса (торговля, фар-

[41] Гунфу (功夫) – общий смысл этого сложно переводимого термина можно передать как «умение, навыки, мастерство».

tive feature that makes it truly unique. It is its D–shaped guard, more common for paired *hudiedao* cutlasses that were wide spread in southern and central China. A comparable sabre with a D–shaped guard is stored in the Arseniev State Museum, in Vladivostok, but it does not have a spike in the back of the blade.

The classic *dadao* of the late 19th to early 20th century transition period is represented in our exhibition with one specimen (cat. 242). It has a design that combines a long handle with a ring pommel, wrapped in textile cord, an S–shaped guard and a blade similar to that of a *niuweidao*. Most similar weapons in the collections in Europe, the United States or Russia are trophies from 1900.

COMBAT KNIVES

Civilian fighting knives are represented by three samples, one of which is a *feidao* throwing knife (cat. 247). This weapon was intended solely for throwing and has a short broad blade resembling a bay leaf. Its round section handle is topped with a pommel in the form of a cube with cut–off corners that acts as a balancer. Red ribbons could be tied to the handle to stabilize the flight of the knife when it was thrown.

The other two samples are extremely rare. If the bulk of the Chinese fighting knives of the 19th and early 20th centuries are similar to the one in the Arseniev State Museum [*Kholodnoye oruzhiye*, 2009: IPC 2281], the knives in our exhibition have no direct counterparts in currently available publications.

The flat diamond–section blade of knife 245 is shaped like a spear head. The handle and decoration details are close to the *shundao* on display at the exhibition. This weapon could be used both in close combat and as a throwing knife. Presumably, its form evolved from a mid–Qing single–edged hunting knife [*Huangfu Jiang*, 2007: 200].

Knife 246 can be called a *xiaodao* (literally, “a small knife”), similarly to a knife published by Huangfu Jiang, who dated it to between the second half of the 18th and late 19th centuries [*Huangfu Jiang*, 2007: 201]. However, only general similarities in design may be noted, making the fighting knives on display unique exhibits.

мацевтика и т. п.), либо за счет найма мастеров деревенскими и городскими общинами для подготовки молодежи в отрядах местной самообороны. Существовали, как говорят, и бродячие мастера, нищенствовавшие ради пропитания и весь досуг посвящавшие изучению *ушу*, однако эти персонажи кажутся более фольклорными, чем историчными.

Доступным стороннему наблюдателю традиционное *ушу* становилось в переломные моменты китайской истории – например, в годы Тайпинского (1850–1864), или Боксерского (1898–1901), восстаний. Именно тогда *ушу* проявляло себя как элемент национального самосознания, позволяющий китайцам мобилизовать свои силы для противостояния иноземным захватчикам. Особый психологический микроклимат, культивируемый в рядах его адептов, позволял им идти в бой, невзирая на гигантские потери от огня вражеских орудий и пулеметов и полную бессмысленность самоубийственных атак с холодным оружием.

Все это утрачено в современном *ушу*. Несмотря на попытки правительства Китая популяризовать боевые искусства через «школы *гошу*» (國術) для «сплочения нации», создание в 1928 г. Центрального Института *гошу* в Нанкине, кодификацию различных стилей *ушу*, восстановление в 1980-х легендарного буддийского храма Шаолинь-сы, уже невозможно воспроизвести атмосферу, которая царила у алтарей наставников *ихэцюаней* в 1900 г.

Приходится с сожалением констатировать, что популяризация *ушу* в виде зрелищного вида спорта и развитие жанра «*кунфу*-боевиков» не возместили утрат, понесенных *ушу* с вызванным ходом времени изменением жизненных реалий, всего уклада жизни. И загадок, доставшихся на долю современных исследователей, тут гораздо больше, чем ответов.

Однако мы можем с большим удовлетворением отметить, что значительная доля материальной части традиционного *ушу* все же дошла до нас в виде специфических образцов вооружения, представленных на выставке. Однако техника владения некоторыми из них утрачена даже в самом Китае либо находится на грани полного

CUTLASSES

Three Chinese cutlasses and a pair of *hudiedao* cutlasses form a small, but very interesting group of exhibits that showcases the transition from combat knives to sabres.

The *hudiedao* (cat. 251) is the real classic of Chinese cutlasses. However, none of the three presented exhibit on display may be classed as this widespread weapon type which became the trademark weapon of *Wing Chun* martial art.

What cutlass 248 has in common with a *hudiedao* is its classic D–shaped guard. However, it differs from a *hudiedao* in that it has a short blade, its lat third exhibiting an exaggerated broadening and a figured edge. Another remarkable feature is the massive pommel which is shaped like a cube with cut–off corners and could be used in close combat as brass knuckles. The size and weight of this cutlass as well as its guard shape seem to suggest that it was custom–built to be used with a *tengpai* shield, a weapon of rural militias.

Cutlass 249 has a short pistol–handle[40] and a wide blade, like that of a *shoudao*, but its last third has a visible broadening and a figured edge. In China this decorative motif is called *jiguan* (rooster's comb) or *yanchi* (goose's wing). From the end of the 18th century onwards it occurs in many cutlasses and sabres. An elegant guard with slight flanging is shaped like a six–petalled flower. Guards of the type are found in the *shoudao* sketch from *Wujing Zongyao* (1044), as well as in sabres of the turn of the 19th century.

Cutlass 250 stands out in this group because of its decoration. It is an almost straight blade with a pronounced edge, a straight handle with wooden grips, elaborate fittings of yellow copper alloy with a rudimentary guard that is shaped like a fish head, the blade coming out of its open mouth. The handle design combines features of both stuck mount (the end of the tang is riveted at the end of the pommel) and surface mount (the wooden grips are riveted to the tang). Unlike the popular design motif of shaping a rudimentary guard like the head of Yaizi dragon, here the guard is shaped like a fish head.

[40] Handles of this type are typical of the middle of the Qianlong era. If made of nephrite jade, they even gained some popularity among the professional military and nobles, but were not widespread.

Наказание при помощи баньцзы. Китай. Ок. 1900 г.

Corporal punishment using banzi. China, Ca. 1900

исчезновения – умирают старые мастера, особо сложные стили не поддерживаются в связи с необходимостью значительных материальных затрат при сомнительной практической ценности подобных навыков.

Оружие, используемое в различных школах боевых искусств, отличается в первую очередь нестандартностью своей формы и соответственно техники боя. Вырисовывается интересная закономерность – если оружие используется в войсках, то оно может быть оружием боевых искусств, если же наоборот – то, как правило, нет. Исключением из этого правила могут являться только парные боевые крюки *шуангоу* (кат. 259–262) и трехзвенный цеп *саньцзегунь* (кат. 252), но и они появляются на вооружении китайских войск очень поздно – не ранее 1860-х

MARTIAL ARTS WEAPONS

In the first half of the 20th century the Chinese army had an acute shortage of firearms and ammunition. Under these circumstances traditional weapons played a huge role. Exotic weapons were also in wide use, typically with adepts of numerous schools of martial arts that are known in Russia as *wushu*, and in the West under the distorted name of *kung–fu*[41].

[41] *Gongfu* (功夫) does not lend itself easily to translation. The general meaning of this term can be conveyed as “the ability, skill, mastery”.

гг. Посетивший расположение китайских войск в Урге в 1871 г. полковник русской армии Я. Барабаш отмечал: «Фехтованье производится на саблях, причем фехтующиеся обучены действовать и двумя саблями единовременно, на пиках, алебардах, палках (*Два конца одной палки, не много более аршина длиною, соединены короткими железными цепочками с одним концом каждой из двух других таких же палок. Средняя палка держится фехтовальщиком у пояса, а двумя крайними он действует, отражая ими удары всякого оружия и нанося таковые, со своей стороны, с большой ловкостью.*) (курсив мой. – *Прим. А.П.*) и, наконец, на кулаках» [*Барабаш*, 1872:188–189].

Использование в войсках *шуангоу* известно по гравюре от 1874 г. в одной из английских газет, а также по фотографии начала 1930-х гг. – на ней изображен отряд солдат с двуручными пехотными саблями *дадао*, фланговый держит в руках *шуангоу*. Однако о применении этого оружия в боях нам ничего не известно.

Широко применялось оружие боевых искусств и в среде деревенского ополчения. Советский военный советник А.В. Благодатов писал о сельских воинах: «Специфической особенностью старых тайных обществ, в частности «Ихэтуань», было обучение членов общества владению оружием: *пиками, железными палками, секирами* (курсив мой. – *Прим. А.П.*). В борьбе с бандитами этого было достаточно. .. Вооружение «Красных Пик» не годилось для борьбы с огнестрельным оружием, и тогда их вожди начали прибегать к «заклинаниям», которые якобы могли служить надежной защитой от ружейных и револьверных пуль. Члены секты заучивали секретные молитвы и каждую ночь молились на северо-запад, сжигали курительные свечи и молча сидели, поклоняясь духам, пока свечи не гасли. Проглатывая куски красной бумаги с написанными на ней таинственными знаками, они думали, что стали неуязвимыми. Считалось, что эта бумага действовала определенный отрезок времени» [*Благодатов*, 1970:62].

To help the reader better understand the specifics of this section of the exhibition it is worth saying a few words about the cultural phenomenon that gave rise to these unusual weapons.

Wushu is a complex and purely Chinese cultural phenomenon which is extremely difficult to reproduce outside China. Even if its outside form may be copied, this will not translate into an opportunity to cultivate traditional *wushu* in a foreign society. Modern Westerners see *wushu* as a spectacular and colourful show, a kind of a sport, of uncertain fighting effectiveness. Moreover, implements used in *wushu* are seen to be of dubious utilitarian properties as weapons. This perception is a result of the reform of traditional martial arts that took place in China. Its proclaimed goal was putting Chinese cultural heritage to good use for a promotion of healthy life and development of sports in the nation.

However, traditional *wushu* is not merely a fighting technique, but a complex system of ideas, that are inspired by the realities of the traditional Chinese society and closely linked to the presumed existence of the *qi* energy, intertwined with mythology and the Chinese folk religion, whose various gods are often patron saints of certain styles of martial arts. Besides adhering to a certain etiquette and physical culture practicing the traditional *wushu* also involves keeping a special diet and using magic tricks.

A true *wushu* is a particular way of life. The continuous improvement of their *wushu* skills, to which *wushu* masters dedicated their lives, required some special conditions that included financial independence and a certain position in the society. As a rule, this lifestyle was paid for by a lucrative family business (trade, pharmaceuticals, etc.), or by rural and urban communities that hired masters to train their young for the local militia. Some wandering masters are said to have roamed the country, begging for food and dedicating all their spare time to studying *wushu*. However, these seem more of the stuff of local folklore than historical personages.

Traditional *wushu* only displayed itself to foreign observers at various turning points of the Chinese history – for instance, during the Taiping (1850–1864) and the Boxer (1898–1901) rebellions. It was then that *wushu* manifested itself as an element of

В условиях отсутствия нужного количества винтовок и патронов[42] всевозможные *шуангоу*, *саньцзегуни*, *дадао* и прочие виды традиционного оружия зачастую позволяли мирным жителям отстоять свои дома от грабителей, хотя и этого оружия не хватало – профессор Ли Дачжао (1888–1927) писал в статье «Союз Красных Пик в провинциях Шаньдун, Хэнань и Шэньси» от 8 августа 1926 г.: «В самом деле – для крестьян важным является вопрос самообороны. Само собой, необходимо оружие. Однако их оружие – не более чем бамбуковые жерди (*чжугань*), деревянные шесты (*мугунь*), сабли (*дао*), пики (*цян*), мечи (*цзянь*), трезубцы (*цзи*) и вплоть до заступов (*цяо*), вил (*ча*), мотыг (*чу*), серпов (*лянь*) и т. п. Они, конечно же, отдают себе отчет, что и его также не хватает. И поэтому среди крестьянских союзов появляются мастера кулачного боя, и тут же приходят учить их биться на кулаках, тренировать *ци*, использовать свое мастерство, но приучаться к сабле и мечу, шесту и дубинке (*бан*) недостаточно!»

На выставке представлены 23 предмета, многие из которых являются уникальными, т. к. были сделаны по заказу конкретного мастера. Возможно, некоторые техники боя уже утрачены.

Выше говорилось о парных крюках *шуангоу*, но особо стоит обратить внимание на пару крюков (кат. 260) – уникальность этого комплекта состоит в том, что он дает представление о том, как переносилось и хранилось это необычное оружие. Дошедшая до наших дней аутентичная половина футляра для хранения и переноски комплекта *шуангоу* приоткрывает нам будни мастера боевых искусств, вынужденного зарабатывать выступлениями на базарных площадях, и постоянно скитаться из провинции в провинцию.

Саньцзегунь из данной подборки конструктивно аналогичен *саньцзегуню*, описанному пол-

[42] Так, один из китайских военачальников, начинавших свою карьеру в НОАК с участия в отряде «Красных Пик» – генерал-майор У Хуадо, писал, что в начальный период существования 2-го полка Красной Армии, сформированного из отряда «Красных Пик», у них была всего одна винтовка, а через 4 месяца – девять. См. [Рожденная в боях, 1961:19].

the national identity, allowing the Chinese to mobilize their forces against foreign invaders. A special psychological climate, cultivated in the ranks of its followers, let them go into battle without any regard to the enormous losses inflicted by the enemy cannons and machine–guns and to the uselessness of such suicidal attacks with edged weapon.

All these peculiarities are lost in the modern *wushu*. Despite the government's attempts to popularize Chinese martial arts via *guoshu* schools (國 術), which were intended to "unite the nation", the creation of the Central Institute of *guoshu* in Nanjing in 1928, the codification of different *wushu* styles, the restoration of the legendary Shaolin Buddhist temple in the 1980s, etc., it was no longer possible to reproduce the atmosphere that had prevailed at the altars of the *Yiheyuan* teachers in 1900.

It is with regret that we have to state that neither the popularization of *wushu* as a spectacular sport, nor the development of *"kung–fu"* films as a genre do not make up for the losses incurred by *wushu* due to changes of a whole way of life. There are more questions than answers here for a modern researcher.

However, we can note with great satisfaction that a significant part of the weaponry of traditional *wushu* survives in the form of specific models of weapons, presented at the exhibition. However, techniques of using some of them is lost even in China or is at the verge of extinction as old masters are dying and most sophisticated styles do not get sufficient support due to an unwillingness to incur significant expenses at keeping alive skills of very uncertain practical value.

Weapons used in various schools of martial arts are distinguished, first of all, by their unconventional shape and, accordingly, be the associated fighting techniques. An interesting correlation seems to emerge here. Any weapons that were used in the army could also be used in martial arts but hardly ever the other way round. The few exceptions to this rule may be the *shuang gou* paired hooks (cat. 259–262) and the *sanjiegun* three–sectioned staff (cat. 252), but they appeared with Chinese troops very late, no earlier than the 1860s. Russian Army Colonel Yakov Barabash after a visit to the Chinese troops in Urga in 1871, said: "They fence with sabres, and fencers are trained to operate two swords at a time, as well as with pikes, halberds, staffs

ковником Я. Барабашом. Сделан он, по всей видимости, не позднее чем в 1920-е гг.

Но экспонат (кат. 263) – многозвенный боевой цеп с боевой частью, заимствованной от трезубца *фэнчитан* (鳳翅鑭), своей конструкцией и предполагаемой техникой применения совершенно затмевает «простой» *саньцзегунь*. Данное оружие требовало фантастического уровня владения своим телом. К сожалению, нам неизвестна школа, в которой практиковалась техника боя подобным оружием. Датировать этот предмет можно не позднее, чем первой четвертью XX в. Аналогов этого оружия из музейных собраний в печатных изданиях не опубликовано.

Представлены в данной подборке и китайские «стилеты» *бицзяча* (букв. «подставка для кистей»), причем в совершенно не распространенной парной двусторонней разновидности. Среди представленных экспонатов можно увидеть и боевые серпы *гоулянь*, и крюки *гоу*, и парные кольца, которые служили, с одной стороны, в качестве тренировочного снаряда (например, как утяжелители), а с другой – могли выполнять роль ударного и метательного оружия.

Особый интерес вызывает серия из трех предметов (кат. 254, 273 и 274) – в Китае их называли *те чжуа* – «железные когти». Боевая часть *те чжуа* изготавливалась в виде человеческой ладони или лапы с растопыренными когтями. Когти могли использоваться для захватов за одежду, нанесению царапающих ударов, захватов оружия противника. Особенно выделяется *те чжуа* (кат. 254) – когти боевой части закреплены на шарнирах, что позволяет осуществлять особо эффективные захваты, одновременно затрудняя парирование этим оружием вражеских атак. Скорее всего, оружие, подразумевавшее такую изощренную технику боя, принадлежало серьезному мастеру боевых искусств.

Интересным экспонатом представляется и комбинированное оружие (кат. 264) – оно сочетает на одном древке две боевые части. Нами они идентифицированы как наконечник копья с крюком *яньлинцянь* (букв. «копье гусиные крылья»), описанный в «Хуанчао лици туши» как оружие Зеленознаменных войск, и *чагань* – двурогие

(Two ends of one staff, which is not more than an arshin long, are connected by short iron chains with to the end of each of the other two staffs of the same kind. The middle staff is held by the fencer at waist level while he acts with two staffs at the sides, parrying blows of every weapon and inflicting same, on his part, with great dexterity), and, finally, with fists [emphasis added – A.P.]" [Barabash, 1872: 188–189].

The use of the *shuang gou* by the troops is confirmed by an engraving published in a British newspaper in 1874, as well as by an early 1930s photograph which shows a detachment of soldiers with two–handed *dadao* infantry swords, and the soldier who brings up the right flank holds a *shuang gou* in his hand. However, we know nothing about combat use of this weapon.

Weapons of martial arts were widely used by rural militias. Soviet military adviser Alexey Blagodatov wrote about these rural fighters: "A specific feature of the old secret societies, in particular the *Yihetuan*, was that they trained their members in using weapons: *pikes, iron rods, axes* [emphasis added – A.P.]. That was enough to fight against bandits. .. However, the weapons of the Red Spears society were not good enough to fight against an enemy armed with firearms, and their leaders began to resort to "spells" that supposedly could serve as a reliable protection against rifle and revolver bullets. Members of the sect memorized secret prayers and prayed every night to the northwest, burned candles and sat in silence, worshiping spirits until the candles went out. Swallowing pieces of red paper with mysterious signs written on it they believed would make them invulnerable. The paper was thought to be effective for a certain period of time" [*Blagodatov*, 1970: 62].

As rifles and ammunition were in short supply[42], civilians could only defend their homes from looters with various kinds of *shuang gou*, *sanjiegun*, *dadao* and other types of traditional weapons. Even these

[42] A PLA general who began his career as a member of the Red Spears, namely Major General Wu Huaduo, wrote that the 2nd Regiment of the Red Army, formed from Red Spears, initially had only one rifle, and nine rifles four months later [Born in Battles, 1961: 19].

боевые вилы, упоминаемые еще в «Уцзин цзунъяо». Древковое оружие со сложной боевой частью постепенно выходило из армейского обихода, сохраняясь на вооружении воинов гвардии в качестве парадного атрибута, либо перекочевывая в арсенал мастеров боевых искусств. Соединение в одном предмете двух наконечников абсолютно разных форм представляется крайне необычным, техника боя таким оружием весьма предположительно сочетает в себе действия обычным копьем с крюком и боевыми вилами.

Не менее интересен и экспонат (кат. 265) – это «боевая лопата» *чань*. В войсках это оружие практически не нашло применения, являясь прерогативой высокопрофессиональных бойцов, прекрасно подготовленных для поединков один на один. И хотя данный образец не может похвастаться изысканностью отделки, сам тип этого редкого оружия заслуживает пристального внимания.

Предмет (кат. 266) представляет собой оружие боевых искусств, широко известное в России под японским названием *тонфа*. В китайском варианте эта парная боевая дубинка с поперечной перекладиной именуется *шуан гуайцзы,* или «парная клюка». Существует множество вариантов форм, размеров и балансировок этого оружия. Представленные на выставке экспонаты обращают на себя внимание аккуратностью отделки, изяществом формы и высоким качеством исполнения.

Интересным представляется и пара «боевых сечек» (кат. 269). Аутентичное китайское название этих предметов неизвестно. По своей форме они напоминают собой несколько уменьшенную «боевую лопату», что позволяет предположить некоторые аналогии в технике боя этим парным оружием с поправкой на его размеры и обоеручный вариант.

ОРУЖИЕ СКРЫТОГО НОШЕНИЯ

К разделу «Оружие боевых искусств» примыкают экспонаты из раздела «Оружие скрытого ношения». Владение ими подразумевает хорошие навыки боя всеми известными видами оружия, т.к. большинство разновидностей оружия скрытого ношения маскируется под бытовые предметы.

weapons were in short supply, through. Professor Li Dazhao writes in a 1926 article, “As a matter of fact, self–defence is a very important problem for peasants. Of course, they need weapons. However, their weapons are not more than bamboo poles (*zhugan*), wooden poles (*mugun*), sabres (*dao*), pikes (*qiang*), swords (*jian*), tridents (*ji*), and even spades (*qiao*), pitchforks (*cha*), hoes (*chu*), sickles (*lian*), etc. They are, of course, aware that it is also not enough. So fist fighting masters appear among the peasant unions to teach them how to fight with their fists, how to master *qi*, and use these skills. But learning how to fight with a sabre and sword, pole and clubs (*ban*) is not enough!”.

The exhibition features 23 exhibits of this type, many of them unique as they were custom–made for a particular master. Some fighting techniques may be already lost.

We have already mentioned *shuang gou* paired hooks but one sample (cat. 260) is worthy of particular attention. This unique specimen gives us an idea of how these unusual weapons were carried and stored. The surviving half of its sheath offers us a rare glimpse into the everyday life of a martial artist who had to earn his living demonstrating his art in the marketplaces and constantly wandered from one province to another.

The *sanjiegun* (cat. 252) from this collection is similar to the one described by Colonel Barabash. It was made, as it seems, no later than 1920th.

But the multi–sectioned staff with a *fengchitang* (鳳 翅 鑭) trident head (cat. 263) completely overshadows an “ordinary” *sanjiegun* with its design and the way of usage. This weapon required from whoever wanted to use it a fantastic proficiency in mastering their body. Unfortunately, we do not know which school practiced fighting with such a weapon. The flail can be dated to the first quarter of the 20th century or earlier. We ave not been able to find similar weapons in scientific publications.

Chinese *bijiacha* (lit. “brush rack”) stilettos are represented in a very uncommon form of a double–edged pair. Exhibits also include *goulian* sickles, *gou* hooks and paired rings, which served both as a training prop (say, to make another weapon heavier) and as shock and/or projectile weapons.

вой предмет и лишь отчасти обладает конструктивными возможностями оружия настоящего.

Традиционно в Китае ношение оружия гражданским населением не поощрялось, а порой и прямо запрещалось властями. Однако потребность в обеспечении собственной безопасности все же сохранялась, и китайцы выработали массу разновидностей оружия, замаскированного под бытовые предметы. Так, в обычной бамбуковой флейте мог находиться тонкий длинный клинок, а пара засохших от краски малярных кистей могла на самом деле представлять собой два больших скальпеля с бритвенной остроты лезвиями, нарочито измазанными краской.

Массивный чубук и головка стальной трубки для курения (кат. 278) позволяют отбиться от противника, вооруженного длинноклинковым оружием, да еще и осуществить захват оружия противника, зафиксировать врага в неудобном положении, когда каждое движение грозит переломом костей и разрывом связок, или же просто удачным ударом по голове навсегда отправить нападающего к Желтым Источникам[43].

Всевозможные посохи и трости (кат. 276 и 280) – как цельножелезные, так и скрывающие внутри себя клинок, – являются «фирменным» оружием китайского города XIX в., когда в условиях ослабления государственной власти Китай захлестнул разгул бандитизма.

Да и длинные металлические *куайцзы* (кат. 277) (палочки для еды), использующиеся при приготовлении пищи, – чем это не оружие для рук опытного мастера, скрывшегося под обличьем неприметного повара в одной из уличных харчевен?

Большая часть из описанных нами предметов представлена на выставке, включая стальную курительную трубку, железную флейту-палицу, трость со скрытым клинком и цельнометаллическую трость, а также длинные железные *куайцзы*. И если кто-то не воспринимает всерьез акробатические трюки современных китайских боевиков, то, взглянув на эти предметы, использовавшиеся

A series of three items (cat. 254, 273 and 274) is of particular interest. In China, such weapons were called *tie zhua,* or iron claws. The head of a *tie zhua* is shaped like a human palm or an animal paw with outstretched fingers or claws. The claws can be used to capture clothes, make scratching wounds or grab an opponent's weapon. The most prominent is *tie zhua* 254, with its hinge–mounted claws that were perfect for a very efficient catching move. However, this design would make it really difficult to parry enemy attacks with this weapon. This weapon, apparently, required very advanced skills to operate and could only belong to a serious martial artist.

Another notable exhibit is a combined weapon (cat. 264) that uses two separate heads on a single shaft. We identified them as the hooked spearhead of a *yanlingqiang* (lit. "goose–wings spear"), which is described in *Huangchao liqi tushi* as a weapon of the Green Standard Army; and a *chagan,* the two–pronged spear mentioned in the *Wujing Zongyao*. Pole arms with combined heads gradually went out of service with the army, remaining a ceremonial attribute with the guardsmen or transferring to the arsenal of martial artists. A mix of two completely different head forms in one piece of weapon is extremely unusual, and the fighting technique for such weapon would presumably combine that of a conventional hooked spear and of a fighting fork.

No less noteworthy is our *chan*, or battle spade (cat. 265). This weapon type hardly saw any use with regular troops, remaining the exclusive weapon of first–class fighters who were perfectly prepared for one–on–one sparring. Although this exhibit cannot boast exquisite finishing, its very type deserves some attention.

The next exhibit (cat. 266) is a martial arts weapon of the type that in Russia is mostly known under the Japanese name of *tonfa*. In China such a pair of war clubs with a cross–beam was called *shuang guaizi* or "paired crutches". It exists in a variety of shapes, sizes and balancing. Items on display attract attention with their neat finishing, elegance of form and high quality of work.

A pair of combat cleavers (cat. 269) is the piece of great interest. The authentic Chinese name of this weapon remains unknown. Their shape resembles

[43] Китайское иносказание, обозначающее загробный мир, связанное с религиозными представлениями древних китайцев.

по своему прямому назначению всего какую-то сотню-полторы лет назад, он может убедиться, что в реальном Китае XIX – начала XX вв. боевые искусства играли немаловажную роль.

УДАРНО-ДРОБЯЩЕЕ ОРУЖИЕ

В данном разделе представлено, пожалуй, наибольшее количество предметов – 29. Их разнообразие позволяет нам разделить их на 4 основные группы:

1) ударно-дробящее оружие с металлической боевой частью бянь (кат. 291, 292), бицзяча (кат. 299), цзянь (кат. 293–297) и чуй (кат. 301, 303);

2) ударно-дробящее оружие из дерева, как правило, копирующее свои металлические аналоги (кат. 281–286 и 288–290), к ним же примыкает орудие наказания баньцзы (кат. 289);

3) ударно-дробящее оружие с гибкой боевой частью (кистени и цепи – кат. 305–309);

4) специфическое китайское ударно-дробящее оружие в виде цельнометаллических секирок и топоров (кат. 300, 302).

К периоду Мин основным ударно-дробящим оружием, используемым в войсках, стала палица *цзянь*, имеющая боевую часть в виде длинного граненого (обычно 4-гранного) прута с рукоятью, аналогичной рукояти меча *цзянь*, и круглой гардой *паньхушоу* типа сабельной. Варианты с круглой в сечении боевой частью именовались *бянь*. Апогея своего развития металлическое ударно–дробящее оружие получает в XVI–XVIII вв. *Цзянь* (кат. 295) с боевой частью из медного сплава желтого цвета наглядно демонстрирует, каким образом переносилось это оружие воинами – сохранились ножны, аналогичные ножнам мечей *цзянь*, с изящным латунным прибором, покрытые красно-бурым лаком. Такие ножны подвешивались при помощи крюка на поясную портупею.

В дальнейшем в связи с постепенным отмиранием защитного вооружения металлические *цзяни* и *бяни* начинают утрачивать популярность. В то же самое время получают развитие деревянные палицы разных форм, как правило, копирующие металлических собратьев, вплоть до декора, выражающегося в имитации *яйцзы*[44] у пяты боевого ножа, напоминающего уменьшенную боевую лопату или саперную, что, видимо, предполагает некоторые сходства в технике боя, хотя это оружие меньше и требует от воина использования обеих рук.

CONCEALED WEAPONS

Martial arts weapons are closely followed by exhibits from the next section, “Concealed Weapons”. Their use implies good skills with all the known types of weapons, since most varieties of concealed weapons are disguised as everyday items and have only some structural features of real weapons.

Traditionally, bearing arms by civilians was not encouraged in China. Sometimes the authorities would even strictly prohibit it outright. However, the need to protect themselves remained and the Chinese developed a variety of weapons disguised as everyday objects. An ordinary bamboo flute could conceal a long, thin blade, and a pair of dried paint brushes could turn out to be large razor–sharp scalpel blades deliberately smeared with paint.

The massive stem and bowl of our steel smoking pipe (cat. 278) made it possible to fight off an opponent armed with a long–bladed weapon and even capture his weapon, fix the opponent in an awkward position where any move on his part would result in broken bones and torn ligaments, or forever send him to the Yellow Springs[43] with a strong blow to the head.

All kinds of crutches, staffs and canes (cat. 276 and 280), be they one–piece or concealing a hidden blade, were trademark weapons of a Chinese city in the 19th century, when a weakening state power allowed banditry to flourish everywhere in the country.

Even long metal *kuaizi* chopsticks (cat. 277) that were used in cooking could become a weapon in the hands of an experienced master who was hiding under the guise of an unassuming cook in a tavern.

Most of the above items are represented at the exhibition, including a steel smoking pipe, an iron flute–mace, a cane with a hidden blade, an all–metal cane, and long iron *kuaizi* chopsticks. And if one does not take the acrobatics of contemporary Chinese kung–fu films seriously a look at these items

[44] Яйцзы (букв. «пучеглазый» или «с гневным взо-

[43] An allegory for the world of the dead in the ancient Chinese religion.

Цинский полководец Цзяньмуцань Намукэ (1739-1792) тибетского происхождения. Отличился при покорении Цзиньчуани

Qing General Jianmucan Namuke (1739-1792) of Tibetan origin. Distinguished himself during the conquest of Jinchuan

вой части и коленец бамбука на боевой части *бянь*. Некоторые вещи, как относящаяся к ритуальным предметам дубинка (кат. 284), имеют максимально простую, лаконичную форму и выразительный

ром») – согласно легенде периода Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), сын дракона, отличавшийся кровожадностью. В соответствии с его пожеланием после смерти он стал изображаться на оружии, чтобы удовлетворить собственную жажду крови. Традиционный мотив оформления пяты клинка мечей, сабель и алебард, а также ударно-дробящего оружия в виде дракона с раскрытой пастью и выпученными глазами.

that were used as weapons 150 years ago will assure them that martial arts did play an important role in China of the 19th and early 20th centuries.

BLUNT MELEE WEAPONS

Featuring 29 items, this section boasts perhaps the greatest number of exhibits. Their diversity allows us to divide them into four main groups:

1) Weapons with metal heads: *bian* (cat. 291, 292), *bijiacha* (cat. 299), *jian* (cat. 293–297) and *chui* (cat. 301, 303);

2) Wooden weapons, which usually copy their metal–made counterparts (cat. 281, 283–288 and 290). The *banzi* instrument of punishment (cat. 289) also falls into this category;

3) Weapons with flexible heads (flails and chains, cat. 305–311);

4) Specific Chinese blunt melee weapons in the form of an all–metal chopper or axe (cat. 300, 302).

By the time of the Ming rule the principal blunt melee weapon in the army was the *jian* mace, a long, faceted (usually four–sided) rod with a handle that was similar to that of a *jian* sword and a round sabre–style *panhushou* guard. Varieties with circular–section heads were referred to as *bian*. Blunt metal weapons reached the prime of their development in the 16th to 18th centuries. One of our *jian* cudgels (cat. 295), made of yellow copper alloy, offers a glimpse in how these weapons were carried around by warriors as it preserves its scabbard, similar to that of a *jian* sword, with elegant brass fittings and red and brown varnish. This scabbard hung at a hook on the warrior's sword belt.

Due to the gradual demise of protective arms, metallic *jian* and *bian* cudgels began to eventually lose their popularity. At the same time wooden maces of different forms made their appearance, most often reproducing their metal counterparts not only in shape and design, but even in their decoration, going as far as to include *Yaizi*[44] at the

[44] According to a legend of the Han period (206–220 BC), Yaizi (lit. "popeye" or "angry–eyed") was a bloodthirsty son of the dragon. In accordance with his wish, after his death he began to be depicted on weapons to satisfy its thirst for blood. It is a traditional decoration at the forte of sword, sabre and halberd blades. Some blunt melee

дизайн, сочетающий раскраску красным лаком и каллиграфические надписи золотом.

Баньцзы – орудие наказания при уездной управе, о чем свидетельствует надпись на предмете, сделанная красным лаком, представляет собой тяжелую, широкую и плоскую деревянную колотушку для телесных наказаний. И хотя, скорее всего, она датируется не ранее, чем 1910–1930-ми гг., редкость данного предмета привлекает к себе внимание – подлинных китайских орудий наказания до наших дней дошло не так уж и много.

К числу наиболее интересных предметов, представленных на выставке, относится боевая цепь (кат. 308), состоящая из деревянной рукояти и боевой части, изготовленной в виде 9 соединенных между собой латунных кубиков со срезанными углами, на которой имеется владельческая надпись из 4 иероглифов (по одному на кубике).

Не менее интересно ударно-дробящее оружие для боя на короткой дистанции – например (кат. 302), представляет собой копию традиционного кухонного китайского ножа-сечки, однако вместо широкого клинка, предназначенного для шинковки овощей, его боевая часть представляет собой массивную толстую пластину с вбитым кузнечным штампом клеймом *ван* (王). Им можно наносить только дробящие и размозжающие удары на короткой дистанции.

И безусловно, трудно пройти мимо боевого молота *чуй* (кат. 282) – его конструкция представляет собой куб со срезанными углами, изготовленный из плотной древесины, и насаженный на рукоять удлиненно-конической формы, сделанной из того же материала. Через отверстие в конце рукояти пропущен короткий темляк. На каждой грани укреплены металлические шипы, в качестве шайб под которыми используются литые китайские монеты. Скорее всего, данный молот – произведение середины – конца XIX в., хотя не исключена и несколько более ранняя датировка.

ОРУЖИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН ИМПЕРИИ ЦИН

Китай издревле являлся многонациональной страной, хотя 92% его населения составляют собственно китайцы (*хань жэнь*). Однако тольforte and bamboo joints on *bian* cudgels. Some exhibits, for instance, our ritual club (cat. 284) feature an utmost simple, uncluttered shape and an expressive design that combines red lacquer and calligraphy in gold.

The *banzi* was an instrument of corporal punishment at the county office, as evidenced by an inscription in red lacquer on this heavy, broad and flat wooden mallet. Even though it is highly unlikely to date to earlier than the 1910s or the 1930s, it is the rarity of this item that attracts attention. Not so many authentic Chinese instruments of punishment survive to this day.

Among the most interesting objects in the exhibition is a one–hand flail, or battle chain (cat. 308) that consists of a wooden handle and nine linked brass cubes with cut–off corners. An inscription of four characters, one per cube, is the owner's name.

No less interesting are close–combat weapons like our exhibit 302. It is a replica of a traditional Chinese kitchen cleaver. However, instead of a wide blade for chopping vegetables it has a massive thick steel plate that was stamped "Wang" (王). It could only be used to deliver crushing and smashing blows at a short distance.

And, of course, no one will find it easy to pass by our *chui* war hammer (cat. 282). It is basically a cube of solid wood with cut–off corners that is mounted on an oblong conical handle of the same material. A short lanyard passes through the hole at the end of the handle. Metal spikes are mounted on each side of the cube using Chinese cast coins as washers. This hammer is likely to be a work of the mid– to late 19th century, although earlier dating is also possible.

WEAPONS OF THE ETHNIC BORDERLANDS OF THE QING STATE

China has since ancient times been a multinational country, although 92% of its population are ethnic Han Chinese (*han ren*). However, the number of officially recognized ethnic minorities in the PRC stands at more than 50. These can be divided into three major groups after their military traditions, that is,

weapons were also shaped like a dragon with an open mouth and bulging eyes.

ко официально в КНР признается более 50 разных народов. В отношении военных традиций их можно разделить на три крупные группы – «северян» (монголы, тибетцы, маньчжуры), мусульман (преимущественно жители Синьцзян-Уйгурского Автономного Района и провинции Ганьсу) и «южан» (*яо*, *чжуаны*, *мяо*, *ицзу*, *лоло*, *буи* и т.д.). Многие из этих народов недостаточно известны в мире вообще, и в частных коллекциях их представленность невелика. В этом разделе мы можем продемонстрировать не только клинковое оружие «северян» и «южан», но и кожаный лакированный панцирь народа *ицзу* (кат. 320).

Воины «южан» имели полный комплекс защитного вооружения, включавший в себя шлемы, панцири и наручи. Как правило, их изготавливали из лакированной кожи слона или буйвола. При этом китайский автор XII в. Чжоу Цюйфэй, служивший некоторое время на опасном юго-западном пограничье, говорил про эти доспехи: «Все «листья»[45] по твердости приравниваются к железу, а в толщину всего половина *цуня*[46]. Если испытать их луком и стрелами, то пробить невозможно. Железные доспехи, пожалуй, не сравнятся» [*Чжоу Цюй-фэй*, 2001:200].

Кожа доспехов расписывалась красным и черным лаком: «У шлемов и доспехов для тела внутренняя и внешняя сторона – алые, на желтом и черном фоне, покрыты лаком» [*Чжоу Цюй-фэй*, 2001:375].

Представленные на выставке доспехи народа *ицзу* практически полностью соответствуют описанию XII в. – гомогенная кожаная кираса, покрытая черным и красным лаком, прикрывающая торс, и ламеллярная юбка, прикрывающая нижнюю часть тела. Такие доспехи имели лучшие воины племени, составлявшие костяк боевых отрядов, на который во время боя опирались их легкие официально в КНР признается более 50 разных народов. В отношении военных традиций их можно разделить на три крупные группы – «северян» (монголы, тибетцы, маньчжуры), мусульман (преимущественно жители Синьцзян-Уйгурского Автономного Района и провинции Ганьсу) и «южан» (*яо*, *чжуаны*, *мяо*, *ицзу*, *лоло*, *буи* и т.д.). Многие из этих народов недостаточно известны в мире вообще, и в частных коллекциях их представленность невелика. В этом разделе мы можем продемонстрировать не только клинковое оружие «северян» и «южан», но и кожаный лакированный панцирь народа *ицзу* (кат. 320).

Воины «южан» имели полный комплекс защитного вооружения, включавший в себя шлемы, панцири и наручи. Как правило, их изготавливали из лакированной кожи слона или буйвола. При этом китайский автор XII в. Чжоу Цюйфэй, служивший некоторое время на опасном юго-западном пограничье, говорил про эти доспехи: «Все «листья»[45] по твердости приравниваются к железу, а в толщину всего половина *цуня*[46]. Если испытать их луком и стрелами, то пробить невозможно. Железные доспехи, пожалуй, не сравнятся» [*Чжоу Цюй-фэй*, 2001:200].

Кожа доспехов расписывалась красным и черным лаком: «У шлемов и доспехов для тела внутренняя и внешняя сторона – алые, на желтом и черном фоне, покрыты лаком» [*Чжоу Цюй-фэй*, 2001:375].

Представленные на выставке доспехи народа *ицзу* практически полностью соответствуют описанию XII в. – гомогенная кожаная кираса, покрытая черным и красным лаком, прикрывающая торс, и ламеллярная юбка, прикрывающая нижнюю часть тела. Такие доспехи имели лучшие воины племени, составлявшие костяк боевых отрядов, на который во время боя опирались их легкие

[45] Имеются в виду пластины ламеллярного доспеха.

[46] 1 *цунь* = 3,2 см. Т.о. толщина кожаных пластин составляла около 1,6 см. Скорее всего, Чжоу Цюйфэй указывает толщину пластин в месте, где происходит их перекрытие. Также не исключено, что берется не стандартный *цунь*, равный 3,2 см, а «чжоуский *цунь*», равный примерно 2 см. В этом случае толщина доспеха составляет примерно 10 мм.

the "Northerners" (Mongols, Tibetans, Manchus), Muslims (mostly residents of Xinjiang and Gansu Province) and "Southerners" (the Yao, Zhuang, Miao, Yizu, Lolo, Buyi etc). Many of these groups are not well known outside of China and their arms and armour normally do not feature much in private collections. In this section we showcase the Northern and Southern bladed weapons as well as lacquered leather armour of the *Yizu* (or Yi) people (cat. 320).

Southern warriors had a full range of defensive armament including helmets, armour and armguards. These tend to be made from lacquered elephant or buffalo hide. Zhou Qufei, a Chinese writer of the 12th century who served for some time on the dangerous south–western border, says the following about their armour, "All the leaves[45] are as hard as iron, but have the thickness of only half a *cun*[46]. Shoud they be tested with a bow they can't be pierced by arrows. Iron armour is probably no match" [*Zhou Qufei*, 2001: 200].

Leather armour was painted with red and black lacquer: "Helmets and armour for the body are red over a yellow and black lacquered background both inside and out" [*Zhou Qufei*, 2001: 375].

The armour of *Yizu* people at the exhibition fully corresponds to this description of the 12th century. A homogeneous leather cuirass, painted with black and red lacquer, covers the torso and a lamellar skirt covers the lower part of the body. Armour of the kind would belong to the best warriors of the tribe who formed the backbone of combat units, supported by their lightly–armed fellow tribesmen in battle: "In Yao raids there are only a few people in armour, they move ahead. The others are completely naked" [*Zhou Qufei*, 2001: 200].

Armour of the peoples of south–western China can only be seen in major museum collections. The only work on the subject in Russia, authored by Mikhail Gorelik, uses iconographic and ethnograph-

[45] Lamellar armour plates.

[46] 1 *cun* = 3.2 cm. Thus, these leather plates were about 1.6 cm thick. Most likely, Zhou Qufei indicates the thickness of the plates at a spot where they overlap. He may have also meant not the standard *cun* (3.2 cm), but the so–called "Zhou *cun*" of about 2 cm. In this case, the armour would be about 10 mm thick.

ковооруженные соплеменники: «В набегах людей *яо* тех, кто в доспехах, всего несколько человек, они движутся впереди. Остальные полностью раздеты» [*Чжоу Цюй-фэй*, 2001:200].

Доспехи народов Юго-Запада Китая в основном можно увидеть только в крупных музейных собраниях. В России единственная работа по данному предмету принадлежит М.В. Горелику и является кратким обзором эволюции доспехов народа *ицзу* по иконографическим и этнографическим источникам [*Горелик*, 2012:21–32].

«Южане» издавна имели развитое кузнечное ремесло и сами снабжали себя клинковым оружием – Чжоу Цюйфэй и Фань Чэнда дают их описание: «Мечи людей *яо* и мечи людей *ли* приблизительно одного вида – все с коротким клинком и длинной рукоятью. Клинок мечей *ли* особенно короток. Пестрым тростником оплетают рукоять, образуя узоры, белыми роговыми пластинами длиной в 1 *чи* с небольшим, которые напоминают хвост ястреба-перепелятника, украшают навершие рукояти. Мечи *яо*, хотя и не украшены, однако очень острые.

В поселениях областей Левого и Правого Цзян и у всех варваров за рубежами Срединного государства мечи одного вида – клинок длиной в 4 *чи*, рукоять 2 *чи*[47]. В одни ножны вкладывают 2 меча, прячут в них 1 большой меч и 1 маленький. Если сложить вместе их рукояти, то образуют круг. Жители поселений ножны для мечей изготовляют из черной кожи. Черным лаком украшают рукоять. Из черной кожи делают перевязь. Для мечей варваров ножны делают из грубой кожи. Золотыми и серебряными нитями украшают рукоять. Из ярко-красной кожи делают перевязь» [*Чжоу Цюй-фэй*, 2001:199].

На выставке представлен один из «мечей варваров», но он относится к более поздней эпохе – к концу периода Цин. Поэтому его конструкция и декор не соответствует описанию 1178 г. Таким

[47] 1 *чи* = 32 см. Однако это дает общую длину меча в 196 см, что вряд ли пригодно в джунглях юго-западных районов Китая. Скорее всего, имелся в виду т.н. «чжоуский *чи*», использовавшийся для различных целей и в Средние века. Его длина составляла около 20 см. В этом случае длина меча составляет около 120 см, что более соответствует условиям его применения.

ic sources to trace the evolution of the armour of Yizu people [*Gorelik*, 2012: 21–32].

The "Southerners" always had well–developed blacksmithing and could produce all the bladed weapons they needed themselves. Zhou Qufei and Fan Chengda left us the following description, "Swords of *Yao* people and those of the *Li* are of nearly the same shape, all with a short blade and a long handle. The blade of a Li sword is especially short. They wrap the handle in motley reeds, forming patterns, and attach to the pommel white horn plates, one *chi* long, that resemble the tail of a Sparrow Hawk. Although Yao swords are not decorated, they are very sharp.

People in all the settlements along the Left and Right Jiang and all the barbarians beyond the borders of the Middle Kingdom had swords of one type. The blade is 4 *chi* long and the handle is 2 *chi* long[47]. They put two swords in one scabbard, hiding a large sword and a small sword in it. Should one put their hilts together, a sphere would be formed. People of the settlements make scabbards for their swords of black leather. Black lacquer is used to decorate the hilt. The strap is made of black leather. Scabbards for barbarian swords are made of rough skin. Gold and silver threads are used to decorate the hilt. The sling is made of bright red leather" [*Zhou Qufei*, 2001: 199].

The exhibition presents one of the "barbarian swords", though of a later era – namely, of the late Qing period. So its design and decor cannot match the description of 1178. Thus, we can make at least a rough idea of the way the Southerners' swords developed in the intervening 700 years. These came a long way from weapons that must have resembled a shafted *chuanweidao*–style sabre to long two–handed broadswords with a pommel that was shaped like a ring, recessed into a wooden handle and protruding sideways from the tang on both sides. The handle is black, which is characteristic for most known China's ethnic minorities swords in collections worldwide,

[47] 1 *chi* is 32 cm. However, this would make the total length of the sword as 196 cm, which is hardly practical in the jungles of south–western China. The author may have meant the so–called "Zhou chi", used for various purposes in the Middle Ages. It is about 20 cm. In this case, the length of the sword is about 120 cm, which is more appropriate to the circumstances it was used in.

образом, мы можем составить хотя бы общее представление о том, какой путь прошли мечи «южан» за 700 лет. Из оружия, напоминающего древковую саблю типа *чуаньвэйдао*, они превратились в длинные палаши с двуручной рукоятью и навершием в виде утопленного в массив рукояти кольца, выступающего по бокам черена (в плоскости клинка) двумя сегментами. Рукоять имеет черный цвет, характерный для большинства известных в коллекциях предметов оружия инородческих племен, и покрыта резьбой в национальном стиле, различном для разных народов Юго-Запада.

Таким образом, мы можем наблюдать любопытную картину развития и видоизменения клинкового оружия «южан» при практически неизменном состоянии их доспехов!

К оружию «южан» относятся и парные сабли с нетипичным изгибом S-образной гарды и относительно короткими, широкими, круто изогнутыми клинками (кат. 322). От китайских парных сабель, переносившихся в одних ножнах и представлявших собой как бы единую саблю, разрезанную по продольной оси, они отличаются тем, что каждая имеет полноценную рукоять веретенообразного сечения с стаканообразным навершием. S-образная гарда на китайских саблях прикрывает пальцы фехтовальщика опущенным вниз концом перекрестья, а со стороны обуха конец перекрестья направлен в сторону острия. К тому же такие гарды, кроме центральной части, прилегающей к пяте клинка, как правило, представляют собой в сечении круглый или уплощенный пруток, с фигурно раскованными оконечностями. Но в данном случае гарды обеих сабель изготовлены в виде широких овальных пластинок с очень незначительным изгибом, причем направление изогнутых оконечностей перекрестья совершенно противоположно китайским образцам.

Нетипично для Китая и оформление клинков – на каждом из них присутствует по *голоменям* богатый растительный орнамент, занимающий не менее ½ площади *голомени*. Присутствие на клинках иероглифических надписей, несомненно, дань соседству с китайцами, и признак высокой квалификации мастера-оружейника, который легко и изящно выполнил каллиграфическую надпись на металле.

and is decorated with traditional tribal carvings (these were different for different tribes of the South-west).

Thus, we can observe a curious picture. The Southerners' bladed weapons developed and evolved while their armour remained unchanged!

The Southerners' weapons include paired sabres with an atypical S–shaped guard and relatively short, wide, steeply curved blades (cat. 322). Where Chinese paired swords were carried in one scabbard and looked like a single sword cut in two along the longitudinal axis, Southern blades were different. Each of them had a full spindle–shaped handle and a cylindrical pommel. On a Chinese sabre the guard is S–shaped, with a lowered down quillon that serves to cover the swordsman's fingers whereas the other quillon is turned towards the tip of the blade. The central part of the guard adjacent to the forte is usually round or flattened in cross–section, and the quillons are figured. But in this case the guards of both sabres are shaped like broad oval plates with a very insignificant curvature; moreover, the quillons are curved in the opposite direction to that of their Chinese counterparts.

The blade decoration is also unusual for China. An intricate floral pattern covers at least a half of each blade. The blades carry hieroglyphic inscriptions which are a tribute to the neighbouring Chinese lands and a sign of a highly skilled swordsmith who could effortlessly and gracefully execute a calligraphic inscription on metal.

Weapons of the "Northerners", i.e. the Mongols, Tibetans and some Turkic groups, are represented by single–bladed broadswords with a straight back, the *zhibeidao*. As a rule, they have straight boat–shaped guards (cat. 319), but some of our exhibits (cat. 317, 318) have disc–shaped guards with a slight flare. A short broadsword (cat. 312) has no guard and handle at all. Only its bare blade survived, but it is damascened with a rich zoomorphic and floral pattern. The rounded tip has a hole of an unknown purpose, and the short handle is forged from one piece of steel with the cross–shaped pommel. Its rich decoration suggests that this blade was made in the 16th or the 17th century for a rich Tibetan or Mongolian feudal lord.

Цинские солдаты с иностранным инструктором Шанхай. Ок. 1896 г.

Qing soldiers with foreign instructor. Shanghai. Ca. 1896.

Оружие «северян», т. е. монголов, тибетцев, некоторых групп тюркоязычного населения, представлено однолезвийными палашами с прямым обухом – *чжибэйдао*. Как правило, они имеют прямое ладьевидное перекрестье (кат. 319), однако на образцах (кат. 317) и (кат. 318) гарда дисковидная, с незначительной отбортовкой. У короткого палаша (кат. 312) гарда и рукоять утрачены – сохранился лишь полоса клинка, украшенного богатым зооморфным и флоральным орнаментом по голоменям, выполненным в технике всечки. У скругленного острия имеется сквозное отверстие неясного предназначения, короткий черен рукояти откован вместе с крестообразной формой навершием. Богатый декор позволяет предположить, что этот клинок был изготовлен в XVI–XVII вв. для богатого тибетского или монгольского феодала.

Не менее примечателен и *чжибэйдао* (кат. 318) – его изысканный латунный прибор покрыт фоновым орнаментом в виде повторяющихся свастик, между которыми выбиты восемь символов буддизма. Все детали прибора выполнены в стиле *юаньши*, характеризуемом округлостью форм, что позволяет датировать его началом – серединой XIX в.

Прямой противоположностью ему является *чжибэйдао* (кат. 319) – его простой прибор из гладкого белого металла своими очертаниями напоминает крышу буддийского храма, что вкупе с окраской ножен и рукояти черным лаком создает выразительный декоративный эффект. По

No less remarkable is one of our *zhibeidaos* (cat. 318). Its exquisite brass fittings are covered with a background pattern of repeating swastikas and features the Eight Treasures of Buddhism engraved in between. All the fittings are made in the *yuanshi* style, characterized by rounded shapes, which allows us to date this weapon to the early or mid–19th century.

Another *zhibeidao* (cat. 319) is its complete opposite. Its simple fittings of plain and smooth white metal resemble a roof of a Buddhist temple. Coupled with the black lacquer colouring of the handle and scabbard, this creates a distinct decorative effect. By the general style of design this sword can be dated to the 1750s.

Blade shapes in most of our broadswords in this section vary greatly. Some of them have no pointed tip at all (cat. 312, 315, 318, 319), while others exhibit a tip not unlike that of Tibetan *ral–gri* broadswords (cat. 313) [*Roerich,* 1999: Fig. 10]. The rest have an oblique tip formed like that of the Tibetan *dpa'dam* (cat. 314, 317) [*Roerich*, 1999: 47, fig. 9]. The tip of broadsword 316 combines features characteristic of a *dpa'dam* and late Chinese sabres. Moreover, each blade has individual proportions. The ornamentation is scarce as soldiers valued utility above rich decoration. A characteristic device consisted in forming the handle from two riveted plates of bone or horn,

общему стилю оформления этот палаш можно датировать 1750-ми гг.

Форма клинков у большинства палашей произвольно варьируется – у некоторых из них острие не выражено (кат. 312, 315, 318), у других – сформировано по типу тибетских палашей *ре-ти* (кат. 313) [*Рерих*, 1999: рис. 10], у остальных – по типу тибетского *баданга* (кат. 314, 317, 319) [*Рерих*, 1999: 47, рис. 9]. У палаша (кат. 316) острие сочетает в себе черты, характерные для *бадангов* и поздних китайских сабель. При этом у каждого клинка – свои индивидуальные пропорции. Украшений мало – воины предпочитали утилитарность богатой отделке. Характерным мотивом оформления рукояти было изготовление веретенообразной обкладки черена из 2 половинок кости или рога – одна половинка выполнялась из материала белого цвета, другая – темного (черного или темно-коричневого). Это была аллюзия на китайское «единство противоположностей» – единение и противопоставление женской и мужской энергий *инь-ян* (монг. *арга-билиг*).

Ножны сохранились плохо – мы можем видеть их только у палашей (кат. 314, 318, 319).

Китайская воинская традиция является одной из самых древних в мире. Она далека от представления о китайских воинах, как о беспорядочной толпе адептов боевых искусств монастыря Шаолинь, выписывающих в воздухе замысловатые пируэты.

Безусловно, некоторая дань боевым искусствам была отдана в неправительственных вооруженных формированиях. Однако эта часть воинской традиции была предназначена, в первую очередь, для «внутреннего» применения – поддержания общественного порядка в стране, охраны коммерческих предприятий и грузопотоков, бандитских «разборок» и операций по поимке разбойников за вознаграждение.

Чисто же воинская традиция Китая оказывается не хуже и не лучше прочих воинских традиций – в моменты, когда страна переживала период феодальной раздробленности, ее целиком или частично довольно легко захватывали агрессивные соседи. Когда начинался новый цикл нацио-

where one half would be made of a white material, and the other, of a dark one (black or dark brown). This was an allusion to the Chinese idea of “unity of opposites”, the duality of the feminine and masculine energies of *yin* and *yang* (Mong. *arga–bilig*).

The scabbards are poorly preserved. We can see only those of some broadswords (cat. 314, 318, 319).

The Chinese military tradition is among the oldest in the world. Chinese soldiers were anything but a disorderly crowd of martial arts adepts taught to make intricate pirouettes in the air at Shaolin Monastery.

Non–governmental armed groups did give some credit to the study of martial arts. However, this part of the military tradition was intended primarily for internal use, that is, maintaining public order in the country, protection of businesses and cargo flows, showdowns between bandits, and capture of robbers for a fee.

But the purely military tradition in China was neither worse nor better than any other military tradition. At those moments when the country was going through fragmentation by feudal lords, parts or the whole of it could be captured by aggressive neighbours. But with the beginning of a new cycle of national rebirth these invaders were exterminated or expelled from China.

It should be noted that any invaders had to necessarily rely on active support of a part of Chinese society at a time of the maximum escalation of social, political, religious and economic contradictions within China. So many years later, political conflicts of the era may seem blurred, leading one to a hasty conclusion as to the utter uselessness of the Chinese military tradition for the effective defence of the country. But a closer look at these events reveals that it was not an ingrained lack of fighting ability among the Chinese that made these periods of invasion and foreign domination possible, but a general political decline in the Empire.

For instance, even during the years that were marked by the most serious assaults of the Jurchen the famous general Yue Fei repeatedly smashed the enemy armies, consisting of Jurchen heavy cavalry and numerous Chinese infantry and military technicians. His execution was not caused by a military defeat, but by political intrigues at the court.

Neither was the Mongol conquest of China a quick action. It was a long–term, drawn out pro-

нального возрождения – захватчики истреблялись или изгонялись за пределы Китая.

Следует отметить, что для завоевания Китая захватчикам обязательно требовалась активная поддержка части китайского общества, что имело место в момент максимального обострения социальных, политических, религиозных и экономических противоречий внутри Китая. За давностью лет политические коллизии этого периода кажутся смазанными, что позволяет сделать поспешный вывод о полной непригодности китайской военной традиции для эффективной обороны страны, но более подробный взгляд на эти события показывает, что дело не в неспособности китайцев к военному делу, а в общем политическом упадке империи в указанные периоды.

Так, даже в годы наиболее серьезного натиска чжурчжэней прославленный полководец Юэ Фэй с успехом громил своим небольшим войском вражеские армии, состоявшие из ударных конных частей чжурчжэней, сопровождаемых многочисленной китайской пехотой и военно-техническими специалистами. И гибель его была вызвана не военным поражением, а политическими интригами при дворе.

Да и завоевание монголами Китая являлось не единовременной акцией, занявшей 1–2 года, а длительным процессом – война с империей Цзинь продлилась 25 лет и завершилась лишь в 1234 г. [*Воробьев*, 1975:422]. Завоевание же империи Сун потребовало более 40 лет – с 1235 по 1279 г. длилось сопротивления китайцев. При этом все военные и людские ресурсы покоренной монголами империи Цзинь, а также военно-технические новинки, проникшие с Запада (противовесные камнеметы, зажигательные снаряды, наполненные нефтью и т. д.) были обращены на службу завоевателям [*Школяр*, 1980:210]. И тут рядом с именами монгольских военачальников постоянно упоминаются имена военачальников китайских, сражавшихся бок о бок с монголами против своих единоплеменников из Южного Китая [*Школяр*, 1980:179].

А если обратиться к истории завоевания Китая маньчжурами, то становится ясно, что до 1644 г. действия маньчжур носили характер локальных столкновений и грабительских набегов

Воин племени ицзу в традиционном вооружении. Китай, 1904 г. Фото Огюста Франсуа (1857–1935)

Warrior of Yizu tribe wearing traditional weapons China. 1904
Photo taken by Auguste Francois (1857-1935)

cess. The Mongol war against the Jin Empire lasted for 25 years and only ended in 1234 [*Vorobyev,* 1975: 422]. Their conquest of the Song Empire took more than 40 years, with Chinese resistance lasting from 1235 to 1279. Moreover, the conquerors could count on all the military and human resources of the Jin Empire that they had overcome earlier, as well as on technical innovations that had spread from the West (trebuchets, oil–filled incendiary devices, etc.) [*Shkolyar*, 1980: 210]. Next to the names of Mongol commanders sources list those of Chinese warlords who fought alongside the Mongols against their fellow countrymen from Southern China [*Shkolyar,* 1980: 179].

на фоне катастрофической для Китая крестьянской войны. И лишь самоубийство последнего минского императора после взятия Пекина повстанцами подтолкнуло часть китайских феодалов на союз с северными «варварами», что и привело к установлению в Пекине власти маньчжурской династии Цин. Однако окончательно Китай был покорен только в 1683 г. Все эти годы бок о бок с маньчжурами сражались их китайские союзники. Император Канси был вынужден признать, что в 1670-х гг. боеспособность китайских Зеленознаменных войск была существенно выше боеспособности знаменных корпусов[48].

В 1850-е гг. выяснилось, что мощь маньчжуров утрачена полностью, и лучшими войсками в империи оказались войска, набиравшиеся из китайских крестьян под руководством феодальной интеллигенции ханьского происхождения. Обновленный союз маньчжурских и китайских феодалов позволил на 50 лет отсрочить низвержение дома Цин.

Однако следует отметить, что без контактов со странами Запада военная мысль Китая не смогла самостоятельно перерасти феодальные стереотипы. Традиция довлела повсюду, постоянно воспроизводя саму себя, с некоторыми улучшениями косметического характера. Даже адаптация современного европейского оружия не изменила феодальный характер китайских вооруженных сил во второй половине XIX в.

Под стать военной системе было и вооружение – с этим оружием китайцы добивались своих блестящих побед, с ним же испытывали горькие поражения. В целом же боевые качества традиционного китайского оружия оказались не хуже, чем боевые качества оружия их соседей по региону и стран Запада на соответствующем этапе исторического развития.

Examining the history of the Manchu conquest of China, we can see that before 1644 the actions of the Manchus were nothing more than local conflicts and predatory raids against a China suffering from a disastrous peasants war. And only the last Ming Emperor's suicide after the rebels had seized Beijing pushed some of the Chinese feudal lords to enter into an alliance with the "barbarians" of the North, leading to the establishment of the Manchu Qing dynasty in Beijing. However, China was not finally conquered before 1683. For all these years the Manchus fought alongside their Chinese allies. In the 1670s the Kangxi Emperor had to admit that the fighting capability of the Chinese Green Standard Army was significantly higher than that of the Eight Banners[48].

In the 1850s it became clear that the fighting power of the Manchus was completely spent. The best troops in the Empire were now recruited from Chinese peasants and led by Chinese feudal lords of Han origin. The renewed union of the Manchus and Chinese feudal lords offered a respite of 50 years before the Qing empire was finally overthrown.

However, it should be noted that the Chinese military thinking could not have grown out of feudal stereotypes on its own were it not for contacts with Western countries. The tradition prevailed everywhere, constantly reproducing itself with some cosmetic improvements. Even an adaptation of modern European weapons did not change the feudal nature of the Chinese armed forces in the second half of the 19th century.

The arms and armour were on par with the military system. It was with these weapons that the Chinese achieved their brilliant victories and suffered their bitter defeats. In general, the combat properties of traditional Chinese weapons were no worse than those of their neighbours in the region or those of the West at a corresponding stage of their historical development.

[48] Имеется в виду «восстание трех князей-данников» 1673–1681 гг. Вплоть до конца 1670-х гг. маньчжурские Восьмизнаменные войска не могли добиться решительного перелома в боях против войск князей-данников, состоявших из наследственных солдат-китайцев. Победа была достигнута после смерти их лидера – опытного военачальника У Саньгуя (1612–1678), провоевавшего почти полвека против маньчжуров и китайских повстанцев, и раскола в стане восставших.

[48] Referring to the Revolt of the Three Feudatories (1673–1681). Until the late 1670's the Manchu Eight Banner troops could not break the tide of their war against the Feudatories forces that consisted of Chinese hereditary soldiers. They had only achieved their victory after the death of the leader of the rebellion, the experienced general Wu Sangui (1612–1678), who had fought for almost half a century against the Manchus and Chinese rebels, caused a split in the rebel camp.

ОРУЖИЕ ИЗ СОБРАНИЯ ГМВ

INDIAN ARMS AND ARMOUR IN THE STATE MUSEUM OF ORIENTAL ART

1. ПОРОХОВНИЦА
Индия. XVII в.
Слоновая кость, металл, резьба. 18,5 x 3,5 см
ГМВ Инв. № 2054 II

Поступление: 26.04.1955, передача из ГЭ (№ В.О.–5247, источник поступления неизвестен)
Аналогии: пороховница сер. XVII в. из МИИВ [*Dye* 2001:424]; схожая с ней пороховница из МИИХ; пороховница из коллекции ГЭ (инв. № ВО 5245) [*Во дворцах и в шатрах* 2008:38], у которой сохранился шелковый шнур для крепления к патронташу; а также пороховница из МУ (71.419).

POWDER FLASK
India. 17th century.
Ivory, metal, carving. 18.5 x 3.5 cm
State Museum of Oriental Art, No. 2054 II
Acquisition: 26 April, 1955, transfer from the State Hermitage (No. B.O.-5247, provenance unknown).

Comparable items: A mid-17th century powder flask in the Virginia Museum of Fine Arts (Richmond, USA) [*Dye* 2001: 424]; a comparable powder flask from the Museum of Fine Arts, Houston; a powder flask in the collection of the State Hermitage (№ ВО 5245) [*Vo dvortsakh i v shatrakh* 2008, p. 38] with a silk cord that served to attach it to a bandolier; a powder flask in the Walters Art Museum (Baltimore, USA) (71.419).

3. ЩИТ
Индия. XIX в.
Металл, эмаль, гравировка, чернение. Дм 43 см
ГМВ Инв. № 511 II
Поступление: приобретен у гр. Левинсон Т.В. 4.11.1935

Аналогии: щит из НМНД (53.15/70)

SHIELD
India. 19th century.
Metal, enamel, engraving, niello. Diameter 43 cm
State Museum of Oriental Art, No. 511 II
Acquisition: purchased from T.V.Levinson, 4 November, 1935.

Comparable items: a shield in the National Museum, New Delhi (53.15/70).

2. ЩИТ
Индия. XVIII в.
Кожа носорога, металл, лак, роспись. Дм. 43 см
ГМВ Инв. № 2049 II

Поступление: 26.04.1955, передача из ГЭ (эрмитажный инв. № В.О.–1081), в ГЭ поступил из ЦСА в 1885–1886 гг., куда поступил в 1861 г. в составе коллекции Салтыкова (Салт. 50/130).

Шестиумбонные щиты встречаются гораздо реже четырехумбонных. Один такой щит есть в коллекции НМНД (76.845). Так же как и наш экземпляр, он имеет относительно небольшой размер – 44 см, однако он весьма тяжелый, так как выполнен из листового железа и в целом имеет следы износа. Чаще шестиумбонные щиты можно увидеть в миниатюре, например, сразу на нескольких портретах в MBA (D389–1885, IS.48:6/A–1956, IM.244–1921).

SHIELD
India. 18th century.
Rhinoceros hide, metal, lacquer, paint. Diameter: 43 cm
State Museum of Oriental Art, No. 2049 II

Shields mounted with six shield bosses are much less frequent than those with four. There is one shield of this rare type in the National Museum, New Delhi (76.845). Measuring just 44 cm, it is as relatively small as our exhibit but very heavy as it is made of sheet iron and features traces of wear and tear. Six-boss shields are more common in paintings. For instance, these are depicted in several portraits in the Victoria and Albert Museum (D389-1885, IS.48:6/A-1956, IM.244-1921).
Comparable items: a rhinoceros hide shield from the Lord Kitchener's collection in the Royal Ontario Museum (948.1.53); two Mewar shields of Maharana Sangram Singh II in the National Museum, New Delhi (62.2879, 62.3107); a shield from Patiala in the Victoria and Albert wMuseum (116-1852). The décor is very close to that of a rhino hide shield in The Metropolitan Museum of Art (91.1.747), a shield from the Pitt Rivers Museum (1942.8.47), and one in the Victoria and Albert Museum (798-1869). See also rhinoceros hide shields from the

4. КИНЖАЛ С НОЖНАМИ
Индия. XVII в.
Сталь, нефрит, бархат, золотые накладки, эмаль. Дл. 38 см
ГМВ Инв. № 2056 II (1–2)
Поступление: 26.04.1955, передача из ГЭ (№ В.О.–3271), поступил в ГЭ в 1926 г. из собрания Мраморного дворца, г. Ленинград

Аналогии: кинжал из МВА (3467&A(IS)), две рукояти из ММ (02.18.773 и 02.18.769), подаренные принцу Эдварду в 1875–1876 гг. в Индии; кханджары из БКД (11240,11265).

DAGGER WITH SHEATH
India, 17th century.
Steel, nephrite jade, velvet, gold inlay, enamel. Length 38 cm
State Museum of Oriental Art, No. 2056 II (1-2).
Acquisition: 26 April, 1955, transfer from the State Hermitage (№ В.О.-3271); entry into the State Hermitage in 1926 from the collection of the Marble Palace, Leningrad.

Comparable items: a dagger in the Victoria and Albert Museum (3467&A(IS)), two handles in The Metropolitan Museum of Art (02.18.773 and 02.18.769), presented as a gift to Edward, Prince of Wales in India in 1875-1876; khanjars in the Royal Collection Trust (11240,11265).

5. КИНЖАЛ С НОЖНАМИ
Индия. XIX в.
Сталь, серебро, нефрит, кожа, чеканка. 42,5 х 4,5 см
ГМВ Инв. № 5595 II (1–2)
Поступление: из Музея народов СССР в 1940 г.

Аналогии: кинжал из ММ (1982.321) кинжал из МЛА (M.71.1.35a–b), кханджар с прямым лезвием из БКД (11385)

DAGGER WITH SHEATH
India. 19th century.
Steel, silver, nephrite jade, leather, embossing. 42.5 x 4.5 cm.
State Museum of Oriental Art, No. 5595 II (1-2)
Acquisition: from the Museum of the Peoples of the USSR in 1940.

Comparable items: a dagger in The Metropolitan Museum of Art (1982.321), a dagger in the Los Angeles County Museum of Art (M.71.1.35a-b), a straight-blade khanjar in the Royal Collection Trust (11385).

6. КИНЖАЛ С НОЖНАМИ
Индия. XVIII в.
Сталь, нефрит, перламутр, медь, кожа. Дл. 41 см
ГМВ Инв. № 2052 II (1–2)
Поступление: 26.04.1955, передача из ГЭ (№ В.О.–2676), в ГЭ поступил в 1923 г. из ГМФ.
В эрмитажном инвентаре записано: «Ножны обтянуты коричневой кожей; прорезной поясок и гладкий с шариком на конце наконечник медные»

Аналогии: пешкабз из коллекции ММ (36.25.721)

DAGGER WITH SHEATH
India. 18th century.
Steel, nephrite jade, nacre, copper, leather. Length 41 cm.
State Museum of Oriental Art, No. 2052 II (1-2)
Acquisition: 26 April, 1955, transfer from the State Hermitage (№ В.О.-2676); entry into the State Hermitage in 1923 from the State Museum Foundation. The Hermitage inventory reads: 'Sheath is covered with brown leather; the belt and the smooth tip, ending in a little ball, are of copper'.

Comparable items: a pesh-kabz in The Metropolitan Museum of Art (36.25.721).

7. КИНЖАЛ С НОЖНАМИ (КАТАР)
Индия. XVIII в.
Металл, бархат, резьба, позолота. 51х9,5см
ГМВ Инв. № 2050 II (1–2)
Ножны обтянуты красным бархатом
Поступление: акт № 272 от 26.04.1955, передача из ГЭ (№ В.О.–308), куда поступил из ЦСА в 1885–1886 гг.; поступил в ЦСА в составе личной коллекции Николая I в 1834 г. Упоминается уже в первом инвентаре ЦСА 1835 г., номер – С.75.

Аналогии: кишангархский катар из коллекции БКР (11335)

DAGGER WITH SHEATH (KATAR)
India. 18th century.
Metal, gilding, chiselling, velvet. 51 x 9.5 cm.
State Museum of Oriental Art, No. 2050 II (1–2)

The scabbard is covered with red velvet.
Comparable items: a Kishangarh katar from the Royal Collection Trust (11335)

8. ШЕСТОПЕР
Индия. XVIII в.
Сталь, наводка. 59x10 см
ГМВ Инв. № 2055
Поступление: акт № 272 от 26.04.1955, передача из ГЭ (№ В.О.–673, в инвентаре записано: «В полой рукояти катится шарик»). В ГЭ поступил из ЦСА в 1885–1886 гг.; происходит из коллекции великого князя Михаила Павловича (номер М.П.289, номер по имп. ГЭ Е.656).

Аналогии: булава из МВА (3526 (IS), хайдерабадский шестопер из коллекции БКР (37528)

FLANGED MACE
India. 18th century.
Steel damascened in gold. 59 x 10 cm.
State Museum of Oriental Art, No. 2055.
Comparable items: a mace in the Victoria and Albert Museum (3352 (IS)), a Hyderabadi flanged mace in the Royal Collection Trust (37528).

9. БОЕВОЙ ТОПОР
Индия. XIX в.
Сталь, медь, гравировка, позолота
Общ. дл. 54; раб. часть 12,5; дл. стилета 35 см
ГМВ Инв. № 2051 II (1–2)
Поступление: 26.04.1955, передача из ГЭ (№ В.О.–553), в ГЭ поступил из ЦСА в 1885–1886 гг. Упомянут в первом инвентаре ЦСА 1835 г., номер – Е.184. В инв. карточке начала XX в. указано, что данный предмет происходит из коллекции великого князя Михаила Павловича. В ручку ввинчен стилет.

Аналогии: табар из коллекции БКД (37432), боевой топор Надир-шаха из НМНД (58.47/3)

BATTLE AXE
India. 19th century.
Steel, copper, engraving, gilding. Length 54 cm (full); 12.5 cm (head); 35 cm (stiletto blade).
State Museum of Oriental Art, No. 2051 II (1-2)

A thin stiletto blade is screwed into the handle.
Comparable items: a tabar in the Royal Collection Trust (37432), the battle axe of Nadir Shah in the National Museum, New Delhi (58.47/3).

10. КЛЕВЕЦ
Индия. XVIII в.
Сталь, золотая насечка, серебро, чеканка
Дл. ручки 51; дл. клинка 41 см
ГМВ Инв. № 513 II
Поступление: акт № 18 от 08.08.1936, приобретен у гр. Лампрехт А.Б.

Аналогии: клевец из БКД (37466)

CROW-BILL
India. 18th century.
Steel damascened in gold, silver, embossing. Length 51 cm (handle), 41 cm (blade).
State Museum of Oriental Art, No. 513 II
Acquisition: Act №18, 8 August, 1936, purchase from A.B.Lamprekht.

Comparable items: a crow-bill in the Royal Collection Trust (37466).

ОРУЖИЕ ИНДИИ
ИЗ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

INDIAN ARMS AND ARMOUR
FROM PRIVATE COLLECTIONS

КОПЬЯ / SPEARS

11. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь, ковка, чеканка, следы медного припоя
Общ. дл. 55; дл. клинка 24; ш. 6,5 см

Слегка изогнутый клинок с двумя короткими долами усилен центральным ребром. Основание клинка украшено рельефными изображениями мифологических животных – *макар*. Массивный клинок закреплен в граненой втулке обхваченной ребристыми кольцами. Нижняя часть втулки покрыта рельефными зигзагами.
Аналогии: наконечник из коллекции ГМЧ (2236). [*Elgood 2004*:194/19.13].

SPEAR HEAD
South India. 16th to 17th century.
Steel, forging, embossing, traces of copper solder. Full length 55, length of blade 24, width 6.5 cm.

The slightly curved blade with two short fullers is strengthened by a central ridge. Reliefs of mythical creatures, *makaras*, decorate the base of the blade. The massive blade's fitting is a facetted socket retained by ribbed rings. The fitting's lower part is covered with zigzag lines in relief.
Comparable items: a spear head from the Government Museum, Chennai (2236). [*Elgood R.* Op. cit., p. 194, fig. 19.13]

12. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь, литье, ковка, чеканка, гравировка, следы медного припоя. Общ. дл. 52,5; дл. клинка 33; ш. 7,5 см

Слегка изогнутый обоюдоострый клинок усилен центральным ребром. Основание клинка декорировано рельефными изображениями мифологических животных – *макар*. Клинок закреплен в конической втулке, обхваченной плоскими ребристыми кольцами.
Аналогии: наконечник из коллекции ГМЧ (2236). [*Elgood 2004*:194/19.13]

SPEAR HEAD
South India. 16th to 17th century.
Steel, casting, forging, embossing, engraving, traces of copper solder. Full length 52.5; length of blade 33; width 7.5 cm.

The slightly curved double-edged blade is strengthened by a central ridge. Reliefs of mythical creatures, *makaras*, decorate the base of the blade. The blade's fitting is a conical socket retained by flat ribbed rings.
Comparable items: a spear head in the Government Museum, Chennai (2236). [*Elgood R.* Op. cit., p. 194, fig. 19.13]

13. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь, литье, ковка, чеканка, гравировка, следы припоя
Общ дл. 40,5; дл. клинка 23, ш. 5,3 см

Изогнутый обоюдоострый клинок с четырьмя долами. Клинок ромбический в сечении, усилен центральным ребром. Основание клинка оформлено рельефными изображениями мифологических животных – яли. Слегка коническая втулка обхвачена плоскими кольцами.
Аналогии: наконечник из коллекции ГМЧ (2236). [*Elgood 2004*:194/19.13].

SPEAR HEAD
South India. 16th to 17th century.
Steel, casting, forging, embossing, engraving, traces of solder. Full length 40.5; length of blade 23, width 5.3 cm.

A curving double-edged blade with four fullers. The blade exhibits a diamond cross-section and is strengthened by a central ridge. Reliefs of mythical creatures, *yalis*, decorate the base of the blade. The slightly conical fitting is retained by flat rings.
Comparable items: a spear head in the Government Museum, Chennai (2236). [*Elgood R.* Op. cit., p. 194, fig. 19.13]

14. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь. Литье, ковка, чеканка, следы медного припоя
Общ. дл. 61, дл. клинка 21, ш. 5 см

Обоюдоострый слегка изогнутый клинок усилен центральным ребром. Основание клинка украшено рельефными изображениями мифологических животных – макар. Клинок зафиксирован в длинной цилиндрической втулке, обхваченной ребристыми кольцами.
Аналогии: наконечник из коллекции ГМЧ (2236). [*Elgood 2004*:194/19.13].

SPEAR HEAD
South India. 16th to 17th century.
Steel. Casting, forging, embossing, traces of copper solder. Full length 61, length of blade 21, width 5 cm.

The slightly curving double-edged blade is strengthened by a central ridge. Reliefs of mythical creatures, *makaras*, decorate the base of the blade. The fitting is a long cylindrical socket, retained by ribbed rings.
Comparable items: a spear head in the Government Museum, Chennai (2236). [*Elgood R.* Op. cit., p. 194, fig. 19.13]

15. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь. Ковка, литье, чеканка, следы припоя
Общ. дл. 34, дл. клинка 16, ш. 5 см

Обоюдоострый четырехдольный клинок усилен центральным ребром. Клинок закреплен в граненой конической втулке, обхваченной тремя ребристыми кольцами. Шаровидному основанию втулки наконечника предана форма луковицы или бутона.
Аналогии см.: ангкуш из коллекции ЧГМ (2404). [*Elgood 2004*:23/2.5]

SPEAR HEAD
South India. 16th to 17th century.
Steel. Forging, casting, embossing, traces of solder. Full length 34, length of blade 16, width 5 cm.

The double-edged blade with four fullers is strengthened by a central ridge. The fitting is a facetted conical socket, retained by three ribbed rings. The fitting's base is spherical and shaped like a bulb or a flowerbud.
Comparable items: an ankusa (elephant goad) in the Government Museum, Chennai (2404). [*Elgood R.* Op. cit., p. 23, fig. 2.5.]

16. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь, ковка, чеканка, гравировка
Общ. дл, 46, дл. клинка 27,5, ш. 6,3 см

Обоюдоострый ромбический в сечении клинок выполнен в форме листа дерева венгей (Pterocarpus bilobus), связанного с культом Муругана – тамильского бога войны. Клинок закреплен в конической втулке. Верхняя часть втулки оформлена в форме стилизованной головы зубастого монстра, удерживающего клинок в пасти. Втулку обхватывают ребристые кольца. Основание наконечника выполнено в форме полусферы.

SPEAR HEAD
South India. 16th to 17th century.
Steel, forging, embossing, engraving. Full length 46, length of blade 27.5, width 6.3 cm.

The double-edged blade exhibits a diamond cross-section and is shaped like a leaf of the *Venkai* tree (*Pterocarpus bilobus*) which is associated with the cult of Murugan, the Tamil god of war. The fitting is a conical socket, its upper part designed as a stylized head of a sharp-toothed monster that seems to hold the blade in its mouth. The socket is retained by ribbed rigs. The fitting's base is shaped like a semi-sphere.

17. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь, ковка, чеканка
Общ. дл. 54, дл. клинка 30, ш. клинка 4,4 см

Клинок двойного изгиба с четырьмя долами. Ромбический в сечении конец клинка усилен для пробития доспехов. Клинок закреплен тремя заклепками между двух фигурных пластин. Втулка коническая, граненая, обхвачена четырьмя кольцами. Основание наконечника выковано в форме ребристой полусферы.

SPEAR HEAD
South India. 16th to 17th century.
Steel, forging, embossing. Full length 54, length of blade 30, width of blade 4.4 cm.

This double-curved blade with four fullers has a diamond section tip that was strengthened to better pierce armour. The blade is fitted between two plates with three rivets. The socket is conical and facetted, retained by four rings. The head's base is shaped like a ribbed semi-sphere.

18. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь, ковка, резьба
Общ. дл. 43,5, дл. клинка 22,5, ш. 4,2 см

Клинок листовидной формы с центральным ребром. Цилиндрическая втулка обхвачена ребристыми кольцами. Основание клинка украшено рельефным изображением киртимукхи – лика славы. Если перевернуть изображение на 180 градусов, то киртимукха превращается в сингхамукху – лик льва. Нос сингхамукхи выполнен в форме трезубца Шивы.
Аналогии: наконечник из коллекции ГМЧ (2237). [*Elgood 2004*:194/19.13].

SPEAR HEAD
South India. 16th to 17th century.
Steel, forging, chiselling. Full length 43.5, length of blade 22.5., width 4.2 cm.

A leaf-shaped blade with a central ridge. The cylindrical fitting is retained by ribbed rings.The base of the blade is decorated with a relief of the Kirtimukha, the face of glory. When turned upside down, the image looks like the Singhamukha, the Lion-Faced Deity. The nose of the figure is shaped like Shiva's trident.
Comparable items: a spear head in the Government Museum, Chennai (2237). [*Elgood R.* Op. cit., p. 194, fig. 19.13]

19. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Южная Индия, Майсур (?). XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, чеканка, гравировка, следы припоя. Остатки древка внутри втулки
Общ. дл. 50, дл. клинка 20,4 см, ш. 5,7 см

Клинок плоский обоюдоострый, усилен центральным ребром и в сечении представляет сплющенный ромб. Граненая втулка обхвачена уплощенными кольцами. Нижнее кольцо выполнено в форме полусферы с плоским основанием. В нижней трети втулки выбита надпись на языке телугу (?). Аналогии: наконечник из коллекции ЧГМ (2235). [Elgood 2004:194/19.13].

SPEAR HEAD
South India, Mysore (?). 17th to 18th century. *Steel, forging, embossing, engraving, traces of solder. Remnants of the shaft inside the fitting. Full length 50, length of blade 20.4 cm, width 5.7 cm.*

The flat double-edged blade is strengthened by a central ridge and exhibits a flattened diamond cross-section. Stylized plant reliefs decorate both sides of the base of the blade. The facetted socket is retained by flattened rings. The lowermost ring is shaped like a semi-sphere with a flat base. The socket's base features a row of triangles. The lower third of the socket has a Telugu (?) inscription. Comparable items: a spear head in the Government Museum, Chennai (2235). [*Elgood R.* Op. cit., p. 194, fig. 19.13.]

20. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Южная Индия, Майсур (?). XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка. Остатки древка внутри втулки
Общ. дл. 49,5, дл. клинка 23, ш. 6,2 см

Обоюдоострый клинок усилен выпуклым ребром. Конец клинка в сечении представляет плоский ромб. Втулка обхвачена плоскими кольцами. Основание втулки выполнено в виде уплощенной полусферы и ряда треугольников. На лезвии имеются зазубрины, полученные в бою.

SPEAR HEAD
South India, Mysore (?). 17th to 18th century.
Steel, forging. Remnants of the shaft inside the fitting. Full length 49.5, length of blade 23, width 6.2 cm.

The double-edged blade is strengthened with a budlging ridge. The blade's tip exhibits a flat diamond cross-section. The socket is retained by flat rings, its base shaped like a flattened semi-sphere and a row of triangles. The blade carries notches from battle use.

21. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Южная Индия, возможно Майсур. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 58, дл. клинка 31, ш. 2,8 см

Мощный клинок, трехгранный в сечении, закреплен в гладкой конической втулке, обхваченной тремя ребристыми кольцами. Верхняя часть втулки оформлена как стилизованный цветок с тремя лепестками. На нижней трети втулки вырезана надпись на языке телугу (?).

SPEAR HEAD
South India, probably Mysore. 17th to 18th century.
Steel, forging. Full length 58, length of blade 31, width 2.8 cm.

A powerful blade, triangular in cross-section, is fitted in a smooth conical socket retained by three ribbed rings. The upper part of the socket is shaped like a stylized flower with three petals. The lower third of the socket carries a Telugu (?) inscription.

22. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Центральная Индия (?). XVII–XVIII вв.
Сталь, бронза
Общ. дл. 56, дл. клинка 36, ш. 9,3 см

Обоюдоострый клинок усилен выпуклым центральным ребром и ромбическим в сечении бронебойным концом. Втулка, слегка расширяющаяся в нижней части, обхвачена плоскими бронзовыми кольцами. Поверхность клинка и втулки украшены выгравированным геометрическим узором.

SPEAR HEAD
Central India (?). 17th to 18th century.
Steel, copper alloy. Full length. 56, length of blade 36, width 9.3 cm.

The double-edged blade is strengthened with a bulging central ridge and an armour-piercing tip that exhibits a diamond cross-section. The socket slightly widens in its lower part and is retained by flat copper alloy rings. An engraved geometrical pattern decorates the blade and the socket.

23. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Центральная или Северная Индия. XVIII в.
Сталь, ковка, следы медного припоя. Остатки древка внутри втулки
Общ. дл. 52, дл. клинка 35, ш. 8 см

Обоюдоострый клинок в форме вытянутой капли усилен ромбовидным в сечении боевым концом. На основании клинка рельефное изображение нага с закрученным в спираль хвостом, а также шестиконечной звезды под сводом могольской арки. Клинок закреплен в конической втулке. Фриз откован на оправке. Интересное сочетание индуистской символики и могольского архитектурного мотива.

SPEAR HEAD
Central or North India. 18th century.
Steel, forging, traces of copper solder. Remnants of the shaft inside the fitting. Full length 52, length of blade 35, width 8 cm.

Shaped like an elongated teardrop, this double-edged blade features a strengthened tip that exhibits a diamond cross-section. The base of the blade features a relief of a naga, with her tail in a spiral, and a six-pointed star underneath a Mughal arch. The fitting is a conical socket. An interesting combination of a Hinduist symbol and a Moghul architectural motif.

24. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Возможно Центральная Индия. Последняя четверть XVIII в.
Сталь, ковка, следы медного припоя. Остатки древка внутри втулки
Общ. дл. 47, перекрестье 13,5, дл. клинка 23,5, ш. 6,5 см

Клинок обоюдоострый, ромбический в сечении. Клинок, выкованный из дамасской стали шакила, закреплен во втулке, обхваченной кольцом с перекрестьем. Конструкция наконечника отражает европейское влияние. Наконечники копий с подобными перекрестьями использовались Британским Королевским флотом в 1770–1780 гг.

SPEAR HEAD
Probably Central India. Last quarter of the 18th century.
Steel, forging, traces of copper solder. Remnants of the shaft inside the fitting. Full length 47, cross piece 13.5, length of blade 23.5, width 6.5 cm.

Forged from shakila Damascus steel, this double-edged diamond section blade with a central ridge is fitted to a socket that is retained by a ring with a cross piece. The cross blades end in little balls. This spear-head design represents a European influence. Pole-arms with similar cross pieces were used by the Royal Navy in the 1770's to the 1780's.

25. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Центральная или Северная Индия. Первая половина XVIII в.
Сталь, ковка, следы медного припоя. Остатки бамбукового древка внутри втулки
Общ. дл. 39, дл. клинка 19, ш. 4,4 см

Каплевидный клинок заклепан между двух фигурных пластин, зафиксированных в цилиндрической втулке. Фриз откован на оправке. Ромбический в сечении боевой конец значительно усилен для пробития доспехов.

SPEAR HEAD
Central or North India. First half of the 18th century.
Steel, forging, traces of copper solder. Remnants of a bamboo shaft inside the fitting. Full length 39, length of blade 19, width 4.4 cm.

This teardrop-shaped blade is riveted between two plates, fitted into a cylindrical socket. The frieze was forged around a mandrel. A diamond section tip is significantly reinforced to better pierce armour.

26. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Центральная или Северная Индия. Первая половина XVIII в.
Сталь, ковка, следы медного припоя. Остатки бамбукового древка внутри втулки. Общ. дл. 27, дл. клинка 13,5, ш. 4,4 см

Каплевидный клинок заклепан между двух фигурных пластин, зафиксированных в граненой, цилиндрической втулке. Фриз откован на оправке. Ромбический в сечении боевой конец копья усилен для пробития доспехов.

SPEAR HEAD
Central or North India. First half of the 18th century.
Steel, forging, traces of copper solder. Remnants of a bamboo shaft inside the fitting. Full length 27, length of blade 13.5, width 4.4 cm.

A teardrop-shaped blade is riveted between two plates, fitted into a facetted cylindrical socket. The frieze was forged around a mandrel. A diamond section tip is significantly strengthened to better pierce armour.

27. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Раджастхан, Бунди (?). XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, литье, следы медного припоя. Общ. дл. 33,6, дл. клинка 16,5, ш. 5,8 см

Клинок обоюдоострый, усиленный центральным ребром. Втулка граненая с фризом, откованным на оправке. Верхняя часть втулки выполнена в форме мифологического животного – макары. Макара с хоботом, закрученным в спираль, удерживает в пасти основание клинка.

SPEAR HEAD
Rajasthan, Bundi (?). 17th to 18th century.
Steel, forging, casting, traces of copper solder. Full length 33.6, length of blade 16.5, width 5.8 cm.

A double-edged blade, strengthened by a central ridge. A facetted barell with a mandrel-forged frieze. The socket's upper part is shaped like a mythological creature, a *makara* with a spiraling trunk, that holds the base of the blade in its mouth.

28. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Раджастхан, Бунди (?). XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, литье, чеканка, гравировка, следы медного припоя. Общ. дл. 36,6, дл. клинка 13,7 см, ш. 2,3 см

Клинок обоюдоострый, с двумя тонкими долами в центральной части. Ромбовидный в сечении боевой конец. В пятиугольных картушах на основании клинка выгравированы стилизованные изображения растений. Основание клинка оформлено рельефными изображениями львов. Края основания декорированы рядом отверстий и маленьких шариков. Втулка коническая гладкая. Фриз откован на оправке. Верхняя часть втулки выполнена в форме головы мифологического животного – макары, удерживающего в пасти основание клинка. Нижний край втулки обхвачен плоским кольцом.
Аналогии: наконечник копья со схожим декором в коллекции Хорхе Караваны [Rites of Power, 2010:147 / 72]

SPEAR HEAD
Rajasthan, Bundi (?). 17th to 18th century.
Steel, forging, casting, embossing, engraving, traces of copper solder. Full length 36.6, length of blade 13.7 cm, width 2.3 cm.

The double-edged blade features two thin fullers in its central part and a diamond section tip. Stylized plants are engraved in pentagonal cartouches at the base of the blade that also features lion reliefs and is surrounded by a row of holes and beads. The fitting is a smooth cone. The frieze was forged around a mandrel. The socket's upper part is shaped lika a head of a mythological creature, a *makara* that holds the base of the blade in its mouth. The socket's lower part is retained by a flat ring. Comparable items: a spear head with similar decoration in the collection of Jorge Caravana *[Rites of Power, 2010:147 / 72].*

29. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Раджастхан. XVIII в.
Сталь, ковка
Общ. дл. 40, дл. клинка 22, ш. 3,2 см

Клинок обоюдоострый с четырьмя долами усилен центральным ребром. Ромбический в сечении бронебойный конец. Основание клинка украшено рельефными изображениями двух львов. Втулка коническая, граненая. Фриз откован на оправке.

SPEAR HEAD
Rajasthan. 18th century.
Steel, forging. Full length 40, length of blade 22, width 3.2 cm.

A double-edged blade with four fullers is strengthened by a central ridge. The armour-piercing tip exhibits a diamond cross-section. Two lions in relief decorate the base of the blade. A conical facetted socket has a mandrel-forged frieze.

30. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Раджастхан, Бунди (?). XVIII в.
Сталь. Ковка, резьба, чеканка, гравировка
Общ. дл. 33,5, дл. клинка 18, ш. 5,3 см

Обоюдоострый клинок с усиленным боевым концом ромбического сечения. Основание клинка покрыто рельефными изображениями цветов. Втулка коническая, граненая, с фризом, откованным на оправке. Верхняя часть втулки решена в форме головы мифологического животного – макары, удерживающего в пасти основание клинка.
Аналогии: наконечник копья со схожим оформлением основания клинка из КФ [Mohamed, 2008:278 / 270]

SPEAR HEAD
Rajasthan, Bundi (?). 18th century.
Steel. Forging, chiselling, embossing, engraving. Full length 33.5, length of blade 18, width 5.3 cm.

A double-edged blade with a strengthened diamond section tip. The central ridge is decorated with a stylized cypress tree in relief and flowers in relief cover the base of the blade. The facetted conical socket has a mandrel-forged frieze. The socket's upper part is shaped like the head of a mythological creature, a *makara* that holds the base of the blade in its mouth.
Comparable items: a spear head with similar design of the base of the blade from the Furusiyya Art Foundation collection *[Mohamed, 2008:278 / 270]*.

31. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Раджастхан. XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка, чеканка, следы медного припоя.
Общ. дл. 48, дл. клинка 21, ш. 6,5 см

Ромбический в сечении обоюдоострый клинок, усиленный центральным ребром. Втулка коническая, граненая, с фризом, откованным на оправке. Верхняя часть втулки выполнена в форме стилизованной головы животного, удерживающего в пасти основание клинка.

SPEAR HEAD
Rajasthan. 18th to 19th century.
Steel. Forging, embossing, traces of copper solder. Full length 48, length of blade 21, width 6.5 cm.

This diamond section double-edged blade is strengthened by a central ridge. The fitting is a facetted cone with a mandrel-forged frieze. The socket's upper part is shaped like a stylized head of an animal that holds the base of the blade in its mouth.

32. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ ИЛИ БОЕВЫХ ВИЛ
Раджастхан. XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка, чеканка, следы медного припоя
Общ. дл. 40,2, дл. клинка 22, ш. 6 см

Наконечник с двумя параллельными обоюдоострыми клинками. Клинки ромбические в сечении с тонкими двойными долами на ребрах. Основание клинков украшено гравированным узором. Втулка коническая, граненая, с фризом, откованным на оправке. Верхняя часть втулки выполнена в форме стилизованной головы животного, удерживающего в пасти основание клинков.

DOUBLE BLADE SPEAR HEAD
Rajasthan. 18th to 19th century.
Steel. Forging, embossing, traces of copper solder. Full length 40.2, length of blade 22, width 6 cm.

This item features two parallel double-edged blades. These exhibit a diamond cross-section and have thin double fullers running down the ridge. The blades' base is decorated with engravings. The facetted conical fitting ends in a mandrel-forged frieze. The socket's upper part is shaped like a stylized head of an animal that holds the blades' base in its mouth.

33. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Раджастхан, Бунди (?). XVIII–XIX вв.
Сталь, дерево. Пигмент, литье, ковка, чеканка, гравировка
Общ. дл. 69,7, дл. након. 46,4, дл. клинка 25,5, ш. 3,7 см

Обоюдоострый клинок с бронебойным концом ромбического сечения. Основание клинка украшено рельефными изображениями тигров и цветов. Втулка коническая, граненая. Верхняя часть втулки выполнена в форме головы мифологического существа – макары, удерживающего в пасти основание клинка. Древко изготовлено из твердой породы дерева красного цвета и усилено продольной стальной пластиной, зафиксированной на трех заклепках.

SPEAR HEAD
Rajasthan, Bundi (?). 18th to 19th century.
Steel, wood. Pigment, casting, forging, embossing, engraving. Full length 69.7, length of head 46.4, length of blade 25.5, width 3.7 cm.

A double-edged blade with a diamond section armour-piercing tip. The blade's edge is shaped like a stylized cypress tree. The base of the blade features tigers and flowers chased in relief. The fitting is conical and facetted. The socket's upper part is shaped like the head of a mythological creature, a *makara* that holds the base of the blade in its mouth. The shaft is made of red hardwood and is reinforced with a long steel plate

34. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Северная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, насечка золотом
Общ. дл. 40, дл. клинка 24,7, ш. 3,2 см

Клинок, усиленный для пробития доспехов, имеет ромбовидное сечение в верхней части и шестиугольное в нижней. Втулка коническая граненая с фризом, откованным на оправке. Основание клинка и втулка украшены растительным орнаментом в технике кофтгари.
Этот предмет опубликован [*Ricketts*, 1988:118 / 208]

SPEAR HEAD
North India. 18th century.
Steel, gilt edging, forging. Full length 40, length of blade 24.7, width 3.2 cm.

The blade was strengthened to give it better armour-piercing capability and exhibits a diamond cross-section in its upper part and a hexagonal one in its lower part. The facetted conical fitting ends in a mandrel-forged frieze. The base of the blade and the socket are decorated with a *koftgari* floral pattern. This exhibit was published in *[Ricketts, 1988, p. 118, fig. 208].*

35. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, ковка
Общ. дл. 105, ш. 3,3, дл. клинка 74,5, ш. 1,1 см

Квадратный в сечении клинок с тонким долом на каждой из четырех сторон. Основание клинка покрыто ребристым рельефом. Втулка сконструирована из граненого конуса и уплощенной граненой сферы. Фриз откован на оправке.

SPEAR HEAD
North or Central India. 18th century.
Steel, forging. Full length 105, full width 3.3, length of blade 74.5, width 1.1 cm.

A square section blade with a thin fuller running down each of the four faces. The base of the blade is covered in ribbed relief. The fitting is made of a facetted cone and a compressed facetted sphere. The frieze is forged around a mandrel.

36. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, следы медного припоя
Общ. дл. 23,2, дл. клинка 11,5, ш. 3 см

Ромбовидный в сечении клинок усилен центральным ребром. Стреловидный наконечник с расходящимися краями. Втулка коническая гладкая с фризом, откованным на оправке. На нижней части втулки закреплено подвижное кольцо.

SPEAR HEAD
orth or Central India. 18th century.
Steel. Forging, traces of copper solder. Full length 23.2, length of blade 11.5, width 3 cm.

A diamond section blade is strengthened by a central ridge and features an arrow-like tip with divergent edges. The smooth conical fitting ends in a mandrel-forged frieze. A movable ring is attached to the lower part of the socket.

37. НАКОНЕЧНИК ДРОТИКА
Раджастхан. XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка
Общ. дл. 24, дл. клинка 16, ш. 1,5 см

Клинок плоский обоюдоострый. Нижняя часть граненой втулки утрачена, верхняя оформлена в форме головы мифологического животного – макары и открытого павильона чхатри.

JAVELIN HEAD
Rajasthan. 18th to 19th century.
Steel. Forging. Full length 24, length of blade 16, width 1.5 cm.

This flat blade is double-edged. The lower part of the facetted fitting is missing; the upper part is shaped like the head of a mythological creature, a *makara*, and a *chhatri* pavilion.

38. НАКОНЕЧНИК ДРОТИКА
Раджастхан, Биканер (?). XVIII– XIX вв.
Сталь. Ковка, следы медного припоя, пигмент
Общая длина 21,5, дл. клинка 7, ш. 1,8 см

Клинок плоский, обоюдоострый. Втулка коническая граненая с фризом, откованным на оправке. Верхняя часть втулки изготовлена в форме головы мифологического животного – макары.

JAVELIN HEAD
Rajasthan, Bikaner (?). 18th to 19th century.
Steel. Forging, traces of copper solder, pigment. Full length 21.5, length of blade 7, width 1.8 cm.

A flat double-edged blade is fitted to a facetted conical socket with a mandrel-forged frieze. The socket's upper part is shaped like the head of a mythological creature, a *makara*.

39. РИТУАЛЬНЫЙ ДРОТИК
Центральная Индия (?). XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка, чеканка, гравировка
Общ. дл. 59, дл. клинка 7, ш. 6 см

Основание плоского клинка стреловидной формы украшено гравированным узором. Стальное древко отковано в виде цилиндрического в сечении прута, украшенного фризом. Низ прута граненый с ребристой шишкой. Дротик, возможно, связан с культом бога Карттикеи.
Аналогии: [*Elgood, 1988* : 69 / 6.2, 72 / 6.10]

RITUAL JAVELIN
Central India (?). 18th to 19th century.
Steel. Forging, embossing, engraving. Full length 59, length of blade 7, width 6 cm.

The flat arrow-shaped base of the blade is decorated with engravings. The steel shaft is a cylindrical rod decorated with a frieze. The butt end is facetted and features a ribbed knob. The javelin is probably connected to the cult of the deity Kartikeya.
Comparable items: [*Elgood, 1988*: 69 / 6.2, 72 / 6.10].

40. КОПЬЕ
Центральная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка. Бамбук
Общ. дл. 198, дл. након. 39,5, дл. клинка 22, ш. 5,9 см

Клинок с центральным ребром закреплен в цилиндрической втулке, обхваченной стальными кольцами. Очертания клинка напоминают форму европейских копий и партазанов XVII–XVIII вв. Наконечник заклепан на бамбуковом древке.

SPEAR
Central India. 18th century.
Steel. Forging. Bamboo. Full length 198, length of head 39.5, length of blade 22, width 5.9 cm.

This blade with a central ridge is fitted into a cylindrical socket which is retained by steel rings. The blade's shape resembles that of European spears and partizans of the 17th to 18th century. The head is riveted to a bamboo shaft.

41. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Северная Индия, Раджастхан, Биканер (?). XIX в.
Сталь. Ковка, резьба. Остатки древка внутри втулки
Общ. дл. 39,2, дл. клинка 21, ш. 2,6 см

Прямой обоюдоострый клинок закреплен в пасти мифологического животного. На основании клинка остатки краски. Втулка граненая с фризом.

SPEAR HEAD
North India, Rajasthan, Bikaner (?). 19th century.
Steel. Forging, chiselling. Remnants of the shaft inside the fitting. Full length 39.2, length of blade 21, width 2.6 cm.

A straight double-edged blade is fitted into the mouth of a mythological creature. Traces of paint remain on the base of the blade. The facetted socket features a frieze.

42. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ
Северная Индия. Нач. XIX в.
Сталь, ковка
Общ. дл. 37,5, дл. клинка 20, ш. 4,8 см

Обоюдоострый изогнутый клинок закреплен в конической втулке. Боевой конец ромбического сечения.

SPEAR HEAD
North India. Early 19th century.
Steel, forging. Full length 37.5, length of blade 20, width 4.8 cm.

This double-edged curving blade is fitted into a conical socket. The tip has a diamond cross-section.

43. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ ИЛИ ПИКИ
Северная или Центральная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка, следы припоя. Остатки древка внутри втулки
Общ. дл. 34,5, дл. клинка 20,5, ш. 2,6 см

Клинок треугольного сечения закреплен в граненой втулке.

SPEAR HEAD OR PIKE HEAD
North or Central India. 18th to 19th century.
Steel. Forging, traces of solder. Remnants of the shaft inside the fitting. Full length 34.5, length of blade 20.5, width 2.6 cm.

The blade is triangular in cross-section and is fitted into a facetted socket.

КАТАРЫ/KATARS

44. КАТАР
Южная Индия, Виджаянагар (?). XVI–XVII вв.
Сталь, ковка, чеканка, гравировка
Общ. дл. 53,5, дл. клинка 38, ш. 6,5 см

Клинок плоский восьмидольный. Боевой конец ромбического сечения. Рукоять сформирована из двух параллельных пластин и изогнутой пластины, украшенной стилизованной головой животного. Основание клинка закреплено между двух фигурных просечных пластин. Рукоять украшена гравированным растительным и геометрическим орнаментом.
Аналогии: катар из коллекции Энтони С. Тирри [*Tirri*, 2003:312 / 232]

KATAR
South India, Vijayanagara (?). 16th to 17th century.
Steel, forging, embossing, engraving. Length 53.5, length of blade 38, width 6.5 cm.

A flat blade with eight fullers and a diamond section tip. The grip is formed by two parallel plates and a curved one which is decorated with a stylized animal head. The base of the blade is fitted between two pierced plates. The grip is chased with floral and geometric patterns.
Comparable items: a katar from the collection of Anthony C. Tirri *[Tirri, 2003:312 / 232].*

45. КАТАР
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь. Ковка, гравировка
Общ. дл. 51,5, дл. клинка 34,5, ш. 5 см

Прямой обоюдоострый клинок с центральным ребром закреплен между двух фигурных пластин. Изогнутая пластина гарды увенчана шишкой.

KATAR
South India. 16th to 17th century.
Steel. Forging, engraving. Full length 51.5, length of blade 34.5, width 5 cm.

A straight double-edged blade with a central ridge is fitted between two figured braces. The grip is protected by a curving shell-guard that terminates in a knob.

46. КАТАР
Южная Индия. Ок. 1620–1630 гг.
Сталь. Ковка, следы припоя
Общ. дл. 43, дл. клинка 27, ш. 4 см

Плоский однодольный обоюдоострый клинок, возможно, европейского происхождения. Основание клинка закреплено на заклепках между двух фигурных пластин, украшенных рельефными изображениями птиц. Боковые пластины рукояти покрыты ажурным геометрическим узором. Мотив двух попугаев, связанный с темой любви и верности, встречается на образцах танджорского оружия первой половины XVII в.
Аналогии: схожее художественное решение фигурных пластин на основании клинка на катаре из собрания ММ (36.25.1020). Опубл. в *Elgood, R.* Op. cit., стр. 158, ил. 15.30

KATAR
South India. Ca. 1620-1630.
Steel. Forging, traces of solder. Full length 43, length of blade 27, width 4 cm.

A flat double-edged blade with one fuller, probably of European origin. The base of the blade is riveted between two figured braces with two birds in relief. The side guards are covered with a delicate geometric pattern. The motif of two parrots is connected to the theme of love and fidelity and can be seen in some examples of Tanjore weaponry of the first half of the 17th century.
Comparable items: a katar with a similar design in the braces in The Metropolitan Museum of Art (36.25.1020). Published in: *Elgood, R.* Op. cit., p.158, fig. 15.30.

47. КАТАР
Южная Индия, Декан (?). Первая половина XVII в.
Сталь. Ковка, следы припоя
Общ. дл. 45, дл. клинка 30,5, ш. 3,1 см

Клинок прямой обоюдоострый с двумя параллельными, слабо выраженными долами. Вероятно, обломок европейского шпажного клинка. Основание клинка закреплено между двух фигурных пластин, украшенных рельефным изображением цветов. Цветочный мотив использован и в оформлении ажурных боковых пластин. Ребристые перекладины рукояти украшены рельефом. Концы боковых пластин рукояти слегка разведены в стороны. Катар с подобной конфигурацией рукояти находится в экспозиции МФД.

KATAR
South India, the Deccan (?). First half of the 17th century.
Steel. Forging, traces of solder. Full length 45, length of blade 30.5, width 3.1 cm.

A straight double-edged blade with two weak parallel grooves. Probably a fragment of a European rapier blade. The base of the blade is fixed between two figured braces with flowers in relief. A floral pattern is also used in decorating the pierced side guards. The ribbed transverse grip bars are decorated in relief. The ends of the side guards are slightly drawn apart. There is a katar with a similar grip construction on view at the Junagarh Fort Museum in Bikaner.

48. КАТАР
Центральная или Южная Индия. Начало XVII в.
Сталь. Ковка, насечка золотом
Общ. дл. 44,8 , дл. клинка 28, ш. 2,9 см

Клинок европейского происхождения закреплен между двух фигурных пластин. Эфес украшен насечкой золотом и серебром.

KATAR
Central or South India. Early 17th century.
Steel damascened in silver and gold. Forging. Full length 44.8, length of blade 28, width 2.9 cm.

A blade of European origin is fixed between two figured braces. The grip is damascened in silver and gold.

49. КАТАР
Южная Индия, Декан (?). XVII в.
Сталь. Ковка, чеканка
Общ. дл. 35,5, дл. клинка 20, ш. 4,1 см

Четырехдольный клинок усилен центральным ребром. Ромбический в сечении боевой конец. Основание клинка заклепано между двух ажурных пластин, украшенных рельефным растительным орнаментом. Перекладины рукояти ребристые, с гранеными расширениями.

KATAR
South India, the Deccan (?). 17th century.
Steel. Forging, embossing. Full length 35.5, length of blade 20, width 4.1 cm.

A blade with four grooves is strengthened by a central ridge. The tip of the blade has a diamond cross-section. The base of the blade is riveted between two filigree plates chased with plants and flowers in relief. The transverse grip is ribbed and has facetted drums.

50. КАТАР
Южная Индия, Декан (?). XVII в.
Сталь. Ковка, чеканка
Общ. дл. 46,5, дл. клинка 31, ш. 3,4 см

Клинок прямой обоюдоострый, вероятно, изготовлен из обломка клинка европейского производства. Основание клинка заклепано между двух фигурных пластин. Перекладины рукояти ребристые с фестончатыми расширениями. Боковые пластины рукояти украшены рельефными изображениями цветов.

KATAR
South India, the Deccan (?). 17th century.
Steel. Forging, embossing. Full length 46.5, length of blade 31, width 3.4 cm.

The straight double-edged blade was probably made from a fragment of a European blade. Its base is riveted between two figured braces. The transverse grip is ribbed and has festooned drums. Flowers in relief decorate the side guards.

51. КАТАР
Южная Индия, Декан (?). XVII в.
Сталь. Ковка, полировка, золочение
Общ. дл. 48,5, дл. клинка 31, ш. 3,8 см

Прямой обоюдоострый клинок усилен центральным выпуклым ребром. Основание клинка заклепано между двух фигурных пластин. Перекладины рукояти ребристые с подвижными поперечными деталями в форме сплющенных цилиндров. Рукоять украшена растительным орнаментом и арабской графикой, выполненной в технике кофтгари.

KATAR
South India, the Deccan (?). 17th century.
Steel. Forging, polish, gildening. Full length 48.5, length of blade 31, width 3.8 cm.
A straight double-edged blade is strengthened by a bulging central ridge. The base of the blade is riveted between two figured braces. The transverse grip bars are ribbed and feature movable details in the form of flattened drums. A floral pattern and koftgari Arabic script inscription decorate the grip.

52. КАТАР
Центральная или Северная Индия. Конец XVII в.
Сталь. Ковка, насечка золотом
Общ. дл. 42,8, дл. клинка 25, ш. 5,7 см

Обоюдоострый клинок с центральным ребром выкован из булатной стали. Эфес украшен растительным орнаментом в технике тах–и–нишан.

KATAR
Central or North India. Late 17th century.
Steel. Forging, gold inlay. Full length 42.8, length of blade 25, width 5.7 cm.

This double-edged blade with a central ridge is made from wootz steel. *Tah i nishan* floral pattern decorates the grip.

53. КАТАР
Центральная или Северная Индия, Декан (?).
Первая половина XVIII в.
Сталь. Ковка, резьба, чеканка
Общ. дл. 35,5, дл. клинка 17, ш. 6,3 см

Клинок прямой обоюдоострый с раздваивающимся ребром. Ромбический в сечении боевой конец. Основание клинка с обеих сторон украшено рельефными изображениями цветов и могольских арок. Н-образная рукоять украшена рельефными изображениями цветов и бутонов. Боковые пластины рукояти слегка изогнуты.
Аналогии: катар со схожим оформлением клинка из коллекции КФ [*Mohamed, 2008*: 203 / /193]

KATAR
Central or North India, the Deccan (?). First half of the 18th century.
Steel. Forging, chiselling, embossing. Full length 35.5, length of blade 17, width 6,3 cm.

A straight double-edged blade with a forking ridge and a diamond section tip. Flowers and Mughal arches in relief decorate the base of the blade. The H-shaped grip is chased with flowers and flowerbuds in relief. The side guards are slightly curving.
Comparable items: a katar with a comparable blade design in the Furusiyya Art Foundation collection [*Mohamed, 2008*: p. 203, fig. 193].

54. КАТАР
Центральная или Северная Индия, Декан (?).
Первая половина XVIII в.
Сталь. Ковка, резьба, чеканка
Общ. дл. 33,5, дл. клинка 19, ш. 5,8 см

Прямой обоюдоострый клинок усилен центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Ажурная Н-образная рукоять украшена рельефными изображениями цветов и растений.

KATAR
Central or North India, the Deccan (?). First half of the 18th century.
Steel. Forging, chiselling, embossing. Full length 33.5, length of blade 19, width 5.8 cm.

A straight double-edged blade is strengthened by a central ridge. The tip has a diamond cross-section. The openwork transverse grip is chased with flowers and plants in relief.

55. КАТАР
Центральная или Северная Индия, Декан (?). Начало XVIII в.
Сталь. Ковка, резьба, чеканка, насечка серебром
Общ. дл. 28, дл. клинка 24,5, ш. 6,2 см

Клинок широкий прямой, усиленный центральным ребром в верхней части. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка с обеих сторон украшено рельефными изображениями цветов и бутонов. Рукоять украшена изображениями цветов в технике зарнишан.

KATAR
Central or North India, the Deccan (?). Early 18th century.
Steel. Forging, chiselling, embossing, silver inlay. Full length 28, length of blade 24.5, width 6.2 cm.

The blade is broad and straight and is strengthened by a central ridge in its upper part. The tip has a diamond cross-section. Flowers and flowerbuds in relief decorate the base of the blade on both sides. *Zarnishan* flowers decorate the grip.

56. КАТАР
Центральная или Северная Индия, Декан (?). Начало XVIII в.
Сталь. Ковка, резьба, чеканка, полировка, золочение
Общ. дл. 39,7, дл. клинка 26,4, ш. 3,7 см

Клинок обоюдоострый, слегка изогнутый с двумя долами и центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Основание и ребро клинка декорированы рядами круглых углублений. Перекладины рукояти граненые с расширениями. Рукоять и основание клинка украшены насечкой золотом. Конструкция кинжала выполнена по северным образцам, однако декор, составленный из рядов углублений, напоминает ажурные поверхности в оформлении южных катаров XVII в.

KATAR
Central or North India, the Deccan (?). Early 18th century.
Steel. Forging, chiselling, embossing, polish, gildening. Full length 39.7, length of blade 26.4, width 3.7 cm.

The slightly curving double-edged blade has two grooves and a central ridge. The tip has a diamond cross-section. Rows of round hollows decorate the base of the blade and the ridge. The transverse grip is formed of ribbed bars. The grip and the base of the blade are damascened in gold. The dagger's construction follows Northern examples but its decoration with rows of round hollows is reminiscent of the openwork in the design of 17th century South India katars.

57. КАТАР
Центральная или Северная Индия. Первая половина XVIII в.
Сталь. Ковка
Общ. дл. 19, дл. клинка 9,8, ш. 5,3 см

Клинок прямой обоюдоострый с выпуклым ребром. Центральная часть Н-образной рукояти выполнена в форме сплющенного шара. Боковые пластины слегка изогнуты.

KATAR
Central or North India. First half of the 18th century.
Steel. Forging. Full length 19, length of blade 9.8, width 5.3 cm.

A straight double-edged has a bulging ridge. The middle part of the transverse grip is shaped like a flattened ball. The side guards are slightly curving.

58. КАТАР (БАРА–ДЖАМДАДУ)
Южная Индия. XVII–XIX вв.
Сталь. Ковка, резьба, чеканка
Общ. дл. 56,5, дл. клинка 44,5, ш. 8,3 см

Клинок прямой с дисковидным расширением в основании. Лезвия пиловидные. Три четверти длины клинка от кончика усилены выпуклым ребром. Клинок заклепан между двух фигурных пластин, декорированных рядами отверстий и растительными мотивами. Типичная деканская рукоять XVII в. соединена с клинком, возможно, в XVIII– XIX вв.
Аналогии: кинжал из коллекции МКФ [*Носов*, 2011: 21].

KATAR (BARA JAMDADU)
South India. 17th to 19th century.
Steel. Forging, chiselling, embossing. Full length 56.5, length of blade 44.5, width 8.3 cm.

A straight blade with a discoid bulge at the base and serrated edges. The upper three fourths of the blade are strengthened by a bulging ridge. The blade is riveted between two figured braces with rows of holes and plant patterns. A typical Deccani grip of the 17th century was probably mounted on the blade in the 18th or 19th century.
Comparable items: a dagger in the Indian War Memorial Museum [*Nosov*, 2011, p. 21].

59. КАТАР
Северная или Центральная Индия. Первая половина XVIII в.
Сталь. Ковка, насечка золотом
Общ. дл. 48,5, дл. клинка 26, ш. 7,2 см

Клинок прямой обоюдоострый. Ромбический в сечении боевой конец. Основание клинка оформлено в форме могольской арки. Перекладины рукояти биконические, покрытые косыми ребрами. Рукоять декорирована насечкой золотом.

KATAR
North or Central India. First half of the 18th century.
Steel. Forging, gold inlay. Full length 48.5, length of blade 26, width 7.2 cm.

A straight double-edged blade with a diamond section tip. The base of the blade is shaped like a Mughal arch. The transverse grip is made up of biconical bars that have oblique ribs. The grip is decorated with gold inlay.

60. КАТАР
Северная или Центральная Индия. Первая половина XVIII в.
Сталь. Ковка, насечка золотом
Общ. дл. 43,5, дл. клинка 25,5, ш. 5,5 см

Клинок прямой четырехдольный, усилен центральным ребром. Боевой конец ромбический в сечении. Основание клинка украшено рельефным узором. Перекладины и боковые пластины рукояти покрыты надписями на деванагари, выполненными в технике кофтгари.

KATAR
North or Central India. First half of the 18th century.
Steel. Forging, gold inlay. Full length 43.5, length of blade 25.5, width 5.5 cm.

A straight blade with four grooves is strengthened by a central ridge. The tip has a diamond cross-section. The base of the blade has relief decoration. The transverse grip and the side guards are covered with *koftgari* inscriptions in Devanagari script.

61. КАТАР
Северная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, резьба, чеканка, насечка золотом
Общ. дл. 39,5, дл. клинка 21, ш. 8,4 см

Прямой, обоюдоострый, усиленный центральным ребром клинок выкован из булатной стали. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка по сторонам украшено рельефными изображениями божеств: Дурги и Ханумана. Рукоять сформирована из объемных фигур павлинов и слоновьих голов. Основание клинка и рукоять украшены золотой насечкой.

KATAR
North India. 18th century.
Steel. Forging, chiselling, embossing, gold inlay. Full length 39.5, length of blade 21, width 8.4 cm.

A straight, double-edged blade with a central ridge is manufactured from wootz steel. The tip has a diamond cross-section. The base of the blade is decorated with Durga and Hanuman in relief.
The grip is made up of salient figures of peacocks and elephant heads. Gold inlay decorates the base of the blade and the grip.

62. КАТАР
Северная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, насечка золотом
Общ. дл. 40, дл. клинка 21, ш. клинка 8,5 см

Клинок широкий обоюдоострый, усиленный выпуклым ребром, выкован из булатной стали. Перекладины рукояти граненые, соединенные небольшой перемычкой. Рукоять украшена растительным орнаментом в технике кофтгари.

KATAR
North India. 18th century.
Steel. Forging, gold inlay. Full length 40, length of blade 21, width of blade 8.5 cm.

The wide double-edged blade with a bulging ridge is manufactured from wootz steel. The transverse grip is made up of facetted bars that are joined together by a small crosspiece. *Koftgari* floral pattern decorates the grip.

63. КАТАР (ПАРНЫЙ К КАТ. 64)
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, полировка, насечка золотом
Общ. дл. 24, дл. клинка 12, ш. 4,5 см

Клинок прямой обоюдоострый с выпуклым центральным ребром. Основание клинка украшено рельефным узором. Боевой конец ромбического сечения. Четыре коротких дола-прорези сообщаются с полостью, вырезанной внутри клинка. В процессе сборки каналы, высверленные в полости клинка, заполнялись стальными шариками. Клинки с подвижными шариками в полости клинка производились Северной Индии в конце XVII начале XVIII в. Такие клинки в Индии иногда называли слезы угнетенных либо слезы Аллаха. В данном случае шарики утрачены либо потеряли подвижность. Перекладины рукояти сформированы из плоских параллельных пластин прямоугольного сечения, слегка расширяющихся в центральной части. Рукоять декорирована растительным и геометрическим орнаментом в технике кофтгари.

KATAR (A PAIR WITH KATAR 64)
North or Central India. 18th century.
Steel. Forging, polish, gold inlay. Full length 24, length of blade 12, width 4.5 cm.

The straight double-edged blade has a bulging central ridge. The base of the blade is decorated with reliefs. The tip has a diamond cross-section. Four short grooves connect to a cavity inside the blade. As the blade was being mounted such channels that had been drilled inside it were filled with steel balls. Blades with rolling ball bearings inside were produced in North India from the late 17th to the early 18th century. In India these were sometimes referred to as the 'Tears of the Wounded' or the 'Tears of Allah'. In this case the balls are either lost or are no longer rollling. The transverse grip is made up of flat parallel bars, rectangular in cross-section, that are slightly bulging towards the middle. *Koftgari* floral and geometric patterns decorate the grip.

64. КАТАР (ПАРНЫЙ К КАТ. 63)
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, полировка, насечка золотом
Общ. дл. 23, дл. клинка 12, ш. 5 см

Клинок прямой обоюдоострый с выпуклым центральным ребром. Сечение боевого конца ромбическое. Основание клинка украшено рельефным узором. Перекладины рукояти сформированы из плоских пластин прямоугольного сечения. Рукоять украшена растительным и геометрическим орнаментом в технике кофтгари.

KATAR (A PAIR WITH KATAR 63)
North or Central India. 18th century.
Steel. Forging, polish, gold inlay. Full length 23, length of blade 12, width 5 cm.

The straight double-edged blade has a bulging central ridge. The tip has a diamond cross-section. The base of the blade is decorated with reliefs. The transverse grip is made up of flat bars, rectangular in cross-section. *Koftgari* floral and geometric patterns decorate the grip.

65. КАТАР
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, насечка золотом
Общ. дл. 49, дл. клинка 24,5, ш. 4,4 см

Клинок прямой, обоюдоострый усиленный выпуклым центральным ребром. Два косых ребра расходятся от центра клинка к основанию. Боевой конец ромбического сечения. Рукоять украшена геометрическим орнаментом в технике кофтгари.

65. KATAR
North or Central India. 18th century.
Steel. Forging, gold inlay. Full length 49, length of blade 24.5, width 4.4 cm.

A straight double-edged blade is strengthened by a bulging central ridge. Two oblique ridges diverge from the centre of the blade towards the base. The tip has a diamond cross-section. *Koftgari* geometric pattern decorates the grip.

66. КАТАР
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, насечка золотом
Общ. дл. 49,5, дл. клинка 24,5, ш. 4,9 см

Клинок прямой обоюдоострый, усиленный выпуклым центральным ребром. Два косых ребра расходятся от центра клинка к основанию. Боевой конец ромбического сечения. На рукояти следы золотой насечки.

KATAR
North or Central India. 18th century.
Steel. Forging, gold inlay. Full length 49.5, length of blade 24.5, width 4.9 cm.

A straight double-edged blade is strengthened by a bulging central ridge. Two oblique ridges diverge from the centre of the blade towards the base. The tip has a diamond cross-section. Traces of gold inlay remain on the grip.

67. КАТАР
Северная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, насечка золотом
Общ. дл. 38, дл. клинка 21, ш. 5,8 см

Клинок прямой обоюдоострый усиленный центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Рукоять украшена растительным орнаментом в технике кофттари.

KATAR
North India. 18th century.
Steel. Forging, gold inlay. Full length 38, length of blade 21, width 5.8 cm.

A straight double-edged blade is strengthened by a central ridge. The tip has a diamond cross-section. *Koftgari* floral pattern decorates the grip.

68. КАТАР
Центральная или Северная Индия, Декан (?). XVIII в.
Сталь. Ковка, травление.
Общ. дл. 22, дл. клинка 11,5, ш. 6,4 см

Клинок прямой обоюдоострый, усиленный центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка украшено рельефным узором. Поверхности клинка и боковых пластин рукояти украшены арабской графикой.

KATAR
Central or North India, the Deccan (?). 18th century.
Steel. Forging, etching. Full length 22, length of blade 11.5, width 6.4 cm.

A straight double-edged blade is strengthened by a central ridge. The tip has a diamond cross-section. A relief pattern decorates the base of the blade and Arabic calligraphy fills the blade and the side guards.

69. КАТАР
Северная Индия, Бунди (?). Рубеж XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка, гравировка, резьба, полировка, насечка серебром
Общ. дл. 39, дл. клинка 20, ш. 5,8 см

Клинок прямой обоюдоострый. Верхняя треть клинка усилена центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Нижняя половина клинка украшена рельефной головой монстра и растительным орнаментом. На основании клинка картуш с надписью на деванагари, выполненный в технике кофтгари. Перекладины рукояти граненые с расширениями. Рукоять плакирована серебром.

KATAR
North India, Bundi (?). The turn of the 19th century.
Steel. Forging, engraving, chiselling, polish, silver inlay. Full length 39, length of blade 20, width 5.8 cm.

The blade is straight and double-edged, its upper third is strengthened by a central ridge. The tip has a diamond cross-section. A monster head in relief and a floral pattern decorate the lower half of the blade. The base of the blade has a cartouche with a *koftgari* inscription in Devanagari script. The transverse grip bars are facetted and have bulges. The grip is plated in silver.

70. КАТАР
Северная Индия, Бунди (?). Рубеж XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка, гравировка, резьба, полировка
Общ. дл. 44, дл. клинка 22,5, ш. 7,5 см

Клинок прямой обоюдоострый со сложной разделкой клинка. Три выпуклых вертикальных ребра соединяются двенадцатью косыми ребрами. Основание клинка с обеих сторон украшено резными изображениями слоновьих голов. Боковые части рукояти витые, рельефные, круглые в сечении. Перекладины рукояти украшены косыми ребрами и ажурным растительным узором.
Аналогии: катары в экспозиции КАЛ и МА

KATAR
North India, Bundi (?). Turn of the 19th century.
Steel. Forging, engraving, chiselling, polish. Full length 44, length of blade 22.5, width 7.5 cm.

A straight double-edged blade features three bulging vertical ridges interconnected by twelve oblique ribs. Chiselled elephant heads decorate the base of the blade on both sides. The side guards are formed by twisting bars which are round in cross-section. The transverse grip bars feature oblique ridges and pierced floral patterns.
Comparable items: katars on view at the Royal Armouries Museum in Leeds and in the Alwar Museum in Alwar, India.

сократит к стр

71. КАТАР
Северная Индия, Бунди (?). Рубеж XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка, гравировка, резьба, полировка
Общ. дл. 44, дл. клинка 22,5, ш. 8,7 см

Клинок прямой обоюдоострый. В верхней трети усилен центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Поверхность клинка украшена рельефным растительным орнаментом. Боковые части рукояти сформированы из витых рельефных прутов круглого сечения. Перекладины рукояти покрыты косыми рельефными ребрами и украшены просечным растительным узором.

KATAR
North India, Bundi (?). Turn of the 19th century.
Steel. Forging, engraving, chiselling, polish. Full length 44, length of blade 22.5, width 8.7 cm.

The upper third of this straight double-edged blade is strengthened by a central ridge. The tip has a diamond cross-section. A floral pattern in relief decorates the surface of the blade. The side guards are formed of twisting round section rods. The transverse grip bars feature oblique ridges and pierced floral patterns.

72. КАТАР
Южная Индия. XVII в.
Сталь, бронза. Литье, ковка, чеканка, следы припоя
Общ. дл. 45, дл. клинка 29,5, ш. 3,7 см

Прямой двухдольный клинок (вероятно, обломок европейского палаша), у основания усилен накладными пластинами. В голомени клинка две бронзовые заклепки, закрывающие отверстия от ранней монтировки. Клинок закреплен между двух ажурных пластин, украшенных рельефным узором. Боковые пластины рукояти покрыты просечным растительным узором.

KATAR
South India. 17th century.
Steel, copper alloy, casting, forging, embossing, traces of solder alloy. Full length 45, length of blade 29.5, width 3.7 cm.

A straight double-edged blade with two fullers (probably, a cut-down European blade) is reinforced by two plates at the forte. Two copper alloy rivets on the flat of the blade mask the spots of previous mounting. The blade is set between two pierced braces that are decorated with a pattern in relief. Pierced floral pattern decorates the side guards.

73. КАТАР
Северная Индия. XIX в.
Сталь. Ковка, резьба, гравировка, чеканка, насечка золотом
Общ. дл. 36,5, дл. клинка 21, ш. 6,1 см

Клинок прямой обоюдоострый, усилен выпуклым центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка украшено рельефными изображениями стилизованных цветов. Перекладины рукояти биконические, соединенные перемычками. Рукоять украшена насечкой золотом.

KATAR
North India. 19th century.
Steel. Forging, chiselling, engraving, embossing, gold inlay. Full length 36.5, length of blade 21, width 6.1 cm.

A straight double-edged blade is strengthened by a bulging central ridge. The tip has a diamond cross-section. Stylized flowers in relief decorate the base of the blade. The transverse grip is made up of biconical bars interconnected with crosspieces. The grip is damascened in gold.

74. КАТАР
Южная Индия. XVII вв.
Сталь. Литье, ковка, чеканка, следы припоя
Общ. дл. 48,5, дл. клинка 25, ш. 3 см

Обоюдоострый клинок с двумя долами просечен в центральной части. Основание клинка усилено накладными пластинами. Ажурный эфес украшен рельефными изображениями мифологических животных – яли.
Аналогии: катар со сходным оформлением рукояти есть в коллекции ММ (№ 36.25.1020) [Elgood, 2004:158 / 15.30]

KATAR
South India. 17th century.
Steel. Casting, forging, embossing, traces of solder alloy. Full length 48.5, length of blade 25, width 3 cm.

This double-edged blade with two fullers is pierced down the middle. The forte is reinforced with onset plates. The pierced grip is chiseled with mythological creatures, *Yalis*, in relief.
Comparable items: a katar with a similar grip in The Metropolitan Museum of Art (№ 36.25.1020) [*Elgood*, 2004:158 / 15.30].

75. КАТАР
Центральная или Северная Индия. Конец XVII в.
Сталь. Ковка, насечка золотом
Общ. дл. 42,8, дл. клинка 25, ш. 5,7 см

Обоюдоострый клинок с центральным ребром выкован из булатной стали. Эфес украшен растительным орнаментом в технике тах-и-нишан.

KATAR
Central or North India. Late 17th century.
Steel. Forging, gold inlay. Full length 42.8, length of blade 25, width 5.7 cm.

A double-edged blade with a central ridge is manufactured from wootz steel. *Tah i nishan* floral pattern decorates the grip.

76. КАТАР
Центральная или Северная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, резьба, гравировка, насечка золотом
Общ. дл. 40, дл. клинка 25,7, ш. 5,5 см

Обоюдоострый клинок с четырьмя долами усилен бронебойным концом ромбического сечения. Основание клинка украшено рельефными изображениями индуистских божеств , вероятно Рамы и Ханумана. Центральная часть перекладины рукояти оформлена в виде сплющенного шара. Катар украшен золотом в технике кофтгари.

KATAR
Central or North India. 18th century.
Steel damascened in gold. Forging, chiselling, engraving. Full length 40, length of blade 25.7, width 5.5 cm.

A double-edged blade with four fullers is strengthened by a diamond section armour-piercing tip. The forte is chiselled with Hindu deities in relief (probably, Rama and Hanuman). The transverse grip is shaped like a flattened ball. The katar displays *koftgari* gold decoration.

НОЖИ И КИНЖАЛЫ/KNIVES AND DAGGERS

77. ПЕШКАБЗ
Южная Индия. Первая половина XVII в.
Сталь, ковка, чеканка, гравировка.
Общ. дл. 39, дл. клинка 25,5, ш. 3,2 см

Клинок двойного изгиба усилен массивным обухом. Боевой конец ромбического сечения. Нижняя часть рукояти полая с расширением. Фигурный верх рукояти оформлен в форме ребристого шара с фризом. В декоре рукояти угадывается рельефное изображение головы слона или яли. Ребристая шаровидная деталь нетипична для пешкабзов. Такие шары можно увидеть в оформлении южноиндийского оружия XVI–XVII вв.

PESH-KABZ
South India. First half of the 17th century.
Steel, forging, embossing, engraving. Full length 39, length of blade 25.5, width 3.2 cm.

A re-curved blade is strengthened by a massive back of the blade. The tip has a diamond cross-section. The lower part of the handle is hollow and widens at the end. The top of the handle is shaped like a ribbed ball with a frieze. The zoomorphic relief detail at the base of the blade might be a head of an elephant or a *yali*. The ribbed ball detail is not characteristic for a pesh-kabz. Balls of the kind can be seen in South India weapons of the 16th to 17th century.

78. КАРД
Северная Индия. Моголы. Вторая половина XVII в.
Сталь, нефрит, ковка, резьба, насечка золотом
Общ. дл. 31, дл. клинка 21,5, ш. 2,5 см

Клинок выкован из булатной стали с узором высокого контраста. Обух и втулка украшены золотом в технике кофтгари. Нефритовая рукоять покрыта рельефными изображениями цветов.
Аналогии: клинок из коллекции Аль-Сабах [*Сокровищница мира*, 2009:104 / 8.27]. Подобная рукоять опубл. в [*Hales*, 2013:84 / 185]

KARD
North India. Mughal. Second half of the 17th century.
Steel damascened in gold, nephrite jade, forging, chiselling. Full length 31, length of blade 21.5, width 2.5 cm.

The blade is manufactured from wootz steel with a high-contrast pattern. The back of the blade and the socket have *koftgari* gold decoration. The nephrite jade handle is carved with flowers in relief.
Comparable items: a blade in the Al-Sabah collection *[Treasury of the World, 2001*. Fig. 8.27]. A similar handle was published in [*Hales, 2013*, p. 84, fig. 185].

79. КИНЖАЛ
Центральная Индия, Декан (?). Вторая половина XVII в.
Сталь, кость, ковка, насечка золотом
Общ. дл. 35, дл. клинка 23,5, ш. 4,3 см

Широкий обоюдоострый клинок усилен центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка заклепано между двух фигурных пластин, украшенных насечкой золотом. Костяные накладки грибовидной рукояти закреплены четырьмя заклепками. Края ажурной гарды декорированы рельефными шариками.

DAGGER
Central India, the Deccan (?). Second half of the 17th century.
Steel damascened in gold, bone, forging. Full length 35, length of blade 23.5, width 4.3 cm.

A broad double-edged blade is strengthened by a central ridge. The tip has a diamond cross-section. The base of the blade is riveted between two figured braces damascened in gold. Bone cheeks are fixed to the mushroom-shaped handle with four rivets. Beads in relief decorate the edges of the pierced guard.

80. ЧИЛАНУМ
Чиланум
Центральная Индия. Вторая половина XVII в.
Сталь, ковка, насечка серебром
Общ. дл. 38,7, дл. клинка 28,5, ш. 3 см

Клинок обоюдоострый, шестидольный с двойным изгибом. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка декорировано насечкой серебром. Тыльная часть рукояти раздвоена и увенчана шишечкой. Гарда имеет схожие очертания и конструкцию. Центральная часть рукояти решена в форме уплощенного шара.
Аналогии: чиланум из коллекции ММ (№ 36.25.751)[Elgood, 2004:179 / 16.36].

80. CHILANUM
Central India. Second half of the 17th century.
Steel damascened in silver, forging. Full length 38.7, length of blade 28.5, width 3 cm.

The re-curved blade is double-edged and has six fullers. The tip has a diamond cross-section. The base of the blade is damascened in silver. An X-shaped hilt terminates in a knob. The guard is of similar construction. The middle of the hilt is shaped like a flattened ball.
Comparable items: a chilanum in The Metropolitan Museum of Art (№36.25.751) [Elgood, 2004, p. 179, fig. 16.36].

81. КХАНДЖАР
Центральная Индия. Рубеж XVII–XVIII вв.
Сталь, рог, ковка, гравировка
Общ. дл. 36, дл. клинка 22,3, ш. 4,9 см

Обоюдоострый четырехдольный клинок с двойным изгибом. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка украшено фигурной накладкой. Накладки рукояти выточены из рога. Тыльная часть рукояти усилена стальной пластиной и дополнена шариком с отверстием.
Аналогии: клинки кинжалов в [*Hales*, 2013:71 / 155, 60 / 124]

KHANJAR
Central India. Turn of the 18th century.
Steel, ivory, forging, engraving. Full length 36, length of blade 22.3, width 4.9 cm.

The re-curved blade is double-edged and has four fullers. The tip has a diamond cross-section. The base of the blade features a decorative plaque. The hilt has ivory cheeks. The back of the hilt is strengthened by a steel plate and terminates in a small ball with a hole.
Comparable items: dagger blades in [*Hales*, 2013, p. 71, fig. 155, p. 60, p. 124].

82. КХАНДЖАР
Северная или Центральная Индия. Рубеж XVII–XVIII вв.
Сталь, бронза, дерево, ковка
Общ. дл. 36, дл. клинка 23,5, ш. 5,4 см

Клинок обоюдоострый двухдольный, усиленный центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Рукоять пистолетной формы. Накладки рукояти выточены из темного дерева и закреплены тремя бронзовыми заклепками. Шаровидные кончики небольшой гарды направлены вниз.

KHANJAR
North or Central India. Turn of the 18th century.
Steel, copper alloy, wood, forging. Full length 36, length of blade 23.5, width 5.4 cm.

A double-edged blade has two fullers and is strengthened by a central ridge. The tip has a diamond cross-section. The handle is shaped like a pistol grip. The handle cheeks are made from dark wood and mounted on three copper alloy rivets. The small guard has ball-shaped ends that are turned downwards.

83. КХАНДЖАРЛИ
Юго-Восточная Индия. XVIII в.
Сталь, кость, серебро, ковка, резьба, чеканка, гравировка
Общ. дл. 30,1, дл. клинка 19, ш. 3 см

Клинок обоюдоострый с двойным изгибом, усилен центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка декорировано рельефом. Грибовидная рукоять защищена гардой с небольшим щитком и дужкой. Кончик дужки выполнен в форме головы льва. Рукоять сформирована из четырех накладок слоновой кости, закрепленных заклепками. Шляпки серебряных заклепок ребристые. Основание рукояти между костяных накладок обтянуто серебряным листом.
Аналогии: [*Tirri,* 2003 : 306 / 225]

KHANJARLI
South-Eastern India. 18th century.
Steel, ivory, silver, forging, carving, embossing, engraving. Full length 30.1, length of blade 19, width 3 cm.

A re-curved double-edged blade is strengthened by a central ridge. The tip has a diamond cross-section. The base of the blade is decorated in relief. The mushroom-shaped handle is protected by a guard made up of a little plate and a knuckle guard that terminates in a lion's head. The handle is made up of four riveted ivory cheeks. The silver rivets have ribbed heads. The base of the handle between the ivory cheeks is covered with silver leaf.
Comparable items: See [*Tirri,* 2003, p. 306, fig. 225].

84. КХАНДЖАРЛИ
Юго-Восточная Индия. XVIII в.
Сталь, кость, серебро, ковка, резьба, чеканка, гравировка
Общ. дл. 35, дл. клинка 23, ш. 4,5 см

Клинок обоюдоострый с двойным изгибом. Клинок с тонкими долами усилен центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка декорировано рельефным изображением физиономии монстра. Рельеф украшен насечкой серебром. Грибовидная рукоять защищена дужкой. Кончик дужки выполнен в форме головы льва. Рукоять сформирована из шести накладок слоновой кости, закрепленных фигурными заклепками с серебряными шляпками. Основание рукояти между костяных накладок обтянуто серебряным листом.

KHANJARLI
South-Eastern India. 18th century.
Steel, ivory, silver, forging, carving, embossing, engraving. Full length 35, length of blade 23, width 4.5 cm.

This double-edged re-curved blade with thin fullers is

85. БИЧВА
Центральная Индия. Маратхи. Рубеж XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 28,5, дл. клинков: 16, 16,5, ш. 1,4, 1,2 см

Два слегка изогнутых клинка линзовидного сечения заклепаны параллельно между фигурных платин. Эфес с двумя дужками выкован из одной пластины. На тыльной части рукояти закреплены две граненые шишечки.
Аналогии: [*Tirri,* 2003:290 / 212a]

BICHUWA
Central India. Marathas. Turn of the 18th century.
Steel, forging. Full length 28.5, blades length: 16 and 16.5, width 1.4 and 1.2 cm.

Two slightly curving lenticular section blades are riveted in parallel between two figured langets. The grip has two knuckle guards and is cast of one piece. The back of the grip features two facetted knobs.
Comparable items: [*Tirri*, 2003, p. 290, fig. 212A].

86. НОЖ РИТУАЛЬНЫЙ
Южная Индия (?). XVIII в.
Сталь, бронза, ковка, литье
Общ. дл. 19,5, дл. клинка 9, ш. 2 см

Клинок линзовидного сечения с двойным изгибом. Основание клинка украшено фигурными бронзовыми накладками. Навершие рукояти выполнено в форме головы петуха.
Аналоги: ножи с бронзовыми рукоятями из Южной Индии [*Elgood*, 2004:197 / 20.1]

RITUAL KNIFE
South India (?). 18th century.
Steel, copper alloy, forging, casting. Full length 19.5, length of blade 9, width 2 cm.

The blade is re-curved and has a lenticular cross-section. Decorative copper alloy plaques adorn the base of the blade. The pommel is shaped like a cockerel head.
Comparable items: brass-hilted daggers from South India [*Elgood*, 2004, p. 197, fig. 20.1].

87. БАНК
Центральная Индия. Маратхи. XVIII в.
Сталь, бронза, ковка
Общ. дл. 28,5, дл. клинка 18, ш. 2,3 см

Клинок серповидный однолезвийный, сильно изогнутый. Рукоять стальная граненая. Навершие рукояти выполнено в форме стилизованной головы животного и дополнено двумя бронзовыми заклепками.

BANK
Central India. Marathas. 18th century.
Steel, copper alloy, forging. Full length 28.5, length of blade 18, width 2.3 cm.

The extravagantly curving sickle blade is single-edged. The steel handle is facetted. The pommel is shaped like a stylized animal head and features two copper alloy rivets.

88. БАНК
Центральная Индия. Маратхи. XVIII в.
Сталь, бронза, ковка
Общ. дл. 31, дл. клинка 20, ш. 2,5 см

Клинок серповидный однолезвийный, сильно изогнутый. Тыльная часть рукояти дополнена небольшим шариком.
Аналогии: [*Tirri*, 2003:287 / 209]

BANK
Central India. Marathas. 18th century.
Steel, copper alloy, forging. Full length 31, length of blade 20, width 2.5 cm.

The extravagantly curving sickle blade is single-edged. The back of the handle features a small ball.
Comparable items: [*Tirri*, 2003, p. 287, fig. 209].

89. КАРД
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, ковка, чеканка
Общ. дл. 22,3, дл. клинка 13,7, ш. 2,9 см

Клинок прямой однолезвийный с фальшлезвием, выкован из булатной стали. Навершие рукояти выполнено в форме головы овцы.

KARD
North or Central India. 18th century.
Steel, forging, embossing. Full length 22.3, length of blade 13.7, width 2.9 cm.

This straight single-edged blade with a false edge is manufactured from wootz steel. The pommel is shaped like a sheep's head.

90. ПЕШКАБЗ
Северная или Центральная Индия. Начало XVIII в.
Сталь, бронза, ковка
Общ. дл. 34,5, дл. клинка 23,5, ш. 4,2 см

Клинок однолезвийный, Т–образного сечения, выкован из булатной стали. Рукоять украшена растительным орнаментом в технике зарнишан.

PESH-KABZ
North or Central India. Early 18th century.
Steel, copper alloy, forging. Full length 34.5, length of blade 23.5, width 4.2 cm.

A single-edged T-section blade is manufactured from wootz steel. A *zarnishan* floral pattern decorates the handle.

91. ПЕШКАБЗ
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, бронза, ковка.
Общ. дл. 47,5, дл. клинка 36, ш. 5,4 см

Клинок однолезвийный Т-образного сечения, выкован из булатной стали. Накладки рукоятки выточены из клыка моржа. Основа рукояти между костяных накладок декорирована рельефной медной пластиной с растительным орнаментом. Обух клинка украшен рельефной резьбой. Ножны деревянные, обтянуты тканью. Устье и кончик ножен изготовлены из меди. Убор ножен и медная пластина на рукояти вызолочены.
Аналогии: [*Hales*, 2013:9 / 21]

PESH-KABZ
North or Central India. 18th century.
Steel, copper alloy, forging. Full length 47.5, length of blade 36, width 5.4 cm.

A single-edged T-section blade is manufactured from wootz steel. The hilt is made up of walrus-tooth ivory cheeks divided by a copper alloy band with a floral pattern in relief. The back of the blade is chiselled in relief. The wooden scabbard is covered with cloth and has a copper alloy throat and tip. The copper detailing on the scabbard and the band on the handle are gilded.
Comparable items: [*Hales*, 2013, p. 9, fig. 21].

92. ПЕШКАБЗ
Северная Индия. XVIII в.
Сталь, ковка, нефрит, резьба, полировка
Общ. дл. 34, дл. клинка 24,5, ш. 3,5 см

Клинок Т-образного сечения выкован из булатной стали. Навершие рукояти вырезано из нефрита в форме головы льва. В глазницы вставлены рубины, оправленные в касты желтого металла. Стальная втулка рукояти и обух клинка украшены насечкой золотом.
Аналогии см.: пешкабз с навершием рукояти в форме головы льва из КФ [Mohamed, 2008:195 / 183]

PESH-KABZ
North India. 18th century.
Steel, forging, nephrite jade, carving, polish. Full length 34, length of blade 24.5, width 3.5 cm.

This T-section blade is manufactured from wootz steel. The carved nephrite jade pommel is shaped like a lion's head. Its eyesockets are set with rubies set in bezels of a yellow metal. The steel tang and the back of the blade are damascened in gold.
Comparable items: a pesh-kabz with a lion-head pommel in the Furusiyya Art Foundation collection [*Mohamed, 2008*, p. 195, fig. 183].

93. КАРД
Северная Индия. Рубеж XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, нефрит, резьба, полировка
Общ. дл. 23,5, дл. клинка 14, ш. 1,9 см

Клинок прямой, однолезвийный, выкован из булатной стали. Рукоять сформирована из двух резных нефритовых деталей разных оттенков и стальной втулки. Навершию рукояти предана форма головы овцы. Центральная часть рукояти выточена из темного нефрита и отделена от навершия полосой желтого металла.
Аналогии см.: нефритовая рукоять, составленная из навершия в форме овечьей головы и цилиндра из КФ [Mohamed, 2008:198 / 186]. Ножи с каменными рукоятями в форме овечьих голов из коллекции Аль-Сабах [Сокровищница мира, 2009:103]

KARD
North India. Turn of the 18th century.
Steel, forging, nephrite jade, carving, polish. Full length 23.5, length of blade 14, width 1.9 cm.

This straight single-edge blade is manufactured from wootz steel. The handle is made up of two carved nephrite jade plaques of two different shades of green and a steel tang. The pommel is shaped like a ram head. The middle part of the handle is carved from dark nephrite jade and a yellow metal band separates it from the pommel.
Comparable items: a jade handle made up of a ram-head pommel and a drum in the Furusiyya Art Foundation collection [*Mohamed, 2008*, p.

198, fig. 186]; knives with stone ram-head pommels in the Al-Sabah collection [*Treasury of the World, 2001*. Fig 8.23-25].

94. КХАНДЖАР
Северная Индия. XVIII в.
Сталь, нефрит, серебро, золото, цветные камни, ковка, резьба, полировка
Общ. дл. 35, дл. клинка 23, ш. 3,6 см

Клинок обоюдоострый с двойным изгибом, усилен центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка украшено рельефным узором. Резная нефритовая рукоять украшена золотом в технике кундан и цветными камнями. Верхняя плоскость ограничителя рукояти покрыта фигурной пластиной из серебра.
Аналогии: кинжал из коллекции Аль-Сабах [*Сокровищница мира*, 2009:43 / 2.31]

KHANJAR
North India. 18th century.
Steel, nephrite jade, silver, gold, gems, forging, carving, polish. Full length 35, length of blade 23, width 3.6 cm.

A double-edged re-curved blade is strengthened by a central ridge. The tip has a diamond cross-section. A relief pattern decorates the base of the blade. The carved nephrite jade handle is set with gems and gold in the *kundan* technique. The guard is formed by a figured silver plate.
Comparable items: a dagger in the Al-Sabah collection [*Treasury of the World, 2001*, fig 2.31].

95. КАРД
Северная Индия, Раджастхан (?). XVIII в.
Сталь, кость, ковка, насечка золотом
Общ. дл. 33,5, дл. клинка 22, ш. 3,5 см

Клинок лехария, прямой однолезвийный, выкован из поперечных чередующихся полос булатной и гомогенной стали. Рукоять декорирована насечкой золотом. Накладки рукояти вырезаны из слоновой кости.

KARD
North India, Rajasthan (?). 18th century.
Steel damascened in gold, ivory, forging. Full length 33.5, length of blade 22, width 3.5 cm.

This straight single-edged ‘Lehariya’ blade is manufactured from alternating bars of wootz and homogeneous steel forge welded together. The handle is damascened in gold and has ivory cheeks.

96. ХАЙБЕР
Северная Индия, Дели (?). XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка, следы медного припоя
Общ. дл. 66,8, дл. клинка 51,2, ш. 6,4 см

Слегка изогнутый клинок Т-образного сечения с тонким долом выкован из дамасской стали шакила. Рукоять полая, цилиндрическая с расширением у навершия. Крышка с тыльной рукояти удерживается винтом, увенчанным небольшим кубиком с отверстием и усеченными углами. Внутри полой рукояти могли хранить небольшие инструменты – крючки, пинцеты или опиум. Длинный нож относится к семейству афганских ножей – хайбер. Название происходит от Хайберского горного прохода между Афганистаном и западной Индией. Ножи такого типа были популярны среди патанов – индийцев, чьи предки переселились в Индию из Афганистана.

KHYBER
North India, Delhi (?). 18th to 19th century.
Steel, forging, traces of copper solder. Full length 66.8, length of blade 51.2, width 6.4 cm.

A slightly curving T-section blade with a thin fuller is manufactured from shakila Damascus steel. The hollow cylindrical handle expands at the top. The lid in the pommel is mounted on a screw that terminates in a small cube with a hole and trimmed corners. The cavity inside the handle might have been used for storing opium or small implements, such as needles or tweezers. This long dagger belongs to a family of Afghan knives known as Khybers, after the Khyber Pass that connects Western India and Afghanistan. Knives of the kind were popular with Pathans, an ethnic group which traced its descent to the Pashtuns who had moved to India from Afghanistan.

97. ПЕШКАБЗ
Северная Индия. Рубеж XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка, насечка золотом
Общ. дл. 45, дл. клинка 30,5, ш. 4,7 см

Клинок однолезвийный двойного изгиба, выкован из булатной стали. Нижняя половина клинка имеет широкий фигурный обух и Т-образное сечение, верхняя половина усилена выпуклым центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка украшено растительным орнаментом в технике кофтгари. Рукоять стальная, полая, украшена насечкой золотом.

PESH-KABZ
North India. Turn of the 19th century.
Steel damascened in gold, forging. Full length 45, length of blade 30.5, width 4.7 cm.

This re-curved single-edged blade is manufactured from wootz steel. The lower half of the blade exhibits a thick figured back and a T-shaped cross-section, while its upper half is strengthened by a central ridge. The tip has a diamond cross-section. A *koftgari* floral pattern decorates the base of the blade. The hollow steel handle is damascened in gold.

98. ПЕШКАБЗ (С НОЖНАМИ)
Северная Индия. Рубеж XVIII–XIX вв.
Сталь, дерево, ткань, ковка, насечка золотом
Общ. дл. 43,5, дл. клинка 30,5, ш. 4,9, дл. ножен 39 см

Клинок однолезвийный двойного изгиба, выкован из булатной стали. Нижняя половина клинка имеет широкий фигурный обух и Т–образное сечение. Клинок усилен выпуклым центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка украшено растительным орнаментом в технике кофтгари. Рукоять стальная, полая, украшена насечкой золотом. Деревянные ножны обтянуты тканью и усилены стальным убором. Устье ножен декорировано насечкой золотом.

PESH-KABZ AND SCABBARD
North India. Turn of the 19th century.
Steel damascened in gold, wood, textile, forging. Full length 43.5, length of blade 30.5, width 4.9, length of scabbard 39 cm.

This re-curved single-edged blade is manufactured from wootz steel. The lower half of the blade exhibits a thick figured back and a T-shaped cross-section. The blade is strengthened by a bulging central ridge. The tip has a diamond cross-section. A *koftgari* floral pattern decorates the base of the blade. The hollow steel handle is damascened in gold. The wooden scabbard is covered with cloth and features steel details. The throat of the scabbard is damascened in gold.

99. КИНЖАЛ
Северная Индия. Рубеж XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка. Насечка золотом
Общ. дл. 44, дл. клинка 31,5, ш. 5,2 см

Клинок обоюдоострый, слегка изогнутый, усиленный центральным ребром, выкован из булатной стали. Боевой конец ромбического сечения. Основание и кончик клинка украшены насечкой золотом. Стальная рукоять округлых форм декорирована в технике кофтгари.

DAGGER
North India. Turn of the 19th century.
Steel damascened in gold. Forging. Full length 44, length of blade 31.5, width 5.2 cm.

The slightly curving double-edged blade, strengthened by a central ridge, is manufactured from wootz steel. The tip has a diamond cross-section. The base of the blade and the tip are damascened in gold. The rounded steel handle has a *koftgari* decoration.

100. ПЕШКАБЗ
Северная Индия. XIX в.
Сталь, ковка, насечка золотом
Общ. дл. 35, дл. клинка 24, ш. 4,4 см

Клинок однолезвийный, двухдольный с двойным изгибом, Т-образный в сечении. Рукоять выполнена в форме головы попугая и декорирована растительным орнаментом в технике кофтгари.

PESH-KABZ
North India. 19th century.
Steel damascened in gold, forging. Full length 35, length of blade 24, width 4.4 cm.

This re-curved single-edged blade has two fullers and a T-shaped cross-section. The handle is shaped like a parrot's head and boasts a *koftgari* floral pattern.

101. ДЖАМБИЯ
Северная Индия. XIX в.
Сталь, дерево, кость, ковка, резьба
Общ. дл. 36.6, дл. клинка 18.8, ш. 5,4 см

Клинок изогнутый обоюдоострый, усилен выпуклым центральным ребром. Рукоять вырезана из темного дерева и украшена инкрустацией костью.

JAMBIYA
North India. 19th century.
Steel, wood, ivory, forging, carving. Full length 36.6, length of blade 18.8, width 5.4 cm.

A curving double-edged blade is strengthened by a bulging central ridge. The hilt is carved from dark wood and has ivory inlay.

102. КИНЖАЛ
Северная или Центральная Индия. XIX в.
Сталь, ковка, резьба, полировка, насечка золотом
Общ. дл. 52, дл. клинка 38, ш. 6,5 см

Обоюдоострый, двухдольный клинок с двойным изгибом усилен выпуклым центральным ребром. Дисковидное расширение в основании клинка декорировано резным изображением атакующего лань хищника и насечкой золотом. Навершие рукояти выполнено в форме стилизованного цветка. Рукоять украшена растительным узором в технике кофтгари. Дисковидное расширение в основании двухдольного клинка встречается на саблях XIX в., носящих название пахари.
Аналогии: сабли с пуловарными рукоятями опубл. [Tirri, 2003:322 / 243b.]; [Hales, 2013:163 / 400]

DAGGER
North or Central India. 19th century.
Steel damascened in gold, forging, carving, polish. Full length 52, length of blade 38, width 6.5 cm.

A re-curved double-edged blade with two fullers is strengthened by a bulging central ridge. A disc-shaped bulge at the base of the blade is chiselled with a predator attacking a deer and is damascened in gold. The pommel is shaped like a stylized flower. A *koftgari* floral pattern decorates the hilt. A discoid bulge at the ricasso of a double-fullered blade is characteristic of 19th century sabers known as *pahari* swords. Comparable items: sabers with pulowar-style hilts published in [*Tirri*, 2003, p. 322, fig. 243B]; [*Hales*, 2013, p. 163, fig. 400].

103. НОЖ (С НОЖНАМИ)
Северная Индия, Удайпур (?). Конец XIX в.
Сталь, рог, дерево, плакировка серебром
Общ. дл. 36, дл. клинка 23,8, ш. 2,9 см

Клинок прямой однолезвийный с широким обухом. Навершие и ограничитель рукояти плакированы серебром. Накладки рукояти, покрытые перекрестными рельефными линиями, выточены из рога. Ножны деревянные, обтянуты темно-синей тканью. Устье и кончик ножен плакированы серебром. Такого рода оружие, имеющее черты европейских охотничьих ножей и азиатских кардов, было распространено среди придворных махараджи Удайпура Фатех Сингха в 1890-е гг.

KNIFE AND SHEATH
North India, Udaipur (?). Late 19th century.
Steel, horn, wood, silver plating. Full length 36, length of blade 23.8, width 2.9 cm.

A straight single-edged blade with a broad back. The pommel and the guard are plated in silver.

The cheeks of the handle are carved from horn and feature criss-crossing lines in relief. The wooden scabbard is covered with dark blue cloth. The throat and the tip of the scabbard are plated in silver. Weapons of this kind, combining certain traits of European hunting knives and Asian kards, were popular at the court of Maharaja Fateh Singh of Udaipur in the 1890s.

104. КИНЖАЛ
Западная Индия, Синд (?). XIX в.
Сталь, кость, резьба, гравировка
Общ. дл. 39,4, дл. клинка 24,2, ш. 3,2 см

Прямой клинок с обухом, усиленным фигурными пластинами. Гарда Х-образная. Рукоять граненая, выточена из слоновой кости и обхвачена стальными втулками. Стальные детали рукояти и гарда украшены растительным орнаментом. На обухе выгравирована надпись арабскими буквами.
Аналогии: [*Ricketts*, 1988:130 / 217]

DAGGER
Western India, Sindh (?). 19th century.
Steel, ivory, carving, engraving. Full length 39.4, length of blade 24.2, width 3.2 cm.

The back of this straight blade is strengthened by figured plaques. The guard is X-shaped. The ribbed handle is carved from ivory and retained by steel bands. A floral pattern decorates the steel parts of the handle and the guard. An Arabic inscription is engraved on the back of the blade.
Comparable items: [*Ricketts*, 1988, p. 130, fig. 217].

105. ХАЛАДИ
Центральная или Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь, рог, серебро, ковка
Общ. дл. 23,8, дл. каждого из клинков 7,1, ш. 3,1 см

Клинки, выкованные из булатной стали, закреплены в рукояти прямоугольной формы. На одной из сторон рукояти закреплены конические шипы.
Аналогии: [*Hales*, 2013:75 / 160]

HALADIE
Central or North India. 18th to 19th century.
Steel, horn, silver, forging. Full length 23.8, length of each blade 7.1, width 3.1 cm.

The wootz steel blades are set in a rectangular grip. One side of the grip features conical spikes.
Comparable items: [*Hales*, 2013, p. 75, fig. 160].

106. КИНЖАЛ
Северная Индия. XVIII в.
Сталь, камень, ковка, резьба
Общ. дл. 36,2, дл. клинка 24,2, ш. 3,9 см

Изогнутый клинок с центральным ребром украшен резьбой у основания. Рукоять граненая, выточена из светло-зеленого камня.

DAGGER
North India. 18th century.
Steel, stone, forging, carving, chiselling. Full length 36.2, length of blade 24.2, width 3.9 cm.

A curving blade with a central ridge is chiselled at the base. The facetted grip is carved from light-green stone.

107. КИНЖАЛ
Северная Индия. XVIII в.
Сталь, камень, ковка, резьба
Общ. дл. 34,5, дл. клинка 21,8, ш. 3,6 см

Изогнутый клинок с центральным ребром выкован из булатной стали. Основание клинка украшено насечкой золотом.

DAGGER
North India. 18th century.
Steel, stone, forging, carving. Full length 34.5, length of blade 21.8, width 3.6 cm.

A curving blade with a central ridge is manufactured from wootz steel. The base of the blade is damascened in gold.

108. НОЖ
Южная Индия. XIX в.
Сталь, бронза, ковка, литье
Общ. дл. 25,5, дл. клинка 13,6, ш. 2,5 см

Клинок ромбического сечения с двойным изгибом. Рукоять отлита в форме головы яли. (00137)

KNIFE
South India, 19th century.
Steel, copper alloy, forging, casting. Full length 25.5, length of blade 13.6, width 2.5 cm.

The diamond section blade is re-curved. The cast grip is shaped like a *yali* head.

МЕЧИ И САБЛИ/SWORDS AND SABRES

109. ПАТИССА
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь, ковка, насечка серебром
Общ. дл. 107,4, дл. клинка 96, ш. 5,8 см

Прямой обоюдоострый клинок усилен выпуклым центральным ребром. Верхняя треть клинка имеет листовидное расширение и четыре дола. В нижней части клинка только два дола. Клинок закреплен между двух продолговатых лангет, соединенных с гардой. Рукоять цилиндрическая с поперечным ребром. Навершие имеет форму полусферы. Эфес украшен насечкой серебром.

PATTISA
South India. 16th to 17th century.
Steel damascened in silver, forging. Full length 107.4, length of blade 96, width 5.8 cm.

A straight double-edged blade is strengthened by a bulging central ridge. The upper third of the blade has a leaf-shaped bulge and four fullers, while the lower part of the blade has only two fullers. The blade is set between two oblong braces that are connected to the guard. The cylindrical grip has a transversal rib. The pommel is shaped like a semi-sphere. The handle is damascened in silver.

110. ПАТИССА
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь, ковка, гравировка
Общ. дл. 98, дл. клинка 84, ш. 4,8 см

Прямой обоюдоострый клинок линзовидного сечения. Верхняя треть клинка расширена и имеет форму ложки. Клинок закреплен между двух продолговатых лангет, соединенных с гардой. Основание клинка обхвачено плоской стальной полосой. Рукоять цилиндрическая. Навершие выполнено в форме полусферы с небольшим стержнем и звездочкой. Эфес украшен гравированным орнаментом.
Аналогии: патисса с плоской полосой на основании клинка из коллекции БМ [*Elgood,* 2004: 83 / 8.12]

PATTISA
South India. 16th to 17th century.
Steel, forging, engraving. Full length 98, length of blade 84, width 4.8 cm.

This straight double-edged blade has a lenticular cross-section. Its upper third widens into a spoon-like shape. The blade is set between two oblong braces that are connected to the guard. The base of the blade is retained by a flat steel band. The cylindrical grip terminates in a pommel which is shaped like a semi-sphere and features a small stem with a star. An engraved pattern decorates the handle. Comparable items: a pattisa with a flat brace at the forte in the British Museum [*Elgood, 2004*, p. 83, fig. 8.12].

111. ПАТИССА
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь. Ковка
Общ. дл. 96,5, дл. клинка 82, ш. 7 см

Прямой обоюдоострый клинок с центральным ребром. Верхняя треть клинка расширена и имеет форму ложки. Клинок закреплен между двух продолговатых лангет, соединенных с гардой. Рукоять цилиндрическая. Навершие в форме блюдца и шишечки.

PATTISA
South India. 16th to 17th century.
Steel. Forging. Full length 96.5, length of blade 82, width 7 cm.

A straight double-edged blade is strengthened by a central ridge. Its upper third widens into a spoon-like shape. The blade is set between two oblong braces that are connected to the guard.
The cylindrical grip terminates in a pommel which is shaped like a saucer with a knob.

112. ПАТИССА
Южная Индия. XVII в.
Сталь, ковка
Общ. дл. 102, дл. клинка 87, ш. 3 см

Прямой полуторалезвийный клинок выкован из дамасской стали шакила. Гибкий клинок с одним долом в верхней половине и тремя в нижней. Клинок закреплен между двух продолговатых лангет, соединенных с гардой. Навершие в форме блюдца и граненой шишки. Эфес украшен гравировкой.

PATTISA
South India. 17th century.
Steel, forging. Full length 102, length of blade 87, width 3 cm.

This straight single-edged blade with a false edge is manufactured from shakila Damascus steel. The flexible blade features a single fuller in its upper half and three fullers in its lower half. The blade is set between two oblong braces that are connected to the guard. The pommel is shaped like a saucer and a facetted

113. КХАНДА
Центральная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, резьба
Общ. дл. 102,5, дл. клика 81, ш. 4,4 см

Массивный полуторалезвийный клинок усилен по краям фигурными пластинами. Конец клинка слегка расширен и имеет форму галстука. Основание клинка закреплено между двух фигурных пластин, соединенных с гардой. Эфес типа индийская корзина с широкой дужкой, каплевидным навершием и изогнутым стержнем. Эфес украшен рельефными изображениями растений.
Аналогии: изображение мечей кханда XVII–XVIII вв. в *[Tirri*, 2003 / 317]

KHANDA
Central India. 17th to 18th century.
Steel, forging, chiselling. Full length 102.5, length of blade 81, width 4.4 cm.

A massive single-edged blade with a false edge is reinforced with figured plates on the edges. The blade widens towards the point, forming a tie-like shape. The base of the blade is set between two figured braces that are connected to the guard. The hilt is of the Indian basket-hilt type, featuring a broadened knuckle-guard, a teardrop-shaped pommel and a curving pommel spike. Plants in relief decorate the hilt.
Comparable items: khanda swords of the 17th to 18th century in *[Tirri*, 2003, p. 317].

114. КХАНДА
Центральная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, резьба
Общ. дл. 100, дл. клинка 81,5, ш. 4,4 см

Полуторалезвийный клинок выкован из булатной стали и усилен по краям фигурными пластинами. Конец клинка слегка расширен и имеет форму ложки. Основание клинка закреплено между двух фигурных пластин, соединенных с гардой. Эфес типа индийская корзина с широкой дужкой, каплевидным навершием и изогнутым стержнем. Эфес украшен гравированным орнаментом.
Аналогии: изображение мечей кханда XVII–XVIII вв. в [Tirri, 2003 / 317]

KHANDA
Central India. 17th to 18th century.
Steel, forging, engraving. Full length 100, length of blade 81.5, width 4.4 cm.

This wootz steel single-edged blade with a false edge is reinforced with figured plates on the edges. Its upper part is slightly widening into a spoon-like shape. The blade is set between two figured braces that are connected to the guard. The hilt is of the Indian basket-hilt type, featuring a broadened knuckle-guard, a teardrop-shaped pommel and a curving pommel spike. An engraved pattern decorates the hilt.
Comparable items: khanda swords of the 17th to 18th century in *[Tirri*, 2003, p. 317].

115. КХАНДА (СОСУН ПАТА)
Центральная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, резьба
Общая дл. 97, дл. клинка 77, ш. 4,2 см

Полуторалезвийный клинок выкован из булатной стали и усилен по краям фигурными пластинами. Конец клинка слегка загнут. Клинок представляет переходную форму между классическим мечом кханда и сосун пата. Основание клинка закреплено между двух фигурных пластин, соединенных с гардой. Эфес типа индийская корзина с широкой дужкой, каплевидным навершием и изогнутым стержнем. Эфес украшен гравировкой.
Аналогии: Энтони С. Тирри определяет подобный меч как кирах, опубл. в [Tirri, 2003:318 / 240]

KHANDA (SOSUN PATTAH)
Central India. 17th to 18th century.
Steel, forging, engraving. Full length 97, length of blade 77, width 4.2 cm.

A wootz steel single-edged blade with a false edge is reinforced with figured plates on the edges. With its slightly curving tip it is a transitional form between a classic khanda sword and a sosun pattah. The base of the blade is set between two figured braces that are connected to the guard. The hilt is of the Indian basket-hilt type, featuring a broadened knuckle-guard, a teardrop-shaped pommel and a curving pommel spike. The hilt has engraved decoration.
Comparable items: Anthony C. Tirri defines this type of a sword as a kirach [*Tirri*, 2003, p. 318, fig. 240].

116. СОСУН ПАТА
Центральная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, насечка золотом
Общ. дл. 85,5, дл. клинка 70,8, ш. 3,6 см

Полуторалезвийный клинок двойного изгиба, усилен по краям фигурными накладками. Клинок закреплен в индомусульманском эфесе. Края перекрестья и диска навершия украшены рядами отверстий и полушариков. Такой вид декора был распространен в княжестве Голконда. Эфес и основание клинка украшены насечкой золотом.

SOSUN PATTAH
Central India. 17th to 18th century.
Steel damascened in gold, forging. Full length 85.5, length of blade 70.8, width 3.6 cm.

This re-curved single-edged blade with a false edge is reinforced with figured plates on the edges.
The blade is mounted on an Indo-Muslim hilt. The quillon ends and the edge of the disc pommel are decorated with rows of holes and half-balls. This decoration pattern was common in the principality of Golconda. The hilt and the base of the blade are damascened in gold.

117. ПАТА
Центральная или Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 97, дл. клинка 64, ш. 9 см

Обоюдоострый клинок, усилен выпуклым центральным ребром. В основании клинка дисковидное расширение. Клинок заклепан между двух вытянутых лангет, соединенных с латной рукавицей. Рукоять бочковидная с ребрами. В нижней части латной рукавицы закреплена подвижная изогнутая пластина. Аналогии: клинки с дисковидным расширением, которые Робер Элгуд относит к первой половине XVI в., опубл. в [Elgood, 2004:109]

PATA
Central or South India. 16th to 17th century.
Steel, forging. Full length 97, length of blade 64, width 9 cm.

A double-edged blade is strengthened by a bulging central ridge and has a discoid bulge at the ricasso. The blade is riveted between two oblong braces that are connected to the armoured gauntlet. The grip is ribbed and drum-shaped. A moveable curving plate is fixed to the lower part of the gauntlet.
Comparable items: blades with discoid bulges that Robert Elgood thinks date back to the first half of the 16th century [*Elgood*, 2004, p. 109, fig. 11.2].

118. ПАТА
Южная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 119,3, дл. клинка 90,5, ш. 3 см

Обоюдоострый клинок с коротким долом, вероятно европейского происхождения. Основание клинка закреплено между двух фигурных лангет. Латная рукавица выполнена в форме попугая, где клинок является хвостом.
Аналогии см.: меча пата с рукавицей в форме попугая из коллекции ГМЧ (2134), опубл. в [Elgood, 2004:98/8.61]

PATA
South India. 16th to 17th century.
Steel, forging. Full length 119.3, length of blade 90.5, width 3 cm.

This double-edged blade with a short fuller is probably European in origin. The base of the blade is set between two figured braces. The gauntlet is shaped like a parrot, with the blade forming the bird's tail.
Comparable items: a pata sword with a parrot gauntlet in the Government Museum, Chennai (2134), published in [*Elgood*, 2004, p. 98, fig. 8.61].

119. ПАТА
Центральная Индия. Маратхи. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, гравировка
Общ. дл. 125, дл. клинка 94,5, ш. 4,7 см

Обоюдоострый клинок линзовидного сечения, вероятно, европейского происхождения. Основание клинка закреплено между двух фигурных лангет. Латная рукавица украшена гравированным узором.

PATA
Central India. Marathas. 17th to 18th century.
Steel, forging, engraving. Full length 125, length of blade 94.5, width 4.7 cm.

This double-edged blade has a lenticular cross-section and is probably of European origin. The base of the blade is set between two figured braces. An engraved pattern decorates the gauntlet.

120. ПАТА
Центральная Индия. Маратхи. XVII–XVIII вв.
Сталь. Ковка, плакировка серебром
Общ. дл. 125, дл. клинка 93, ш. 3,8 см

Обоюдоострый клинок линзовидного сечения, вероятно, европейского происхождения. Основание клинка закреплено между двух фигурных лангет. В нижней части клинка выбито клеймо в виде трех звезд. Латная рукавица гладкая, плакирована серебром.

PATA
Central India. Marathas. 17th to 18th century.
Steel. Forging, silver plating. Full length 125, length of blade 93, width 3.8 cm.

This double-edged blade has a lenticular cross-section and is probably of European origin. The base of the blade is set between two figured braces. The lower part of the blade carries a maker's mark in the form of three stars. The smooth gauntlet is silver-plated.

121. ФАРАНГИ (МЕЧ ДЕТСКИЙ)
Центральная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, гравировка
Общ. дл. 88 см, дл. клинка 70,2, ш. 2,9 см

Клинок обоюдоострый с коротким долом, вероятно, европейского происхождения. В голомени клинка выбиты клейма – «волчок» и «магические цифры» 1727 (так же, как и 1414). Основание клинка заклепано между двух фигурных пластин, соединенных с гардой. Небольшой эфес типа индийская корзина, вероятно, изготовлен в размер клинка.

FIRANGI (MADE FOR A BOY)
Central India. 17th to 18th century.
Steel, forging, engraving. Full length 88 cm, length of blade 70.2, width 2.9 cm.

This double-edged blade with a short fuller is probably of European origin. The flat of the blade carries the 'magic number' 1727 and a mark known as the 'running wolf of Passau'. The base of the blade is riveted between two figured langets that are connected to the guard. The small hilt of the Indian basket-hilt type was probably scaled down to match the size of the blade.

122. ФАРАНГИ
Центральная или Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка, чеканка, гравировка
Общ. дл. 133,7, дл. клинка 110,2, ш. 3,6 см

Однодольный клинок европейского производства закреплен между двух вытянутых лангет, соединенных с гардой. Эфес типа индийская корзина с сильно загнутым стержнем на навершии. Ребристая дужка и гарда украшены гравированным растительным узором. На фигурных лангетах вырезаны медальоны с изображениями индуистских божеств. Меч, вероятно, подвергался ремонту и доработке в XIX в.

FIRANGI
Central or North India. 18th to 19th century.
Steel, forging, embossing, engraving. Full length 133.7, length of blade 110.2, width 3.6 cm.

A European blade with one fuller is set between two oblong langets that are connected to the guard. An Indian basket hilt terminates in a strongly curving pommel spike. An engraved floral pattern decorates the ribbed knuckle guard and the guard. The figured langets are chiselled with Hindu deities in medaillons.The sword must have been repaired and modified in the 19th century.

123. ТАЛЬВАР
Северная или Центральная Индия. XVI–XVII вв.
Сталь, ковка, гравировка, резьба
Общ. дл. 87, дл. клинка 74, ш. 3,8 см

Умеренно загнутый клинок с фальшлезвием, широким центральным долом и узкими прерывистыми доликами. Основание клинка украшено рельефным узором, арабской графикой и резным изображением индуистского божества (Сурья). Клинок имеет черты сирийских и турецких сабель конца XVI в. Сочетание арабской графики и индуистской символики позволяет отнести клинок к последней четверти XVI в., к периоду правления веротерпимого императора Акбара. Эфес индомусульманского типа с ажурным навершием и дужками в виде двух змей, вероятно, изготовлен в Декане в начале XVII в.
Аналогии: ранний сирийский клинок со схожим оформлением основания из КФ в [*Mohamed, 2008:60/24*]

TALWAR
North or Central India. 16th to 17th century.
Steel, forging, engraving, chiselling. Full length 87, length of blade 74, width 3.8 cm.

This moderately curving blade has a false blade, a broad central fuller and thin discontinuous fullers by the sides. The base of the blade is chiselled with a pattern in relief, Arabic characters and a Hindu deity (Surya), also in relief. The blade shares several traits with Syrian and Turkish sabers of the late 16th century. Judging by the co-existence of Arabic script and Hindu symbols, it should date back to the last quarter of the 16th century, to the reign of Emperor Akbar who was noted for his policy of religious tolerance. The Indo-Muslim hilt, with a pierced pommel and knuckle guards which are shaped like two snakes, was probably manufactured in the Deccan in the early 17th century.
Comparable items: an early Syrian blade with a comparable ricasso design in the Furusiyya Art Foundation collection [*Mohamed, 2008*, p. 60, fig. 24].

124. ТАЛЬВАР
Центральная или Северная Индия. Посл. четверть XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, насечка серебром
Общ. дл. 88, дл. клинка 75, ш. 3,5 см

Слабо изогнутый клинок с тремя долами и фальшлезвием. На голомени клинка выбито нечитаемое клеймо. Рикассо отсутствует. Определить, где именно был выкован этот клинок, сложно. Такого рода клинки (известные как trade blades) производили в Европе для азиатского рынка. В Индии саблю с таким клинком могли называть алемани. Подобные клинки могли производить и в Азии. Эфес индомусульманского типа украшен насечкой серебром в технике зарнишан.
Аналогии см.: сабля со схожей геометрией клинков из КФ в [*Mohamed, 2008:89, 100*]

TALWAR
Central or North India. Last quarter of the 17th to 18th century.
Steel, forging, silver inlay. Full length 88, length of blade 75, width 3.5 cm.

A weakly curving blade with three fullers and a false edge. The flat of the blade carries illegible markings. The talwar has no riccasso. The origin of the blade is hard to determine. Sabres of the kind, known as trade blades, were manufactured in Europe for the Oriental market. In India sabres with such blades were known as *alamanis*. But blades of this kind were manufactured in Asia as well. The Indo-Muslim hilt is decorated with *zarnishan* silver inlay.
Comparable items: a sabre with comparable blade geometry in the Furusiyya Art Foundation collection [*Mohamed, 2008*, p. 89, fig. 100].

125. ТАЛЬВАР
Северная или Центральная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, гравировка, насечка золотом
Общ. дл. 96,8, дл. клинка 84,5, ш. 4,1 см

Клинок полуторалезвийный с рикассо и тремя долами, выкован из дамасской стали шакила. На обухе насечена надпись арабской графикой. На голомени клинка изображение зонта в технике кофтгари. В оружейной культуре Индии зонт является символом королевской власти. Изображения зонта встречаются на оружии, происходящем из арсеналов Агры и Дели. Эфес индомусульманского типа украшен насечкой золотом. Принято считать, что подобными саблями пользовались офицеры армии Аурангазеба в деканских войнах конца XVII в. Аналогии: несколько тальваров с изображениями зонтиков и надписями арабской графикой из из КФ в [*Mohamed, 2008:89 / 53 / 63*]

TALWAR
North or Central India. 17th to 18th century.
Steel damascened in gold, forging, engraving, gold inlay. Full length 96.8, length of blade 84.5, width 4.1 cm.

This single-edged blade with a false edge, a ricasso and three fullers was manufactured from *shakila* Damascus steel. There is an Arabic inscription in gold inlay on the back of the blade. The flat of the blade has a *koftgari* image of a parasol. In Indian weaponry the parasol was a symbol of the royal power. Images of these can be seen in arms produced at Aghra and Delhi armouries. The Indo-Muslim hilt is damascened in gold. Officers in the army of Aurangzeb are believed to have carried sabres like this one in the Deccan wars of the late 17th century. Comparable items: parasols and Arabic lettering decorate several talwars in the Furusiyya Art Foundation collection [*Mohamed, 2008*, p. 89, fig. 53, p. 99, fig. 63].

126. СОСУН ПАТА
Центральная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 94,7, дл. клинка 70, ш. 7,1 см

Клинок с фальшлезвием и двумя долами имеет линию заточки с вогнутой стороны. Основание клинка с длинным рикассо закреплено в эфесе типа индийская корзина. В области изгиба небольшое расслоение стали – проковка, «перечеркнутое» арабской графикой. Гарда декорирована рельефными изображениями птиц. Дужка украшена резьбой. П. С. Роусон [Rawson, 1969] определяет подобные «переломленные» в верхней трети клинки с линией заточки на вогнутой стороне как клинки копис.

SOSUN PATTAH
Central India. 17th to 18th century.
Steel, forging. Full length 94.7, length of blade 70, width 7.1 cm.

This blade with a false blade and two fullers has its cutting edge on the concave side. The base of the blade features a long ricasso and is set into an Indian basket hilt. A small forging flaw at the step of the curve is masked over with Arabic lettering. The guard is chiselled with birds in relief and the fist guard is chiselled, too. Philip S. Rawson classifies blades of the kind, featuring a forward curve in the upper third and the cutting edge on the concave side, as Kopis blades [*Rawson*, 1969].

127. ТЕГА
Центральная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 79,5, дл. клинка 63,5, ш. 6,4 см

Массивный изогнутый клинок выкован из ламинированной стали. Основание клинка закреплено между двух фигурных пластин, соединенных с гардой. Эфес типа индийская корзина с полусферой и стержнем на навершии.

TEGHA
Central India. 17th to 18th century.
Steel, forging. Full length 79.5, length of blade 63.5, width 6.4 cm.

This massive curving blade is manufactured from laminated steel. The base of the blade is set between two figured braces that are connected to the guard. The Indian basket hilt terminates in a hemi-sphere and a pommel spike.

128. ТАЛЬВАР
Северная или Центральная Индия. Посл. четверть XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, гравировка, насечка золотом
Общ. дл. 98, дл. клинка 85,5, ш. 3,3 см

Клинок шамширного изгиба выкован по персидскому образцу из булатной стали. На голомени вырезан картуш с арабской графикой. Резьба украшена насечкой золотом. Индомусульманский эфес декорирован изображениями растений в технике тах-и-нишан.
Аналогии: сабля из КФ в [*Mohamed, 2008:87*]

TALWAR
North or Central India. Last quarter of the 17th to 18th century.
Steel, forging, engraving, gold inlay. Full length 98, length of blade 85.5, width 3.3 cm.

The curving wootz blade follows the Persian style of shamshir sabers. The flat of the blade is chiselled with Arabic lettering in a cartouche damascened in gold. *Tah i nishan* plants decorate the Indo-Muslim hilt.
Comparable items: a sabre in the Furusiyya Art Foundation collection [*Mohamed, 2008*, p. 87].

129. ТАЛЬВАР
Северная или Центральная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 89,5, дл. клинка 77,5, ш. 3,2 см

Клинок персидского типа выкован из булатной стали. В узоре булата видна регулярная структура. Подобный узор в Индии называли кирк нарбудан. Такой тип рисунка булата также называют «сорок ступеней» или «лестница пророка». Индомусульманский эфес с небольшим перекрестьем и дисковидным навершием. Аналогии: фрагменты сабельных клинков с регулярной структурой, опубл. в [*Figiel*, 1991:71]

TALWAR
North or Central India. 17th to 18th century.
Steel, forging. Full length 89.5, length of blade 77.5, width 3.2 cm.

A wootz steel blade of the Persian type. The steel exhibits a regular pattern of the type that in India was referred to as *kirk narbudan*. It was also known as 'forty steps', or 'the Prophet's ladder'. The hilt is of the Indo-Muslim type, featuring a small crosspiece and a disc-shaped pommel. Comparable items: fragments of sabre blades with regular steel pattern, published in [*Figiel*, 1991, p. 71].

130. ТАЛЬВАР
Северная или Центральная Индия. Нач. XVIII в.
Сталь, ковка
Общ. дл. 93,6, дл. клинка 81,5, ш. 3,9 см

Клинок изогнутый, однодольный с рикассо и фальшлезвием, выкован из булатной стали. Эфес индомусульманского типа с дужкой украшенной головой монстра. Навершие выполнено в форме ребристой полусферы и увенчано маленьким шариком с отверстием. Эфес декорирован рельефом с растительным мотивом и плакирован серебром.

TALWAR
North or Central India. Early 18th century.
Steel, forging, silver plating. Full length 93.6, length of blade 81.5, width 3.9 cm.

This curving wootz steel blade has one fuller, a ricasso and a false edge. The hilt is of the Indo-Muslim type and has a monster head on the fist guard. A small ball with a hole tops the ribbed semi-sphere of the pommel. The hilt is decorated with a floral motif in relief and is plated in silver.

131. Тальвар
Северная или Центральная Индия. Нач. XVIII в.
Сталь, ковка, резьба, плакировка серебром
Общ. дл. 95,8, дл. клинка 83,7, ш. 4,3 см

Клинок изогнутый, бездольный, с рикассо, выкован из булатной стали. Эфес индомусульманского типа украшен рельефными изображениями птиц и растений и плакирован серебром.

TALWAR
North or Central India. Early 18th century.
Steel, forging, chiselling, silver plating. Full length 95.8, length of blade 83.7, width 4.3 cm

The curving blade has a ricasso, no fullers and is manufactured from wootz steel. The Indo-Muslim hilt is decorated with birds and plants in relief and is plated in silver.

132. КИРАХ
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, ковка, насечка золотом
Общ. дл. 90,8, дл. клинка 78,2, ш. 3,5 см

Слегка изогнутый клинок с линией заточки на вогнутой стороне имеет рикассо и фальшлезвие. Основание клинка декорировано в технике кофтгари. На обухе вырезана надпись арабской графикой. Эфес индомусульманского типа украшен насечкой золотом.

KIRACH
North or Central India. 18th century.
Steel, forging, gold inlay. Full length 90.8, length of blade 78.2, width 3.5 cm.

A slightly curving blade exhibits a ricasso, the cutting edge on the concave side and a false edge on the convex side. The base of the blade has a *koftgari* decoration. The back of the blade is chiselled with an inscription in Arabic script. The Indo-Muslim hilt is damascened in gold.

133. КИРАХ
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, ковка
Общ. дл. 91,8, дл. клинка 80,3, ш. 37 см

Слегка изогнутый клинок с рикассо выкован из дамасской стали. Линия заточки клинка на вогнутой стороне. Эфес индоперсидского типа с дужкой. Навершие выполнено в форме головы хищника.

KIRACH
North or Central India. 18th century.
Steel, forging. Full length 91.8, length of blade 80.3, width 3.7.

This slightly curving blade with a ricasso is manufactured from Damascus steel. The cutting edge is on the concave side. The Indo-Persian hilt features a fist guard. The pommel is shaped like the head of a predator.

134. КИРАХ
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, ковка
Общ. дл. 87, дл. клинка 74,5, ш. 3,2 см

Слегка изогнутый клинок с рикассо и широким долом выкован из поперечных полос (шевронов) различных сортов дамасской стали. Линия заточки клинка располагается на вогнутой стороне. Боевой конец ромбического сечения. Эфес индомусульманского типа выполнен из массивного серебра. Навершие в форме диска и полусферы увенчано ажурной пластиной. Такая пластина служила упором для руки. Церемониальная подпорка для руки на булавах и эфесах называлась джафар такия.
Аналогии: сабля начала XIX в. со схожим клинком, опубл. в [*Figiel*, 1991:104–105]

KIRACH
North or Central India. 18th century.
Steel, forging. Full length 87, length of blade 74.5, width 3.2 cm.

This slightly curving blade with a ricasso and a broad fuller was manufactured by forge wielding together alternating chevrons of different types of Damascus steel. The cutting edge is on the concave side. The tip has a diamond cross-section. The Indo-Muslim hilt is made from silver. Shaped like a disc and a semi-spere, the pommel is topped by a pierced plate. Plates of the kind served to support the swordsman's hand. Ceremonial supports on maces and hilts were known as *jafar taqiyya*.
Comparable items: an early 19th century saber with a comparable blade was published in [*Figiel,* 1991, p. 104-105].

135. ТАЛЬВАР
Северная Индия, Раджастхан (?). XVIII в.
Сталь, ковка, насечка золотом
Общ. дл. 91, дл. Клинка 78,5, ш. 3,7 см

Клинок изогнутый, с широким долом, выкован из чередующихся поперечных полос (шевронов) различных сортов дамасской стали. Подобные клинки называли лехария – волна, или Ганга и Джамна, по имени великих рек. Эфес индомусульманского типа украшен золотом в технике кофтгари.
Аналогии см.: тальвар с подобным клинком из коллекции МВА опубл. в [Rawson, 1969: 42, 4]; другой подобный клинок опубл. в [Hales, 2013:163 / 399]

TALWAR
North India, Rajasthan (?). 18th century.
Steel damascened in gold, forging. Full length 91, length of blade 78.5, width 3.7 cm.

This curving blade with a broad fuller was manufactured by forge welding together alternating chevrons of different types of Damascus steel. Such blades were known as 'Lehariya' (wave) or 'Ganga Jamuna', after two sacred rivers. The Indo-Muslim hilt has *koftgari* gold decoration.
Comparable items: a talwar with a similar blade in the Victoria and Albert Museum published in [*Rawson*, 1969, fig. 4, 42]; another blade of the type was published in [*Hales*, 2013, p. 163, fig. 399].

136. ТАЛЬВАР
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, ковка, насечка золотом
Общ. дл. 89, дл. клинка 77, ш. клинка 3,3 см

Клинок полированной стали, двухдольный, с рикассо. Эфес индомусульманского типа украшен растительным орнаментом в технике кофтгари.

TALWAR
North or Central India. 18th century.
Steel damascened in gold, forging. Full length 89, length of blade 77, width of blade 3.3 cm.

This polished steel blade has a ricasso and two fullers. A *koftgari* floral pattern decorates the Indo-Muslim hilt.

137. ТАЛЬВАР
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, ковка, гравировка
Общ. дл. 88,3, дл. клинка 74,5, ш. 3,3 см

Клинок с рикассо, фальшлезвием и двумя долами. На голомени клинка высечено нечитаемое клеймо. В основании клинка выбито клеймо с арабской графикой. Клинок закреплен в эфесе типа пуловар. Фигурные концы перекрестья обращены вверх, навершие выполнено в форме ажурной полусферы. Пуловарные эфесы принято связывать с Афганистаном, однако подобные рукояти в XVIII в. производили и в Хайдерабаде, и в Дели.

TALWAR
North or Central India. 18th century.
Steel, forging, engraving. Full length 88.3, length of blade 74.5, width 3.3 cm.

The blade has a ricasso, a false edge and two fullers. The mark on the flat of the blade is illegibile. There is another mark at the base of the blade that contains Arabic lettering. The blade is set in a pulowar-style hilt, with the figured guard ends turned upwards and the pommel shaped like a pierced semi-sphere. Pulowar-style hilts are usually associated with Afghanistan but in the 18th century these were also produced in Hyderabad and Delhi.

138. ТАЛЬВАР
Северная Индия, Лахор (?). Начало XIX в.
Сталь, ковка, гравировка, насечка золотом
Общ. дл. 97, дл. клинка 83,5, ш. 3,3 см

Клинок с фальшлезвием, тонким длинным долом и прерывистыми доликами выкован из булатной стали. В основании клинка вырезан картуш с арабской графикой и так называемый магический квадрат. Клинки подобного типа производились в западных княжествах Индии. Такие клинки иногда называли хусейни. Эфес сложной конструкции с тремя дужками, ажурной гардой и навершием в форме ребристого шара. Эфес украшен насечкой золотом.
Аналогии: эфес тальвара XIX в. с тремя дужками и ажурной гардой, опубл. в [Hales, 2013:192 / 459]

TALWAR
North India, Lahore (?). Early 19th century.
Steel damascened in gold, forging, engraving. Full length 97, length of blade 83.5, width 3.3 cm.

This wootz steel blade has a false edge, a thin long fuller down the middle and two discontinuous fullers by the sides. The base of the blade is chiselled with a cartouche containing Arabic lettering and a talismanic device known as the magic square. Blades of this type were manufactured in Western Indian principalities and were sometimes called '*Huseynis*'. The hilt is of a complicated construction, featuring three knuckle guards, a pierced guard and a ribbed ball-shaped pommel. The hilt is damascened in gold.

Comparable items: a 19th century talwar hilt with three knuckle guards and a pierced pommel in [*Hales*, 2013, p. 192, fig. 459a].

139. ТАЛЬВАР
Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка, насечка золотом, серебром, бирюза
Общ. дл. 87,5, дл. клинка 75, ш. клинка 3,4 см

Клинок гладкий, с рикассо и фальшлезвием. В голомени клинка выбито клеймо в виде трех точек. Эфес индомусульманского типа декорирован золотом в технике кофтгари и серебром в технике зарнишан. В серебряных кастах, закрепленных на рукояти, установлены кабошоны бирюзы.

TALWAR
North India. 18th to 19th century.
Steel damascened in gold, forging, silver inlay, turquoise. Full length 87.5, length of blade 75, width of blade 3.4 cm.

A smooth blade with a ricasso and a false edge. The maker's mark on the flat of the blade represents three dots. The Indo-Muslim hilt has *koftgari* gold and *zarnishan* silver decoration. The handle is set with cabochon turquoises in silver bezels.

140. ТАЛЬВАР
Южная Индия (?). XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка, серебро, золочение
Общ. дл. 89,3, дл. клинка 75,5, ш. 3,5 см

Четырехдольный клинок с рикассо и фальшлезвием выкован из дамасской стали шакила. Клинок декорирован насечкой золотом. Рельефный эфес изготовлен из серебра и вызолочен. Концы перекрестья увенчаны мордами львов. Рукоять украшена растительными мотивами. Навершие рукояти выполнено в форме головы монстра. Аналогии: рукоятки сабель XIX в., декорированные рельефными изображениями голов львов и монстров, опубл. в [Hales, 2013:192, 187]

TALWAR
South India (?). 18th to 19th century.
Steel damascened in gold, forging, silver, gilding. Full length 89.3, length of blade 75.5, width 3.5 cm.

The blade has four fullers and a ricasso. It is manufactured from *shakila* Damascus steel and damascened in gold. The chiselled hilt is made of silver and damascened in gold, the quillons ending in lion heads. Floral patterns decorate the hilt that terminates in a monster head pommel.
Comparable items: 19th century saber hilts with lion heads and monsters in relief [*Hales*, 2013, pp. 192, 187].

141. ТАЛЬВАР
Северная или Центральная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка, насечка серебром
Общ. дл. 86, дл. клинка 73, ш. 4,5 см

Клинок с рикассо и елманью. Широкий центральный дол и тонкие прерывистые боковые долы. Лезвия зубчатые. Клинок декорирован насечкой серебром. У основания клинка выбито клеймо гурда. Эфес индомусульманского типа с изображением головы монстра на дужке. Эфес украшен насечкой серебром.
Аналогии: тальвар со схожим клинком из коллекции МВА, опубл. в [*Rawson*, 1969:45]

TALWAR
North or Central India. 18th to 19th century.
Steel damascened in silver, forging. Full length 86, length of blade 73, width 4.5 cm.

This blade has a ricasso, a wide central fuller in the middle and thin discontinuous fullers by the sides. In the lower third of the blade the back stops curving and continues to the point in an almost straight line, forming a false edge. Both the false edge and the cutting edge are serrated. The maker's mark at the base of the blade is a variation of the so-called eyelash mark of Genoa. The Indo-Muslim hilt has a monster head on the fist guard. The hilt is damascened in silver.
Comparable items: a talwar with a similar blade from the Victoria and Albert Museum is published in [*Rawson*, 1969, p. 45].

142. ТАЛЬВАР
Северная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, резьба, насечка золотом
Общ. дл. 97,5, дл. клинка 85,5, ш. 3,3 см

Изогнутый клинок с тремя долами выкован из булатной стали. Основание клинка украшено резьбой и насечкой золотом. Индомусульманский эфес декорирован золотом в технике кофтгари.

142. TALWAR
North India. 18th century.
Steel damascened in gold. Forging, chiselling. Full length 97.5, length of blade 85.5, width 3.3 cm.

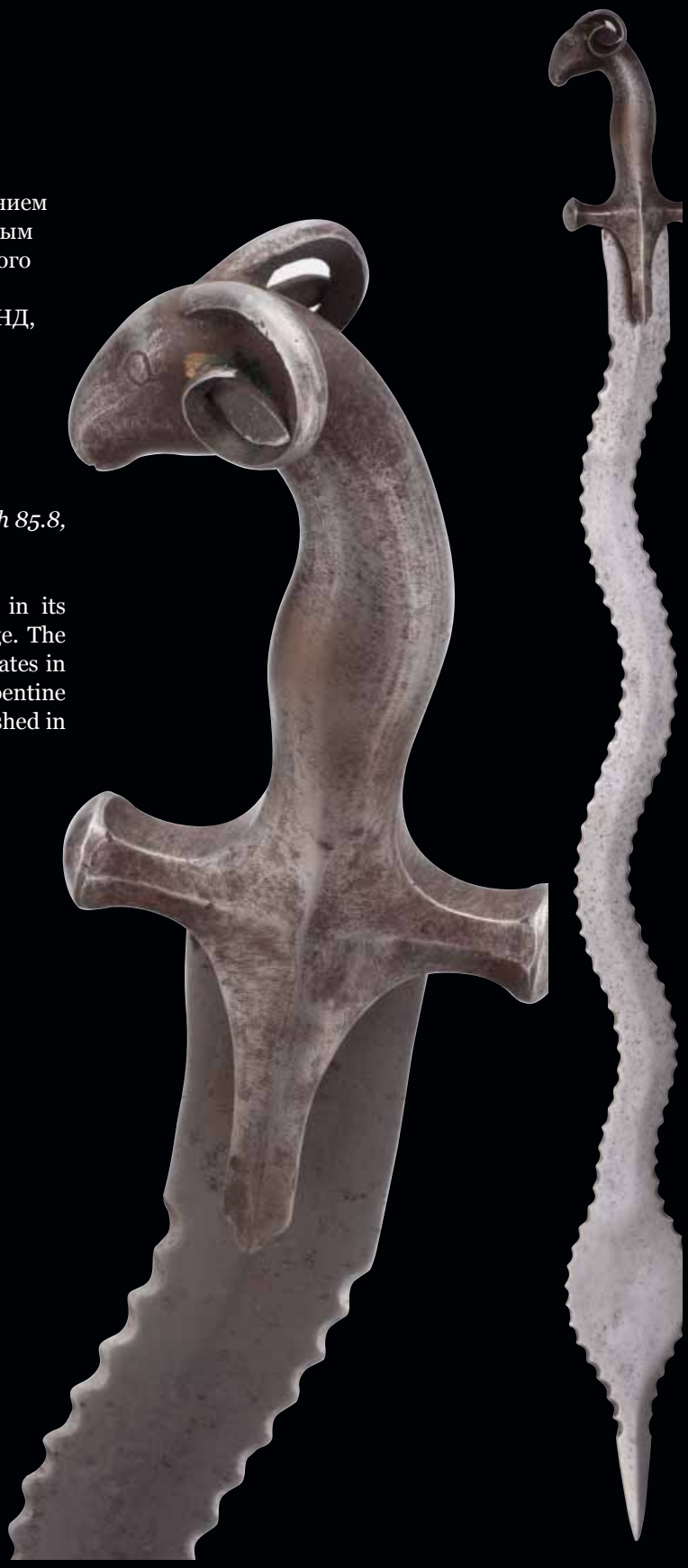
The wootz steel curving blade has three fullers. The base of the blade is chiselled and damascened in gold. The Indo-Muslim hilt has a *koftgari* gold decoration.

143. НАГАН
Северная Индия. XIX в.
Сталь. Ковка, следы медного припоя
Общ. дл. 85,8, дл. клинка 74, ш. 3,9–7,9 см

Клинок обоюдоострый, волнистый с расширением в верхней четверти. Клинок усилен центральным ребром. Лезвия зубчатые. Эфес индоперсидского типа с навершием в форме головы барана. Аналогии: меч с змеевидным клинком из НМНД, опубл. в [*Носов*, 2011:202]

NAGAN
North India. 19th century.
Steel. Forging, traces of copper solder. Full length 85.8, length of blade 74, width 3.9-7.9 cm.

This serpentine double-edged blade, widening in its upper quarter, is strengthened by a central ridge. The edges are serrated. The Indo-Persian hilt terminates in a ram-head pommel. Comparable items: a serpentine blade in the National Museum, New Delhi, published in [*Nosov*, 2011:202].



144. ТЕГА
Северная Индия, Пенджаб (?). XIX в.
Сталь, ковка, резьба, насечка золотом
Общ. дл. 107,5, дл. клинка 91,7, ш. 8,2 см

Клинок многодольный с елманью и усиленным боевым концом ромбического сечения. Обух расширен. Поверхность клинка украшена рельефными изображениями слонов и архитектурных деталей. Клинок декорирован насечкой золотом. Эфес индомусульманский с дужкой в виде головы птицы, украшен насечкой золотом.
Аналогии: [*Tirri,* 2003:330 / 250]

TEGHA
North India, Punjab (?). 19th century.
Steel damascened in gold, forging, chiselling. Full length 107.5, length of blade 91.7, width 8.2 cm.

The blade has many fullers and a strengthened diamond section tip. In the lower third of the blade the back stops curving and continues to the point in an almost straight line, forming a false edge. The flat of the blade is chiselled with elephants and architectural motifs in relief, the whole damascened in gold. The Indo-Muslim hilt is damascened in gold and has a fist guard that is shaped like a bird's head.
Comparable items: [*Tirri,* 2003, p. 330, fig. 250].

145. ТЕГА
Северная Индия. XIX в.
Сталь, ковка
Общая дл. 78,5, дл. клинка 62,5, ш. 7,7 см

Клинок Т-образного сечения с фальшлезвием. Один широкий центральный дол и прерывистые тонкие боковые долы. Клинки с подобной разделкой долов иногда называют хусейни. Эфес индомусульманского типа.

TEGHA
North India. 19th century.
Steel, forging. Full length 78.5, length of blade 62.5, width 7.7 cm.

A T-section blade has a false edge, one broad central fuller and thin discontinuous fullers by the sides. Blades of this kind are sometimes referred to as '*Huseynis*'. The hilt is of the Indo-Muslim type.

146. ТЕГА
Северная или Центральная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 101,5, дл. клинка 76,7, ш. 8,1 см

Клинок Т-образного сечения с елманью закреплен в эфесе типа индийская корзина. Эфес украшен плакировкой серебром.
Аналогии: [*Tirri*, 2003:130 / 250A]

TEGHA
North or Central India. 18th to 19th century.
Steel, forging. Full length 101.5, length of blade 76.7, width 8.1 cm.

In the lower third of this T-section blade the back stops curving and continues to the point in an almost straight line, forming a false edge. The blade is set in a silver-plated Indian basket hilt.
Comparable items: [*Tirri*, 2003, p. 330, fig. 250A].

147. ТЕГА ЗУЛЬФИКАР
Северная Индия. XIX в.
Сталь, ковка
Общ. дл. 84,5, дл. клинка 76, ш. 8,6 см

Клинок с рикассо, тремя долами и раздвоенным концом. Лезвия пиловидные, зубчатые. Подобные фантазийные клинки производились в XIX в. по заказу мелких правителей для оформления интерьеров и церемониальных нужд.
Аналогии: [*Tirri,* 2003:331 / 252]

ZULFIKAR TEGHA
North India. 19th century.
Steel, forging. Full length 84.5, length of blade 76, width 8.6 cm.

This blade features a ricasso, three fullers and a bifurcating tip. The edges are serrated. In the 19th century petty rulers in India had extravagant blades like this produced for interior decoration or ceremonial use.
Comparable items: [*Tirri,* 2003, p. 331, fig. 252].

148. МОПЛАХ
Южная Индия. XIX в.
Сталь, дерево, медный сплав
Общ. дл. 59,5, дл. клинка 36,7, ш. клинка 4,8–8,8 см

Клинок обоюдоострый, с слегка загнутым вперед концом. Деревянная основа рукояти декорирована деталями из медного сплава. Подобным оружием пользовались мусульмане Кералы.
Аналогии: тесак типа аюда кати из коллекции ММ, опубл. в [*Elgood*,2004:74 / 6.13]; тесак моплах, опубл. в [*Tirri,* 2003:309 / 228]

148. MOPLAH
South India. 19th century.
Steel, wood, copper alloy. Full length 59.5, length of blade 36.7, width of blade 4.8-8.8 cm.

A double-edged blade with a slightly forward-angled tip. Copper alloy details decorate the wooden handle. Arms of the kind were used by Muslims in Kerala.
Comparable items: an ayudha katti cutlass from The Metropolitan Museum of Art, published in [*Elgood*, 2004, p. 74, fig. 6.13]; a moplah knife, published in [*Tirri,* 2003, p. 309, fig. 228].

149. АЮДА КАТИ
Южная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь, дерево, ковка, чеканка, гравировка, следы медного припоя
Общ. дл. 64, дл. клинка 47, ш. 6,4 см

Клинок изогнутый, с линией заточки на вогнутой стороне. Основание клинка и обух украшены гравированным орнаментом. Фигурная, ребристая гарда и дужка выкованы из одной пластины. Навершие, увенчанное стальной пластиной с небольшим стержнем, загнуто и расширено.

AYUDHA KATTI
South India. 18th to 19th century.
Steel, wood, forging, embossing, engraving, traces of copper solder. Full length 64, length of blade 47, width 6.4 cm.

The curving blade has its cutting edge on the concave side. An engraved pattern decorates the forte and the back of the blade. The figured, ribbed guard and the knuckle-guard are forged from one piece of steel. The canting, widening pommel terminates in a steel plate with a little spike.

150. ТЕСАК-ВЕРЧВОРАЛ
Южная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка, резьба, гравировка
Общ. дл. 59 см, дл. клинка 31,5 см, ш. 5 см

Клинок изогнутый, с линией заточки на вогнутой стороне, украшен гравированным орнаментом. В основании клинка вырезана голова яли. Обух украшен поперечными полосами из медного сплава. Рукоять цилиндрическая, ребристая, обхвачена плоскими стальными кольцами. Навершие коническое.
Аналогии: Тесак для жертвоприношений из коллекции ММ (6.25.1280) [Elgood,2004:70 / 6.3]

VEECHAROOVAL
South India. 17th to 18th century.
Steel, forging, chiselling, engraving. Full length 59 cm, length of blade 31.5 cm, width 5 cm.

An engraved pattern decorates this curving blade that has its cutting edge on the concave side. The base of the blade is chiselled with a yali head. Transversal copper alloy band decorate the back of the blade. A ribbed cylindrical handle is retained by flat steel rings and terminates in a conical pommel.
Comparable items: a sacrificial scythe in The Metropolitan Museum of Art (6.25.1280) [Elgood, 2004, p. 70, fig. 6.3].

ТОПОРЫ И БУЛАВЫ / AXES AND MACES

151. ГУРЗ
Северная или Центральная Индия. Первая половина XVII в.
Сталь, ковка, насечка золотом и серебром
Общ. дл. 60, дл. ударной части 8,5, ш. 7,3, диаметр рукояти 2,4 см

Боевое навершие грушевидной формы. Рукоять граненая с фризом, откованным на оправке. С тыльной стороны рукояти закреплена подвижная стальная петля прямоугольной формы. Булава украшена растительным орнаментом и арабской графикой в технике зарнишан.
Аналогии: деканская булава XVII в. из КФ, опубл. в [L'Art des chevaliers en pays d'Islam, 2007: 256 / 246]; турецкая булава XVII в. опубл. в [RIcketts,1988:30 / 25]

GURZ
North or Central India. First half of the 17th century.
Steel, forging, gold and silver inlay. Full length 60, length of head 8.5, width 7.3, diameter of shaft 2.4 cm.

The head is pear-shaped, the shaft is ribbed and features a mandrel-forged frieze. A moveable rectangular steel loop is attached to the shaft at the bottom. A zarnishan floral pattern and Araic lettering decorate the mace.
Comparable items: a 17th century Deccani mace in the Furusiyya Art Foundation collection, published in [Mohamed, 2008, p. 256, fig. 246]; a 17th century Turkish mace, published in [Ricketts, 1988:, p. 30, fig. 25].

152. БУЛАВА ИЛИ БОЕВОЙ ПРУТ
Центральная Индия (?). XVI–XVII вв.
Сталь, медный сплав, ковка, гравировка
Общ. дл. 83, ш. 2,8 см

Булава представляет изогнутый стальной стержень с расширением в ударной части. Граненый прут украшен гравировкой и обхвачен кольцами из медного сплава. Рукоять увенчана ребристой шишкой.

MACE OR WAR CLUB
Central India (?). 16th to 17th century.
Steel, copper alloy, forging, engraving. Length 83, width 2.8 cm.

The mace is a curving steel rod, widening at the head. The ribbed rod is chiseled and retained by copper alloy rings. The hilt is topped by a ribbed knob.

153. ШЕШПАР
Центральная или Северная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 67,3 см, дл. ударной части 9,8, ш. 9,7 см

Булава смонтирована из стержня цилиндрического сечения и восьми фигурных пластин-перьев.
Аналогии: булавы шешпар из коллекции МФД, опубл. в [Носов, 2011:260]; булава XVII в. схожей конструкции из КФ, опубл. в [L'Art des chevaliers en pays d'Islam, 2007: 254]

SHISHPAR
Central or North India. 17th to 18th century.
Steel, forging. Full length 67.3 cm, length of head 9.8, width 9.7 cm.

The mace is made up of a cylindrical rod and eight figured flanges.

Comparable items: shishpar maces in the Junagarh Fort Museum in Bikaner, published in [Nosov, 2011, p. 260]; a 17th century mace of a similar construction in the Furusiyya Art Foundation collection, published in [Mohamed, 2008, p. 254, fig. 244].

154. ШЕШПАР
Центральная или Северная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 77, дл. ударной части 7,2, ш. 7,5 см

Булава смонтирована из стального стержня и восьми фигурных пластин-перьев. Стержень, имеющий цилиндрическое сечение в верхней части, в нижней трети уплощен и соединен с эфесом типа индийская корзина. Стержень, украшенный гравировкой, ближе к боевому навершию обхвачен медным кольцом.

SHISHPAR
Central or North India. 17th to 18th century.
Steel, forging. Full length 77, length of head 7.2, width 7.5 cm.

The mace is made up of a steel shaft and eight figured flanges. Cylindrical in its upper part, the shaft is flattened in its lower third and connects to an Indian basket hilt. The engraved shaft is retained by a copper ring towards the head.

155. ШЕШПАР
Центральная или Северная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 71,5, дл. ударной части 9,5, ш. 8,2 см

Булава смонтирована из стального стержня и восьми фигурных пластин-перьев. Стержень, имеющий цилиндрическое сечение в верхней части, в нижней четверти уплощен и закреплен в эфесе индомусульманского типа.

SHISHPAR
Central or North India. 17th to 18th century.
Steel, forging. Full length 71.5, length of head 9.5, width 8.2 cm.

The mace is made up of a steel shaft and eight figured flanges. Cylindrical in its upper part, the shaft is flattened in its lower quarter and connects to an Indo-Muslim hilt.

156. ШЕШПАР
Центральная или Северная Индия, Декан (?). XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 72, дл. ударной части 9,5, ш. 9,3 см

Булава смонтирована из стального стержня и восьми фигурных пластин-перьев. Стержень цилиндри-

ческого сечения закреплен в эфесе индоперсидского типа. Навершие рукояти выполнено в форме головы попугая. Уплощенные концы перекрестья, выполненные в форме стилизованных бутонов, характерны для деканских эфесов второй половины XVII в.
Аналогии: эфесы с подобной конфигурацией перекрестий из коллекции Фурусия опубл. в [Mohamed, 2008:89, 91, 93, 95]; эфес с навершием в форме головы попугая из коллекции Хорхе Караваны, опубл. в [Rites of Power, 2010:119 / 44]

SHISHPAR
Central or North India, the Deccan (?).17th to 18th century.
Steel, forging. Full length 72, length of head 9.5, width 9.3 cm.

The mace is made up of a steel shaft and eight figured flanges. The cylindrical shaft is mounted on an Indo-Persian hilt. The pommel is shaped like a parrot's head. The flattened quillons, shaped like stylized flowerbuds, are characteristic of Deccani hilts of the second half of the 17th century.
Comparable items: hilts of a similar quillon design in the Furusiyya Art Foundation collection, published in [Mohamed, 2008, figs. 89, 91, 93, 95]; a parrot head hilt in the collection of Jorge Caravana, published in [Rites of Power, 2010, 119 / 44].

157. ШЕШПАР
Центральная или Северная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 92, дл. ударной части 13,3, ш. 5,9–4,5 см

Булава смонтирована из стального стержня и двух секций фигурных пластин-перьев.
Аналогии см.: булава с длинной рукоятью и несколькими секциями перьев опубл. в [Tirri, 2003: 342 / 256 c].

SHISHPAR
Central or North India. 17th to 18th century.
Steel, forging. Full length 92, length of head 13.3, width 5.9-4.5 cm.

The mace is made up of a steel shaft and two sections with figured flanges.
Comparable items: a mace with a long shaft and several flanges sections, published in [Tirri, 2003: 342 / 256C].

158. БУЛВА ИЛИ БОЕВОЙ ПРУТ
Центральная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь, ковка
Общ. дл. 71, дм ударной части 2,5 см

Граненый стержень с ударной частью в форме маленькой полусферы. На украшенном поперечными ребрами стержне закреплено подвижное кольцо. Дужка и гарда выкованы из одной изогнутой пластины. Эфес дополнен перекрестьем и сферическим навершием. Кончики перекрестья и дужки выполнены в форме стилизованных голов животных. Эфес и основание клинка украшены гравировкой.

MACE OR WAR CLUB
Central India. 17th to 18th century.
Steel, forging, chiselling. Full length 71, diameter of head 2.5 cm.

A facetted rod with a head that is shaped like a small semi-sphere. A frelly moveable ring slides along the chevroned shaft. The knuckle guard and the guard are forged from a single curved plate. The hilt has quillons and a spherical pommel. The quillon tips and the knuckle guard tip are shaped like stylized animal heads. An engraved pattern decorates the hilt and the base of the blade.

159. БУЛАВА
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, медный сплав, литье, ковка, резьба
Общ. дл. 53,8, дл. ударной части 8 см

Ударная часть отлита из медного сплава в форме кисти руки. Витая рукоять декорирована рельефными фризами с растительным орнаментом. Открутив ребристую шишку с тыльной части рукояти, можно обнаружить потайной стилет. Булава с боевой частью в форме кисти руки приходит в Индию из Ирана, где подобное оружие могли называть паштакхар.

MACE
North or Central India. 18th century.
Steel, copper alloy, casting, forging, chiselling. Full length 53.8, length of head 8 cm.

The head is cast from copper alloy in the shape of a hand. Relief friezes with a floral pattern decorate the handle. The ribbed knob at the bottom of the shaft can be unscrewed, revealing a stiletto blade hidden inside the shaft. Maces with a hand-shaped head came to India from Iran, where weapons of the kind could be referred to as pusht-khars.

160. ГУРЗ
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, ковка, насечка золотом
Общ. дл. 63,5, дл. ударной части 6,5, дм 6 см

Ребристое яблоко ударной части украшено рельефной резьбой и насечкой золотом. Цилиндрическая рукоять и шишка навершия покрыты насеченными золотом надписями на деванагари.

GURZ
North or Central India. 18th century.
Steel damascened in gold, forging. Full length 63.5, length of head 6.5, diameter 6 cm.

The ribbed apple of the head is chiselled in relief and damascened in gold. The cylindrical shaft and the pommel knob are filled with Devanagari lettering in gold.

161. ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ЖЕЗЛ
Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Дерево, серебро, чеканка, гравировка, резьба, золочение
Общ. дл. 78 см, ш. 5,7 см

Булава изготовлена из дерева и обтянута чеканным серебром. Навершие выполнено в форме головы льва. Конструкция и материалы не подразумевали боевого использования булавы.

CEREMONIAL BATON
North India. 18th to 19th century.
Wood, silver, embossing, engraving, carving, gilding.
Length 78 cm, width 5.7 cm.

The mace is made of wood and is covered with silver. The pommel is shaped like a lion head. Judging by materials used and the construction, the mace was not intended for battle use.

162. ДЖАФАР ТАКИЯ
Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка, чеканка
Общ. дл. 57,5 см, ш. 23,5 см

Изогнутый стальной прут использовался как церемониальная подпорка для руки, но мог служить и для самообороны. Нижняя часть прута, круглого в сечении, имеет форму усеченного конуса, украшенного рельефным растительным орнаментом. Верхняя, граненая часть прута увенчана изображением бутона. Булава украшена чеканным орнаментом.

JAFAR TAQIYYA
North India. 18th to 19th century.
Steel, forging, embossing. Length 57.5 cm, width 23.5 cm.

This curving steel rod was intended as a ceremonial arm support but it could also be used in self-defence. The rod is round in cross-section, its lower part shaped like a blunted cone and chiseled with a floral pattern in relief. The upper part of the rod is ribbed and terminates in a flowerbud. An embossed pattern decorates the mace.

163. ДЖАФАР ТАКИЯ
Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Медный сплав, ковка, чеканка, золочение
Общ. дл. 53, ш. 16 см

Изогнутый прут использовался как церемониальная подпорка для руки, но мог служить и в качестве ударно дробящего оружия. Нижняя часть прута, круглого в сечении, имеет форму усеченного конуса украшенного рельефным растительным орнаментом. Верхняя, граненая часть прута увенчана изображением бутона. Булава украшена вычеканенным орнаментом и арабской графикой.

JAFAR TAQIYYA
North India. 18th to 19th century.
Copper alloy, forging, embossing, gilding. Length 53, width 16 cm.

This curving steel rod was intended as a ceremonial arm support but it could also be used as a weapon. The rod is round in cross-section, its lower part shaped like a blunted cone and chiselled with a floral pattern in relief. The upper part of the rod is ribbed and terminates in a flowerbud. An embossed pattern and Arabic lettering decorate the mace.

164. ТАБАР
Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка, насечка золотом, плакировка серебром, золочение
Общ. дл. 59,5, дл. топора 12,5, ш. 8,3, толщина 2,6 см

Боевая часть топора выкована из булатной стали и украшена растительным орнаментом в технике кофтгари. Рукоять плакирована серебром и позолочена.

TABAR
North India. 18th to 19th century.
Steel damascened in gold. Forging, silver plating, gilding. Full length 59.5, length of axe 12.5, width 8.3, depth 2.6 cm.

A koftgari floral pattern decorates the wootz steel axe head. The shaft is silver plated and gilded.

165. ТАБАР
Северная или Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, ковка
Общ. дл. 75, дл. топора 10,8, ш. 6 см

Боевая часть с луновидным лезвием закреплена на изогнутом стержне прямоугольного сечения. Рукоять увенчана небольшим шаром.

TABAR
North or Central India. 18th century.
Steel, forging. Full length 75, length of axe 10.8, width 6 cm.

A crescent-shaped blade is mounted on a rectangular section curving shaft. The handle is topped by a small ball.

166. ТАБАР
Центральная Индия. XVIII в.
Сталь, дерево, ковка
Общ. дл. 57, дл. топора 13,6, ш. 8,6 см

Боевая часть закреплена на деревянной рукояти, усиленной стальной пластиной. Рукоять увенчана небольшим шаром.
Аналогии: топор подобной конфигурации опубл. в [Tirri, 2003: 334 / 253c]; схожие топоры из коллекции МФД опубл. в [Носов, 2011:253]

TABAR
Central India. 18th century.
Steel, wood, forging. Full length 57, length of axe 13.6, width 8.6 cm.

The head is mounted on a wooden shaft that is reinforced with a steel plate. The handle is topped by a small ball.
Comparable items: an axe of a similar configuration is published in [Tirri, 2003, p. 334, fig. 253C]; comparable axes from the Junagarh Fort Museum in Bikaner are published in [Nosov, 2011:253].

167. ЗАГНОЛ
Северная Индия. XVIII в.
Сталь, дерево, кожа, серебро
Общ. дл. 66,5, дл. клинка 25,5, ш. клинка 3,5 см

Слегка изогнутый клинок с выпуклым центральным ребром украшен резным рельефом у основания. Бронебойный конец ромбического сечения. Обух дополнен грибовидной шишкой. Топор декорирован насечкой золотом. Центральная часть деревянной рукояти обшита кожей. Основание и верхняя часть рукояти покрыты серебряными втулками, украшенными чеканным растительным орнаментом.
Аналогии: [Ricketts,1988:138 / 232].**ZAGHNAL**

North India. 18th century.
Steel, wood, leather, silver. Full length 66.5, length of blade 25.5, width of blade 3.5 cm.

A slightly curving blade with a bulging central ridge is chiselled in relief at the base. The armour-piercing tip exhibits a diamond cross-section. The back of the blade features a mushroom-shaped knob. The axe is damascened in gold. The middle part of the wooden shaft is covered with leather, while its top and bottom parts are hidden under silver sockets with embossed floral patterns.
Comparable items: [Ricketts, 1988, p. 138 / 232].

168. ЗАГНОЛ

Северная Индия, Раджастхан (?). XVIII в.
Сталь, ковка, резьба
Общ. дл. 17, дл. клинка 10, ш. клинка 2,8 см

Клинок слегка изогнут, имеет ромбовидное сечение. Загнол украшен рельефными изображениями хищников и цветов.

ZAGHNAL
North India, Rajasthan (?). 18th century.
Steel, forging, chiselling. Full length 17, length of blade 10, width of blade 2.8 cm.

A slightly curving blade exhobts a diamond cross-section. Predators and flowers in relief decorate the zaghnal.

169. ЗАГНОЛ
Северная Индия, Раджастан (?). XVIII в.
Сталь, ковка, резьба
Общая дл. 51,7, дл. клинка 21, ш. клинка 2,8 см

Слегка изогнутый четырехдольный клинок усилен центральным ребром. Боевой конец ромбического сечения. Основание клинка декорировано рельефными фигурами львов. Обух дополнен фигурой слона с поднятым хоботом. Топор закреплен на стальной рукояти, круглой в сечении. Рукоять завершена гладкой шишкой.

ZAGHNAL
North India, Rajasthan (?). 18th century.
Steel, forging, chiselling. Full length 51.7, length of blade 21, width of blade 2.8 cm.

This slightly curving blade has four fullers and a central ridge. The tip has a diamond cross-section. Lions in relief decorate the base of the blade. The back of the blade features an elephant with a raised trunk. The axe is mounted on a round section steel handle which is topped by a smooth knob.

170. ЗАГНОЛ
Северная Индия, Раджастан (?). XVIII в.
Сталь, дерево, кость, ковка, резьба
Общ. дл. 51, дл. клинка 22,3, ш. клинка 5,4 см

Слегка изогнутый клинок декорирован рельефными изображениями индуистских божеств и охотничьих сцен. Основание клинка украшено изображениями птиц. Обух дополнен изображением чхатри. Топор закреплен на деревянной рукояти, украшенной инкрустацией костью.
Аналогии: [Tirri, 2003: 338/ 254]

ZAGHNAL
North India, Rajasthan (?). 18th century.
Steel, wood, bone, forging, chiselling. Full length 51, length of blade 22.3, width of blade 5.4 cm.

Hindu deities and hunting scenes in relief decorate this slightly curving blade. The base of the blade is decorated by birds. The back of the blade features a chhatri image. The axe is mounted on a wooden handle that has bone (ivory?) inlay.
Comparable items: [Tirri, 2003, p. 338, fig. 254].

171. ТОПОР
Северная или Центральная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка, насечка серебром
Общ. дл. 23.5, ш. 13 см

Клинок в форме полумесяца украшен насечкой серебром. Обух дополнен небольшой ребристой шишкой

AXE
North or Central India. 18th to 19th century.
Steel damascened in silver, forging. Length 23.5, width 13 cm.

The crescent-shaped blade is damascened in silver. The back of the blade features a small ribbed knob.

172. БХУДЖ
Западная Индия, Гуджарат. Нач. XIX в.
Сталь, бронза, ковка, литье
Общ. дл. 66,5, дл. клинка 19, ш. 4,1 см

Однолезвийный клинок двойного изгиба выкован из дамасской стали. Боевой конец ромбического сечения. Бронзовая деталь, отлитая в форме головы слона, соединяет основание клинка со стальной трубкой рукояти. Навершие рукояти выполнено в форме усеченного конуса с фризом.
Аналогии: [Tirri, 2003: 288 / 211, 211a]

BHUJ
Western India, Gujarat. Early 19th century.
Steel, copper alloy, forging, casting. Full length 66.5, length of blade 19, width 4.1 cm.

This re-curved single-edged blade is manufactured from Damascus steel. The tip has a diamond cross-section. A copper alloy casting of an elephant head serves to connect the base of the blade to the steel tube of the shaft. The pommel is shaped like a blunted cone with a frieze.
Comparable items: [Tirri, 2003, p. 288, figs. 211, 211A].

ПРОЧЕЕ / ATHER ARMS AND ARMUR

173. ТАРКАШ
Центральная или Южная Индия. XVI в.
Бронза. Литье, резьба, гравировка, чеканка
Общ. дл. 22,2, ш. 7,5 см

Колчан для коротких стрел полутрубчатой формы отлит из бронзы по методу утраченной восковой модели. Поверхность доведена с помощью резьбы и чеканки. Колчан украшен фризом и рельефным изображением головы мифологического животного – яли. С обратной стороны колчан снабжен двумя прямоугольными петлями для крепления на ремень. Роберт Элгуд приводит изображения деталей скульптурных изображений колчанов для небольших стрел в храмах конца XVI в. в Веллоре и Кумбаконаме. Колчаны схожих пропорций также украшены изображениями голов яли. На изображении из Кумбаконама (Kumbakonam Rama Tample) колчан закреплен на сбруе лошади. Маленькие луки такшикаман для стрельбы короткими стрелами упоминаются в трактате XVI в. «Айн-и-Акбари».
Аналогии: [Elgood, 2004:190–191]; короткие стрелы из коллекции МФД опубл. в [Носов, 2011:300](00211)

TARKASH
Central or South India. 16th century.
Copper alloy. Casting, chiselling, engraving, embossing.
Full length 22.2, width 7.5 cm.

A semi-tubular quiver for short arrows is made from copper alloy using the lost-wax casting method. The surface was further refined by chiselling and embossing. A frieze and the head of a mythological creature, a yali, in relief decorate the quiver. Two rectangular loops on the back of the quiver served to attach it to a belt. Robert Elgood published photos of carved stone quivers for short arrows in late 16th century temples in Vellore and Kumbakonam. These are of similar proportions and also feature yali heads in relief. The image at the Kumbakonam Rama Temple has the quiver fixed to the harness. Small takhsh kaman bows that used short arrows are mentioned in the 16th century treatise A'in-i-Akbari.
Comparable items: [Elgood, 2004, p. 190-191]; short arrows in the Junagarh Fort Museum in Bikaner published in [Nosov, 2011:300].

174. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ
Северная Индия, Раджастхан (?). XVIII в.
Сталь. Бронза, медь, серебро, ковка, насечка золотом
Общ. дл. (сверху вниз) 17,8, 16,9, 18,3, 13,5, 13,7, 23,2

Три верхних наконечника выполнены в форме миниатюрных катаров. Черенки обхвачены серебряными, бронзовыми и медными кольцами. Два следующих наконечника декорированы насечкой золотом. Основание последнего наконечника отделано медью серебром и медью. Различное оформление стрел позволяло опознавать выпущенные стрелы после боя.
Аналогии: идентичные стрелы, украшенные насечкой золотом [Tirri, 2003:274 / 199]; наконечники стрел в форме миниатюрных катаров из коллекции МФД опубл. в [*Носов*, 2011:299]

ARROW HEADS
North India, Rajasthan (?). 18th century.
Steel damascened in gold. Copper alloy, copper, silver, forging. Full length (from top to bottom) 17.8, 16.9, 18.3, 13.5, 13.7, 23.2 cm.

The three top heads are shaped like miniature katars. The shafts are retained by silver, copper alloy and copper bands. Two arrow heads lower down are damascened in gold. The base of the last arrow head has silver and copper detailing. Arrow heads were were made in different designs so that it would be easier to attribute spent arrows after a battle.
Comparable items: similar arrows, damascened in gold [Tirri, 2003, p. 274 / 199A]; arrow heads shaped like miniature katars in the Junagarh Fort Museum in Bikaner, published in [Nosov, 2011, p. 299].

175. КАМАН
Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка, следы медного припоя
Общ. дл. 102,5, ш. 3,8 см

Стальной лук состоит из двух частей, соединяемых на резьбу у рукояти.

175. KAMAN
North India. 18th to 19th century.
Steel. Forging, traces of copper solder. Full length 102.5, width 3.8 cm .

The steel bow is made of two parts that are screwed together at the handle.

176. ТАРКАШ (КОЛЧАН СО СТРЕЛАМИ)
Северная Индия. XIX в.
Кожа. Ткань, шитье серебром
Дл. 60, ш. 17

СТРЕЛЫ (10 ШТ.)
Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка. Тростник
Дл. от 69,8 до 75,7 см

Аналогии: таркаш, расшитый серебряными нитками, из КФ, опубл. в [Mohamed, 2008:389]

TARKASH (QUIVER WITH ARROWS)
North India. 19th century.
Leather. Textile, silver embroidery. Length 60, width 17 cm.

ARROWS (10)
North India. 18th to 19th century.
Steel. Forging. Cane. Length from 69.8 to 75.7 cm.

Comparable items: a silver-embroidered tarkash from the Furusiyya Art Foundation collection, [Mohamed, 2008, p. 389].

177. БИРУДУНГИ
Южная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка, чеканка
Дл. 37,5, ш. 4 см

Изогнутый стальной бумеранг украшен орнаментом.
Аналогии: бирудунги XVIII в. из собрания НМЛ [Elgood, 2004:191]

BIRUDUNGI
South India. 18th to 19th century.
Steel. Forging, embossing. Length 37.5, width 4 cm.

The curving steel boomerang is decorated with an embossed pattern.

178. НАНОСНИК ШЛЕМА
Центральная или Северная Индия. XVI в.
Сталь. Ковка.
Дл. 29, ш. 12 см

Стальной наносник в форме якоря. Такие наносники устанавливали как на кольчужные, так и на стеганые шлемы.
Аналогии: наносник из КФ опубликован в [Mohamed, 2007:333, / 320]; стеганый шлем со стальным наносником из коллекции ММ (№ 36.25.122) опубл. в [Elgood, 2004:57 / 5.2]; аналогичный шлем в экспозиции КАЛ

NASAL
Central or North India. 16th century.
Steel. Forging. 29 x 12 cm.

The steel nasal is anchor-shaped. Nasal of this type were used with both mail and padded helmets.
Comparable items: a nasal from the Furusiyya Art Foundation collection, published in [Mohamed, 2008, p. 333, fig. 320]; a padded helmet with a steel nasal from The Metropolitan Museum of Art (№36.25.122) published in [Elgood, 2004, p. 57, fig. 5.2]; a comparable helmet in the Royal Armouries Museum in Leeds.

179. ШЛЕМ
Северная Индия. Моголы. XVII–XVIII вв.
Сталь. Ковка, чеканка, гравировка, насечка золотом.
Дл.28, ш. 18,5 см

Шлем выкован в форме полусферы, дополнен подвижным наносником и трубочками для плюмажа. По нижнему краю проходит ряд отверстий для крепления бармицы. Поверхность шлема украшена гравированным узором. На нижней части шлема различимы остатки насечки золотом.
Аналогии: шлем подобной конструкции из коллекции НМНД опубл. в [Pant, 2001:49 / 23]

HELMET
North India. Mughal. 17th to 18th century.
Steel. Forging, embossing, engraving, gold inlay. 28 x 18,5 cm.

The semi-spherical helmet features a moveable nasal and plume-holders. The helmet is pierced around the rim for the attachment of an aventail. An engraved pattern decorates the helmet and traces of damascening in gold remain in the lower part.
Comparable items: a helmet of a similar construction in the National Museum, New Delhi [Pant, 2001, 49 / 23].

180. ШЛЕМ С БАРМИЦЕЙ
Северная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь. Ковка
В. 41,5, дл. 21 см

Шлем выкован в форме полусферы, дополнен подвижным наносником и трубочками для плюмажа. На внутренней поверхности шлема сохранился красочный слой. Шлем снабжен кольчужной бармицей, вероятно, в конце XIX в. Кольца бармицы сведены и не заклепаны.
Аналогии: шлем подобной конструкции из коллекции НМНД опубл. [Pant, 2001:49 / 23]

HELMET WITH AVENTAIL
North India. 17th to 18th century.
Steel. Forging. Height 41.5, diameter 21 cm.
The semi-spherical helmet features a moveable nasal and plume-holders. A layer of paint remains on the inside. The mail aventail was probably attached in the late 19th century. The mail links in the aventail are butted and not riveted.
Comparable items: a helmet of a comparable construction in the National Museum, New Delhi [Pant, 2001, p. 49 / 23].

181. ШЛЕМ
Северная Индия. XVII–XVIII вв.
Сталь. Ковка, резьба, насечка золотом
В 9,3, дл. 19,5 см

Шлем выкован из булатной стали в форме полусферы. Шлем был дополнен наносником и трубочками для плюмажа (утрачены). Поверхность шлема декорирована рельефным орнаментом. Различимы следы насечки золотом.
Аналогии: пара базубандов с идентичным декором в экспозиции МВА

HELMET
North India. 17th to 18th century.
Steel damascened in gold. Forging, chiselling. Height 9.3, diameter 19.5 cm.

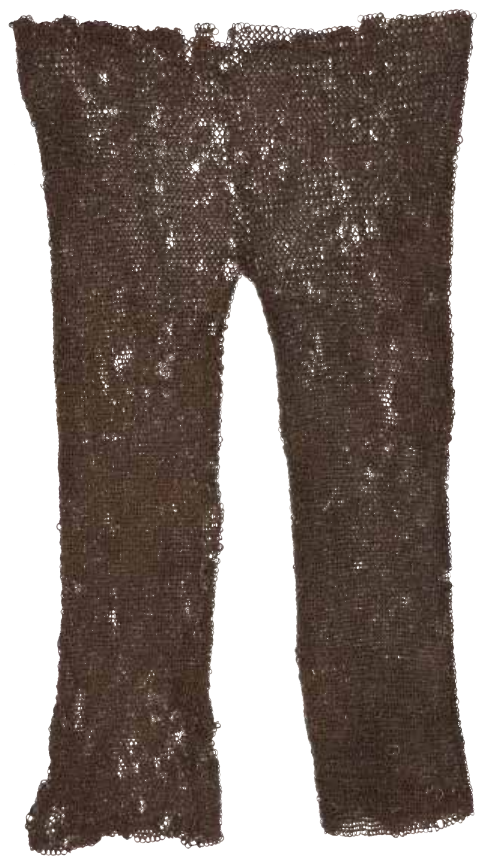
This semi-spherical helmet is manufactured from wootz steel. Originally it featured a nasal and plume-holders (all missing). The helmet is chiselled with an ornamental pattern in relief. Traces of damascening in gold can be discerned.
Comparable items: a pair of bazubands with identical decoration on view at the Victoria and Albert Museum.

182. КОЛЬЧУЖНЫЙ ШЛЕМ
Северная или Центральная Индия. XVI в. или ранее.
Сталь. Ковка.
В. 47, ш. 54 см

Шлем собран из колец, клепанных на гвоздь. Кольца вырублены из листа и имеют прямоугольное сечение.
Аналоги: шлем-капюшон из коллекции НМНД опубл. [Pant, 2001:40 / 7]

MAIL HELMET
North or Central India. 16th century or earlier.
Steel. Forging. Height 47, width 54 cm.

The helmet is made from riveted mail, each link cut from sheet metal and rectangular in cross-section.
Comparable items: a mail hood in the National Museum, New Delhi [Pant, 2001, p. 40, fig. 7].



183. КОЛЬЧУЖНЫЙ ШЛЕМ
Северная или Центральная Индия. XVII в.
Сталь. Ковка
В. 44, ш. 34 см

Шлем собран из колец, клепанных на гвоздь, и колец, высеченных из листа. Каждое из колец соединено с четырьмя соседними.
Аналогии: шлем подобной конструкции из коллекции НМНД опубл. [Pant, 2001:38]

MAIL HELMET
North or Central India. 17th century.
Steel. Forging. Height 44, width 34 cm.
The helmet is made from riveted mail. Each link is cut from sheet metal and connects to four neighbouring links.
Comparable items: a helmet of similar construction in the National Museum, New Delhi [Pant, 2001, p. 38].

184. ЗИРАХ КУРТА
Северная или Центральная Индия. XVII в.
Сталь. Ковка
В. 60, ш. 120, вес 6,8 кг

Кольца кольчуги выкованы из волоченой проволоки круглого сечения. Кольца клепаны на гвоздь горячим способом. Каждое из колец соединено с четырьмя соседними. Кольца на груди и плечах массивней и толще прочих.
Аналогии: кольчуги из коллекции НМНД [Pant, 2001:124–125]

ZIRACH KURTA
North or Central India. 17th century.
Steel. Forging. Height 60, width 120, weight 6.8 kg.

The mail links are manufactured from round section drawn wire. Each link is riveted to four neighbouring links. The links on the chest and the shoulders are more massive and thicker than elsewhere on the mail shirt.
Comparable items: coats of mail in the National Museum, New Delhi [Pant, 2001, p. 124-125].

185. ШТАНЫ КОЛЬЧУЖНЫЕ (ДЕТСКИЕ)
Северная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка
Дл. 71, ш. 42 см

Штаны собраны из тонких колец, клепанных на гвоздь, и колец, высеченных из листа.
Аналогии: кольчужные штаны из коллекции НМНД [Pant, 2001:166]

TROUSERS OF MAIL (MADE FOR A BOY)
North India. 18th century.
Steel. Forging. Length 71, width 42 cm.

The mail that these trousers are made from has both thin riveted links and links that were cut from sheet metal.
Comparable items: mail trousers in the National Museum, New Delhi [Pant, 2001, p. 166].

186. ПОЯС
Центральная или Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Кожа, ткань, шитье.
Дл. 83, ш. 19 см

Кожаный пояс обшит тканью, бархатом и украшен шитьем серебряной ниткой.
Аналогии: пояс из коллекции КАЛ, принадлежавший Типу Султану, опубл. в [Носов, 2011:125]

BELT
Central or North India. 18th to 19th century.
Leather, textile, embroidery. Length 83, width 19 cm.

This belt is made of leather and covered with cloth and velvet, the whole decorated with silver embroidery.
Comparable items: a belt in the Royal Armouries Museum in Leeds that used to belong to Tipu Sultan [Nosov, 2011:125].

187. ЧАР АИНА
Северная Индия. XVIII в.
Сталь. Медный сплав, ковка, чеканка, золочение
В. пластин для защиты спины и груди 28,5, ш. 21,5, в. двух меньших пластин 25,8, ш. 18 см
Доспех состоит из четырех вогнутых пластин, соединявшихся ремнями. Пластины декорированы чеканными медными медальонами с изображением цветов и индийского божества. Различимы остатки насечки золотом.
Аналогии: доспех чар аина из коллекции НМНД [Pant, 2001:119]

CHAR-AINA
North India. 18th century.
Steel, copper alloy, forging, embossing, gilding. Back and chest plates: height 28.5, width 21.5, side plates: height 25.8, width 18 cm.

The boady armour consists of four concave plates that were connected by straps. The embossed copper medaillons that decorate the plates feature flowers and a Hindu deity. Traces of damascening in gold can be discerned.
Comparable items: a char-aina armour in the National Museum, New Delhi [Pant, 2001, p. 119].

188. ЧАР АИНА
Северная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, плакировка серебром
В. пластин для защиты спины и груди 29,5, ш. 23, высота двух меньших пластин 25,7, ш. 18 см

Доспех состоит из четырех трапециевидных вогнутых пластин, соединявшихся ремнями. Пластины декорированы плакировкой серебром.
Аналогии: доспех чар аина из коллекции НМНД [Pant, 2001:119]

CHAR-AINA
North India. 18th century.
Steel. Forging, silver plating. Back and chest plates: height 29.5, width 23, side plates: height 25.7, width 18 cm.

The boady armour consists of four trapezoid plates that were connected by straps. Silver plating decorates the plates.
Comparable items: a char-aina armour in the National Museum, New Delhi [Pant, 2001, p. 119].

189. ЩИТ
Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка, насечка золотом и серебром
Д. 23 см

Щит стальной, выпуклый, с четырьмя фигурными сферическими умбонами. Поверхность щита украшена растительным орнаментом в технике кофтгари Аналогии см.: щит из коллекции НМНД [Pant, 2001:92]

SHIELD
North India. 18th to 19th century.
Steel damascened in silver and gold, forging. Diametre 23 cm.

The convex shield is made of steel and features four figured spherical bosses. A koftgari floral pattern decorates the surface.
Comparable items: a shield in the National Museum, New Delhi [Pant, 2001, p. 92].

190. ПАРА БАЗУБАНДОВ
Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь. Ковка.
1 – дл. 31, ш. 9 см; 2 – дл. 31, ш. 9,5 см

Каждый из пары трубчатых базубандов состоит из двух половин, соединяемых на штифтах. Каждая из половин базубанда по краям декорирована ажурными фигурными пластинами.
Аналогии см.: пара базубандов идентичной конструкции из коллекции НМНД [Pant, 2001:153]

PAIR OF BAZUBANDS
North India. 18th to 19th century.
Steel. Forging. Bazuband 1: length 31, width 9 cm.; bazuand 2: length 31, width 9.5 cm.

Each of the two tubular armguards is made up of two plates hinged together on pins. Pierced figured plates decorate each of the four parts.
Comparable items: a pair of bazubands of identical construction in the National Museum, New Delhi [Pant, 2001, p. 153].

191. БАЗУБАНД
Центральная Индия. XVIII в.
Сталь. Ковка, травление, гравировка, насечка золотом
Дл. 36,5, ш. 10,8 см

Трубчатый базубанд состоит из двух половин, соединенных петлей. Поверхность наруча украшена изображениями человеческих фигур и птиц, рельефным орнаментом и арабской графикой.
Аналогии: деканский базубанд конца XVII в. со схожим декором из КФ. [Mohamed 2008: 312 / 300]

BAZUBAND
Central India. 18th century.
Steel damascened in gold. Forging, etching, engraving. Length 36.5, width 10.8 cm.

A tubular bazuband is made up of two parts connected by a hinge. Human figures and birds, a pattern in relief and Arabic lettering decorate the surface.
Comparable items: a late 17th century Deccani bazuband with a comparable decoration in the Furusiyya Art Foundation collection [Mohamed, 2008, p. 312, fig. 300].

192. ЧИМТА
Северная Индия, Бунди (?). Начало XVIII в.
Сталь, ковка, резьба, гравировка, чеканка
Дл. 42,5, ш. 4 см

Стальные щипцы чимта украшены рельефными изображениями слонов и птиц.

CHIMTA
North India, Bundi (?). Early 18th century.
Steel, forging, chiselling, engraving, embossing. Length 42.5, width 4 cm.

Elephants and birds in relief decorate these steel pliers.

193. ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ПИСЬМА НА ПАЛЬМОВЫХ ЛИСТЬЯХ
Южная Индия. XVIII в.
Дл. 21,7, ш. 1,8 см. Сталь, ковка, плакировка серебром
Дл. 19,5, ш. 1,5 см. Сталь, ковка, чеканка
Верхняя часть стального инструмента выполнена в форме меча аюда кати. На голомени клинка нанесена надпись на телугу(?).

WRITING UTENSILS
South India. 18th century.
Length 21.7, width 1.8 cm. Steel, forging, silver plating.
Length 19.5, width 1.5 cm. Steel, forging, embossing.
These steel styli were used for writing on palm leaves. The upper part of one is shaped like an ayudha katti knife and has an inscription in Telugu(?) on the flat of the blade.

194. ЦИРКУЛЬ
Северная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка.
Дл. 57,8, ш. 2,3 см(00233)

DIVIDERS
North India. 18th to 19th century.
Steel, forging. Length 57.8, width 2.3 cm.(00233)

195. БАГНАКА
Северная или Центральная Индия. XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка.
Дл. 8,5, ш. 5,1 см

BHAGNAKA
North or Central India. 17th to 19th century.
Steel, forging. Length 8.5, width 5.1 cm.(00234 1-2)

ОРУЖИЕ КИАТЯ, ТИБЕТА И НЕПАЛА ИЗ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

ARMS AND ARMOURS OF CHINA, TIBET AND NEPAL FROM PRIVATE COLLECTIONS

ОРУЖИЕ АРМЕЙСКИХ ОБРАЗЦОВ / ARMY ISSUE WEAPONS

196. ЛУК КОМПОЗИТНЫЙ
Китай. XIX в.
Дерево, береста, сухожилия, клей, лак, столярная обработка, лакирование Общ. дл. 152 см
Аналогии: луки императора Канси, собрание ГП [Цин гун, 2008:31 / 24, 25]; лук императора Цяньлуна, ГП [Цин гун, 2008:32/26]; лук композитный, собрание ВИМАИВиВС (инв. № 082/32)[Анисимова, 2013:427, 429]

COMPOSITE BOW
China. 19th century.
Wood, beech bark, sinew, glue, laquer, woodworking. Full length 152 cm.
Comparable items: bows of the Kangxi Emperor [Qing gong, 2008, 31 / 24, 25] and the bow of the Qianlong Emperor [Qing gong, 2008: 32/26], both in the Palace Museum in Beijing; a composite bow in the Artillery Museum in Saint Petersburg (accession number 082/32) [Anisimova, 2013: 427, 429].

197. САБЛЯ ЛЮЕДАО

Китай. XVIII в.
Сталь, латунь, дерево, лак, ковка, гравировка, пайка, чеканка, слесарная обработка, лакирование-Общ. дл. 92, дл. без ножен 84,5; дл. клинка 69, ш. у пяты 3 см

В ножнах с прибором в стиле, переходном от стиля фанши к юаньши. У пяты клинка муфта тунькоу (吞口)*необычной формы, встречающаяся крайне редко, преимущественно на мечах цзянь в более ранние периоды истории Китая**. На левой голомени у пяты – гравированное изображение фехтовальщика, во второй трети клинка – флоральный узор. Аналогии: сабля пэйдао, частное собрание Цзя Жуя, КНР [Лян Баочжун, Чжао Ган, 2008: 39].

*О генезисе муфты тунькоу, первоначально предназначенной предотвращать разбалтывание клинка в ножнах, см. [Горелик, 2004:96–101].

**Позднеминский меч цзянь с тунькоу аналогичного типа опубликован Хуанфу Цзяном [Хуанфу Цзян, 2007:118].

LIUYEDAO SABRE WITH SCABBARD

China. 18th century.
Steel, copper alloy, wood, laquer, forging, engraving, soldering, embossing, metalworking. Full length 92, length without scabbard 84,5; length of blade 69, width at the forte 3 cm.

The scabbard detailing shows traits of transition between fangshi and yuanshi styles. The tunkou (吞口) collar at the base of the blade is of an unusual form which one only encounters, if ever, on jian swords dating back to earlier periods of Chinese history. (On the genesis of the tunkou collar that was originally intended to better fix the sabre in its scabbard see [Gorelik, 2004: 96–101]). The left flat of the blade features an engraving of a swordsman at the forte and a floral pattern in the second third of the blade.
Comparable items: a peidao sabre in the private collection of Jia Rui, PRC [Liang Baozhong, Zhao Gang, 2008: 39]; for a late Ming jian sword with a similar tunkou see [Huangfu Jiang, 2007: 118].

198. ДВУРУЧНАЯ САБЛЯ ВОДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Конец XVIII – начало XIX вв.
Сталь, медный сплав, дерево, текстильное волокно, ковка, пайка, слесарная обработка
Общ. дл. 107; дл. клинка 78,5; ш. у основания 3,2; ш. у острия 3,8 см

WODAO TWO–HANDED SABER
China. Late 18th to early 19th century.
Steel, copper alloy, wood, textile, forging, soldering, metalworking.

Full length 107; length of blade 78.5; width at the base 3,2; width at the point 3.8 cm.

199. САБЛЯ ПЭЙДАО (БЕЗ НОЖЕН)
КИТАЙ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.
Сталь, медный сплав, дерево, текстильное волокно, ковка, пайка, слесарная обработка, гравировка
Общ. дл.: 91, дл. клинка 71, ш. у пяты 28 см
С прибором в стиле фанши. Клинок пакетной ковки, откован на два клина, поверхность металла имеет красивый узор в виде волны. Предположительно, клинок имеет вставное лезвие цяньган (前鋼)*. У пяты клинка выгравирована имитация муфты тунькоу – декоративный мотив, характерный для середины – второй половины XVIII в.
Аналогии: сабля яньлиндао, частное собрание Ян Юна, КНР [Пэн Пэн, 2011:87 / 38.5]

*При конструкции клинка цяньган в U-образную основу клинка из упругой стали вкладывается вставка из твердой стали, образующая лезвие.

PEIDAO
China. Second half of the 18th to early 19th century.
Steel, copper alloy, wood, textile, forging, soldering, metalworking, engraving. Full length: 91, length of blade 71, width at the forte 28 cm.

The fittings and scabbard are in the fangshi style. The blade is forge–welded from steel rods of different carbon content, its surface showing a fine wave pattern. The blade tapers from the forte to the tip by the back of the blade and it gets narrower from the forte to the tip. Presumably, a qiangang (前鋼) blade is secreted inside the sabre. When constructing a qiangang blade, an inset of hard steel that forms the blade is inserted into the U–shaped blade base of flexible soft steel.

The forte of the sabre features an engraved imitation of a tunkou collar, a decorative device that is characteristic of the mid– to late 18th century blades.
Comparable items: a yanlingdao sabre in the private collection of Yang Yong, PRC [Peng Peng, 2011, 87 / 38.5]. (00238)

200. САБЛЯ ЛЮЕДАО (БЕЗ НОЖЕН)
КИТАЙ. XIX В.
Сталь, дерево, текстильное волокно (шнур), ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 104, дл. клинка 88,5, ш. клинка 3,6 см

Детали прибора изготовлены в произвольном стиле, не соотносящтмся ни с «квадратным» стилем фанши (характерен для XVII – первой половины XVIII вв.), ни с «круглым» стилем юаньши (характерен для конца XVIII – XIX вв.), ни промежуточного между ними стиля.
Клинок длинный, слабоизогнутый, пятигранный в сечении, с ярко выраженным ребром жесткости по голоменям. Характерной особенностью клинка является резкое сведение верхних боковых граней, практически образующих сильно затупленное лезвие.

LIUYEDAO SABRE
China. 19th century.
Steel, wood, textile cord, forging, metalworking. Full length 104, length of blade 88,5, width of blade 3,6 cm.
The fittings are in a free style that coresponds neither to the 'angular' fangshi (characteristic of the 17th to the first half of the 18th century), nor to the 'rounded' yuanshi (characteristic of the late 18th to 19th century), nor to the transitional style between those two. The long, slightly curving blade has a pentagonal cross–section and a pronounced central ridge on both sides. The peculiarity of this sabre is the abrupt tapering of its upper lateral edges which practically form a blunt edge.

201. САБЛЯ ПЭЙДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Конец XVI – первая половина XVII вв.
Сталь, дерево, медный сплав, ковка, литье, слесарная и столярная обработка, чеканка, гравировка
Общ. дл. 89, дл. клинка 74, ш. у основания 3,7 см

С прибором стиля юаньши. Прибор эфеса из медного сплава желтого цвета состоит из навершия, обоймицы бингу и круглой гарды с отбортовкой, покрыт гравированными изображениями драконов куй (夔). Клинок сложного сечения и формы, боевой конец имеет вид «головы рыбы» (кит. юйтоу 魚頭)*, в первой трети клинка у пяты кузнечным способом сделана имитация муфты тунькоу, образующая рикассо.
На правой голомени у пяты клинка выгравирована иероглифическая надпись из 8 знаков: 工部製造重貳斤零 Гунбу чжицзао чжун эр цзинь Лин (Изготовлено Ведомством Общественных работ, вес 2 цзинь, [мастер приемки] Лин).
Аналогии: сабля пэйдао, собрание ПГОМ им. В.К. Арсеньева, инвентарный № МПК 2530–6 [Холодное оружие, 2009:44, 45] **; сабли пэйдао из частных собраний Сюй Шаохуя, Сюй Лючжэня, Чан Яня и Ян Юна [Пэн Пэн, 2011:102 / 53]

*Современный китайский оружиеведческий термин, введенный китайскими исследователями и коллекционерами китайского клинкового оружия. В англоязычном оружиеведении употребляется термин clipped point, а в русском – «щучка» по аналогии с головой щуки.
** Сабля из ПГОМ им. В.К. Арсеньева подвергалась демонтажу рукояти с заменой деталей прибора в конце XIX в. и датирована музейными работниками концом XIX в.(00239_2)

PEIDAO SABRE
CHINA. LATE 16TH TO THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY.
Steel, wood, copper alloy, forging, casting, metal and woodworking, embossing, engraving. Full length 89, length of blade 74, width at the base 3,7 cm.
The fittings are in the yuanshi style. The hilt is made of yellow copper alloy and features a pommel, a binggu ferrule and a round collared guard. It is engraved with kui (夔) dragons. The blade exhibits a complicated form and cross-section, terminating in a clipped point which contemporary Chinese scholars and collectors call yutou (魚頭).

The first third of the blade exhibits a forged imitation of a tunkou collar that forms a ricasso.

The right flat of the blade has an engraved inscription at the forte, reading '工部製造 重貳斤零' (gongbu zhizao zhong er jin ling, 'Manufactured by the Ministry of Public Works, weight of two cutties, [accepted by master] Ling').
Comparable items: a peidao sabre in the Arseniev State Museum in Vladivostok, accession number МПК 2530-6 [Kholodnoye Oruzhiye, 2009: 44, 45], the hilt of the sabre from the Arseniev Museum was dismounted and had parts of its fitting replaced in the late 19th century so the museum dates it to the late 19th century; peidao sabers in the private collections of Xu Shaohui, Xu Liuzhen, Chang Yan and Yang Yong [Peng Peng, 2011: 102 / 53].

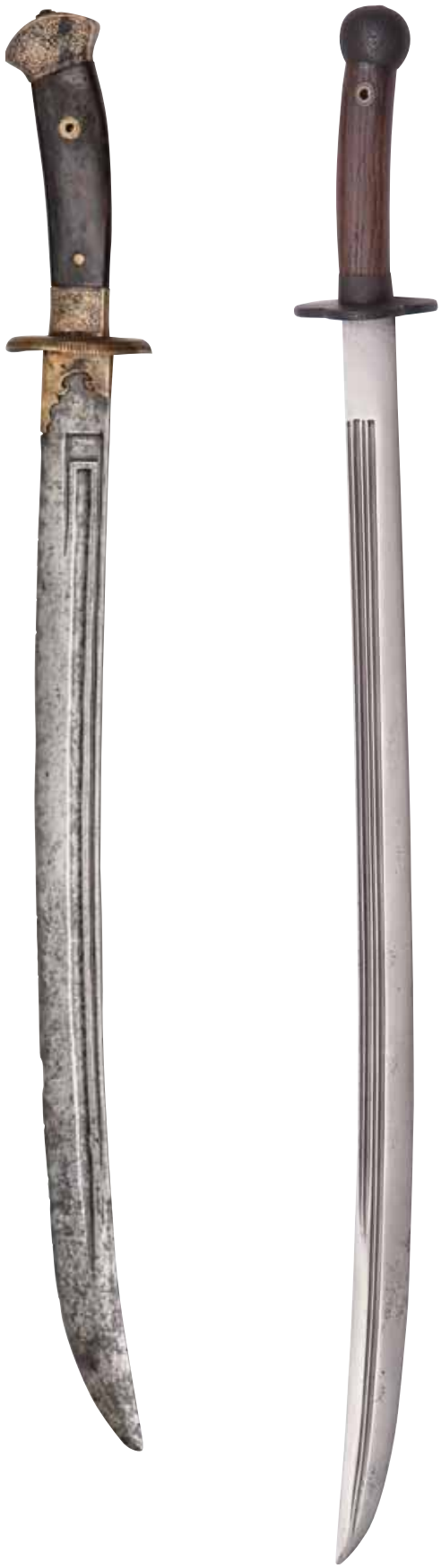
202. САБЛЯ ЯНЬМАОДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Первая половина – середина XVIII в.
Сталь, дерево, медный сплав, текстильное волокно (шнур), бумага, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 88, дл. клинка 70,5, ш. у основания 3,6, ш. боевого конца 3,8 см

С прибором стиля фанши. Клинок имеет сложную конфигурацию коротких и длинных долов, характерных для маньчжурского клинкового оружия первой половины периода Цин (1636–1912). Особенно интересна комбинация сквозных прорезных долов, по которым должны были перекатываться шарики, сделанные из металла (утрачены). Это характерный для мусульманского оружия декоративный мотив, именуемый индийцами «слезы обиженных»*. В Китае он был заимствован во время правления императора Цяньлуна (1735–1796). В начале последней трети клинка у обуха медным сплавом желтого цвета таушировано круглая вставка, отмечающая «точку удара» или «слабое место» клинка, наиболее эффективное при нанесении рубящего удара**.
Публикации: данная сабля была впервые опубликована А.М. Пастуховым [Пастухов, 2012а:345 / 7]; впоследствии сабля была опубликована Е.А. Багриным [Багрин, 2013:262] ***

*Современными китайскими оружиеведами данный мотив именуется «катящиеся жемчужины» (кит. гуньчжу 滚珠).
**Английский аналог данного термина – percussion point.
*** В книге предложена неверная датировка предмета XVII веком.(00240)

YANMAODAO SABER
CHINA. FIRST HALF TO THE MIDDLE OF THE 18TH CENTURY.
Steel, wood, copper alloy, textile cord, paper, forging, metalworking. Full length 88, length of blade 70.5, width at base 3.6, width at point 3.8 cm.

The fittings are in the fangshi style. The blade features a complicated configuration of short and long fullers, which is quite typical for Manchurian bladed weapons of the first half of the Qing period (1636-1912). The most interesting about it is a combination of continuous channels bored inside the blade that would contain rolling ball bearings (the balls are missing). This device is characteristic of Muslim weapons. In India it was referred to as the 'Tears of the Wounded'. It was adopted in China during the reign of the Qianlong Emperor (1735-1796); nowadays Chinese weapons experts call this device 'rolling pearls' (gunzhu, 滚珠). A round inset, damascened in a yellow copper alloy by the back of the blade in the beginning of the last third of the blade, marks the center of percussion of this sabre. This is the weapon's 'sweet spot', capable of delivering the most powerful blow.



203. САБЛЯ ЛЮЕДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. XIX в.
Сталь, дерево, медный сплав. Ковка, слесарная обработка
Общ. длина 84,5, дл. клинка 65, ш. у основания 4,2 см

С прибором стиля фанши. Стиль прибора и разделки долов имитирует стиль работы XVIII в., однако некоторая скованность руки мастера выдает подражательный характер его работы.

LIUYEDAO SABRE
CHINA. 19TH CENTURY.
Steel, wood, copper alloy. Forging, metalworking. Full length 84.5, length of blade 65, width at base 4.2 cm.
The fittings are in the fangshi style. The fittings and the fullers style imitate 18th century work, but a certain stiffness in the design gives the master away as a copyist.

204. САБЛЯ ПЭЙДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Середина – вторая половина XIX в.
Сталь, дерево, медный сплав, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 87,7, дл. клинка 71,5 ш. у основания 3, ш. боевого конца 3,3 см

С прибором в стиле юаньши.

PEIDAO SABRE
China. Middle or second half of the 19th century.
Steel, wood, copper alloy, forging, metalworking. Full length 87.7, length of blade 71.5, width at base 3, width of point 3.3 cm.
The fittings and scabbard are in the yuanshi style.

205. САБЛЯ ЛЮЕДАО (В НОЖНАХ)
Китай. Нач. – пер. пол. XX в.
Сталь, дерево, медный сплав, левкас, лак, текстильное волокно (шнур), бумага, ковка, слесарная обработка, литье, гравировка, чеканка, пайка, грунтовка левкасом, лакирование
Общая дл: 970 мм. Дл. без ножен 92, дл. клинка 76,3, ш. у основания 33 см

С D–образной гардой и антропоморфным навершием рукояти. Литое навершие из медного сплава желтого цвета оформлено в виде человеческой головы, держащей во рту дужку гарды. Прибор сабли и ножен покрыт чеканным флоральным узором на

фоне, проработанном точечной прочеканкой. На правой голомени прочеканено изображение дракона, играющего с огненной жемчужиной. В последней трети клинка встречная заточка. Ножны изготовлены из дерева и обмотаны тонкой стальной проволокой, формирующей ячейки, заполненные левкасом, покрытым темно-коричневым лаком. Такой стиль отделки ножен характерен для конца XIX – первой четверти XX вв.
Аналогии: сабля яодао, частное собрание Лян Ижэня, КНР [Пэн Пэн, 2011:142 / 96.2](00243)

LIUYEDAO SABRE AND SCABBARD
China. Beginning or first half of the 20th century.
Steel, wood, copper alloy, gesso, laquer, textile cord, paper, forging, metalworking, casting, engraving, embossing, soldering. Full length 97 cm. Length without scabbard 92, length of blade 76.3, width at base 33 cm.

This sabre features a D-shaped guard and an anthropomorphic pommel that was molded of a yellow copper alloy and shaped like a human head that holds the end of the guard in its mouth. The fittings and scabbard are chased in a floral pattern against a finely embossed background. The right flat of the blade is chased with a dragon playing with a fire pearl. The last third of the blade exhibits a back edge.
The wooden scabbard is wrapped in thin steel wire, forming cells that are filled with gesso and covered in dark brown laquer. This style of scabbard design is characteristic of the late 19th to the first quarter of the 20th century.
Comparable items: a yaodao sabre in the private collection of Liang Yiren, PRC [Peng Peng, 2011: 142 / 96.2].

206. САБЛЯ ЛЮЕДАО (В НОЖНАХ)
Китай. Конец XIX – первое десятилетие XX вв.
Сталь, дерево, медный сплав, кожа ската, текстильное волокно (шнур), бумага, ковка, слесарная обработка, литье, пайка
Общ. дл. 88, дл. без ножен 85,5, дл. клинка 67, ш. у основания 3,7 см

С прибором в стиле юаньши и с темляком. Сабля является типичным представителем позднецинских кавалерийских сабель, изготавливавшихся для реформируемой императорской армии в конце XIX – начале XX вв. до введения в 1900-х гг. кавалерийских палашей немецкого производства.
Аналогии: китайская сабля XIX в. (№ 0116/1157) с гравированным прибором из ВИМАИВиВС [Анисимова, 2013:402, 404]

LIUYEDAO SABRE AND SCABBARD
CHINA. LATE 19TH TO THE FIRST DECADE OF THE 20TH CENTURY.
Steel, wood, copper alloy, stingray skin, textile cord, paper, forging, metalworking, casting, soldering. Full length 88, length without scabbard 85.5, length of blade 67, width at base 3.7 cm.

The sabre has a lanyard and yuanshi style fittings. It is a perfect example of the late Qing cavalry sabres. These were produced for the reforming Imperial Army in the late 19th to early 20th century, before the introduction of German-made cavalry broadswords in the 1900s.
Comparable items: a 19th century Chinese sabre (№ 0116/1157) with engraved fittings in the Artillery Museum in Saint Petersburg [Anisimova, 2013: 402, 404].

207. ПАЛАШ ЦИМАДАО (В НОЖНАХ)
Германия или Китай по германскому образцу. Начало XX в.
Сталь, пластик, кожа, ковка, слесарная обработка, травление
Общ. дл. 97,5 дл. без ножен 94, дл. клинка 79,5, ш. у основания 26 см

Эфес изготовлен по образцу немецкого кавалерийского палаша обр. 1889 г. На чашке гарды с внешней стороны вытравлено изображение дракона в круглом картуше. Серийный номер оружия 44433 выбит кузнечным штампом.
Аналогии: цимадао, частное собрание Лю Жуньшэня, КНР [Пэн Пэн, 2011 : 156 / 111.2]*

*Пэн Пэн считает данный образец произведенным в Германии.

QIMADAO BROADSWORD AND SCABBARD GERMANY OR CHINA AFTER A GERMAN PATTERN. EARLY 20TH CENTURY.
Steel, plastics, leather, forging, metalworking, etching. Full length 97.5, length without scabbard 94, length of blade 79.5, width at base 26 cm.
The hilt follows the pattern of the Imperial German Model 1889 cavalry sword. A dragon in a rund cartouche is etched on the outside of the guard. The sabre is stamped with serial number 44433.

Comparable items: a qimadao in the private collection of Liu Runshen, PRC [Peng Peng, 2011: 156 / 111.2]; Peng Peng thinks this particular sample was produced in Germany

208. ПАЛАШ ЦИМАДАО (В НОЖНАХ)
Германия для Китая. Конец XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, кожа, медный сплав, хромоникелевое покрытие, ковка, слесарная обработка, литье, чеканка, золочение, хромирование
Общ. дл. 100,6, дл. без ножен 96, дл. клинка 81, ш. у основания 2,4 см

Эфес изготовлен по образцу немецкого офицерского кавалерийского палаша обр. 1889 г. На золоченой чашке гарды с внешней стороны имеется изображение дракона в картуше, прочеканенное по литой основе. Серийный номер оружия отсутствует. Офицерские палаши данного образца изготавливались для армии цинского Китая по контракту различными немецкими производителями, в т. ч. из известного оружейного центра Германии – г. Золинген – в конце XIX в.

QIMADAO BROADSWORD AND SCABBARD
GERMANY FOR CHINA. LATE 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Steel, wood, leather, copper alloy, chrome nickel alloy, forging, metalworking, casting, embossing, gilding. Full length 100.6, length without scabbard 96, length of blade 81, width at base 2.4 cm.
The hilt follows the pattern of the Imperial German Model 1889 officer cavalry sword. A dragon in a cartouche is embossed against a molded base on the outside of the gilded guard. The serial number is missing. In the late 19th century contracts to produce officer swords of this pattern for the Chinese Army were awarded to different manufacturers in Germany, including those from the famous blade-making city of Solingen. (00246)

209. САБЛЯ ДАДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Первая треть XX в.
Сталь, дерево, текстильное волокно (шнур), ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 77,8, дл. клинка 51,2, ш. клинка у основания 53, ш. у фальш-елмани 8,3 см(00247)

DADAO SABRE
CHINA. FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY.
Steel, wood, textile cord, forging, metalworking. Full length 77.8, length of blade 51.2, width of blade at base 53, max width of blade 8.3 cm.

ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ/POLE-ARMS

210. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ ТАЙПИНЦЯН
Китай. XIX в.
Сталь. Ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 91,6, дл. центрального острия 35,5, ш. клинка у основания 22 см

Название копья означает «копье Великого Мира». Эти название и форма наконечника с крюками являются традиционными и известны из китайских военных трактатов с XI в. Несмотря на созвучие, они не имеют отношения к восстанию тайпинов (1850–1864).
Аналогии: аналогичные по форме втулки предметы, относящиеся к набору церемониального древкового оружия, носимого при торжественных процессиях, находятся в собрании ВИМАИВиВС [Анисимова, 2013 : 416–425 / кат. 198–204]

TAIPINGQIANG. SPEAR HEAD
China. 19th century.
Steel. Forging, metalworking. Full length 91.6, length of central blade 35.5, width of blade at base 22 cm.

The name of this weapon litterally means the 'Spear of the Great Peace'. Both the name and the form of the hooked spear head are traditional and are known from Chinese military treatises since the 11th century. It has no relation to the Taiping Rebellion of 1850-1864.
Comparable items: ceremonial pole-arms for use in solemn processions that have a similar socket in the Artillery Museum in Saint Petersburg [Anisimova, 2013: 416-425 / accession numbers 198-204].

211. АЛЕБАРДА ЯНЬЮЭДАО
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, дерево, текстильное волокно, лак, ковка, слесарная, столярная обработка, лакирование
Общ. дл. 248,5, дл. клинка 69,4, ш. клинка у основания 5,5, ш. клинка по пробойнику 12,3 см

YANYUEDAO HALBERD
China. 18th to 19th century.
Steel, wood, textile, laquer, forging, metal and woodworking. Full length 248.5, length of blade 69.4, width of blade at base 5.5, width of blade at spike 12.3 cm.

212. АЛЕБАРДА ХУЯДАО
Китай. XIX вв.
Сталь, дерево, ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 150, дл. клинка 53,5, дл. клинка у основания 6,2, ш. клинка максимальная 11,5 см

HUYADAO HALBERD
CHINA. 19TH CENTURY.
Steel, wood, forging, metal and woodworking.
Full length 150, length of blade 53.5, width of blade at base 6.2, maximum width of blade 11.5 cm.

213. АЛЕБАРДА ЧУАНЬВЭЙДАО
Китай. XIX в.
Сталь, дерево, кожа, ковка, слесарная, столярная обработка
Общ. дл. 123, дл. клинка 69, ш. клинка у основания 4,4, ш. клинка у фальш-елмани 7,9 см

Нехарактерным для Китая является конструктивное решение гарды, откованной в виде полумесяца, лежащего в одной плоскости с плоскостью клинка, из одной заготовки. Кроме того, наличие кольца вместо подтока на древке алебарды чуаньвэйдао также является нетипичной чертой конструкции оружия данного типа.

CHUANWEIDAO HALBERD
China. 19th century.
Steel, wood, leather, forging, metal and woodworking. Full length 123, length of blade 69, width of blade at base 4.4, maximum width of blade 7.9 cm.

The guard is not typical for Chinese polearms, being forged from a single piece of steel in the shape of a crescent that lies on the plane of the blade. Moreover, the ring which is placed at the bottom end of the shaft of this chuanweidao instead of the usual spike is also highly atypical for this kind of weapon.

214. ЭРЗАЦ-АЛЕБАРДА ЯНЬЮЭДАО
Китай. Первая треть XX в.
Сталь, дерево, ковка, слесарная и столярная обработка*
Общая длина: 632 мм. Длина клинка: 385 мм. Ширина клинка у основания: 30 мм. Ширина клинка по пробойнику: 126 мм

Алебарды данного типа массово ковались для вооружения армейских частей и отрядов деревенской самообороны в 1920–1930-е гг.
*Остатки древка во втулке.

YANYUEDAO HALBERD SUBSTITUTE
China. First third of the 20th century.

Steel, wood (remains of the shaft inside the fitting), forging, metal and woodworking.
Full length: 63.2, length of blade: 38.5, width of blade at base: 0.3, maximum width of blade: 12.6 cm.

Halberds of this type were mass produced for the Army and for village self-defence units in the 1920s and the

215. ЭКЗАМЕНАЦИОННАЯ АЛЕБАРДА УКЭДАО
Китай. XIX в.
Сталь, дерево, краска, ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 112,2, дл. клинка 63,2, ш. клинка у основания 8,6, ш. клинка максимальная 15,2, ш. клинка по пробойнику 21,5, дм древка 4,85 см

Алебарды такого типа использовались для тренировок воинов, а также, до 1902 г., при сдаче экзаменов на замещение чиновничьих должностей в Военном ведомстве. У данной алебарды утрачено примерно 2/3 длины металлического древка вместе с подтоком. Расчетный вес* этого образца составлял от 40 до 44 кг.

*При расчете веса использовались данные о длине алебарды 1, 2 и 3-й категорий из кодекса «Хуанчао лици туши».

WUKEDAO EXAMINATION HALBERD
China. 19th century.
Steel, wood, paint, forging, metal and woodworking. Full length 112.2, length of blade 63.2, width of blade at base 8.6, maximum width of blade 15.2, width of blade with spike 21.5, diameter of shaft 4.85 cm.

Halberds of this type were used for training and, until 1902, for Imperial examinations to select candidates for positions in the Ministry of War. Approximately two thirds of the metal shaft is missing. The weight of this halberd is calculated to have been between 40 to 44 kg, based on data on length of halberds of Classes 1, 2 and 3 in Huangchao liqi tushi codex. (00253)

216. НАКОНЕЧНИК КОПЕЙНЫЙ
Китай. XIX в.
Сталь, медный сплав желтого и красного цвета, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 2,7, дл. клинка 1,4, ш. клинка максимальная 2,7, дм втулки 2,7 см

Мотив дракона Яйцзы достаточно редко встречается при оформлении копейных наконечников. Пэн Пэн считает, что так оформлялись копья конницы в конце периода Цин, приводя в качестве подтверждения фото с конником, держащим флаг, навершие которого идентично данным наконечникам.
Аналогии: наконечник копья [Пэн Пэн, 2011:208 / 10.1, 10.5]

SPEAR HEAD
China. 19th century.
Steel, yellow and red copper alloy, forging, metalworking. Full length 2.7, length of blade 1.4, maximum width of blade 2.7, diameter of socket 2.7 cm.
A Yaizi dragon motif is quite rare in spear heads. Peng Peng believes this to be a design of spears of late Qing cavalry, based on a photograph of a cavalryman holding a flag with a similar head.
Comparable items: a spear head [Peng Peng, 2011: 208 / 10.1, 10.5].

РУЧНИЦЫ /SPEAR HEAD

217. ТРЕХСТВОЛЬНАЯ РУЧНИЦА САНЬЯНЬЦЯН
Китай. XVII в.
Сталь, дерево, ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 139,8, дл. блока стволов 49,8, дл. ствола 25,2 см, калибр 10 мм

Количество стволов в блоке – 3. Ручницы подобной конструкции могли применяться в ближнем бою в качестве ударно–дробящего оружия.

THREE-SHOT SANYANQIANG HAND CANNON
China. 17th century.
Steel, wood, forging, metal and woodworking. Full length 139.8, length of the cannon block 49.8, length of barrel 25.2 cm, caliber 10 mm.

This firearm features three barrels in a single block. In close combat hand cannons of the type could be used as blunt melee weapons.

218. ТРЕХСТВОЛЬНАЯ РУЧНИЦА САНЬЯНЬЦЯН
Китай. XVI–XVII вв.
Сталь, дерево, ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 134,5, дл. блока стволов 46, дл. ствола 30,5 см, калибр 21 мм

Количество стволов в блоке – 3. Ручницы подобной конструкции могли применяться в ближнем бою в качестве ударно-дробящего оружия.

THREE-SHOT SANYANQIANG HAND CANNON
China. 16th to 17th century.
Steel, wood, forging, metal and woodworking. Full length 134.5, length of the cannon block 46, length of barrel 30.5 cm, caliber 21 mm.

This firearm features three barrels in a single block. In close combat hand cannons of the type could be used as blunt melee weapons.

219. РУЧНИЦА-ПАЛИЦА ЛЭЙХО ЦЗЯНЬ
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, дерево, текстильное волокно (лента), ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 78, дл. боевой части 61,3, дм боевой части у дульного среза 1,7 см, калибр 12 мм

Аналогии: две палицы лэйхо бянь, ХЦ [Пэн Пэн, 2011:32 / 14.1–2]

LEIHUO JIAN HAND CANNON CLUB
China. 18th to 19th century.
Steel, wood, textile ribbon, forging, metalworking. Full length 78, length of head 61.3, diameter of head at muzzle 1.7 cm, caliber 12 mm.

Comparable items: two leihuo bian clubs in the private collection of Huangfu Jiang, PRC [Peng Peng, 2011: 32 / 14.1-2].

220. РУЧНИЦА САНЬЯНЬЦЯН
Китай. XVI–XVII вв.
Медный сплав желтого цвета, медный сплав красного цвета, литье, слесарная обработка, кузнечный штамп (клеймо)
Общ. дл. 29,7, дл. ствол: 13,9 см, калибр 9 мм

Количество стволов в блоке – 3. Малая трехствольная ручница саньяньцян, без древка. На одном из стволов ручницы штампом вбито иероглифическое клеймо «Фушунь» (撫順) – наименование города в провинции Ляонин на северо-востоке Китая, являвшемся важным в стратегическом отношении пунктом китайско-маньчжурской границы в годы правления династии Мин (1368–1644).
Аналогии: малая трехствольная ручница саньяньцян, МПШ [Пэн Пэн, 2011:283 / 4.5] Публикации: данная ручница была впервые опубликована А.М. Пастуховым [Пастухов, 2012b:122–123]

SANYANQIANG HAND CANNON
CHINA. 16TH TO 17TH CENTURY.
Yellow copper alloy, red copper alloy, casting, metalworking, forge stamping. Full length 29.7, length of barrel 13.9 cm, caliber 9 mm.
This firearm features three barrels in a single block. The lesser sanyanqiang hand canno does have a shaft. One of the barrels is stamped ‘Fushun’ (撫順), a city in the Liaoning province that was a strategic point on the Sino-Manchu frontier in the Ming period (1368-1644).
Comparable items: a lesser three-shot sanyanqiang hand cannon in the Public Security Museum in Shanghai [Peng Peng, 2011: 283 / 4.5].

221. РУЧНИЦА ХОЦЯН
Китай. XVII–XIX вв.
Медный сплав желтого цвета, литье, слесарная обработка
Общ. дл. 33,5, дл. ствола 15,9 см, калибр 13 мм

Одноствольная ручница хоцян, без древка. На втулке ручницы имеется три плоских кольца, назначением которых является создание шумового эффекта при манипуляциях оружием.

HUOQIANG HAND CANNON
CHINA. 17TH TO 19TH CENTURY
Yellow copper alloy, casting, metalworking. Full length 33.5, length of barrel 15.9 cm, caliber 13 mm.

This single-barrel huoqiang hand cannon has no shaft. The three flat rings on the socket were meant to produce noise effects as the weapon was being manipulated

222. РУЧНИЦА ХОЦЯН
Китай. XVII–XIX вв.
Медный сплав желтого цвета, литье, слесарная обработка
Общ. дл. 89,5, дл. ствола 42, дл. наконечника 10, ш. наконечника 1,7 см, калибр 14 мм

Комбинированная с копейным наконечником и крюками ручница хоцян.

HUOQIANG HAND CANNON
CHINA. 17TH TO 19TH CENTURY
Yellow copper alloy, casting, metalworking. Full length 89.5, length of barrel 42, length of spear head 10, width of spear head 1.7 cm, caliber 14 mm.

This huoqiang hand cannon is combined with a spear head and hooks.

ШЛЕМЫ/HELMETS

223. ШЛЕМ
Китай. Вторая половина XVI – первая половина XVII вв.
Сталь, ковка, слесарная обработка
В. общ. 26,3, в. купола 19, дм, купола у основания 23,5 см.

Шлем цельнокованый с коробчатым козырьком и кольчужной бармицей. Шлемы такого типа получили большое распространение в Центральной Азии и приграничных районах Китая с XVI в.
Аналогии: цельнокованый шлем с коробчатым козырьком и матерчатой бармицей (36.25.25) из собрания ММ [LaRocca, 2006:134–135]
Публикации: данный шлем был впервые опубликован А.М. Пастуховым [*Пастухов*, 2012а:345 / 3].

HELMET
China. Second half of the 16th to the first half of the 17th century.
Steel, forging, metalworking. Full height 26.3, height of cap 19, diameter of cap at rim 23.5 cm.

Forged from a single piece of steel, this helmet features a box-shaped visor and a mail aventail. Helmets of the type were widespread in Central Asia and the frontier regions of China from the 16th century.
Comparable items: a one-piece helmet with a box-shaped visor and a cloth aventail (36.25.25) in The Metropolitan Museum of Art [LaRocca, 2006: p. 134-135].

224. ШЛЕМ
Китай. XVII в.
Сталь, ковка, слесарная обработка
В. общ. 26, в. купола шлема 18,2, дм, купола у осн. макс. 19,5 см.

Шлем сфероконический чжоу с коробчатым козырьком, без бармицы.
Публикации: данный шлем был впервые опубликован А.М. Пастуховым [Пастухов, 2012а:345 / 5]

HELMET
China. 17th century.
Steel, forging, metalworking. Full height 26, height of cap 18.2, maximum diameter of cap at rim 19.5 cm.

A sphero-conical zhou helmet with a box-shaped visor and no aventail.

COMBAT KNIVES / БОЕВЫЕ НОЖИ

225. ТЕСАК ШУНЬДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. XVIII в.
Сталь дамасская, дерево, ковка, слесарная обработка
Общ. дл 43, дл. клинка 31,5, ш. клинка у основания 1,9 см

Тесак шуньдао воина авангардных частей левого крыла Восьмизнаменных войск.
Аналогии см.: тесак шуньдао воина авангардных частей левого крыла Восьмизнаменных войск с ножнами, ЦС [Хуанфу Цзянь, 2007:188)

SHUNDAO CUTLASS
CHINA. 18TH CENTURY.
Damascus steel, wood, forging, metalworking. Full length 43, length of blade 31.5, width of blade at base 1.9 cm.

A shundao cutlass of a soldier in vanguard units of the left flank in the Eight Banners army.
Comparable items: a shundao cutlass of a soldier in vanguard units of the left flank in the Eight Banners army with scabbard in the private collection of Jing Xuewen, PRC [Huangfu Jiang, 2007: 188].

ГРАЖДАНСКОЕ ОРУЖИЕ / CIVILIAN WEAPONS

МЕЧИ /SWORDS

226. МЕЧ ЦЗЯНЬ (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. XIX в.
Сталь дамасская, рог, медный сплав, ковка, слесарная обработка, чеканка
Общ. дл 92,5 , дл. клинка 74,7, ш. клинка у осн. 2,9 см(

JIAN SWORD
China. 19th century.
Damascus steel, horn, copper alloy, forging, metalworking, embossing. Full length 92.5, length of blade 74.7, width of blade at base 2.9 cm.

227. МЕЧ ЦЗЯНЬ (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Вторая половина XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, медный сплав, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 70, дл. клинка 49,5, ш. клинка у основания 5,2 см

Меч обоюдоострый цзянь с гардой в форме бараньего рога, без ножен. Зачастую в конце периода Цин (1636–1912) подобные мечи использовались в качестве оружия палача, о чем свидетельствуют многочисленные сохранившиеся фотографии казней, сделанные европейскими путешественниками.

JIAN SWORD
CHINA. SECOND HALF OF THE 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Steel, wood, copper alloy, forging, metalworking. Full length 70, length of blade 49.5, width of blade at base 5.2 cm.

This double-edged jian sword features a guard that is shaped like a ram's horn. Late in the Qing period (1636-1912) such swords were often used as an executioner's weapon. This is attested in numerous photographs made by Western travelers.

228. МЕЧ ЦЮАНЬТЕ ЦЗЯНЬ (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. XIX в.
Сталь дамасская, медный сплав, ковка, слесарная обработка, тауширование
Общ. дл. 74, дл. клинка 55, ш. клинка у основания 4,2 см

Меч обоюдоострый цельнометаллический.

QUANTIE JIAN SWORD
CHINA. 19TH CENTURY.
Damascus steel, copper alloy, forging, metalworking, damascening. Full length 74, length of blade 55, width of blade at base 4.2 cm.

A double-edged full-metal sword.

229. МЕЧ ЦЗЯНЬ (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. XIX в.
Сталь, дерево, серебро, полихлорвиниловая лента, ковка, всечка, слесарная обработка
Общ. дл. 69, дл. клинка 52, ш. клинка у основания 3,4 см

Меч обоюдоострый. На гарде меча имеется изображение летучей мыши, выполненное при помощи всечки серебром.

JIAN SWORD
CHINA. 19TH CENTURY.
Steel, wood, silver, PVC tape, forging, damascening, metalworking.

Full length 69, length of blade 52, width of blade at base 3.4 cm.
The sword is double-edged. A bat is damascened in silver on the guard.

230. МЕЧ ЦЗЯНЬ
Китай. Первая половина XX в.
Сталь, дерево, медный сплав, ковка, тауширование, слесарная обработка
Общ. дл. 96, дл. клинка 71, ш. клинка у осн. 33 см

Меч обоюдоострый цзянь с коробчатой гардой, без ножен. На клинке при помощи прутка из медного сплава желтого цвета таушировано 7 точек, символизирующих звезды созвездия Большой Медведицы. Гарда коробчатого типа редко встречается на сохранившихся до наших дней китайских мечах.

JIAN SWORD
CHINA. FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY.
Steel, wood, copper alloy, forging, damascening, metalworking. Full length 96, length of blade 71, width of blade at base 33 cm.

A double-edged jian sword with a box-shaped guard. Seven dots, damascened on the blade with a yellow copper alloy bar, symbolize the stars of Ursa Maior. A guard of the box-shaped type is quite rare in surviving Chinese swords.

231. МЕЧ ЦЗЯНЬ (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. XIX в.
Сталь, дерево, текстильное волокно (лента), медный сплав, ковка, слесарная обработка, тауширование
Общ. дл. 66, дл. клинка 48, ш. клинка у осн. 3,2 см

Меч обоюдоострый цзянь с гардой в форме бараньего рога. На клинке при помощи прутка из медного сплава желтого цвета таушировано 7 точек, символизирующих звезды созвездия Большой Медведицы*.
* Символику созвездия Большой Медведицы – см. меч цзянь (кат. 230)

JIAN SWORD
China. 19th century.
Steel, wood, textile ribbon, copper alloy, forging, metalworking, damascening. Full length 66, length of blade 48, width of blade at base 3.2 cm.

This double-edged jian sword features a guard that is shaped like a ram's horn. Seven dots, damascened on the blade with a yellow copper alloy bar, symbolize the stars of Ursa Maior (see also the jian sword above, catalogue number 230).

232. МЕЧ
Китай. XIX в.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 72, дл. клинка 54, ш. клинка у осн. 36, макс. ш. 51 см

Меч с S-образной гардой и кольцеобразным навершием, без ножен. Клинок имеет слабо выраженное линзовидное сечение, кольцевидное навершие рукояти сформировано из части хвостовика. В целом форма данного меча крайне необычна для Китая.

SWORD
China. 19th century.
Steel, forging, metalworking. Full length 72, length of blade 54, width of blade at base 36, maximum width 51 cm.

This sword features an S-shaped guard and a ring-shaped pommel. The blade exhibits a weakly pronounced lenticular cross-section and the pommel is made out of the tang tip. All in all, this sword design is highly unusual for China.

233. ПАРНЫЙ МЕЧ ШУАН ЦЗЯНЬ
Китай. XIX в.
Сталь, дерево, лак, рог, ковка, слесарная обработка, чеканка, лакировка
Общ. дл. 85,5, дл. без ножен 77,5 , дл. клинка 59, ш. клинка у осн. 3,8 см

У пяты клинка одного из мечей с внутренней стороны имеется точечная гравировка 朱通 (Чжу Тун), скорее всего, являющаяся владельческой подписью)

PAIR OF SHUANG JIAN SWORDS AND SCABBARDS
China. 19th century.
Steel, wood, laquer, horn, forging, metalworking, embossing. Full length 85.5, length without scabbard 77.5, length of blade 59, width of blade at base 3.8 cm.

One of the blades has an etching on the inside by the forte, reading 朱通 (Zhu Tong). In all likelyhood this is the signature of the owner.

234. ПАРНЫЙ МЕЧ ШУАН ЦЗЯНЬ
Китай. XIX в.
Сталь, дерево, лак, медный сплав, ковка, слесарная и столярная обработка, лакировка, резьба по лаку
Общ. дл. 69,7, дл. без ножен 65, дл. клинка 48,2, ш. клинка у основания 2,7 см

Совершенно нехарактерным для Китая является оформление гарды обоюдоострого меча в виде зооморфного существа такого типа. Возможно, что данные мечи изготовлены представителями какого-либо национального меньшинства Южного Китая.

PAIR OF SHUANG JIAN SWORDS AND SCABBARDS
China. 19th century.
Steel, wood, carved laquer, copper alloy, forging, metal and woodworking. Full length 69.7, length without scabbard 65, length of blade 48.2, width of blade at base 2.7 cm.

These double-edged blades are mounted on guards that are shaped like zoomorphic creatures, which is in itself highly unusual for China, and these particular creatures have no known equivalent on other swords. These swords were probably made by swordsmiths of one of the ethnic minorities of South China)

235. ПАРНЫЙ МЕЧ ШУАН ЦЗЯНЬ (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. XVII–XIX вв.
Сталь, дерево, лак, ковка, слесарная и столярная обработка, лакировка, гравировка
Дл. без ножен 113, дл. клинка 85,5, ш. клинка у основания 5,5 см

Размеры и вес данных мечей превышают все известные в настоящий момент экземпляры боевого оружия этого типа. Тем не менее на клинках имеются характерные зазубрины, свидетельствующие об их реальном применении.
На внутренней поверхности одного из клинков имеется вотивная надпись, посвящающая оружие храму китайского бога войны Гуань Юя – 關帝廟敬叩 Гуаньди мяо цзин коу. Перевод надписи: «С почтением кладу поклоны в храме Гуань-ди»*.
* Китайский бог войны. В основе образа – обожествленный военачальник III в. н. э. Гуань Юй.

PAIR OF SHUANG JIAN SWORDS
China.17th to 19th century.
Steel, wood, laquer, forging, metal and woodworking, engraving. Length without scabbard 113, length of blade 85.5, width of blade at base 5.5 cm.
The weight and dimensions of these swords exceed any known weapons of this type. However, dents on the blades attest to their use in battle.
A votive inscription on the inside of one of the blades dedicates the weapon to a temple of Guan Yu: 關帝廟敬叩 (Guan-di miao jing kou, 'I respectfully bow in prayer at the Guan-di temple'). Guan Yu is a 3rd century general who is revered in China as a god of war.

САБЛИ/SABERS

236. ТЕСАК ШОУДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Конец XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 75 , дл. клинка 58, ш. клинка у основания 5, ш. фальш-елмани 9,2 см

Тесак шоудао* с гардой в форме бараньего рога.

* Пэн Пэн также именует оружие подобного типа каньдао (砍刀), т. е. «тесак». Это связано с отсутствием научно разработанной терминологии китайского клинкового оружия и близостью обоих типов оружия.

SHOUDAO CUTLASS
China. Late 19th to early 20th century.
Steel, wood, forging, metalworking. Full length 75, length of blade 58, width of blade at base 5, maximum width of blade 9.2 cm.

This shoudao cutlass features a guard in the shape of a ram's horn. (Another name that Peng Peng uses for this type of a weapon is kandao (砍刀), i.e. a cutlass. This is a result of both the lack of a scientifical terminology system for Chinese bladed weapons and of the close affinity between these two weapon types.)

237. САБЛЯ НЮВЭЙДАО (БЕЗ НОЖЕН)

Китай. Вт. пол. XIX – нач. XX вв.
Сталь, дерево, текстильное волокно (шнур), ковка, слесарная обработка, гравировка
Общ. дл. 94, дл. клинка 74, ш. клинка у основания 3,6, ш. фальш-елмани 5,4 см

У пяты клинка выгравирован характерный для Китая второй половины XIX в. сюжет – дракон, играющий с жемчужиной. Первоначально в первой половине – середине XIX в. возникшие в этот период сабли нювэйдао считались чисто гражданским оружием. С конца XIX в. сабли нювэйдао встречаются на вооружении регулярных войск.
Аналогии: сабля нювэйдао, собрание ВИМАИВиВС (инв. № 0116/310) [Анисимова, 2013:412–413]

NIUWEIDAO SABER

China. Second half of the 19th to early 20th century
Steel, wood, textile cord, forging, metalworking, engraving. Full length 94, length of blade 74, width of blade at base 3.6, maximum width of blade 5.4 cm.

This sabre is etched at the base of the balde with a dragon chasing a pearl, a Chinese device that is characteristic of the second half of the 19th century. Niuweidao sabres emerged in the first half to mid-century and were initially considered a strictly civilian weapon. From the end of the century these are, however, found in the service with regular troops.
Comparable items: a niuweidao sabre in the Artillery Museum in Saint Petersburg (accession number 0116/310) [Anisimova, 2013: 412-413].

238. ПАРНЫЕ САБЛИ ШУАН НЮВЭЙДАО (В НОЖНАХ)
Китай. Конец XIX – начало XX вв.
Сталь, медный сплав, дерево, текстильное волокно, левкас, лак, ковка, слесарная обработка, пайка, грунтовка левкасом, лакирование
Общ. дл. 98, д. без ножен 93,8, дл. клинка 74,8, ш. клинка у осн. 3,3 , ш. фальш-елмани 4,8 см

В боевых условиях первой четверти XX века применение парных сабель в бою практически было лишено смысла, однако порой такие сабли можно было встретить у солдат войск китайских милитаристов. Сохранились также многочисленные фотографии первой четверти XX в., на которых изображены уличные акробаты, жонглирующие парными нювэйдао.
Аналогии: парные нювэйдао, собрание ДГ [The Art, 2012:15]

PAIR OF SHUANG NIUWEIDAO SABERS AND SCABBARD
China. Late 19th to early 20th century.
Steel, copper alloy, wood, textile, gesso, laquer, forging, metalworking, soldering. Full length 98, length without scabbard 93.8, length of blade 74.8, width of blade at base 3.3, maximum width of blade 4.8 cm.

Paired sabres were quite impractical in the combat environment of the first quarter of the 20th century. However, such weapons were sometimes carried by soldiers in the armies of Chinese warlords. Many photographs of the period show street acrobats juggling pair niuweidaos as well.
Comparable items: a pair of niuweidaos in the private collection of Joshua Greenfeld, Israel [The Art, 2012: 15].

239. САБЛЯ НЮВЭЙДАО (В НОЖНАХ)
Китай. Середина XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, медный сплав, краска на основе лака, ковка, слесарная обработка, пайка, лакирование
Общ. дл. 93, дл. без ножен 88,5, д. клинка 69,7, ш. клинка у осн. 3 , ш. фальш-елмани 6,1 см

Сабля нювэйдао (переходный тип к нюэрдао). Интересной особенностью данного оружия являются три китайские литые медные монеты с квадратным отверстием, насаженные на конец хвостовика клинка, издающие при взмахе саблей металлический звон. Все три монеты отлиты в период правления Даогуан (道光, 1820–1850).

PAIR OF NIUWEIDAO SABRES AND SCABBARDS
China. Mid-19th to early 20th century.
Steel, wood, copper alloy, lacquer-based paint, forging, metalworking, soldering. Full length 93, length without scabbard 88.5, length of blade 69.7, width of blade at base 3, maximum width of blade 6.1 cm.
This niuweidao sabre represents a transitional form towards the niu'erdao sabre. A peculiar detail of this weapon is three Chinese copper coins with square holes in the centre hafted on the tang. As the saber was brandished, these would produce a metallic sound. The coins were cast during the reign of the Daoguang Emperor (道光, 1820-1850).

240. ТЕСАК (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Конец XIX – начало XX вв.
Сталь, текстильное волокно, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 72,3 д. клинка 52,5, ш. клинка у осн. 4,4 см

С гардой в форме бараньего рога.

CUTLASS
China. Late 19th to early 20th century.
Steel, textile, forging, metalworking. Full length 72.3, length of blade 52.5, width of blade at base 4.4 cm.

The guard is shaped like a ram's horn.

241. САБЛЯ ЯНЬЮЭ БАДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Конец XIX в.
Сталь, дерево, ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 72, д. клинка 52, ш. у осн. клинка 3, ш. по пробойнику 10,1 см

С D–образной гардой. Малое отверстие на пробойнике клинка использовалось для крепления яркой кисти или платка, делавших исполнение фехтовальных приемов особо зрелищными и эффектными, а также, по мнению адептов традиционных китайских боевых искусств, отвлекавших противника от самого клинка.

241. YANYUE BADAO SABER
CHINA. LATE 19TH CENTURY.
Steel, wood, forging, metal and woodworking. Full length 72, length of blade 52, width of blade at base 3, width at spike 10.1 cm.

The weapon features a D-shaped guard. A brightly-coloured tassel or a handkerchief would be attached to the little hole at the spike. This would make the swordsman's performance look all the more spectacular as well as, according to adepts of Chinese traditional martial arts, serve to distract the opponent.

242. САБЛЯ ДВУРУЧНАЯ ДАДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Конец XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, текстильное волокно, ковка, слесарная обработка. Общ. дл. 98, дл. клинка 68, ш. клинка у осн. 3,3, ш. фальш-елмани 4,9 см

DADAO TWO-HANDED SABER
CHINA. LATE 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Steel, wood, textile, forging, metalworking. Full length 98, length of blade 68, width of blade at base 3.3, maximum width of blade 4.9 cm. (00280)

243. ТЕСАК
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, краска, ковка, слесарная и столярная обработка, гравировка
Общ. дл. 76, дл. клинка 59, ш. клинка у осн. 3,3 , ш. боевого конца 3,7 см

Тесак с дисковидной гардой, без ножен. Тип данного оружия можно определить только очень общим понятием «тесак». По ряду признаков его можно достаточно уверенно атрибутировать 1920–1930-ми гг. Гарда тесака имеет небольшую отбортовку на стороне, обращенной к острию клинка, с обеих сторон выкрашена в белый цвет, что является нетипичным для китайского клинкового оружия – как правило, детали оружия не окрашивались. На правой голомени клинка у пяты плохо читаемая надпись упрощенными иероглифами, по всей видимости, сделанная с ошибками. Предположительное чтение: 江西昭王北油自卫还击场 Цзянси Чжао-ван Бэй Ю Цзывэй хуаньцзи чан*. Предположительный перевод: Чжаоский князь [провинции] Цзянси Бэй Ю (имя?) – плацдарм контрудара [сил] самообороны.
* Последний иероглиф в надписи написан как Ян 杨, что является распространенной в Китае фамилией, но в этом случае общий смысл надписи становится неясным. Предполагаем его ошибочное написание вместо графически схожего иероглифа чан 场 «площадка».

CUTLASS
China. 19th to early 20th century.
Steel, wood, paint, forging, metal and woodworking, engraving. Full length 76, length of blade 59, width of blade at base 3.3, width of point 3.7 cm.

A cutlass with a discoid guard, without a scabbard. This weapon is of a type that can only be described as

a cutlass, which is a very vague term. Some of its features seem to suggest it can be dated to the 1920s or the 1930s. The guard features small collaring on the side that faces the edge and is painted white on both sides, which is very uncharacteristic for Chinese weapons as these normally do not have painted fittings. The inscription on the right side of the blade at the forte is hardly legible. It is in simplified characters and, most likely, contains errors. A proposed reading is 江西昭王北油自卫还击场 (Jiangxi Zhao-wang Bei You Ziwei huanji chang). The last character is Yang (杨), a popular family name, but this would make the meaning of the phrase hard to decipher. We suppose it was written in error, in lieu of the character chang (场), 'ground'. In this case the inscription means something along the lines of 'Zhao Prince of [the province of] Jiangxi Bei You [a name?] is the bridgehead of a counter-attack of [the forces of] self-defence'.)

244. САБЛЯ ДВУРУЧНАЯ ДА КАНЬДАО
Китай. Конец XIX – начало XX вв.
Сталь, ковка, слесарная обработка, кузнечный штамп (клеймо)
Общ. дл. 94,5, дл. клинка 59,5, ш. клинка у фальш-елмани 7,6, ш. клинка у пяты 5,4 см

Данный вид дадао обычно называется самими китайцами да каньдао, т. е. «большой обезглавливающий меч». Как правило, в отличие от обычного пехотного дадао он использовался для казни преступников. Особенностью данного образца является значительная толщина обуха клинка, мало сужающаяся по направлению к боевому концу – если у пяты толщина обуха достигает 8 мм., то более чем через полметра она составляет 5 мм. Это делает оружие крайне тяжелым и неудобным для фехтования, однако идеально соответствует потребностям палача при казни, обеспечивая мощный рубящий удар.
Рукоять да каньдао изготавливалась площатым способом, поскольку кольцеобразное навершие не позволяло применить стандартный при производстве китайского клинкового оружия всадной способ – через 2 отверстия в хвостовике на хвостовик крепились деревянные планки, формирующие обкладку рукояти. Поверху рукоять могла дополнительно оплетаться тонким шнуром или матерчатой тесьмой. В настоящий момент оплетка и обкладка рукояти утрачены. На хвостовике с левой стороны под гардой кузнечным штампом вбито нечитаемое клеймо мастера.

DA KANDAO TWO-HANDED SABER
China. Late 19th to early 20th century.
Steel, forging, metalworking, stamping. Full length 94.5, length of blade 59.5, maximum width of blade 7.6, width of blade at forte 5.4 cm.

Da kandao, which is what the Chinese usually call this type of a dadao blade, literally means 'the gret decapitating sword'. Unlike the dadao that was an ordinary infantry sword, this blade was usually used to execute criminals. The peculiar feature of this exhibit is the significant thickness of its back of the blade that does not exhibit much tapering towards the point. The back of the blade is 8 mm thick at the forte and is 5 mm thick more than half a metre down the blade. This would make the weapon way too heavy and cumbersome for fencing but it suits ideally the needs of an executioner at work, heping deliver a powerful blow.
The hilt of the da kandao is riveted to the tang as its ring-shaped pommel would not let the swordsmith use the usual Chinese method of boring a channel inside the hilt and then setting it on the tang. Over the wooden cheeks the grip might have been additionally covered with thin cord or cloth tape. Presently the wrapping and the cheeks are missing. The tang is stamped on the left side under the guard with an illegibile maker's mark.

БОЕВЫЕ НОЖИ/ COMBAT KNIVES

245. БОЕВОЙ НОЖ (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, медный сплав, ковка, пайка, слесарная обработка
Общ. дл. 46,5, дл. клинка 34,5, ш. клинка у осн. 3,2, ш. клинка макс. 5,4 см

Подобная форма клинка не характерна для Китая. Предположительно, такой нож мог использоваться как для метания, так и для ближнего боя.

COMBAT KNIFE

China. 19th to early 20th century.
Steel, wood, copper alloy, forging, soldering, metalworking. Full length 46.5, length of blade 34.5, width of blade at base 3.2, maximum width of blade 5.4 cm.

This shape of the blade is unusual for Chinese knives. The knife could presumably be used for both throwing and close combat.

246. БОЕВОЙ НОЖ (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, ковка, пайка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 29, дл. клинка 18,5, ш. клинка у пяты 4,2 см

Подобная форма клинка не характерна для Китая. Предположительно, такой нож мог использоваться как для метания, так и для ближнего боя.

COMBAT KNIFE
CHINA. EARLY 20TH CENTURY
Steel, wood, forging, soldering, metal and woodworking. Full length 29, length of blade 18.5, width of blade at forte 4.2 cm.

This shape of the blade is unusual for Chinese knives. The knife could presumably be used for both throwing and close combat.

247. МЕТАТЕЛЬНЫЙ НОЖ ФЭЙДАО
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 19, дл. боевой части 9, ш. клинка 4,1 см

FEIDAO THROWING KNIFE
CHINA. 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Steel, forging, metalworking. Full length 19, length of blade 9, width of blade 4.1 cm.

ТЕСАКИ/ CUTLASSES

248. ТЕСАК (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Середина XIX – начало XX вв.
Сталь, текстильное волокно, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 60, дл. клинка 45, ш. клинка у осн. 3,5, ш. клинка у фальш-елмани 9,4 см

с D–образной гардой и навершием в виде боевого молота, без ножен.

CUTLASS
CHINA. MID-19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Steel, textile, forging, metalworking. Full length 60, length of blade 45, width of blade at base 3.5, maximum width of blade 9.4 cm.
A cutlass with a D-shaped guard and a war hammer-shaped pommel, without a scabbard.

249. ТЕСАК ШОУДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Середина XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 59, дл. клинка 45 , ш. у осн. 35, ш. фальш-елмани 8,7 см

Тесак шоудао с восьмилепестковой гардой.

SHOUDAO CUTLASS
China. Mid-19th to early 20th century.
Steel, wood, forging, metal and woodworking. Full length 59, length of blade 45, width at base 35, maximum width of blade 8.7 cm.
A Shoudao cutlass with an eight-petalled guard.

250. ТЕСАК (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. XIX в.
Сталь, медный сплав, рог, ковка, слесарная обработка, гравировка
Общ. дл. 52, дл. клинка 36, ш. у осн. 3,4 см

Тесак с тунькоу в виде рыбьей головы, без ножен. Возможно, что этот тесак мог быть изготовлен мастерами какого–либо национального меньшинства юго–западного Китая.

CUTLASS
China. 19th century.
Steel, copper alloy, horn, forging, metalworking, engraving. Full length 52, length of blade 36, width at base 3.4 cm.
This sword features a tunkou in the shape of a fish head and lacks a scabbard. It may have been made by swordsmiths of one of the ethnic minorities of South-West China.

251. ПАРНЫЕ ТЕСАКИ ХУДЕДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Китай. Вторая половина XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, медный сплав, ковка, слесарная и столярная обработка, литье, пайка, резьба по дереву
Общ. дл 57, дл. клинка 45,4, ш. клинка у пяты 5,1 см

PAIR OF HUDIEDAO CUTLASSES
China. Second half of the 19th to early 20th century.
Steel, wood, copper alloy, forging, metal and woodworking, casting, soldering, wood carving. Full length 57, length of blade 45.4, width of blade at forte 5.1 cm.

ОРУЖИЕ БОЕВЫХ ИСКУССТВ/ MARTIAL ARTS WEAPONS

252. БОЕВОЙ ЦЕП САНЬЦЗЕГУНЬ
Китай. XIX в.
Дерево, сталь, лак, ковка, слесарная и столярная обработка, лакирование
Общ. дл. 265, дм звеньев 2,5–3 см

SANJIEGUN FLAIL
CHINA. 19TH CENTURY.
Wood, steel, laquer, forging, metal and woodworking. Full length 265, diameter of sections 2.5-3 cm.

253. БОЕВОЙ КРЮК
Китай. XVIII–XIX в.
Сталь, медный сплав, кость, золото, ковка, литье, пайка, чеканка, позолота, слесарная обработка, токарная обработка
Общ. дл. 71, дл. боевой части 54,5, дл. крюков 7,7

HOOK
China. 18th to 19th century.
Steel, copper alloy, bone, gold, forging, casting, soldering, embossing, gilding, metal and woodworking. Full length 71, length of head 54.5, length of hooks 7.7 cm.

254. БОЕВОЙ КРЮК ТЕ ЧЖУА
Китай. XVII–XIX вв.
Сталь, медный сплав, дерево, ковка, литье, слесарная и столярная обработка, пайка
Общ. дл. 70, дл. боевой части 50, дл. боевой части 21,5, ш. боевой части 15,5 см

Боевой крюк те чжуа с когтями на шарнирах. Уникальной особенностью данного предмета является крепление когтей боевой части на шарнирах – такое оружие могло использоваться только хорошо владеющим техникой его применения мастером для нанесения калечащих ранений или захвата противника живьем. По мнению китайского исследователя Пэн Пэна, количество сохранившихся образцов те чжуа с шарнирным креплением когтей крайне невелико. Аналоги: те чжуа с когтями на шарнирах, ФВ [Пэн Пэн, 2011:199 / 157.4](00299)

254. TIE ZHUA HOOK
CHINA. 17TH TO 19TH CENTURY.
Steel, copper alloy, wood, forging, casting, metal and woodworking, soldering. Full length 70, length of head 21.5, width of head 15.5 cm.
A tie zhua hook with articulated claws. The use of hinges is what truly sets this weapon apart – only an expert could efficiently wield it to cripple or capture the opponent. Chinese scholar Peng Peng believes the number of extant tie zhuas with hinged claws to be extremely low.
Comparable items: a tie zhua with hinged claws in the private collection of Fan Wei, PRC [Peng Peng, 2011: 199 / 157.4].

255. БОЕВЫЕ КОЛЬЦА
Китай. XVIII – начало XX вв.
Медный сплав белого цвета, литье, слесарная обработка, гравировка
Дм внешний 17,5, дм внутренний 14,5 см

Надписи на кольцах: 1) 乙丑 武魁 ичоу укуй – военный предводитель [год] ичоу*; 2) ? (знак не читается) 禮賢 ? ли сянь – предположительно, имя владельца… Лисянь**.

* Год ичоу по циклическому 60–летнему календарю приходится на 1745, 1805, 1865 и 1925 гг. Определить, какой из этих годов является точной датой в данном случае без дополнительных данных не представляется возможным.
** Возможно, фамилия обозначена т.н. «неузаконенным» сокращением или упрощением иероглифа, не отраженным в словарях.

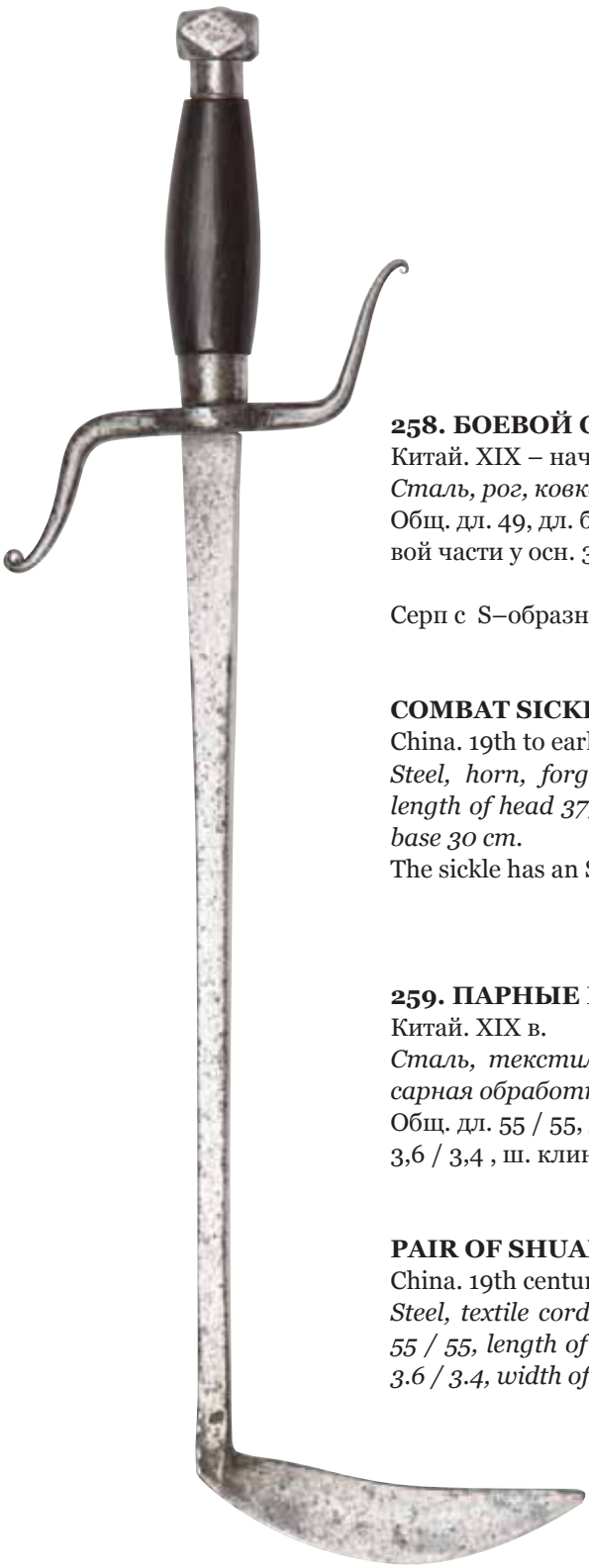
RINGS
China. 18th to early 20th century.
White copper alloy, casting, metalworking, engraving. Diameter on outside 17.5, diameter on inside 14.5 cm.
The first inscription on the rings reads ‘war leader in the Yichou year’ (乙丑 武魁, ‘yichou wukui‘), Yichou being either 1745, 1805, 1865 or 1925 in the Chinese 60-year calendar. It is impossible to determine which of these years is meant here exactly. The second inscription reads ‘? (an illegible character) 禮賢’ (? Li Xian), which is presumably the owner’s name. His family name may have been rendered in an ‘unlegitimized’ abbreviation or a simplified form of a character that does not feature in dictionaries.

256. ПАРНЫЕ СТИЛЕТЫ ШУАН ВАНЬХУШОУ
Китай. XIX в.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 59, дл. боевой части 26,5 / 26,0 и 20 / 19, толщина боевой части до 2,1 см

PAIR OF SHUANG WANHUSHOU BIJIACHA STILETTOES
China. 19th century.
Steel, forging, metalworking. Full length 59, length of head 26.5 / 26 and 20 / 19, width of head up to 2.1 cm.

257. КАСТЕТ
Китай. XIX – начало XX вв.
Медный сплав желтого цвета, текстильное волокно (шнур, лента), литье, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 16, ш. рукояти 11 см(00302)

BRASS KNUCKLES
China. 19th to early 20th century.
Yellow copper alloy, textile, casting, forging, metalworking. Full length 16, width of handle 11 cm. (00302)



258. БОЕВОЙ СЕРП
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, рог, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 49, дл. боевой части 37, дл. серпа 13, ш. боевой части у осн. 30 см

Серп с S–образной гардой.

COMBAT SICKLE
China. 19th to early 20th century.
Steel, horn, forging, metalworking. Full length 49, length of head 37, length of blade 13, width of head at base 30 cm.
The sickle has an S-shaped guard. (00303)

259. ПАРНЫЕ БОЕВЫЕ КРЮКИ ШУАН ГОУ
Китай. XIX в.
Сталь, текстильное волокно (шнур), ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 55 / 55, дл. клинка 41/ 41, ш. клинка у пяты 3,6 / 3,4 , ш. клинка по серпу 6,5 / 6,5 см

PAIR OF SHUANG GOU HOOKS
China. 19th century.
Steel, textile cord, forging, metalworking. Full length 55 / 55, length of blade 41/ 41, width of blade at forte 3.6 / 3.4, width of blade at sickle 6.5 / 6.5 cm.

260. ПАРНЫЕ БОЕВЫЕ КРЮКИ ШУАН ГОУ
Китай. XIX в.
Сталь, дерево, текстильное волокно, ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 97,3, дл. клинка 63,1, дл. серповидной гарды 27, дл. копьевидного навершия 18 см

Парные боевые крюки шуан гоу с остатками футляра для переноски. С конца XIX – в начале XX вв. парные боевые крюки использовались в частях цинской, а затем и республиканской армий в качестве учебного оружия.

PAIR OF SHUANG GOU HOOKS
CHINA. 19TH CENTURY.
Steel, wood, textile, forging, metal and woodworking. Full length 97.3, length of blade 63.1, length of guard 27, length of spearhead 18 cm.

This pair of shuang gou combat hooks preserve remnants of their carrying case. From the late 19th to early 20th century such paired combat hooks were used in the Qing and, later, Republican armies for training.

261. ПАРНЫЕ БОЕВЫЕ КРЮКИ ШУАН ГОУ
Китай. XIX в.
Сталь, дерево, ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 7,5 / 72, дл. боевой части 53,3 , ш. боевой части по пробойнику 8,8 см

PAIR OF SHUANG GOU HOOKS
China. 19th century.
Steel, wood, forging, metal and woodworking.
Full length 71.5 / 72, length of head 53.3, width of head 8.8 cm.

262. ПАРНЫЕ БОЕВЫЕ КРЮКИ ШУАН ГОУ
Китай. XIX в.
Сталь, дерево, текстильное волокно (шнур), ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 86, дл. клинка 58,8, дл. серповидной гарды 29,4 см

Аналогии: парные крюки шуан гоу из ГП [Цин гун, 2008:256 / 274]; парные крюки шуан гоу, ГЦ [Пэн Пэн, 2011:199 / 157.1]

PAIR OF SHUANG GOU HOOKS
China. 19th century.
Steel, wood, textile cord, forging, metal and woodworking. Full length 86, length of blade 58.8, length of guard 29.4 cm.

Comparable items: a pair of shuang gou hooks in the Palace Museum in Beijing [Qing Gong, 2008: 256 / 274]; a pair of shuang gou hooks in the private collection of Geng Qiming, PRC [Peng Peng, 2011: 199 / 157.1].

263. БОЕВОЙ ЦЕП
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, дерево, лак, ковка, слесарная и столярная обработка, лакирование
Общ. дл 302, дл. звеньев: 66 / 68,4 / 69,5 / 61 (без учета боевой части), дл. наконечника 16,6, ш. наконечника 37,8 см

Многозвенный боевой цеп с боевой частью от трезубца фэнчитан.
Аналогии: древковый трезубец фэнчитан в ГП [Цин гун, 2008:251 / 268]; наконечник трезубца фэнчитан и трезубцы фэнчитан из ЛЦ и ЯЮ [Пэн Пэн, 2011:264 / 77,5:265 / 78)

FLAIL
China. 18th to 19th century.
Steel, wood, laquer, forging, metal and woodworking. Full length 302, length of sections 66 / 68.4 / 69.5 / 61 (without head), length of head 16.6, width of head 37.8 cm.

A multiple-section combat flail with a head of a fengchitang trident.

Comparable items: a fengchitang trident in the Palace Museum in Beijing [Qing Gong, 2008: 251 / 268]; a fengchitang trident head and fengchitang tridents in the private collections of Li Junqing and Yang Yong, PRC [Peng Peng, 2011: 264 / 77.5; 265 / 78].

264. КОМБИНИРОВАННОЕ ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, дерево, ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 199, ш. боевой части яньлинцян 29,5, дл. боевой части яньлинцян 29, ш. боевой части чагань 39,7, дл. боевой части чагань 30,2, дм. древка 36 см

Комбинированное древковое оружие с боевыми частями от копья яньлинцян и боевых вил чагань.

COMBINED POLEARM
China. 18th to 19th century.
Steel, wood, forging, metal and woodworking. Full length 199, width of yanlingqiang head 29.5, length of yanlingqiang head 29, width of chagan head 39.7, length of chagan head 30.2, diameter of shaft 36 cm.

This combined polearm features heads from the yanlingqiang spear and from the chagan two-pronged spear.

265. БОЕВАЯ ЛОПАТА ЧАНЬ
Китай. XIX в.
Сталь, дерево, ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 128,5, ш. боевой части 21,9, дл. боевой части 21,5, дм. древка 3,2 см

CHAN RAKE
China. 19th century.
Steel, wood, forging, metal and woodworking. Full length 128.5, width of head 21.9, length of head 21.5, diameter of shaft 3.2 cm.

266. ПАРНЫЕ БОЕВЫЕ ДУБИНКИ ШУАН ГУАЙЦЗЫ
Китай. XIX – начало XX вв.
Дерево, лак, столярная обработка, резьба по дереву, лакирование
Общ. дл. 52, дл. поперечной рукояти 25, дм у основания 5,8 мм

PAIR OF SHUANG GUAIZI CUDGELS.
China. 19th to early 20th century.
Wood, laquer, woodworking. Full length 52, length of transverse grip 25, diameter at base 5.8 mm.

267. НАКОНЕЧНИК БОЕВЫХ ВИЛ ЧА
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 68.7, дл. боевой части 25,4, ш. боевой части 17 см

CHA FOUR-PRONGED SPEAR HEAD
China. 19th to early 20th century.
Steel, forging, metalworking. Full length 68.7, length of head 25.4, width of head 17 cm. (00311)

268. КОМБИНИРОВАННОЕ ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, текстильное волокно (султан под боевой частью), ковка, слесарная обработка
Общ. дл 155,5, дл. боевой части 25, ш. боевой части 14,5 см

Комбинированное древковое оружие традиционных боевых искусств, сочетающее в боевой части наконечник копья, серп и сдвоенный крюк. Утрата острия наконечника копья, приводящая к «лопатообразной» форме наконечника, нередко встречается на предметах цинского древкового оружия вследствие коррозионного разрушения тонкого острия. Оригинальное название этого типа оружия осталось неизвестным.

COMBINED POLEARM
CHINA. 18TH TO 19TH CENTURY.
Steel, textile tassel, forging, metalworking. Full length 155.5, length of head 25, width of head 14.5 cm.

Used in traditional martial atrs, this polearm combines a spear head, a sickle and a bifurcating hook. The tip of the spear head is missing, giving the head a spade-like shape. This is quite common in Qing-period polearms and is due to the corrosion destroying the thin point. The original name of this type of weapon remains unknown.

69. ПАРНЫЕ БОЕВЫЕ СЕЧКИ
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, лак, ковка, слесарная, токарная и столярная обработка, лакирование, кузнечный штамп (клеймо)
Общ. дл. 73,7 / 72,4, дл. боевой части 26,6 / 27,8, ш. боевой части мин. 3,2, макс. 13,9, толщина боевой части 0,4, дм рукояти 2,6 см

Надпись 胡 Ху на боевой части – скорее всего, фамилия мастера, изготовившего оружие. Оригинальное название данного типа оружия осталось неизвестным.

PAIR OF COMBAT CLEAVERS
CHINA. 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Steel, wood, laquer, forging, metal and woodworking, stamping. Full length 73.7 / 72.4, length of head 26.6 / 27.8, minimum width of head 3.2, maximum width of head 13.9, width of head 0.4, diameter of handle 2.6 cm.

Character胡 (Hu) is stamped on the head. In all likelihood, this is the family name of the master who made these weapons. The original name of this type of weapon remains unknown.

270. БОЕВОЙ СЕРП
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, текстильное волокно (шнур), ковка, слесарная обработка
Общ. дл 60,5, дл. серпа 7,3, ш. серпа 2,2 см

SICKLE
China. 19th to early 20th century.
Steel, textile cord, forging, metalworking. Full length 60.5, length of sickle 7.3, width of sickle 2.2 cm.

271. БОЕВОЙ СЕРП
Китай. Вторая половина XIX – начало XX вв.
Сталь, текстильное волокно (шнур), ковка, слесарная обработка.
Общ. дл 76,3, дл. серпа 8,6 см, ш. серпа 2,9 см

Серп с D–образной гардой.

SICKLE
China. Second half of the 19th to early 20th century.
Steel, textile cord, forging, metalworking. Full length 76.3, length of sickle 8.6 cm, width of sickle 2.9 cm.

A sickle with a D-shaped guard.

272. КОМБИНИРОВАННЫЙ БОЕВОЙ КРЮК
Китай. XIX в.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 65, дл. боевой части 13,2, ш. боевой части 9,5 см

Комбинированное оружие традиционных боевых искусств, сочетающее в боевой части центральное острие и боковой режущий крюк. Оригинальное название данного вида оружия осталось неизвестным.

COMBINED HOOK
China. 19th century.
Steel, forging, metalworking. Full length 65, length of head13.2, width of head 9.5 cm.

The head of this combined weapon, used in traditional martial arts, features a central spear head and a cutting hook on the side. The original name of this type of weapon remains unknown.

273. БОЕВОЙ КРЮК ТЕ ЧЖУА
Китай. XIX в.
Сталь, текстильное волокно (остатки шнура), ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 63,5, дл. боевой части 16,5, ш. боевой части 6,3 см

TIE ZHUA HOOK
China. 19th century.
Steel, textile (remnants of cord), forging, metalworking.
Full length 63.5, length of head 16.5, width of head 6.3 cm

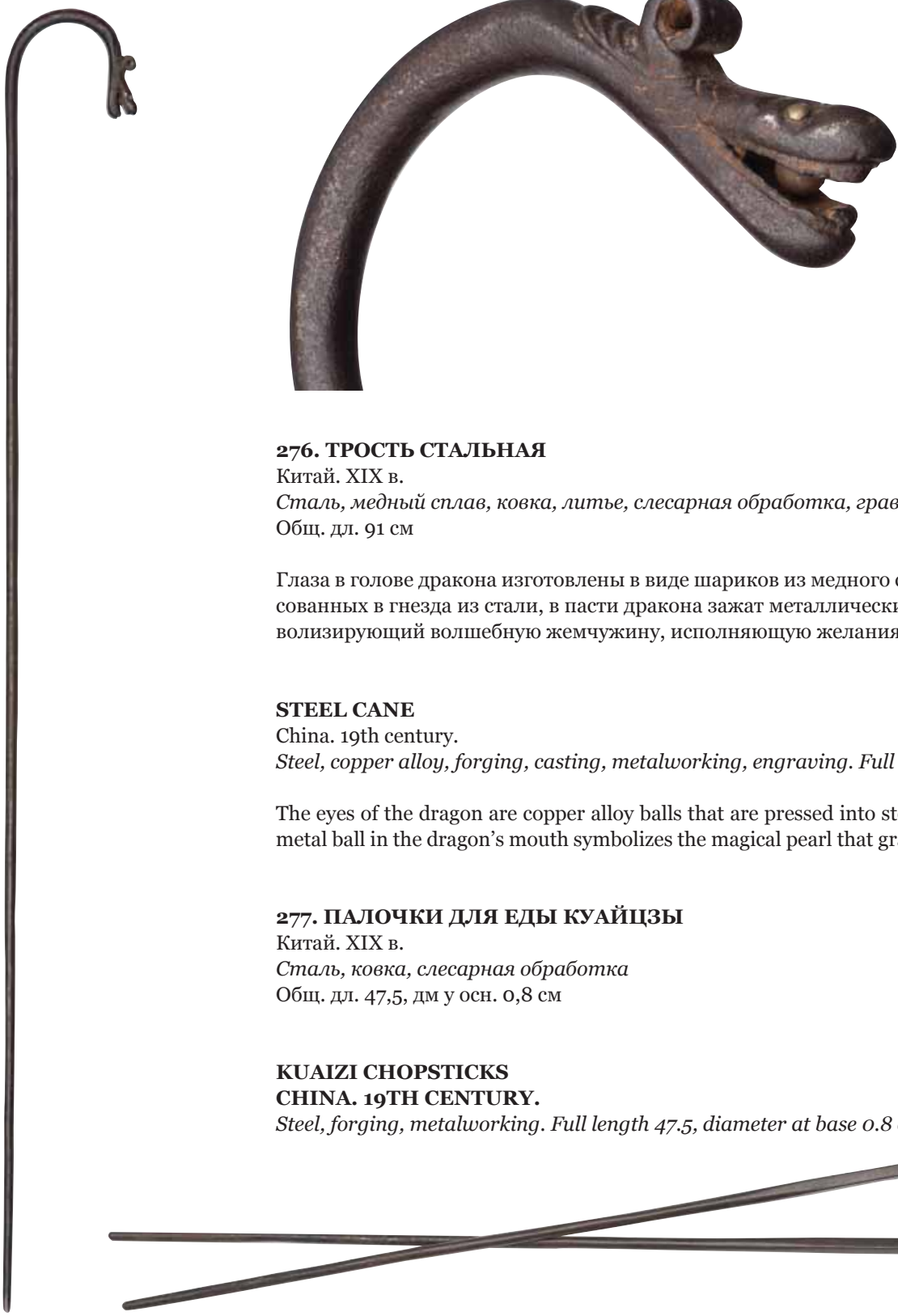
274. БОЕВОЙ КРЮК ТЕ ЧЖУА
Китай. XIX в.
Сталь, текстильное волокно (остатки шнура), лак, ковка, слесарная обработка, лакирование.
Общ. дл. 72,5, дл. боевой части 68, ш. боевой части 7,2 см

TIE ZHUA HOOK
China. 19th century.
Steel, textile (remnants of cord), laquer, forging, metalworking. Full length 72.5, length of head 68, width of head 7.2 cm.

275. БОЕВОЙ КРЮК ТЕ ЧЖУА
Китай. XIX в.
Сталь, ковка, слесарная обработка.
Общ. дл. 80 , дл. боевой части 8, ш. боевой части 6,2 см

TIE ZHUA HOOK
China. 19th century.
Steel, forging, metalworking.
Full length 80, length of head 8, width of head 6.2 cm.

ОРУЖИЕ СКРЫТОГО НОШЕНИЯ/ CONCEALED WEAPONS



276. ТРОСТЬ СТАЛЬНАЯ
Китай. XIX в.
Сталь, медный сплав, ковка, литье, слесарная обработка, гравировка
Общ. дл. 91 см

Глаза в голове дракона изготовлены в виде шариков из медного сплава, запрессованных в гнезда из стали, в пасти дракона зажат металлический шарик, символизирующий волшебную жемчужину, исполняющую желания.

STEEL CANE
China. 19th century.
Steel, copper alloy, forging, casting, metalworking, engraving. Full length 91 cm.

The eyes of the dragon are copper alloy balls that are pressed into steel sockets. The metal ball in the dragon's mouth symbolizes the magical pearl that grants every wish.

277. ПАЛОЧКИ ДЛЯ ЕДЫ КУАЙЦЗЫ
Китай. XIX в.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 47,5, дм у осн. 0,8 см

KUAIZI CHOPSTICKS
CHINA. 19TH CENTURY.
Steel, forging, metalworking. Full length 47.5, diameter at base 0.8 cm.

278. ПАЛИЦА
Китай. XIX в.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 63 см

Цельнометаллическая палица в виде курительной трубки
Аналогии: стальная курительная трубка со скрытым стилетом, частное собрание, КНР [Чжао Ган, 2012:220]

CUDGELW
China. 19th century.
Steel, forging, metalworking. Full length 63 cm.

This full-metal cudgel is designed to look like a smoking pipe. Comparable items: a steel smoking pipe with a conceiled stiletto blade in a private collection in the PRC [Zhao Gang, 2012: 220].

279. ПАЛИЦА
Китай. XIX в.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 73, дм 5 см

Цельнометаллическая палица в виде флейты.

CUDGEL
China. 19th century.
Steel, forging, metalworking. Full length 73, diameter 5 cm.

This full-metal cudgel is designed to look like a flute.

280. МЕЧ–ПОСОХ
Китай. XIX в.
*Сталь, дерево, лак, ковка, слесарная и столярная об*работка, лакирование
Общ. дл. 87,4, дл. без ножен 85,5, дл. клинка 66, ш. клинка у осн. 1,8 см

Аналогии: меч–посох, США, [The Art, 2012:16])

SWORD STAFF
CHINA. 19TH CENTURY.
Steel, wood, laquer, forging, metal and woodworking. Full length 87.4, length without scabbard 85.5, length of blade 66, width of blade at base 1.8 cm.

Comparable items: a sword staff in the private collection of Shai Amisar, Israel [The Art, 2012: 16].

УДАРНО–ДРОБЯЩЕЕ ОРУЖИЕ/BLUNT MELEE WEAPONS

281. ПОСОХ–ДУБИНА ГУНЬ
Китай. XIX в.
Дерево, сталь, лак, ковка, столярная и слесарная обработка, лакирование
Общ. дл. 8,5, дл. боевой части 25, макс. дм боевой части 4,8 см

GUN STAFF CUDGEL
China. 19th century.
Wood, steel, laquer, forging, wood and metalworking. Full length 8.5, length of head 25, maximum diameter of head 4.8 cm.

282. БОЕВОЙ МОЛОТ ЧУЙ
Китай. XIX в.
Сталь, медный сплав желтого цвета, дерево, лак, текстильное волокно, ковка, литье, столярная обработка, лакирование*
Общ. дл. 54,5, сечение боевой части 6,8х7,1х66 см

В качестве металлических шайб под шипы боевой части использованы китайские медные литые монеты с квадратным отверстием посередине. Читаемый на монетах девиз правления – Канси (1661–1722)**.

* Темляк. Скорее всего – позднейшее дополнение.
** Литые медные монеты ходили в Китае по многу сотен лет с момента отливки, невзирая на смены императоров и даже смену династий. Кроме того, монеты датируются очень широко – по периоду правления, порой насчитывавшему несколько десятков лет, как, например, упомянутый период правления под девизом Канси. Поэтому данные монеты показывают лишь то, что боевой молот не мог быть сделан ранее начала правления под девизом Канси.

CHUI HAMMER
China. 19th century.
Steel, yellow copper alloy, wood, laquer, textile, forging, casting, woodworking. Full length 54.5, head 6.8 x 7.1 x 66 cm.

The hammer has a lanyard which is probably a later addition. Spikes in the head use Chinese copper coins with square holes in the middle as washers. The era name on the coins is that of the reign of the Kangxi Emperor (1661-1722). Regardless of changing emperors and even dynasties, cast copper coins remained in circulation for centuries. Moreover, these coins do not bear minting dates and only refer to the reign – which, as was the case with the Kangxi period, could last for decades. All in all, these coins only serve to prove that the hammer could not be produced earlier than the beginning of the Kangxi era in 1661.

283. ПАЛИЦА БЯНЬ
Китай. XIX – начало XX вв.
Дерево, лак, столярная обработка, лакирование
Общ. дл. 62, дл. боевой части 46, дм макс. 7 см

Данные предмет очень точно копирует по форме аналогичные палицы бянь, изготовленные из металла.

BIAN CUDGEL
CHINA. 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Wood, laquer, woodworking. Full length 62, length of head 46, maximum diameter 7 cm.

The exhibit is an exact copy of bian cudgels made of metal. (00331)

284. РИТУАЛЬНАЯ ДУБИНКА
Китай. XIX – начало XX вв.
Дерево, лак, цветные пигменты, столярная обработка, лакирование
Общ. дл. 55,5, наиб. ширина 5,7 см

Надписи золотым лаком – с одной стороны предмета 天官賜福 Тяньгуань цы фу – «Небесный Управитель* дарует счастье»; с другой стороны – 鴻鸞天禧 Хунлуань Тяньси – «Праведному мужу – небесное счастье»**. Надписи позволяют предположить, что данный предмет использовался при отправлении религиозных ритуалов в храмах народной синкретической религии, объединяющей в себе представления, заимствованные из буддизма, даосизма и конфуцианства. Кроме того, в тайном обществе «Триада» («Саньхэхуй» или «Саньдяньхуй») одного из высших иерархов, ведавших карательными акциями, почтительно именовали «красной дубинкой», а символом его власти была красная дубинка.

* Имеется в виду легендарный император Яо (堯, 2353–2234 гг. до н. э.), почитаемый в народной религии Китая в качестве «Небесного Управителя».
** Выражение хунлуань буквально означает «дикий гусь и самка феникса», употребляется для обозначения летящих в высоте небес дикого гуся и самку феникса, что иносказательно намекает на человека высокой добродетели.

RITUAL CLUB
CHINA. 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Wood, laquer, colour pigments, woodworking. Full length 55.5, maximum width 5.7 cm.

The exhibit features two inscriptions in gold laquer, one on each side. One reads 天官賜福 (Tianguan ci fu, 'The Heavenly Official bestowes happiness'), referring to the legendary Emperor Yao (堯, 2353-2234 BC), who is revered in the Chinese folk religion as the 'Heavenly Official'. The second inscription reads 鴻鸞天禧 (Hongluan Tianxi, 'Heavenly happiness for a virtuous person'); hongluan literally means 'wild goose and female firebird' as these two birds flying high in the sky were a metaphor for a person of highest virtue. As these two inscriptions suggest, the exhibit was used in temple rituals of Chinese traditional religion that amalgamated concepts borrowed from Buddhism, Taoism and Confucianism. Moreover, one of the highest ranking members in a Triad secret society (Sanhehui or Sandianhui), the one in charge of offense and defense, was reverently called Red Cudgel (or Red Pole) and a red cudgel served as the symbol of his power.

285. ПАЛИЦА БЯНЬ
Китай. XIX – начало XX вв.
Дерево, лак, цветные пигменты, столярная и токарная обработка, лакирование
Общ. дл. 77,5, дл. боевой части 60,3 см

BIAN CUDGEL
CHINA. 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Wood, laquer, colour pigments, woodworking. Full length 77.5, length of head 60.3 cm.

286. ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ МУЦЗЯНЬ
Китай. XIX – начало XX вв.
Дерево, лак, столярная обработка, лакирование, резьба по дереву
Общ. дл. 77, дл. боевой части 54, ш. боевой части у осн. 4 см
Предметы, аналогичные данному деревянному мечу, используются в Китае доныне при обучении традиционным боевым искусствам, а в прошлом также могли использоваться в качестве нелетального оружия или орудия наказания.

MUJIAN SWORD
CHINA. 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Wood, laquer, woodworking. Full length 77, length of head 54, width of head at base 4 cm.

Swords like this wooden mujian (木劍) are still in use in China for training in traditional martial arts. In the past these could also be used as non-lethal weapons or for corporal punishment.

287. ПАЛИЦА ЦЗЯНЬ
Китай. XIX – начало XX вв.
Дерево, лак, столярная обработка, лакирование
Общ. дл. 73,5, дл. боевой части 44,5, ш. боевой части у осн. 3,6 см

JIAN CUDGEL
CHINA. 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Wood, laquer, woodworking. Full length 73.5, length of head 44.5, width of head at base 3.6 cm.

288. ПАЛИЦА ЦЗЯНЬ
Китай. XIX – начало XX вв.
Дерево, лак, столярная обработка, лакирование
Общ. дл. 76,5, дл. боевой части 54,3, ш. боевой части у основания 4,6 см

JIAN CUDGEL
CHINA. 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Wood, laquer, woodworking. Full length 76.5, length of head 54.3, width of head at base 4.6 cm.

289. БАНЬЦЗЫ
Китай. Начало XX в.
Дерево, лак, столярная обработка, лакирование.
Общ. дл. 103, дл. ударной части 63, ш. у осн. ударной части 8,3 см
Орудие наказания (батог). В китайском языке основным значением слова баньцзы（板子）является «доска». Однако второе значение этого слова – «планка из бамбука или березы, применяемая для телесных наказаний». Со времен о. Иакинфа (Бичурина) для перевода этого слова используется русское слово «батог». На одной из сторон батога имеется надпись Гуань сянья синчжан (官县衙刑杖) – «казенное [имущество], батог уездной управы», исполненная красным лаком.

BANZI
CHINA. EARLY 20TH CENTURY
Wood, laquer, woodworking. Full length 103, length of head 63, width at base of head 8.3 cm.

An instrument of corporate punishment. The basic meaning of the word banzi (板子) in Chinese is ‘plank’. However, another meaning of this word is ‘a birch or bamboo plank used for corporal punishment’. The inscriprtion in red laquer on one of the sides reads ‘Guan xianya xingzhang’ (官县衙刑杖), i.e. ‘state [property], plank of the county office’.

290. ПАЛИЦА ЦЗЯНЬ
Китай. Конец XIX – начало XX вв.
Дерево, лак, столярная обработка, лакирование.
Общ. дл. 11,6, дл. боевой части 9,7, ш. боевой части у основания 3,6 см

JIAN CUDGEL
China. Late 19th to early 20th century.
Wood, laquer, woodworking. Full length 11.6, length of head 9.7, width of head at base 3.6 cm.

291. ПАЛИЦА БЯНЬ
Китай. XIX в.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 86,5, дл. боевой части 70,5, ш. боевой части у осн. 1,9 см

BIAN CUDGEL
China. 19th century.
Steel, forging, metalworking. Full length 86.5, length of head 70.5, width of head at base 1.9 cm. (00339)

292. ПАЛИЦА БЯНЬ
Китай. XVIII – XIX вв.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 71, дл. боевой части 54, ш. боевой части у осн. 2,2 см

Палица бянь с тунькоу в виде головы дракона Яйцзы.
Аналогии: бянь, частное собрание Хуанфу Цзяна, КНР [Пэн Пэн, 2011:188 / 145.4]*

* Пэн Пэн предлагает датировку палицы бянь из собрания Хуанфу Цзяна периодом Мин (13681644).

BIAN CUDGEL
China. 18th to 19th century.
Steel, forging, metalworking. Full length 71, length of head 54, width of head at base 2.2 cm.

The tunkou collar of this bian cudgel is shaped like the head of dragon Yaizi.w
Comparable items: a bian in the private collection of Huangfu Jiang, PRC which Peng Peng putatively dates to the Ming period (1368–1644) [Peng Peng, 2011: 188 / 145.4].

293. ПАЛИЦА ГУАТОУ ЦЗЯНЬКитай. XVII в.
Сталь, медный сплав, рог, ковка, литье, слесарная обработка, травление, гравировка
Общ. дл. 87, дл. боевой части 66,5, ш. боевой части у основания 24 см

Палица гуатоу цзянь с навершием в виде тыквы. У пяты боевой части на каждой грани в прямоугольном картуше имеется изображение дракона, на латунной гарде – стилизованные прорезные изображения монеты с квадратным отверстием (благопожелательный символ).
Аналогии см.: палица цзянь из собрания МГ [Цин гун, 2008:261/280]
Публикации: данная палица была впервые опубликована А.М. Пастуховым [Пастухов, 2012а:345 / 6]

GUATOU JIAN CUDGEL
CHINA. 17TH CENTURY.
Steel, copper alloy, horn, forging, casting, metalworking, etching, engraving. Full length 87, length of head 66.5, width of head at base 24 cm.

The pommel of this guatou jian cudgel is shaped like a pumpkin. Each facet at the base of the head has a dragon in a cartouche and the brass guard is decorated with stylized pierced images of square-holed coins (a well-wishing device).
Comparable items: a jian cudgel in the private collection of the Palace Museum in Beijing [Qing Gong, 2008: 261/280].

294. ПАЛИЦА ЦЗЯНЬ
Китай. XVIII–XIX вв.

294. ПАЛИЦА ЦЗЯНЬ
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, медный сплав, рог, ковка, литье, слесарная обработка
Общ. дл. 64,5, дл. боевой части 50, ш. боевой части у осн. 2,7 см

JIAN CUDGEL
China. 18th to 19th century.
Steel, copper alloy, horn, forging, casting, metalworking. Full length 64.5, length of head 50, width of head at base 2.7 cm.

295. ПАЛИЦА ЦЗЯНЬ (С НОЖНАМИ)
Китай. XVIII–XIX вв.
Медный сплав, рог, дерево, лак, литье, слесарная и столярная обработка, лакирование Общ. дл. 72, дл. без ножен 65, дл. боевой части 50,5, ш. боевой части у основания 2,2 см

JIAN CUDGEL AND SCABBARD
China. 18th to 19th century.
Copper alloy, horn, wood, laquer, casting, metal and woodworking. Full length 72, length without scabbard 65, length of head 50.5, width of head at base 2.2 cm.

296. ПАЛИЦА ЦЗЯНЬ
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, рог, ковка, литье, слесарная обработка
Общ. дл. 82, дл. боевой части 66,5, ш. боевой части у осн. 2,1 см

Палица цзянь с тунькоу в виде головы дракона Яйцзы.

JIAN CUDGEL
China. 18th to 19th century
Steel, horn, forging, casting, metalworking. Full length 82, length of head 66.5, width of head at base 2.1 cm.

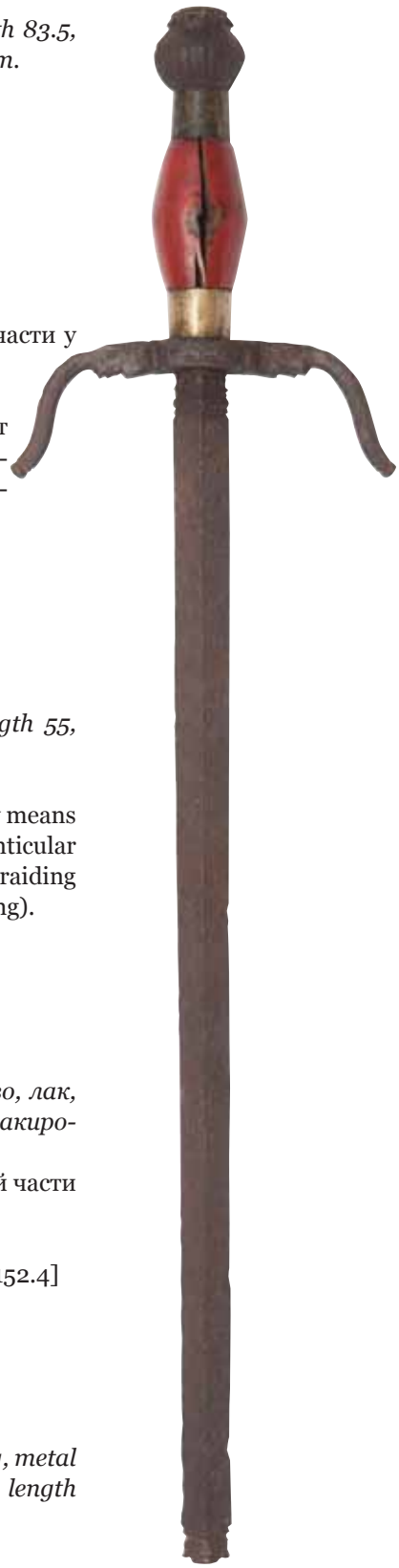
The tunkou collar of this jian cudgel is shaped like the head of dragon Yaizi.

297. ПАЛИЦА
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, лак, ковка, слесарная обработка, лакирование
Общ. дл. 83,5, дл. боевой части 65, дм. боевой части у осн. 15 см

Палица в виде стального прута.

CUDGEL
China. 18th to 19th century
Steel, laquer, forging, metalworking. Full length 83.5, length of head 65, diameter of head at base 15 cm.

The cudgel is in the form of a steel rod.



298. ПАЛИЦА ТЕ ЧИ
Китай. XIX в.
Сталь, кожа, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 55, дл. боевой части 41, ш. боевой части у осн. 2,2 см

Палица те чи*. Боевая часть палицы имеет уплощенно–линзовидное сечение. Перед началом кожаной оплетки рукояти имеется отверстие для утраченного темляка.

* Букв. «железная линейка».

TIE CHI CUDGEL
CHINA. 19TH CENTURY.
Steel, leather, forging, metalworking. Full length 55, length of head 41, width of head at base 2.2 cm.

The name of this type of a cudgel, tie chi, literally means ‘an iron ruler’. Its head exhibits a flattened lenticular cross-section. The hole right before the leather braiding of the grip served to attach a lanyard (now missing).

299. ПАЛИЦА БИЦЗЯЧА
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, медный сплав желтого цвета, дерево, лак, ковка, слесарная и столярная обработка, лакирование, гравировка
Общ. дл. 60,3, дл. боевой части 46,3, ш. боевой части у осн. 23 см

Аналогии: бицзяча, ЦС [Пэн Пэн, 2011:195 / 152.4]

BIJIACHA CUDGEL
China. 18th to 19th century
Steel, yellow copper alloy, wood, laquer, forging, metal and woodworking, engraving. Full length 60.3, length of head 46.3, width of head at base 23 cm.

Comparable items: a bijiacha in the private collection of Jing Xuewen, PRC [Peng Peng, 2011: 195 / 152.4].

300. БУЛАВА
Китай. XIX в.
Сталь, медный сплав, ковка, литье, слесарная обработка
Общ. дл. 39, ш. боевой части 6,2 см

Булава в форме топора юэ.

MACE
China. 19th century.
Steel, copper alloy, forging, casting,metalworking. Full length 39, width of head 6.2 cm.

This mace is in the form of a yue axe.

301. БОЕВОЙ МОЛОТ ЧУЙ
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, медный сплав, ковка, литье, слесарная обработка
Общ. дл. 36, размер боевой части 3,8x3,8x4 см

Боевой молот чуй с боевой частью в виде куба со срезанными углами.
Аналогии: боевой молот, СКЧ [Пэн Пэн, 2011:185 / 141.2]; боевой молот, СШ [Пэн Пэн, 2011: 85 / 141.3]

CHUI WAR HAMMER
China. 18th to 19th century.
Steel, copper alloy, forging, casting, metalworking. Full length 36, head 3.8 x 3.8 x 4 cm.

The head of this chui war hammer is shaped like a cut-angled cube.
Comparable items: a war hammer in the private collection of Chen-shi, PRC [Peng Peng, 2011: 185 / 141.2]; a war hammer in the private collection of Xu Shaohui, PRC [Peng Peng, 2011: 185 / 141.3].

302. ПАЛИЦА
Китай. XIX в.
Сталь, ковка, слесарная обработка, кузнечный штамп (клеймо)
Общ. дл. 24,3, размер боевой части 9x6,5, ш. у основания боевой части 2 см

Палица стальная в форме топорика–сечки. На боевой части кузнечным штампом вбито клеймо мастера, читаемое как Ван (王)*

* Ван 王 (букв. «царь») – распространенная в Китае фамилия.

CUDGEL
China. 19th century.
Steel, forging, metalworking, stamping. Full length 24.3, head 9 x 6.5, width at base of head 2 cm.

This steel cudgel is shaped like a hatchet. The head is stamped with the name of the master, Wang (王), a very widespread family name in China (literally, 'King').

303. БОЕВОЙ МОЛОТ ХУЛУ ЧУЙ
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, медный сплав, лак, ковка, литье, слесарная обработка, лакирование
Общ. дл. 42,5, размер боевой части 8х5,9 см

Боевой молот хулу чуй (букв. «молот тыква–горлянка») с боевой частью в виде тыквы–горлянки.

HULU CHUI WAR HAMMER
CHINA. 18TH TO 19TH CENTURY.
Steel, copper alloy, laquer, forging, casting, metalworking. Full length 42.5, head 8 x 5.9 cm.

As the name of this type of weapon implies (literally, a 'gourd hammer'), its head is shaped like a gourd.

304. БОЕВОЙ МОЛОТ ЧУЙ
Китай. XVIII–XIX вв.
Сталь, медный сплав желтого цвета, дерево, кожа, лак, ковка, литье, токарная обработка, тиснение, лакирование, слесарная обработка
Общ. дл. 41,5, дм навершия 5,2, дл. навершия со втулкой 7 см

CHUI WAR HAMMER
China. 18th to 19th century
Steel, yellow copper alloy, wood, leather, laquer, forging, casting, embossing, wood and metalworking. Full length 41.5, diameter of head 5.2, length of head with socket 7 cm.

305. БОЕВОЙ ЦЕП ЛЯНЦЗЕГУНЬ
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, дерево, ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 65, дл. рукояти 37, дл. била 19 см

В последнее звено цепи, скрепленное с билом, вставлены два дополнительных круглых звена, не имеющих практического назначения и призванного создавать шумовой эффект при манипуляциях с оружием.
Аналогии: лянцзегунь [Пэн Пэн, 2011:198 / 156.1]

LIANGJIEGUN FLAIL
CHINA. 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Steel, wood, forging, metal and woodworking. Full length 65, length of handle 37, length of head 19 cm.

Two extra links are set into the last link of the chain under the head. These round links serve no practical purpose but are meant to produce noise when the weapon is being brandished.
Comparable items: a liangjiegun [Peng Peng, 2011: 198 / 156.1].

306. БОЕВОЙ ЦЕП ЛЯНЦЗЕГУНЬ
Китай. XIX в.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 66, дл. боевой части (цепь и било): 27,5, дл. била 11, макс. ширина била 1,9 см

В последнее звено цепи, скрепленное с билом, вставлены два дополнительных круглых звена, не имеющих практического назначения и призванного создавать шумовой эффект при манипуляциях с оружием.
Публикации: данный боевой цеп был впервые опубликован А.М. Пастуховым [Пастухов, 2012b:118–119]

LIANGJIEGUN FLAIL
CHINA. 19TH CENTURY.
Steel, forging, metalworking. Full length 66, length of chain and head: 27.5, length of head 11, maximum width of head 1.9 cm.

Two extra links are set into the last link of the chain under the head. These round links serve no practical purpose but are meant to produce noise when the weapon is being brandished.

307. БОЕВОЙ ЦЕП ЛЯНЦЗЕГУНЬ
Китай. XIX в.
Сталь, текстильное волокно (шнур), ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 101, дл. рукояти 27,5, дл. била 13,1, макс. ш. била 2,3 см

В первое и последнее звенья цепи, скрепленные, соответственно, с рукоятью и билом, вставлены по два дополнительных круглых звена, не имеющих практического назначения и призванного создавать шумовой эффект при манипуляциях с оружием.

LIANGJIEGUN FLAIL
China. 19th century.
Steel, textile cord, forging, metalworking. Full length 101, length of handle 27.5, length of head 13.1, maximum width of head 2.3 cm.

Two extra links are set into the last link of the chain under the head and two more are set into the first link of the chain above the handle. These round links serve no practical purpose but are meant to produce noise when the weapon is being brandished.

308. КИСТЕНЬ
Китай. XIX в.
Дерево, сталь, медный сплав, литье, слесарная обработка, гравировка (надпись), пайка Общ. дл. 69, дл. боевой части 58 см

Кистень на деревянной рукояти. На четырех первых от рукояти кубиках кистеня выгравирована владельческая надпись 匜(?) 渭清用, условно читаемая как – «Используется Цзю (?) Вэйцином».

ONE-HAND FLAIL

China. 19th century.
Wood, steel, copper alloy, casting, metalworking, engraving, soldering. Full length 69, length of head 58 cm.

A one-hand flail with a wooden handle. An engraved insciription on the first four cubes above the handle reads 匜(?) 渭清用. We can provisionally interpret it as ‘In use by Jiu (?) Weiqing’.

309. БОЕВАЯ ЦЕПЬ
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, ковка, токарная и слесарная обработка
Общ. дл. 60,5, дл. била 10 см

BATTLE CHAIN
CHINA. 19TH TO EARLY 20TH CENTURY.
Steel, forging, wood and metalworking. Full length 60.5, length of head 10 cm.

310. БОЕВАЯ ЦЕПЬ
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, ковка, токарная и слесарная обработка
Общ. дл. 29, дл. била 8 см

BATTLE CHAIN
China. 19th to early 20th century.
Steel, forging, wood and metalworking. Full length 29, length of head 8 cm.

311. БОЕВАЯ ЦЕПЬ
Китай. XIX – начало XX вв.
Сталь, ковка, токарная и слесарная обработка
Общ. дл. 68, дл. била 10 см

Аналогии: боевая цепь, ГИМ (инв. № 8900); короткая боевая цепь [Пэн Пэн, 2011:187 / 144.2]; боевая цепь, ША [The Art, 2012:24]

BATTLE CHAIN
China. 19th to early 20th century.
Steel, forging, wood and metalworking. Full length 68, length of head 10 cm.

Comparable items: a battle chain in the State History Museum in Moscow (accession number 8900); a short battle chain [Peng Peng, 2011: 187 / 144.2]; a battle chain in the private collection of Shai Amisar, Israel [The Art, 2012: 24].

ОРУЖИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН ИМПЕРИИ ЦИН «СЕВЕРЯНЕ»
WEAPONS OF THE ETNIC BORDERLANDS OF THE QING STATE «NORTHERNERS»

312. ПОЛОСА КЛИНКА ПАЛАША ТИПА ЧЖИБЭЙДАО
Монголия. XVI–XVII вв.
Сталь, медный сплав желтого цвета, ковка, всечка, гравировка, слесарная обработка
Общ. дл. 62,5, дл. клинка 51,5, ш. клинка у пяты 3,8 см

По голоменям клинка идет всечной зооморфный узор, характерный для народов Центральной Азии. Нетипичным для монгольского оружия является отверстие около острия клинка, на китайском оружии, используемом мастерами традиционных боевых искусств, служившая для крепления дополнительного темляка или кисти.

ZHIBEIDAO BROADSWORD BLADE
Mongolia. 16th to 17th century
Steel damascened in yellow copper alloy, forging, engraving, metalworking.

Full length 62.5. length of blade 51.5, width of blade at forte 3.8 cm.
The flats of the blade are damascened with a zoomorphic pattern which is typical of Central Asia. What is not typical for Mongolian weapons, though, is the hole near the point. In Chinese weapons such holes were used to attach an extra lanyard or a pommel.

313. ПАЛАШ ЧЖИБЭЙДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Монголия. XVII–XIX вв.
Сталь дамасская, медный сплав, кость, рог, ковка, слесарная обработка, гравировка
Общ. дл. 79,5, дл. клинка 60,5, ш. клинка у пяты 3,4 см

Обкладка рукояти из 2 частей, закрепленных площатым способом, изготовлена из черной и белой кости, отражая символику арга–билиг.

ZHIBEIDAO BROADSWORD
Mongolia. 17th to 19th century
Damascus steel, copper alloy, bone, horn, forging, metalworking, engraving. Full length 79.5, length of blade 60.5, width of blade at forte 3.4 cm.

The handle is formed by two cheeks which are riveted to the tang. The cheeks are made of black and white bone, reflecting the arga-bilig symbolism.

314. ПАЛАШ ЧЖИБЭЙДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Северо–западные районы Китая. XVIII–XIX вв.
Сталь дамасская, дерево, текстильное волокно (шнур), лак, ковка, слесарная и столярная обработка, лакирование
Дл. в ножнах 77,5, дл. без ножен 7,4, дл. клинка 57,5, ш. клинка у пяты 3,4 см

ZHIBEIDAO BROADSWORD
Northwest China. 18th to 19th century.
Damascus steel, wood, textile cord, laquer, forging, metal and woodworking. Length in scabbard 77.5, length without scabbard 74, length of blade 57.5, width of blade at forte 3.4 cm.

315. ПАЛАШ ЧЖИБЭЙДАО (БЕЗ НОЖЕН)
Северо–западные районы Китая. XVIII–XIX вв.
Сталь, дерево, текстильное волокно (шнур), ковка, слесарная и столярная обработка
Общ. дл. 97,5, дл. клинка 70, ш. клинка у основания 4 см

Особенностью данного предмета является сложная профилировка клинка, изготовленного с незначительной вогнутостью в центре лезвия, что, в целом, является не характерным для центральноазиатского и китайского клинкового оружия.

315. ZHIBEIDAO BROADSWORD
Northwest China. 18th to 19th century.
Steel, wood, textile cord, forging, metal and woodworking. Full length 97.5, length of blade 70, width of blade at base 4 cm.

The peculiarity of this weapon is a complicated cross-section of tha blade which features a slight concavity running down the centerline. By and large, this is not typical of Central Asian or Chinese blades.

316. ТЕСАК
Северо–западные районы Китая (?). XIX в.
Сталь, текстильное волокно (шнур, лента), ковка, слесарная обработка, гравировка
Общ. дл. 71, дл. клинка 61, ш. клинка у основания 5 см

Тесак с прямым обухом, без ножен. На голоменях у пяты клинка традиционная для Китая второй половины XIX в. гравировка в виде дракона, играющего с жемчужиной. Клинок имеет редкую среди этнических китайцев форму острия с небольшой выемкой со стороны обуха, но встречающуюся порой на клинках национальных меньшинств Китая. Предположительно, сочетание столь разнородных признаков указывает на бытование этого оружия в пограничных районах на западе Китая.

CUTLASS
Northwest China (?). 19th century.
Steel, textile, forging, metalworking, engraving. Full length 71, length of blade 61, width of blade at base 5 cm.

This cutlass has a straight back of the blade and no scabbard. The flat of the blade is engraved with a dragon chasing a pearl, a traditional device for the second half of the 19th century China. The tip features a small recess by the back of the blade, which is not typical for ethnic Chinese swords but is sometimes seen in ethnic minority weapons. Such a combination of features seems to suggest that this weapon must have come from China's Western frontier.

317. ПАЛАШ ЧЖИБЭЙДАО
Северо–западные районы Китая (?). XIX в.
Сталь дамасская, дерево, лак, ковка, слесарная обработка, лакирование.
Общ. дл. 93, дл. клинка 72, ш. клинка у осн. 2.8 см
Стиль ковки клинка данного палаша напоминает тибетский, однако оформление эфеса более характерно для Китая, нежели Тибета.

ZHIBEIDAO BROADSWORD
NORTHWEST CHINA (?). 19TH CENTURY.
Damascus steel, wood, laquer, forging, metalworking. Full length 93, length of blade 72, width of blade at base 2.8 cm.

The style of forging of this sword resembles that of Tibet but the hilt design is more typical of China proper.

318. ПАЛАШ ЧЖИБЭЙДАО (В НОЖНАХ)
Монголия. XVIII–XIX вв.
Сталь дамасская, медный сплав, дерево, текстильное волокно (шнур), лак, ковка, слесарная обработка, гравировка, лакирование
Общ. дл. 87,5, дл. без ножен 86,3, дл. клинка 65,5, ш. клинка у осн. 4,6 см
Прибор эфеса и ножен покрыт тонкой гравировкой, изображающей восемь драгоценностей буддийской религии (кит. ба бао, монг. найман тахил)* на фоне, составленном из переплетающихся свастик.

* Восемь сокровищ Будды включают в себя: 1. раковину Закона, означающая звук удачи и счастья; 2. колесо Закона, символизирующее закон кармы и перерождения; 3. зонт – символ защиты; 4. белое покрывало, обозначающее бесконечную власть Будды; 5. цветок лотоса – символ чистоты Будды, а также просветления (закрытый цветок обозначает будущее просветление, открывшийся – совершенное познание); 6. драгоценный кувшин – символ совершенства Будды; 7. золотую рыбу – символ свободы; 8. связанная в бесконечный узел веревка (монг. □льзий), означающая, что начало и конец учения связаны.

ZHIBEIDAO BROADSWORD AND SCABBARD
Mongolia. 18th to 19th century
Damascus steel, copper alloy, wood, textile cord, laquer, forging, metalworking, engraving. Full length 87.5, length without scabbard 86.3, length of blade 65.5, width of blade at base 4.6 cm.

The fitting of the hilt and scabbard is finely engraved with the Eight Treasures of Buddhism against a background of intertwining swastikas. The Eight Treasures (ba bao

in Chinese, haiman tahil in Mongolian) comprise: 1. The conch shell of the Law, symbolizing the sound of good luck and happiness, 2. the wheel of the Law, symbolizing the law of karma and rebirth, 3. a parasol, the symbol of protection, 4. the white veil, symbolizing the infinite power of the Buddha, 5.
the lotus flower, symbolizing the purity of the Buddha and enlightenment (a closed flower stands for future enlightenment, while an open one stands for attained knowledge), 6. the treasure vase, symbolizing the Buddha's perfection, 7. the goldfish, the symbol of freedom, and 8. A rope tied in the endless knot (ulziy in Mongolian), symbolizing the union of the beginning and the end of the doctrine.

319. ПАЛАШ ЧЖИБЭЙДАО (В НОЖНАХ)
Монголия. XVIII в.
Сталь дамасская, дерево, лак, ковка, слесарная и столярная обработка, лакирование
Общ. дл. 81,7, дл. без ножен 78, дл. клинка 61, ш. клинка у осн. 4,3 см

Примечательным является разделение обуха на неравные по длине участки глубокими рисками, сгруппированными по 3 в 4 группы. Подобный декоративный мотив иногда встречается на клинковом оружии Северного Китая. Предположительно, данные риски помогали парировать удар вражеского оружия, задерживая вражеский клинок.
Публикации: данный палаш был впервые опубликован А.М. Пастуховым [Пастухов, 2012а:345 / 2]

ZHIBEIDAO BROADSWORD AND SCABBARD
Mongolia. 18th century.
Damascus steel, wood, laquer, forging, metal and woodworking. Full length 81.7. length without scabbard 78, length of blade 61, width of blade at base 4.3 cm.

The back of the blade is remarkably divided into sections of uneven length by four groups of deep marks, three marks in each. North China blades sometimes feature this device. These marks presumably helped parry a strike, slowing down the opponent's sword.

320. ДОСПЕХ НАРОДА ИЦЗУ
Юго–западные районы Китая. XIX в.
Кожа, лак, текстильное волокно (ткань), обработка давлением, формовка, плетение, лакирование, шитье
Аналогии: кожаный лакированный доспех из собрания ММ (2014.592)

ARMOUR OF THE YIZU PEOPLE
Southwest China. 19th century.
Leather, laquer, textile, pressure treatment, press moulding, weaving, embroidery.
Comparable items: lacquered leather armour on view in The Metropolitan Museum of Art (2014.592).

«ЮЖАНЕ»/ «SOUTHERNERS»

321. ПАЛАШ (БЕЗ НОЖЕН)
Национальные меньшинства юго–западных районов Китая. XIX в.
Сталь, дерево, лак, ковка, слесарная и столярная обработка, гравировка, резьба по дереву Общ. дл. 110, дл. клинка 63,3, ш. клинка у пяты 3, ш. клинка макс. 4,3 см

BROADSWORDW
Ethnic minorities of Southwest China. 19th century.
Steel, wood, laquer, forging, metal and woodworking, engraving. Full length 110, length of blade 63.3, width of blade at forte 3, maximum width of blade 4.3 cm.

322. ПАРНЫЕ САБЛИ (БЕЗ НОЖЕН)

Национальные меньшинства юго–западных районов Китая. Конец XIX – начало XX вв.

Сталь, дерево, лак, ковка, пайка, слесарная обработка, гравировка

Общ. дл. 70,5, дл. клинка 51,5 / 51, ш. клинка у пяты 3,3, ш. клинка у фальш-елмани 88 / 86 см

На клинках обеих сабель имеются каллиграфически исполненные надписи, частично нечитаемые. Надписи, сделанные у острия каллиграфическим почерком, читаются с большим трудом и осмысленному переводу не поддаются. Предположительно, это стихи.

Надпись у пяты клинка № 1 на правой голомени: 持刀何辞物 чи дао хэ цы у – держа в руках меч, как защитить живые творения?

Надпись у пяты клинка № 1 на левой голомени: 拔劍以斬人 ба цзянь и чжань жэнь – извлеки меч [из ножен] и заруби [им] человека.

Надпись у пяты клинка №2 на правой голомени: 拔劒而擊柱 (?) ба цзянь эр цзи чжу – извлеки меч [из ножен] и атакуй устои (?).

Надпись у пяты клинка №2 на левой голомени: 持鋒尚斬鯨 чи фэн шан чжань цзин – держа в руках меч, заруби кита*.

* В данном случае кит выступает символом огромного и мощного противника – ср. кит. цзинчи 鯨螭 (букв. «киты и драконы»), либо злодея – ср. кит. цзинни 鯨鯢 (букв. «злая рыба, пожирающая мальков», в переносном значении – злодей).

PAIR OF SABERS

Ethnic minorities of Southwest China. Late 19th to early 20th century.

Steel, wood, laquer, forging, soldering, metalworking, engraving. Full length 70.5, length of blade 51.5 / 51, width of blade at forte 3.3, maximum width of blade 88 / 86 cm.

Both sabers carry calligraphic inscriptions on the blades. The inscriptions are partly illegible, and those by the cutting edge do not lend themselves easily to interpretations. Presumably, it is poetry.

At the forte of blade 1, on the right flat of the blade: 持刀何辞物 (chi dao he ci wu: ‘sword in hand, how does one defend living creatures?’)

At the forte of blade 1, on the left flat of the blade: 拔劍以斬人(‘ba jian yi zhan ren: unsheathe your sword and cut a man down [with it]’).

At the forte of blade 2, on the right flat of the blade: 拔劒而擊柱 (?) (ba jian er ji zhu: ‘unsheathe your sword and attack the foundations (?)’).

At the forte of blade 2, on the left flat of the blade: 持鋒尚斬鯨 (chi feng shang zhan jing: ‘sword in hand, cut the whale down’). In this case the whale is a symbol of an enormous and powerful opponent (compare to the Chinese jingchi 鯨螭, literally ‘whales and dragons’) or of a villain (compare to the Chinese jingni 鯨鯢, literally ‘evil fish that devours young fish’, also ‘vilain’).

ТИБЕТ/ TIBET

323. ШЛЕМ С ЦЕЛЬНОКОВАНОЙ ТУЛЬЕЙ И КОРОБЧАТЫМ КОЗЫРЬКОМ
Тибет. XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. в. шлема 17,8, дм шлема 23,3 см

Аналогии: цельнокованый шлем с коробчатым козырьком и матерчатой бармицей из собрания ММ (36.25.25) [LaRocca, 2006:134–135]*
* Дональд Ла Рокка выделяет шлемы данного типа в т.н. «бутанский» тип, указывая, что они были широко распространены в Тибете.

TIBET. 18TH TO 19TH CENTURY.
Steel, forging, metalworking. Full height 17.8, diameter of helmet 23.3 cm.

This helmet features a one-piece cap and a box-shaped visor.
Comparable items: a one-piece helmet with a box-shaped visor and a cloth aventail on view at The Metropolitan Museum of Art (36.25.25) [LaRocca, 2006: 134-135]. Donald J LaRocca believes that helmets of the kind are of the so-called Bhutanese type but that they were widespread in Tibet.

324. ШЛЕМ
Тибет. XVIII–XIX вв.
Сталь, медный сплав, ковка, литье, слесарная обработка
Общ. в. шлема. 20, дм шлема 21,5 см

Шлем с цельнокованой тульей и навершием в виде ваджры.

HELMET
Tibet. 18th to 19th century
Steel, copper alloy, forging, casting, metalworking. Full height 20, diameter of helmet 21.5 cm.

This helmet features a one-piece cap and a vajra-shaped crest.

325. ШЛЕМ
Тибет. XVIII–XIX вв.
Сталь, кожа, ковка, слесарная обработка

В. тульи 11.8, дм шлема 24,4, шлем с цельнокованой тульей и коробчатым козырьком
Аналогии: цельнокованый шлем с коробчатым козырьком и матерчатой бармицей из собрания ММ (36.25.25) [LaRocca, 2006:134–135]

325. HELMET
Tibet. 18th to 19th century
Steel, leather, forging, metalworking. Height of cap 11.8, diameter 24.4.

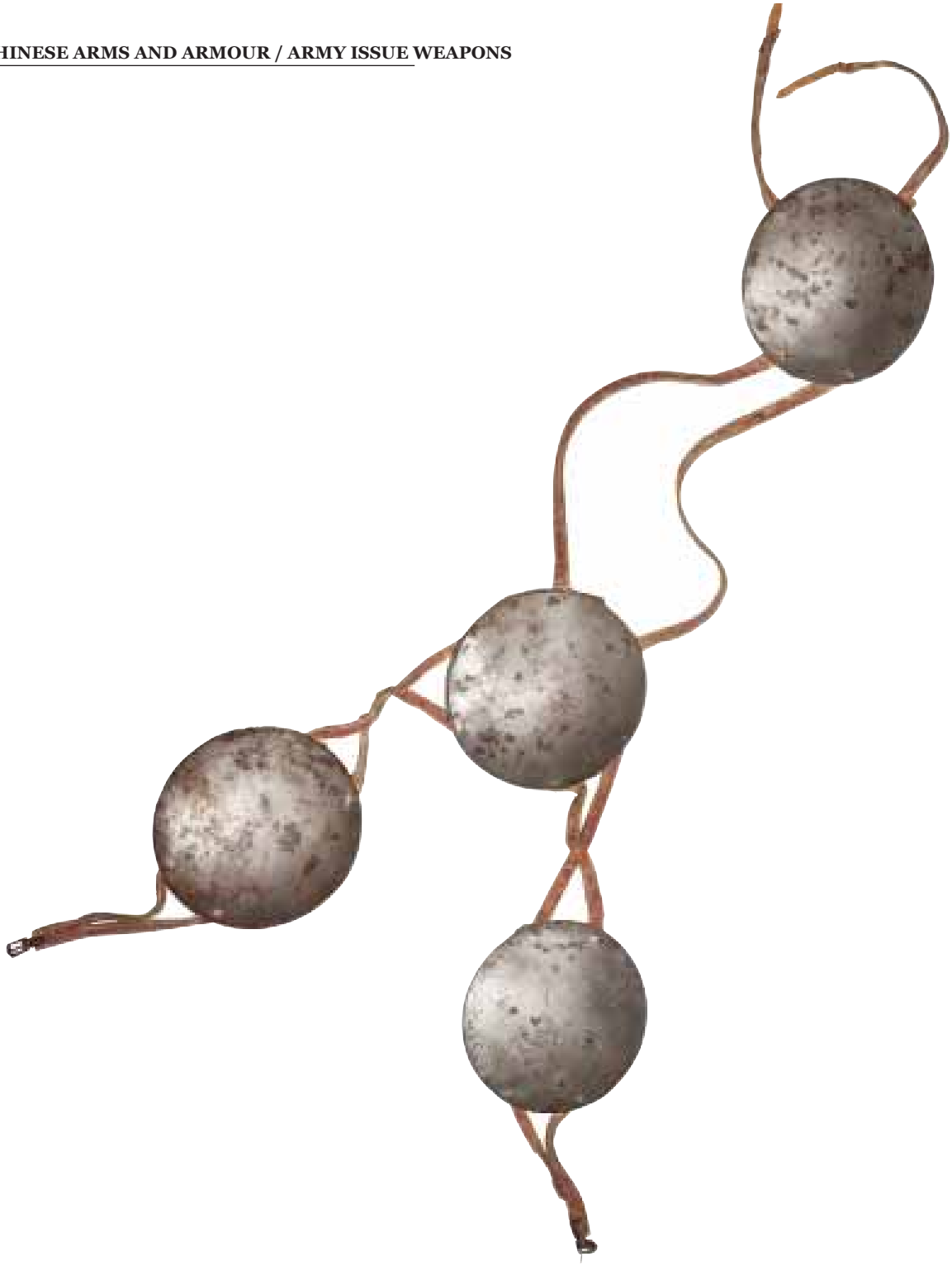
This helmet features a one-piece cap and a box-shaped visor.
Comparable items: a one-piece helmet with a box-shaped visor and a cloth aventail in The Metropolitan Museum of Art (36.25.25) [LaRocca, 2006: 134-135].

326. ШЛЕМ
Тибет. XVII–XIX вв.
Сталь, кожа, ковка, слесарная обработка
Общ. в. шлема 41, в. тульи 22, дм шлема 23, дл. бармицы 19, ш. бармицы 27 см

Шлем с восьмипластинчатой тульей и ламеллярной бармицей.
Аналогии: шлем с восьмипластинчатой тульей (528A–1905) из МВА [LaRocca, 2006:66–67], шлем с восьмипластинчатой тульей и ламеллярной бармицей (1941.2.126.1, 2) из МПР [LaRocca, 2006:60–61], шлем с восьмипластинчатой тульей и ламеллярной бармицей (36.25.53a, b) из собрания ММ [LaRocca, 2006:62–64].

326. HELMET
Tibet. 17th to 19th century
Steel, leather, forging, metalworking. Full height 41, height of cap 22, diameter 23, length of aventail 19, width of aventail 27 cm.

This helmet features an eight-plate cap and a lamellar aventail.
Comparable items: a helmet with an eight-plate cap (528A-1905) in the Victoria and Albert Museum [LaRocca, 2006: 66-67], a helmet with an eight-plate cap and a lamellar aventail (1941.2.126.1, 2) in the Pitt Rivers Museum [LaRocca, 2006: 60-61], a helmet with an eight-plate cap and a lamellar aventail (36.25.53a, b) in The Metropolitan Museum of Art [LaRocca, 2006: 62-64].



327. ЧЕТЫРЕ ЗЕРЦАЛА
Тибет. XVIII–XIX вв.
Сталь, кожа, ковка, слесарная обработка
Дм зерцальной пластины 18–19 см

Аналогии: зерцальный комплект из 4 зерцал (36.25.26) из собрания ММ [LaRocca, 2006:130–131]

FOUR MIRRORS
TIBET. 18TH TO 19TH CENTURY
Steel, leather, forging, metalworking. Diameter of each mirror 18-19 cm.

Comparable items: a set of four mirrors (36.25.26) in The Metropolitan Museum of Art [LaRocca, 2006: 130-131].

328. ЩИТ БАПХУБ
Тибет. XVIII–XIX вв.
Дерево, тростник (?), сталь, столярная обработка, плетение, ковка, слесарная обработка
В. щита 23, дм щита 62 см

Аналогии: плетеный щит (2005.145) из собрания ММ [LaRocca, 2006:94–95]*
* Дональд Ла Рокка предлагает датировку такого щита XV–XVIII вв.(00380)

328. SBA PHUB SHIELD
Tibet. 18th to 19th century
Wood, cane (?), steel, woodworking, weaving, forging, metalworking. Height 23, diameter 62 cm.

Comparable items: a woven shield (2005.145) in The Metropolitan Museum of Art [LaRocca, 2006: 94-95]. Donald J. LaRocca ventures this shield is possibly of the 15th to 18th century.

329. ПАНЦИРНЫЙ ПОЯС
Тибет. XVI–XIX вв.
Сталь, кожа, ковка, слесарная обработка
Дл. 122, ш. 13,6 см

Аналогии: панцирный пояс из собрания ММ (36.25.29) [LaRocca, 2006:134–135], панцирный пояс из ОГИМ (№ 3758), панцирный пояс из ЦГМРК, панцирный пояс из МУКНР [Бобров, Худяков, 2009:273]

329. ARMOUR BELT
Tibet. 16th to 19th century
Steel, leather, forging, metalworking. Length 122, width 13.6 cm.

Comparable items: an armour belt in The Metropolitan Museum of Art (36.25.29) [LaRocca, 2006: 134-135], an armour belt in the Omsk State History Museum (№ 3758), an armour belt in the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan in Almaty, and an armour belt in the Ulan Chaab Museum in Ulan Chaab [Bobrov, Khudyakov, 2009: 273].

330. ПАЛАШ БАДАНГ (С НОЖНАМИ)
Тибет. XVII–XIX вв.
Сталь дамасская, дерево, кожа, полудрагоценные камни (бирюза?), серебро, ковка, слесарная обработка, пайка, выколотка, чеканка, серебрение
Общ. дл. 88,5, дл. без ножен 86, дл. клинка 70, ш. клинка 3,6 см

Аналогии: палаш с ножнами (XXVIS.187) из КАЛ [LaRocca, 2006:161]*
* По мнению Дональда Ла Рокка, представленные на выставке тибетские палаши имеют старые клинки, но подвергались переоформлению в конце XVIII – начале XX вв.

330. DPA'DAM BROADSWORD AND SCABBARD
Tibet. 17th to 19th century
Damascus steel damascened in silver, wood, leather, semi-precious stones (turquoise?), silver, forging, metalworking, soldering, tapping, embossin. Full length 88.5, length without scabbard 86, length of blade 70, width of blade 3.6 cm.

Comparable items: a sword and scabbard (XXVIS.187) in the Royal Armouries Museum in Leeds [LaRocca, 2006: 161]. Donald J LaRocca thinks that Tibetan broadswords at the 2006 exhibition at The Metropolitan Museum of Art had old blades but had been reformed in the late 18th to early 20th century.

331. ПАЛАШ БАДАНГ
(С НОЖНАМИ)
Тибет. XVIII – первая половина XIX вв.
Сталь дамасская, дерево, кожа, полудрагоценные камни (бирюза?), золото, ковка, слесарная обработка, пайка, выколотка, чеканка, золочение
Общ. дл. 98, дл. без ножен 89, дл. клинка 75, ш. клинка 4 см

Аналогии: палаш баданг (Инв. № 0107/139) из ВИМАИВиВС [Анисимова, 2013:440–441].

DPA'DAM BROADSWORD AND SCABBARD
Tibet. 18th to the first half of the 19th century.
Damascus steel, wood, leather, semi-precious stones (turquoise?), gold, forging, metalworking, soldering, tapping, embossing, gilding. Full length 98, length without scabbard 89, length of blade 75, width of blade 4 cm.

Comparable items: a dpa'dam broadsword (Accession number 0107/139) in the Artillery Museum in Saint Petersburg [Anisimova, 2013: 440-441].

332. ПАЛАШ РЕ–ТИ
(С НОЖНАМИ)
Тибет. XVIII–XIX вв.
Сталь дамасская, дерево, кожа, коралл, серебро, ковка, слесарная обработка, пайка, выколотка, чеканка, серебрение
Общ. дл. 79, дл. без ножен 66, дл. клинка 53, ш. клинка 3 см

Аналогии: короткий палаш с ножнами из собрания ММ (36.25.1466a, b) [LaRocca, 2006:159].

RAL-GRI BROADSWORD AND SCABBARD
Tibet. 18th to 19th century
Damascus steel, wood, leather, coral, silver, forging, metalworking, soldering, tapping, embossing, silver. Full length 79, length without scabbard 66, length of blade 53, width of blade 3 cm.

Comparable items: a short broadsword with scabbard in The Metropolitan Museum of Art (36.25.1466a, b) [LaRocca, 2006: 159].

333. ПАЛАШ РЕ–ТИ (БЕЗ НОЖЕН)
Тибет. XVIII–XIX вв.
Сталь дамасская, дерево, кожа, ковка, слесарная обработка, пайка, выколотка
Дл. без ножен 60,5, дл. клинка 45,7, ш. клинка 3 см

Аналогии: палаш с ножнами из собрания ММ (36.25.1465a, b) [LaRocca, 2006:167].

RAL-GRI BROADSWORD
Tibet. 18th to 19th century.
Damascus steel, wood, leather, forging, metalworking, soldering, tapping, embossing. Length without scabbard 60.5, length of blade 45.7, width of blade 3 cm.

Comparable items: a broadsword with scabbard in The Metropolitan Museum of Art (36.25.1465a, b) [LaRocca, 2006: 167].

334. НОЖ (С НОЖНАМИ)
Тибет. XIX в.
Сталь, дерево, кожа, кость, ковка, слесарная обработка, выколотка, гравировка
Дл. без ножен 39,5, дл. клинка 26,5, ш. клинка у пяты 2 см

Пластины обкладки рукояти сделаны из темной и светлой кости, символизирующей женское и мужское начало соответственно.

KNIFE AND SCABBARD
Tibet. 19th century.
Steel, wood, leather, bone, forging, metalworking, tapping, engraving. Length without scabbard 39.5, length of blade 26.5, width of blade at forte 2 cm.

The handle cheeks are made of dark and light bone, symbolizing the feminine and the masculine, respectively.

335. СТРЕМЕНА
Китай – Тибет. XVIII–XIX вв.
Сталь, ковка, слесарная обработка, гравировка

335. STIRRUP
China – Tibet. 18th to 19th century.
Steel, forging, metalworking, engraving. (00386)

НЕПАЛ/NEPAL

336. НОЖ КХУКРИ
Непал. XVIII–XIX вв.
Сталь дамасская, ковка, слесарная обработка, кузнечный штамп (клеймо)
Общ. дл. 56,5, дл. клинка 46, ш. клинка макс. 7,5 см (

KHUKRI KNIFE
Nepal. 18th to 19th century
Damascus steel, forging, metalworking, stampig. Full length 56.5, length of blade 46, maximum width of blade 7.5 cm.

337. МЕЧ КОРА
Непал. XIX в.
Сталь, ковка, слесарная обработка
Общ. дл. 72, дл. клинка 5,5, ш. клинка максимальная 9,5 см

Аналогии: меч кора из собрание ВИМАИВиВС (инв. № 0121/981) [Анисимова, 2013:347, 349]

KORA SWORD
Nepal. 19th century.
Steel, forging, metalworking. Full length 72, length of blade 5.5, maximum width of blade 9.5 cm.

Comparable items: a kora sword in the Artillery Museum in Saint Petersburg (accession number 0121/981) [Anisimova, 2013: 347, 349]. (00388)(00239) (36.25.1465a, b) [LaRocca, 2006: 167].

Список сокращений

БКД – Коллекция Британского королевского дома (Royal Collection Trust, London, GB)

ВИМАИВиВС – Военно–Исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

БМ – Британкий музей (The British Museum, London, UK)

ГИМ – Государственный Исторический музей

ГМФ – Государственный музейный фонд

ГМЧ – Государственный музей Ченнаи (Government Museum, Chennai)

ГП – музей Гугун (Пекин, КНР)

ГЦ – частное собрание Гэн Цимина (КНР)

ГЭ – Государственный Эрмитаж (СПб)

ДГ – частное собрание Джошуа Гринфельда (Израиль)

КАЛ – Королевский арсенал в Лидсе (Royal Armouries Museum, Leeds)

КМО – Королевский музей Онтарио (Royal Ontario Museum, Ontario, Canada)

КФ – коллекции Фурусия (the Furusiyya Art Foundation collection)

ЛЦ – частное собрание Ли Цзюньцина (КНР)

МА – музей Альвара (Alwar Museum, Alwar, India)

МВА – Музей Виктории и Альберта (Victoria and Albert Museum, London, GB)

МГ – Музей Гугун (Пекин, КНР)

МИИВ – Музей изящных искусств Вирджинии (VMFA, Virginia Museum of Fine Arts, Ricmond, US)

МИИХ – Музей изящных искусств Хьюстона (MFAH, Museum of Fine Arts, Huston, US)

МКФ – Военно–Мемориальный музея Красного форта, Нью–Дели (Indian War Memorial Museum, Red Fort, New Delhi, India)

МЛА – музей Лос-Анджелеса (LACMA, Los Angeles, US)

ММ – музей Метрополитен (The Metropolitan Museum of Art, New York, US)

МПР – музей Питт-Риверса (The Pitt Rivers Museum, University of Oxford, GB)

МПШ – Музей полиции (Шанхай, КНР)

МУ – Музей Ултерс (The Walters Art Museum, Baltimor, US)

МУКНР – музея г. Уланчаб (乌兰察布博物馆, Автономный Район Внутренняя Монголия, КНР)

МФД – музей в Форте Джунагарх, Биканер (Junagarh Fort, Bikaner, India)

НМЛ – Национальный музей в Ливерпуле (World Museum, Liverpool, GB)

НМНД – Национальный музей Нью-Дели (National Museum, New Delhi, India)

ОГИМ – Омский Государственного Исторического музея

РКО – «Русско-китайские отношения»

СКЧ – частное собрание клана Чэнь (КНР)

СЦ – частное собрание Сун Цзыфэна (КНР)

СШ – частное собрание Сюй Шаохуя (КНР)

ФВ – частное собрание Фань Вэя (КНР)

ХЦ – частное собрание Хуанфу Цзяна (КНР)

ЦГМРК – Центральный Государственный Музей Республики Казахстан (Алматы)

ЦС – частное собрание Цзин Сюэвэня (КНР)

ЦСА – Царскосельский арсенал

ША – частное собрание Шай Амисар (Израиль)

ЯЮ – частное собрание Ян Юна (КНР)

Глоссарий

Алемани – тип изогнутого сабельного клинка кавалерийского типа, бытовавший в Индии в XVII–XVIII вв. Часто это клинок европейского происхождения.

Ангкуш – инструмент погонщика слона, напоминающий по форме багор.

Арга-билиг – монгольская калька с китайского философского понятия *инь-ян*. См. *инь-ян*.

Багнак (инд. «лапа тигра», «когти тигра») – холодное оружие, состоящее из двух колец, соединенных стальной пластиной с несколькими шипами.

Баданг – палаш со скругленным к обуху острием, распространен в Тибете и Монголии, а также приграничных районах Китая. См. *чжибэйдао*.

Базубанд – наруч, часть доспеха, защищающая предплечье (руку от кисти до локтя).

Балам – одно из названий копья, распространенное в северной и Центральной Индии.

Банк – серповидный нож, бытовавший в Центральной и Северной Индии в XVII–XIX вв.

Баньцзы (кит. «доска», монг. *бандза*) – старинное китайское орудие наказания в виде толстой широкой деревянной планки с ручкой. Общая длина 1–1,5 м в зависимости от градации веса орудия для наказания. Применялось на всех территориях, находившихся под властью династии Цин (1644–1912).

Бапхуб – плетеный из тростника щит.

Бармица – элемент шлема, закрывающий шею и горло воина.

По конструкции может быть кольчужным, ламеллярным (из сошнурованных мелких стальных пластин), ламинарным (из длинных горизонтальных пластин, сошнурованных между собой), пластинчато-нашивным (из металлических или кожаных пластин, закрепленных на тканой основе) или стеганым, из толстой ткани, простеганной в много слоев.

Бингу – деталь прибора китайского клинкового оружия – металлическая обоймица, муфта, усиливающая рукоять у гарды. В японском оружии ей соответствует муфта *фути*. См. *фути*.

Бирдунги – охотничий бумеранг, распространенный в Гуджарате и Южной Индии, встречается как стальной, так и роговый, деревянный.

Бицзяча (кит. «вилы», «подставка под кисть») – китайское цельнометаллическое ударно–дробящее оружие с U-образной гардой и массивным навершием, как правило, изготовленным в виде куба со срезанными углами. Известно также в Японии и на Окинаве. См. *сай*.

Бичва (инд. «жало скорпиона») – кинжал со слегка изогнутым клинком и рукоятью в форме петли. Считался излюбленным оружием лучника.

Бхудж (по имени города в штате Гуджарат) – холодное оружие, состоящее из полуметровой рукояти и массивного клинка с двойным изгибом.

Бэйдоу цисин (кит. «семь звезд Северного Ковша») – китайский декоративный мотив в виде семи точек/отверстий, символизирующий созвездие Большой Медведицы (кит. Северный Ковш), населенное духами, покровительствующими воинам. Благопожелательный символ, часто изображаемый на оружии.

Бянь (кит. «плеть») – китайское ударно-дробящее оружие с боевой частью в виде прута круглого сечения. Иногда оформляется в виде стебля бамбука с подчеркнутыми сочленениями коленцев, или имеет легкую конусность. Может носиться в ножнах на поясной портупее. Встречается в одинарном и парном вариантах.

Бяоцзюй – охранная контора в феодальном и раннереспубликанском Китае. *Бяоцзюй* обеспечивали перевозку грузов и пассажиров в неспокойных районах, однако, как правило, успех их деятельности зависел не столько и не сколько от боевого мастерства охранников и качества их вооружения, сколько от связей владельцев охранных контор с лидерами местных банд и чиновниками.

Ваджра (тиб. *дорчже*) – мифологическое и ритуальное оружие, символ молнии, громового камня, алмаза. В индийской мифологии

ваджра является основным оружием бога–громовержца Индры в его борьбе с противниками богов – *асурами*. По традиции это мощное оружие, соединяющее в себе свойства меча, булавы и копья, символизирует силу и твердость духа.

Верчворал – топор или тесак, используемый для жертвоприношений.

Вин чунь – широко распространенный стиль китайских боевых искусств, отличающийся ярко выраженной прикладной направленностью. По наиболее достоверным данным появился во второй половине XVIII в. в Южном Китае. Помимо ударной и бросковой техники использует значительный арсенал традиционного оружия, в т. ч. парные тесаки-бабочки. См. *худедао*.

Водао (предположительно эвфемизм от *водао,* кит. «японский меч») – двуручная длинноклинковая сабля, состоявшая на вооружении Зеленознаменных войск империи Цин, набиравшихся из этнических китайцев. Конструктивно сходна с японскими образцами длинных мечей, в Зеленознаменных войсках имела ряд регламентированных разновидностей, незначительно различавшихся между собой длиной клинка и рукояти, а также деталями отделки.

Гарда – часть эфеса, защищающая часть руки.

Голомень – плоская боковая часть клинка.

Гоу – традиционное оружие китайских боевых искусств, сочетающее прямой клинок, заканчивающийся крюком, со сложной гардой полулунной формы и навершием в виде копейного наконечника. Гарда и навершие являются дополнительными поражающими элементами. Считается, что первоначально *гоу* появились в среде адептов северных стилей национальных боевых искусств Китая, но к настоящему времени распространились и среди адептов южных стилей. Может применяться в одиночном и парном варианте. См. *шуан гоу*.

Гоулянь – традиционное оружие китайских боевых искусств, в настоящее время представляющее собой боевой серп с гардой разной формы.

Гошу – название пропагандировавшихся правительством республиканского Китая национальных боевых искусств в 1920–1940-х гг. См. *ушу*.

Гунфу (кит. «умение, сноровка», тж. «свободное время») – сложно переводимый китайский термин, относящийся к глубине постижения адептом того или иного вида деятельности основных, базовых принципов своей деятельности, в т.ч. в области традиционных боевых искусств. В Европе и США это слово в искаженном виде кунгфу (тж. *кунфу)* используется для обозначения традиционных китайских боевых искусств.

Гурда – клеймо, состоящее из двух изогнутых зубчатых линий. Встречается как на индийских, так и на кавказских клинках. Первоначально появилось на саблях австрийских мастерских, изготавливающих клинки для восточного рынка.

Даба (от кит. *дабу*, «домотканая холстина») – вид плотной дешевой китайской хлопчатобумажной ткани, обычно черного или синего цвета. Использовалась при изготовлении наборных древков для копий, пик и прочего древкового оружия.

Дадао – 1) древковая сабля, известная в Китае не позднее VII в. н. э.; 2) широкая и тяжелая двуручная сабля с фальш–елманью, рукоять которой заканчивалась кольцеобразным навершием. Появилась в последней четверти XIX в. и приобрела исключительную популярность в народе со времени Боксерского восстания (1898–1900), став основным пехотным клинковым оружием китайской республиканской армии в 1920–1930-е гг.

Дао – согласно универсальной китайской классификации холодного клинкового оружия, любое оружие, имеющее одно лезвие. К нему относятся сабли, шашки, *катаны*, палаши, ножи и т. д.

Джамадхар – «несущий смерть», одно из ранних названий кинжала типа катар.

Джафар такия – устойчивое выражение, обозначающее в Северо-Западной Индии церемониальную булаву, служащую подпоркой для руки. Также *джафар такией* называют определенный тип рукояти *тальвара*, используемый как подпорка под руку. Шиитский термин *та-*

кия обозначает «благородная осторожность»; *такия* может применяться для обеспечения личной и общественной безопасности.

Дол – продольный желоб на клинке, служащий для придания необходимой жесткости клинку и частичного облегчения его массы.

Дорчже – *см. ваджра*.

Дужка – часть гарды, прикрывающая пальцы руки фехтовальщика.

Елмань (от чагатайского *ялман*) – расширение конца клинка; различают елмань, заточенную с обеих сторон, и т. н. фальш–елмань, когда заточка со стороны обуха отсутствует. Для китайского клинкового оружия характерна фальш-елмань.

Загнал (букв. «клюв ворона») – индийский боевой топор с ударной частью в виде птичьего клюва. Европейскими аналогами являются клевец и чекан. См. *клевец, чекан*.

Зирах курта – короткая кольчужная рубаха.

Инь-ян – одно из основополагающих понятий китайской философии, обозначающее единство и борьбу противоположностей. Графически изображается в виде двух прилегающих друг к другу запятых черного и белого цвета, образующих полный круг. В черном элементе графемы, олицетворяющей темное, мягкое, холодное, пассивное женское начало *инь* имеется белая точка, олицетворяющая наличие зародыша противоположной светлой, твердой, горячей, активной мужской энергии *ян*, и наоборот. См. *арга-билиг*.

Каман – лук.

Кханджарли (*киндж*ар*ли*) – обоюдоострый кинжал с двойным изгибом и грибовидной рукояткой (накладки рукоятки, как правило, выточены из кости), происходит из Ориссы.

Кханджар – восточный обоюдоострый кинжал с изогнутым клинком.

Кард – восточный однолезвийный прямой нож.

Катана – длинная японская двуручная сабля, традиционно именуемая в отечественной оружиеведческой литературе мечом, появилась в XV в.

Катар – индийский обоюдоострый кинжал с Н–образной рукоятью, выполненной в виде двух перекладин. См. *джамадхар*.

Кирах (тж. *кирач*) – длинноклинковое колюще–рубящее индийское оружие со слегка изогнутым концом, имеющее линию заточки с вогнутой стороны, может также иметь полуторную заточку. Излюбленное оружие маратхов.

Клевец – топор с клювовидным клинком. См. *загнал*.

Кора – большой вогнутый тесак народности гуркхов, проживающей на территории Непала. Клинок *коры* совершенно не приспособлен для укола за счет значительного расширения в последней трети, придающего оружию огромную силу при нанесении рубящих ударов. По свидетельству такого признанного специалиста по истории индийского оружия, как лорда Эгертона, хорошо поставленным ударом *коры* можно было разрубить надвое овцу одним ударом.

Кофтгари – индийская техника украшения стальной поверхности золотом или серебром. На подготовленную поверхность штихелем наносят «сетку» из частых поперечных линий. Золотая проволока вдавливается в «сетку», нагревается и полируется.

Ксифос – древнегреческий прямой обоюдоострый меч с длиной клинка около 60 см.

Куайцзы – палочки для еды, могли изготавливаться из металла (стали, латуни, серебра), иметь разные размеры. Стальные *куайцзы* зачастую использовались как оружие скрытого ношения, особенно адептами китайских традиционных боевых искусств.

Куй – декоративный мотив китайского народного искусства, изображающий мифическое животное в виде быка на одной ноге. *Куй* считался покровителем дождя и сильного ветра. Иногда в литературе его именуют драконом.

Кхукри (*кукри*) – универсальный боевой и рабочий нож народности гуркхов, проживающей на территории Непала, имеет клинок с вогнутым лезвием.

Кундан – техника закрепления драгоценных камней на основу ювелирного изделия в кастах. ***Кутар*** – см. катар

Кханда (*кунда*) – классический индийский

меч, имеет прямой клинок со слегка расширенным концом, напоминающим язык или кончик галстука, заточка обычно полуторная, обух усилен наклепанными полосами. Как правило, имеет рукоять типа «индийская корзина».

Кю–гунто – армейское клинковое оружие, принятое на вооружение для генеральского и офицерского состава ВС Японской империи в 1875 г. В основе конструкции лежали элементы традиционного японского меча *тати* и D-образная гарда европейского типа. Зачастую имели старинный клинок ручной работы, оформленный в соответствии с уставными требованиями.

Лангета (фр. *лангет*) – часть эфеса, расположенная вдоль клинка.

Лун – пятипалый дракон. С периода Мин (1368–1644) являлся исключительным символом императора Китая. Со временем стал одним из самых излюбленных китайских декоративных мотивов. Зачастую его применяли для украшения экспортных товаров, с XIX в. стали широко использовать в качестве орнамента на клинках сабель.

Люедао (кит. «сабля ивовый лист») – китайская сабля с незначительным плавным изгибом клинка и рукоятью, наклоненной в сторону лезвия. Появилась в период Юань (1271–1368) под влиянием центральноазиатских образцов клинкового оружия, занесенных в Китай монголами. Пользовалась исключительной популярностью во все периоды своего бытования. Словосочетание «ивовый лист» (*лю е*) используется в Китае для обозначения плавно изогнутых очертаний, напоминающих внешний контур ивового листа.

Лян (в старых русских текстах *лан*) – традиционная мера веса в Китае. Современный *лян* равен 37,3 гр.

Лянцзегунь – китайское ударно–дробящее оружие, состоящее из двух шестов, соединенных короткой цепью или веревкой. Может иметь металлическую оковку по концам шестов. Существует в древковом варианте – с длинным шестом-древком и коротким шестом-билом, а также в укороченном варианте, с обеими секциями одинаковой длины. Китайский военный теоретик XI в. Цзэн Гунлян считал, что древковый *ляньцзегунь* происходил от цепа для обмолота зерна. В древковом варианте использовался в коннице и пехоте, в укороченном варианте – адептами боевых искусств. Заимствован в Корее, Монголии, Японии и на Окинаве. См. *нунтяку*.

Лянь – серп, в т. ч. боевой. См. *гоулянь*.

Макара – морское существо в индийской мифологии, объединяет в себе черты крокодила, дельфина, слона и некоторых других животных, вахана (ездовое животное) бога Варуны.

Миньцзянь даоцзянь (кит. «народные мечи и сабли») – нерегламентированные образцы мечей и сабель, массово изготавливавшиеся для нужд населения китайскими оружейниками в уездных городах и больших деревнях. Как правило, сочетают в себе признаки разных регламентированных образцов холодного оружия, являясь плодом творчества каждого конкретного мастера. С трудом поддаются классификации, однако в течение длительного периода времени способны развиться в новые виды клинкового оружия – см., например, *нювэйдао*, *нюэрдао*, *дадао*.

Мугунь – оружие традиционных китайских боевых искусств, представляющее собой деревянный шест, который в зависимости от стиля, региона и периода мог иметь металлические оковки на концах и даже короткий металлический наконечник.

Мэйчжэньцзянь (кит. «стрела сливовая игла», или «стрела в виде иглы, изогнутой, как бровь») – вид китайских боевых стрел с ланцетовидным наконечником. Известны не позднее, чем с первой половины XVII в. Имели широкое распространение в первую половину периода Цин (1644–1912).

Нага – мифическое змееподобное существо, в индуизме нередко описывается и изображается с человеческой головой и змеиным телом; в буддизме считается защитником учения и символом мудрости.

Наган – сабля с волнообразным или змеевидным клинком.

Наносник – часть шлема, предназначенная для защиты лица. Представляет собой

узкую пластину, прикрывающую нос.

Наруч – часть доспеха, защищающая предплечье, по конструкции бывает кольчужным, стеганым, гомогенным (из крупной пластины металла или формованной кожи), деревянным. См. *базубанд*.

Нунтяку – японское вспомогательное оружие ударно–дробящего действия. Этимология слова неясна. См. *лянцзегунь*.

Обух – тупая часть клинка, противоположенная лезвию.

Нювэйдао (кит. «сабля бычий хвост») – китайская сабля с умеренной кривизной клинка, полуторной изогнутой рукоятью, дисковидной гардой и значительной фальш–елманью. Прототипы *нювэйдао* появились в конце XVIII – начале XIX вв. В окончательном виде конструкция сабли сложилась к 1880–м гг. Применялась преимущественно в качестве гражданского оружия, хотя известны факты использования ее и в войсках конца периода Цин (1644–1912) – начала республиканского периода (1912–1949).

Нюэрдао (кит. «сабля бычье ухо») – разновидность сабли *нювэйдао* с гипертрофированной фальш–елманью, выделенной угловатым выступом на обухе клинка. Появилась в конце XIX – начале XX вв. в качестве оружия боевых искусств и самообороны, большого распространения не получила.

Паньхушоу (кит. «тарелка, защищающая руку») – китайская гарда на клинковом или ударно–дробящем оружии, а также древковых саблях, дисковидная или многоугольная, зачастую с отбортовкой, направленной в сторону острия клинка, что делает ее похожей на тарелку или поднос.

Партазан (*протазан*) – колющее древковое оружие, разновидность копья.

Патисса – южноиндийский прямой обоюдоострый меч с клинком, слегка расширяющимся к концу и длинными лангетами. См. *лангета*.

Пушт–хар – персидское название для ударно-дробящего оружия, имеющего ударную часть в форме кисти руки.

Пешкабз – тип изогнутого кинжала, получивший распространение в Иране, Индии, Афганистане. *Пешкабз* не имеет гарды, Т–образный в сечении клинок с двойным изгибом резко сужается к концу.

Пинарта (*папарда*) – пороховой заряд в металлическом или глиняном сосуде, применявшийся в позднее Средневековье и Новое время для подрыва ворот укреплений.

Плюмаж (от фр. «перо») – украшение на шлеме из перьев, предназначалось в т. ч. для определения статуса и распознавания свой-чужой.

Подток – металлическая оковка на конце древка копья или иного вида древкового оружия, противоположного боевой части.

Пудао (кит. «простой меч» или «большой меч») – одна из разновидностей китайских древковых сабель. Состояла на вооружении Зеленознаменных войск империи Цин. См. *дадао*.

Пуловар (тж. *пульвар*, *пулвар* и *пулуар*) – сабля афганского типа с кривым или слегка изогнутым клинком. Концы гарды *пуловара* откованы в виде стилизованных драконьих голов и загнуты в сторону острия клинка, навершие эфеса сферическое или полусферическое.

Пхёнджон – короткие стрелы, применявшиеся для беспокоящей врага стрельбы на большое расстояние. Поскольку их применение с обычным луком было невозможно, корейские воины имели при себе специальный желоб–направляющую, совпадающую по длине с обычной стрелой, накладываемую для выстрела на лук. Стрела *пхёнджон* укладывалась в этот желоб и выпускалась обычным способом. Во время полета стрела *пхёнджон* была малозаметна, что затрудняло уклонение от нее даже на большой дистанции.

Пэйдао – общее название клинкового оружия, носимого на поясной портупее, распространившееся в период Цин (1644–1912).

Ре-ти – тибетский термин для обозначения длинноклинкового оружия вообще. Согласно данным Ю.Н. Рериха, применялся для обозначения однолезвийный прямых клинков с выраженным острием.

Рикассо – секция клинка у его основания, лишенная заточки.

Сай (яп. «шпилька для волос») – ударно-

дробящее оружие в японских и окинавских боевых искусствах, напоминающее незаостренный стилет с U-образной гардой. Происхождение этого оружия дискуссионно. См. *бицзяча*.

Сангам – массивное южноиндийское копье со слегка изогнутым наконечником.

Саньцзегунь (кит. «трехзвенный цеп») – оружие китайских традиционных боевых искусств, со второй половины XIX в. могло использоваться в войсках. Конструктивно представляло собой три коротких шеста с оковками по обоим концам, соединенных между собой короткими металлическими цепями.

Силекхана – арсенал.

Син-гунто – армейское клинковое оружие, принятое на вооружение для генеральского, офицерского и сержантского состава ВС японской империи в 1935 г. и выпускавшееся до 1945 г. В основе конструкции лежали элементы традиционного японского меча *тати*. Могли иметь старинный клинок, оформленный в соответствии с уставными требованиями. С 1937 г. выпускалась в варианте для ВМФ под названием *кай–гунто* (букв. «морской военный меч»). *Син-гунто* и *кай-гунто*, имевшие клинки машинной выделки, не признаются за классические японские мечи и в первые послевоенные годы подлежали изъятию и уничтожению как символы японского милитаризма.

Сяодао (кит. «малый нож») – семейство коротких китайских ножей, включающих ножи *цаньдао*, *гэдао*, *фэйдао* и прочие типы многоцелевых и специализированных ножей. См. *фэйдао*.

Тальвар (тж. тулвар) – индийская сабля, ее эфес имеет крестовидную гарду и дисковидное навершие, увенчанное полусферой. В подобных эфесах закреплялись как сильно изогнутые, так и почти прямые клинки.

Таркаш – колчан.

Тега (*тегха*) – индийская сабля с очень широким клинком и, как правило, с рукоятью, как у *тальвара*. См. *тальвар*.

Те чжуа (кит. «железные когти») – китайское комбинированное ударно-дробящее оружие, используемое также в качестве оружия для обезоруживания и захвата противника. Представляет собой железные когти (подвижные, на шарнирах, или неподвижные) укрепленные на конце железного прута. Имеет рукоять и гарду – полноценную или рудиментарную. Как правило, использовалось в традиционных китайских боевых искусствах, а также в качестве оружия самообороны и полицейского оружия.

Ти – тибетский термин для обозначения длинноклинкового оружия.

Тонфа – см. *шуан гуайцзы*.

Тунькоу (кит. «глотающий рот») – характерная для китайского клинкового оружия деталь оформления в виде муфты, крепящейся у пяты клинка с «языком», закрывающим часть лезвия в первой трети клинка, формируя, таким образом, подобие рикассо. У мечей могла иметь симметричную форму с двумя «языками», прикрывающими оба лезвия, однако мечи с *тунькоу* встречаются крайне редко. Данный конструктивный элемент изначально был предназначен для предотвращения разбалтывания клинка в ножнах, а также оберегал владельца от порезов при манипуляциях с оружием. К середине XVIII в. эта деталь стала архаичной и в XIX в. практически исчезла. См. *рикассо*.

Тухоцян (кит. «копье внезапно вырывающегося огня») – одна из разновидностей ручницы, появившаяся в эпоху Сун (960–1279).

Тэнпай – пехотный щит конической формы, плетеный из ветвей и побегов гибких растений. В качестве материала используются подходящие растения конкретного региона – на севере Китая это ива, на юге – глициния и ротанг, также могут использоваться различные виды тростников. Помимо Китая с XVI–XVIII вв. начинается распространение щитов подобного типа в Корее и Тибете.

Тэнпайбин – воины, в комплекс вооружения которых входил плетеный из ротанга щит. Аналогичны западноевропейским рондашьерам как по вооружению, так и по задачам в бою. В период Цин *тэнпайбин* входили в состав дивизии каждого знаменного корпуса, которая комплектовалась из этнических китайцев (т.н. *ханьцзюнь*).

Укэдао – экзаменационная алебарда в период Цин. Полностью изготавливалась из ме-

талла, делилась на три категории по весу: 72, 60 и 48 кг.

Умбон – металлическая накладка на щит полусферической формы.

Ушу – общее современное название традиционных китайских боевых искусств. *Ушу* делится на северные и южные стили по их месту возникновения и внутренние и внешние – по техникам боя и арсеналу применяемых приемов. После образования КНР в 1949 г. большинство стилей *ушу* было кодифицировано и преобразовано в различные виды спортивной и оздоровительной гимнастики.

Фанши – прибор клинкового оружия с характерными угловатыми и плоскими деталями. Был популярен в XVII – первой половине XVIII вв. С конца XIX в. начались попытки имитировать старинные образцы прибора *фанши*, однако реплики сильно отличаются от оригиналов по своим пропорциям и чистоте отделки.

Фаранги (тж. *фиранги*) – индийский меч с прямым клинком; как правило, состоит из эфеса типа «индийская корзина» и палашного клинка европейского производства.

Фу – традиционный декоративный мотив китайского народного искусства в виде стилизованного изображения летучей мыши, означающей пожелание счастья (за счет созвучия с иероглифом *фу* 福 – «счастье»). Обычно используется в паре с иероглифом *шоу* 壽, означающем долголетие. Часто применялся в оформлении оружия.

Фути – деталь прибора японского меча, муфта, охватывающая рукоять сразу после гарды.

Фэйдао (кит. «летающий нож») – китайское метательное оружие в виде ножа особой формы.

Фэнчитан (кит. «трезубец крыло феникса») – редкая разновидность китайского древкового оружия в виде копья, ниже острия которого перпендикулярно отходят два волнистых сильно изогнутых клинка, что придает оружию некоторое сходство с европейским артиллерийским пальником XVII–XVIII вв. Состояло на вооружении Зеленознаменных войск империи Цин.

Фэнь – традиционная мера длины в Китае. Современный *фэнь* равен 3,2 мм.

Халадие – индийский кинжал с двумя клинками, направленными в разные стороны.

Хоню (кит. «огненный бык») – предписанное в китайских средневековых военных трактатах средство прорыва обороны противника и атаки крепостных ворот – бык, нагруженный подожженным горючим материалом. Реальная боевая ценность этого способа атаки укрепленных позиций представляется сомнительной.

Хопао – 1) зажигательный снаряд для катапульты в виде бумажного шара, наполненного зажигательной смесью на основе дефлагирующего порохового состава; 2) артиллерийское орудие; 3) катапульта, метавшая зажигательные снаряды.

Хоцян – 1) «огненная пика», один из ранних видов ручницы, состоявший из короткого стволика, заряженного зарядом дефлагирующего пороха и, возможно, мелкими осколками фарфора или кусками железа, укрепленного под наконечником копья; 2) винтовка.

Худедао (кит. «нож бабочка») – китайский тесак с D–образной гардой. Появился не позднее 1860–х гг. в южных провинциях Китая. По мере развития этого вида клинкового оружия использовался в одиночном (в паре со щитом) и парном (как правило, адептами боевых искусств) вариантах, при этом форма, вес и размеры клинка сильно варьировались.

Хутун – пекинское диалектное слово, обозначающее узкие переулки в предместьях средневековых китайских городов.

Ци – всемирная энергия, одно из основных понятий китайской философии.

Цимадао – кавалерийская сабля. В конце XIX – начале XX вв. так называли импортируемые из Германии кавалерийские палаши, а также произведенное по их образцу в Китае холодное оружие.

Цзи – вид традиционного китайского древкового оружия, название которого обычно переводится как «трезубец» или «алебарда». Однако исторически это оружие представляло собой комбинацию копья с клевцом, развившуюся впоследствии в копье с одним или двумя вспомогательными боковыми клинками в форме

полумесяца, крепящимися выгнутой стороной к древку на двух перпендикулярных кронштейнах, привариваемых к втулке наконечника копья. Судя по упоминанию характерных особенностей конструкции этого оружия в романе Ло Гуанчжуна «Троецарствие», оно появилось не позднее XIV в.

Цзигуань (кит. «гребень петуха») – традиционный китайский декоративный мотив в виде волнообразно вырезанного края изделия. Зачастую используется для оформления клинков сабель.

Цзинь (в старых русских текстах *гин*) – китайская мера веса. Современный *цзинь* равняется 0,6 кг.

Цзыкэ (кит. «дитя в гнезде») – один из наиболее ранних известных прообразов пули для ствольного ручного огнестрельного оружия. Мог изготавливаться из осколков фарфора, кусков железа или мелких камней.

Цзянь – согласно китайской универсальной классификации, любое клинковое оружие с обоюдоострой заточкой. Как правило, используется для обозначения прямого обоюдоострого меча. С начала правления маньчжурской династии Цин в Китае (1644) постепенно вытесняется из армейского обихода, становясь гражданским оружием.

Цзянь – ударно-дробящее оружие с боевой частью в виде квадратного в сечении бруска, с рукоятью и гардой, полноразмерной или рудиментарной. Могло переноситься в ножнах на поясной портупее. Пик популярности этого оружия пришелся на XVI–XVIII вв., в XIX–XX вв. распространение получили имитации этого оружия, сделанные из тяжелой и плотной древесины.

Цунь – китайская мера длины. Современный *цунь* равен 3,2 см. Для специальных целей используют т. н. индивидуальный *цунь*, равный длине второй фаланги среднего пальца.

Цходо – разновидность китайской древковой сабли, описанной капитаном Генштаба Галкиным в 1885 г. в Синьцзяне. Слово сильно искажено при записи, оригинальное звучание не восстанавливается. Скорее всего, это слово является родственным слову *цаодао* – серп, коса или *цайдао* – китайский кухонный нож / сечка для овощей.

Цюаньте цзянь (кит. «полностью железные мечи») – мечи из категории *миньцзянь даоцзянь*, изготавливаемые полностью из стали. Из органических материалов применялась только текстильная лента, которой могли обматываться рукояти для улучшения хвата. См. *миньцзянь даоцзянь*.

Цян – 1) пика; 2) этот иероглиф входит в состав ряда слов, имеющих значение «ружье», «винтовка».

Цянь (кит. «монета») – благопожелательный символ в виде стилизованного изображения китайской литой медной монеты с квадратным отверстием посередине. Применялся для декора оружия, в т. ч. клинков, представляя собой в этом случае ажурную вставку из цветного металла в сквозное отверстие в клинке.

Цяньган – конструкция сабельного клинка, состоящая из U–образной основы из упругой стали, в которую заковывалась пластина из твердой стали, формирующая лезвие оружия.

Цяо – заступ, лопата, ситуативно могла использоваться в качестве оружия, о чем писал в 1920–е гг. профессор Ли Дачжао.

Ча – вилы, использовались также в качестве оружия. Специально изготавливаемые для войск боевые вилы имели разновидности *мача* (кит. «кавалерийские вилы»), *уча* (кит. «военные вилы») и *вэньча* (кит. «гражданские вилы»).

Чагань – китайские двузубые боевые вилы с заточкой по вогнутому краю клинка. Судя по упоминанию этого оружия в военной энциклопедии «Уцзин цзунъяо» (1044), это оружие появилось в начале периода Сун (960–1279).

Чань – «боевая лопата», разновидность древкового оружия традиционных китайских боевых искусств.

Чар айна (инд. «четыре зеркала») – индийский зерцальный доспех, состоящий из четырех прямоугольных (реже другой формы) стальных пластин, скрепляемых между собой ремнями.

Чекан – см. *загнал*.

Чжибэйдао – характерный для северных и северо–западных регионов Китая палаш

с прямым клинком. См. *баданг*.

Чжугань – бамбуковый шест, традиционно использовался для переноски тяжестей или в качестве эрзац–древка для древкового оружия, т. к. пустотелый цельный бамбук считался недостаточно хорошим материалом для прочного древка. Однако в ряде случаев мог применяться в качестве заменителя древкового оружия – так, применение китайскими воинами бамбуковых шестов в бою против маньчжурской конницы было зафиксировано в ряде цинских источников, описывающих битву у Сарху-Алинь (1619). О применении бамбуковых шестов китайскими отрядами деревенской самообороны в качестве оружия писал и профессор Ли Дачжао в середине 1920–х гг.

Чи – традиционная китайская мера длины. Современный *чи* составляет 32 см.

Чиланум – южноиндийский цельнометаллический кинжал с клинком двойного изгиба и Х–образной рукоятью.

Чимта – пинцет, щипцы.

Чу – мотыга, изредка использовалась в качестве оружия повстанцами и ополченцами.

Чуаньвэйдао (кит. «алебарда корма корабля») – один из видов китайских древковых сабель. Состоял на вооружении Зеленознаменных войск империи Цин. См. *дадао*.

Чуй – боевой молот или булава, мог использоваться в одиночном и парном варианте. Боевая часть *чуй* могла иметь различные формы, что отражалось в добавлении к родовой морфеме *чуй* описания внешнего вида боевой части, например, *суаньтоу чуй* – «молот чесночная головка».

Шакила – индийский дамаск, металл, произведенный с помощью кузнечной сварки из прокованных в один пакет разных сортов стали.

Шамшир – персидская сабля с прямым перекрестьем и значительным изгибом клинка. В XVI–XIX вв. получила распространение в других странах мусульманского Востока и Индии.

Шешпар (букв. «шесть перьев») – индийское ударно-дробящее оружие, разновидность булавы. Ударная часть шешпара состоит из шести-восьми пластин – «перьев». В отечественной традиции подобное оружие называлось пернач или шестопер.

Шоудао – широкий тяжелый тесак с одноручной рукоятью и большой фальш–елманью. Появился в Китае не позднее первой половины периода Сун (960–1279). Требовал большой физической силы от фехтовальщика, обладал хорошими рубящим и рубяще-режущим свойствами. Форма клинка *шоудао* послужила прообразом позднейших клинков *пудао* и *дадао*.

Шуан ваньху бицзяча – парные боевые стилеты *бицзяча* с S-образной гардой. См. *бицзяча*.

Шуан гоу – парный вариант крюков *гоу*. Первоначально использовался в северных стилях боевых искусств, затем распространился по всему Китаю. См. *гоу*.

Шуан гуайцзы (кит. «парная клюка») – китайское ударно-дробящее оружие, применяющееся в традиционных боевых искусствах. Представляет собой деревянную дубинку с поперечной рукоятью, расположенной на расстоянии 1/3 от конца дубинки. Распространена также в Японии и на Окинаве. В настоящее время широко используется правоохранительными органами различных стран.

Шуан дао – парные сабли, традиционное для Китая клинковое оружие в виде двух сабель, переносимых в одних ножнах. При этом рукоять каждой сабли из пары представляет собой как бы половину сабельной рукояти, распиленной вдоль – при вкладывании в ножны половины рукоятей прилегают друг к другу и внешне практически не отличаются от обычной сабельной рукояти, за исключением чуть большей толщины. Фехтование на парных мечах и саблях известно в Китае не позднее, чем с XII в.

Шуан нювэйдао – парные сабли *нювэйдао*. См. *нювэйдао*, тж. *шуан дао*.

Шуан цзянь – парный меч, переносимый в одних ножнах. Рукоять аналогична по конструкции рукояти *шуан дао*. Фехтование на парных мечах впервые упоминается в китайском литературном произведении на историческую тематику «Синь бянь Удай ши пинхуа» (XIII в.). Техника владения *шуан дао* и *шуан цзянь* была во многом сходной. Помимо техники боя подобным оружием в пешем строю была техника боя

парными клинками верхом на коне. См. *шуан дао*.

Шуньдао (кит. «вспомогательный нож») – длинный боевой однолезвийный нож с толстым обухом, состоявший на вооружении воинов авангардных монголо–маньчжурских частей Восьмизнаменных войск империи Цин. Кодифицирован в 1759 г.

Эфес – часть клинкового холодного оружия, состоящая из рукояти, навершия и гарды.

Юаньши – «круглый» стиль оформления холодного оружия, при котором все детали прибора ножен и рукояти имели округлые очертания. Получил широкое распространение со второй половины эры правления под девизом Цяньлун (1735–1796).

Юйтоу (кит. «рыбья голова») – современный китайский оружиеведческий термин, введенный китайскими исследователями и коллекционерами китайского клинкового оружия. Обозначает выступ на боевом конце клинка со стороны обуха, придающий клинку некоторое внешнее сходство с головой рыбы. В англоязычном оружиеведении употребляется термин clipped point, а в русском – «щучка», по аналогии с формой головы щуки.

Яйцзы (кит. «грозно выпучивший глаза» или «сверлящий гневным взглядом») – один из девяти сыновей дракона, постоянно жаждавший убийства и крови. Декоративный мотив головы *яйцзы* с раскрытой пастью, из которой вместо языка выходит боевая часть оружия, используется для оформления клинкового и ударно-дробящего оружия.

Ялли – существо из индийской мифологии, объединяющее черты слона, льва и других животных.

Яньлинцян (кит. «копье гусиные крылья») – один из видов китайских копий, отличительной особенностью которого является наличие двух крюков под наконечником копья, загнутых по направлению к подтоку. Состояло на вооружении Зеленознаменных войск империи Цин.

Яньмаодао (кит. «сабля гусиное перо») – один из видов китайских сабель. Прообразы *яньмаодао* возникли в эпоху Цзинь (1115–1234) среди воинов чжурчжэньских племен. Окончательно конструкция оружия сложилась к XVII в. Ее особенностями был крайне незначительный изгиб клинка в его последней трети, а также черен рукояти, расположенный на одной оси с полосой сабли, практически без наклона. Оружие быстро вышло из моды и к середине XVIII в. было в значительной степени вытеснено саблями *люедао*. Упоминания сабель *яньмаодао* в последующий период редки.

Яньчи (кит. «крыло гуся») – декоративный мотив китайского народного искусства, заключающийся в волнообразном оформлении края предмета, схож с *цзигуань*. См. *цзигуань*.

Яньюэдао (кит. «алебарда ущербной луны») – древковое оружие, обычно именуемое в отечественной оружиеведческой литературе алебардой. Состоит из древка с подтоком и широкого изогнутого клинка с пробойником на обухе, крепящегося к древку посредством заклепок, пропускаемых через отверстия в хвостовике, имеющем характерную форму «ласточкин хвост». Общая длина оружия достигает 2–2,5 м. См. *дадао*.

Яньюэ бадао (кит. «ручная алебарда ущербной луны») – ручное клинковое оружие с полуторной рукоятью, клинок которого аналогичен по форме клинку древкового *яньюэдао*. Возможно, возникло в результате укорачивания рукоятей сломанных *яньюэдао*. В XIX–XX вв. имело место изготовление специальных клинков такой формы для монтажа на полуторную рукоять всадным способом.

Яодао (кит. «носимая на поясе сабля») – общее название сабель, носимых на поясной портупее. В период Цин (1644–1912) вытесняется термином *пэйдао* (кит. **佩刀**) с тем же значением. См. *пэйдао*.

Список литературы

Анисимова – Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века. СПб, 2013.

Артхашастра 1959 – Артхашастра, или Наука политики. Москва-Ленинград, 1959.

Багрин – Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб, 2013.

Багрин, Васильев – Багрин Е.А., Васильев С.Г. Восточное оружие в коллекции Забайкальского краевого краеведческого музея имени А.К. Кузнецова // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Вып. 2. Владивосток, 2010.

Багрин, Гвоздев, Прокопец – Багрин Е.А., Гвоздев Р.В., Прокопец С.Д. Защитное вооружение стран Дальнего Востока XVII–XIX вв. в фондах ПГОМ имени В.К. Арсеньева // Военное дело в Азиатско–Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Вып. 1. Владивосток, 2010.

Барабаш – Барабаш Я. **Монгольские и китайские войска в Урге» // Военный сборник. № 7. 1872.**

Бернье 2008 – Бернье Ф. История последних политических потрясений в государстве Великого Могола. Москва, 2008.

Бичурин – Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. Москва, 2002.

Благодатов – Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927 гг. Москва, 1970.

Бобров, Худяков, 2005 – Бобров Л.А. Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств северного Китая IV – VI вв. н. э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005.

Бобров, Худяков, 2009 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового Времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб, 2009.

Бокщанин – Бокщанин А.А. О средневековой китайской стратегии и тактике на примере войны Цзиннань (1399–1402 гг.) // Китай: общество и государство. Москва, 1973.

Бутаков, Тизенгаузен – Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е. Опиумные войны. Москва, 2002.

Бэшем 1977 – Бэшем А. Чудо, которым была Индия. Пер. с англ. Москва, 1977.

Ванина 2007 – Ванина Е.Ю. Средневековое мышление. Индийский вариант. Москва, 2007.

Во дворцах и шатрах 2008 – Во дворцах и в шатрах. Исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. СПб, 2008.

Волков – Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. Москва, 1999.

Воробьев – Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. Москва, 1975.

Горелик – Горелик М.В. Доспех ицзу (и, лоло). Генезис и место в истории китайского доспеха // Военное дело в Азиатско–Тихоокеанском регионе с древнейших времен до середины XX века. Т. II. Владивосток, 2012.

Горелик, 2004 – Горелик М.В. Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого Средневековья // Военое дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004.

Доклады Чао Цо – Доклады Чао Цо о сюнну // Страны и народы Востока, Вып. XXXII. Москва, 2005.

Колесников, Кляшторный – Колесников А.А., Кляшторный С.Г. Восточный Туркестан глазами русских путешественников // Галкин А.С. Современное состояние вооруженных сил в Восточном Туркестане. Алма-Ата, 1988.

Конфуций – Конфуций. Беседы и суждения. СПб, 1999.

Кузнецов – Кузнецов В.С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. Москва, 1973.

Ли Дачжао – Ли Дачжао. Лу, Юй, Шэнь дэн шэн ды Хунцянхуй [Союз Красных Пик в провинциях Шаньдун, Хэнань и Шэньси], 8.08.1926, электронная публикация, режим доступа https://www.marxists.org/chinese/lidazhao/marxist.org–chinese–lee–1926A.htm, на кит. яз.

Лян Баочжун, Чжао Ган – Лян Баочжун, Чжао Ган. Те юй хо чжи у. Цзеду Чжунго гудай даоцзянь вэньхуа [Пляска железа и огня. Расшифровка старинной китайской культуры клинкового оружия]. Пекин: Цзюнши ивэнь чубаньшэ, 2008, на кит. яз.

Лян Баочжун, Чжао Ган, 2008 – Лян Баочжун, Чжао Ган. Чжунго гудай, 2008 – Чжунго гудай ганте лэн бинци сюньли [Обзорный тур по старинному китайскому стальному холодному оружию]. Пекин: Цзюнши ивэнь чубаньшэ, 2008, на кит. яз.

Малявин – Малявин А.В. Этюд о неолитических стрелах // Традиционная культура востока Азии. Вып. 7. Благовещенск, 2014.

Мартынов, 1978 – Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках. Москва, 1978.

Махабхарата 1976 – Махабхарата. Книга пятая. Удьогапарва. Перевод В. Кальянова. Ленинград, 1976.

Мудрецы – Мудрецы Китая: Ян Чжу, Ле-цзы, Чжуан-цзы. СПб, 1994.

Муе тобо тхонджи – И Докму, Пак Джега. Муе тобо тхонджи [Иллюстрированное обозрение боевых искусств]. Сеул: Хакминса, 1996, перевод на корейский язык Им Донгю.

Носов – Носов К. Традиционное оружие Индии. Москва, 2011.

Пальмовский – Пальмовский К. Описание смотра войск в Пекине // Сын отечества. Часть 34. № 5. 1817.

Пастухов, 2012a – Пастухов А.М. Предметы казахского, монгольского, ойратского и цинского вооружения XVIII в. из частных собраний // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012.

Пастухов, 2012b – Пастухов А.М. Ударно–дробящее оружие периода Цин (1636–1912) // Военное дело в Азиатско–Тихоокеанском регионе с древнейших времен до середины XX века. Т. 2, 2012.

Примаков – Примаков В.М. Записки волонтера. Москва, 1967.

Пэн Пэн – Пэн Пэн. Дао бин сян цзянь [Оружие и воин – взгляд друг на друга]. Цзинань: Шаньдун мэйшу чубаньшэ, 2011, на кит. яз.

Рерих – Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета // Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999.

РКО – «Русско–китайские отношения в XVII в. 1608–1683». М.: Наука, 1969. Т. I.

Рожденная в боях – У Хуадо. Мы стали красноармейцами // Рожденная в боях: воспоминания участников гражданских рево-

люционных войн и войны против японских захватчиков в Китае. Москва, 1961.

Салтыков 1985 – Салтыков А.Д. Письма об Индии. Москва, 1985.

Семенцов 1985 – Семенцов В.С. Бхагаватгита в традиции и в современной научной критике. Москва, 1985.

Симоновская – Симоновская Л.В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. Москва, 1966.

Скачков – Скачков К.А. Пекин в дни Тайпинского восстания. Из записок очевидца. Москва, 1958.

Смолин – Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае. Москва, 1974.

Сокровищница мира – Сокровищница мира. Ювелирное искусство Индии в эпоху Великих Моголов. Лондон, 2009.

Сыма Цянь – Сыма Цянь. Исторические записки. Том I. Москва, 1972.

Сыма Цянь – Сыма Цянь. Исторические записки. Том VIII. Москва, 2002.

Успенская 2000 – Успенская Е.Н. Раджпуты – рыцари средневековой Индии. СПб, 2000.

Успенская 2003 – Успенская Е.Н. Раджпуты. Традиционное общество, государственность, культура. СПб, 2003.

Успенская, Котин 2007 – Успенская Е.Н., Котин И.Ю. Сикхизм. СПб, 2007.

Фомина – Фомина Н.И. Борьба против Цинов на Юго–Востоке Китая. Середина XVII в. Москва, 1974.

Холодное оружие, 2009 – Холодное оружие. Каталог коллекции Приморского государственного объединенного музея имени В.К. Арсеньева. Владивосток, 2009.

Хуанфу Цзян – Хуанфу Цзян. Чжунго даоцзянь [Китайские мечи и сабли]. Цзинань: Минтянь, 2007, на кит. яз.

Хуанчао – Юнь Лу. Хуанчао лици туши [Иллюстрированное описание ритуальных предметов августейшей династии]. Янчжоу: Шанъу иньшугуань, 2005, на кит. яз.

Цин гун – Цин гун убэй (Оружие и снаряжение из дворцового музея Гугун). Шэньчжэнь: Шанхай ляосюэ чжишу чубаньшэ – Шанъу иньшугуань, 2008, на кит. яз.

Чжао Ган – Чжао Ган. Сян даоцзян. Даоцзян вэньхуа пиньцзянь [Меж сабель и мечей. Эталоны культуры клинкового оружия]. 2012, на кит. яз.

Чжоу Цюй–фэй – Чжоу Цюй–фэй. За хребтами. Вместо ответов [Лин вай дай да]. Москва, 2001.

Чжунго – Чжунго гудай бинци тушо [Иллюстрированное описание китайского оружия древности]. Тяньцзинь: Тяньцзинь гуцза, 2003, на кит. яз.

Чжунго гудай – Чжунго гудай циу да цыдянь. Бинци. Синцзюй. [Китайский большой словарь материальной культуры прошедших эпох. Оружие. Орудия наказания]. 2004, на кит. яз.

Чжунго цзюньши – Чжунго цзюньши ши. Дии цзюань. Бинци [История военного дела в Китае. Том I. Оружие]. Пекин: НОАК, 1983, на кит. яз.

Чжэн Ивэй – Чжэн Ивэй. Чжунго гудай лэнбинци [Старинное китайское холодное оружие]. Шанхай: Шанхай вэньхуа чубаньшэ, 2007, на кит. яз.

Чжэннань–шэфа – Хуан Байцзя. Чжэннань шэфа [Методы стрельбы из лука (учителя) Чжэннаня]. Б/м, издательство «Чжан ши Сяцзюйтан», 1697 (фотокопия ксилографа), на кит. яз.

Школяр – Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М.: Наука, 1980.

Culture of India 2011 – The Culture of India. Ed. Kathleen Kuiper. New York 2011.

Diary – The Diary of a Manchu Soldier in Seventeenth–century China. "My service in the Army" by Dzengseo. New York, "Routlege", 2006, вступление, перевод и комментарии Никола Ди Космо.

Dirks 1987 – Dirks N.B. The Hollow Crown. Ethno–history of an Indian Kingdom. Cambridge, 1987.

Dye 2001 – Dye J.M. The Arts of India. Virginia Museum of Fine Arts. New Delhi, 2001

Elgood 2004 – Elgood R. Hindu Arms and Ritual. Arms and Armour from India. 1400 – 1865. Delft, 2004.

Figiel – Figiel L. On Damascus Steel. New York, 1991.

Flood 1996 – Flood G. An Introduction to Hinduism.Cambridge, 1996.

Goetz – Goetz H. The art and architecture of Bikaner State. Oxford, 1950.

Hales – Hales R. Islamic and Oriental Arms and Armour. A Lifetime's Passion. London, 2013.

Hart III 1975 – Hart G.L., III. The Poems of Ancient Tamil: Their Milieu and their Sanskrit Counterparts. Berkeley 1975.

Kolff 1990 – Kolff D.H.A. Naukar, Rajput and Sepoy. The Ethnohistory of the military labour market in Hindustan, 1450–1850. Cambridge, 1990.

LaRocca – LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. The Metropolitan Museum of Art, New York. 2006.

Mohamed 2008 – The Arts of the Muslim Khight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Paris, 2008.

Nandi 1974 – Nandi R.N. Origin and Nature of Śaivite Monasticism // Indian Society: Historical Probings. In Memory of D.D. Kosambi. New Delhi, 1974.

Osella, Osella 2006 – Osella C., Osella F. Men and Masculinities in South India. London, 2006.

Pant, Sharma 2001 – Pant G.N. Sharma K.K. Indian Armours in The National Museum Collection. New Delhi, 2001.

Pathak 2008 – Pathak S.K. Indian Silver. New Delhi, 2008.

Rawson – Rawson P.S. The Indian Sword. New York, 1969.

Ricketts – Ricketts H., Missillier P. Splendeur des armes orientales. Paris, 1988.

Rites of Power – Rites of Power. Oriental Weapons. Collection of Dr. Jorge Caravana. Caleidoscopio, 2010.

The Art – From Chopsticks to Butterfly Swords. The Art of Chinese Weapons. Ramat–Gan, The Yechiel Nahari Museum of Far Eastern Art, 2012.

Tirri – Tirri A.C. Islamic Weapons. Maghrib to Moghul. Indigo Publishing, 2003.

Tom – Tom Philip M.W. Military sabers of the Qing dynasty. Электронная публикация, режим

доступа http://www.mandarinmansion.com/articles/Philip%20Military%20Sabers%20of%20the%20Qing.pdf.

Tom, 2001 – Tom Philip M.W. Some Notable Sabers of the Qing Dynasty at the Metropolitan Museum of Art. Metropolitan Museum Journal 36: 11, 2001.

Warfare and Weaponry 2003 – Warfare and Weaponry in South Asia. 1000 – 1800. // Eds. Gommans J.J.L and Kolff D.H.A. Leiden 2003.

Watt 1908 – Watt, Sir George, The Commercial Products of India, London, (1890, rev. 1908).

Werner – Werner E.T.C. Chinese Weapons, Los Angeles, 1972.

Zarrilli 2001 – Zarrilli F. India // Martial Arts of the World. An Encyclopaedia. 2 Vols. Ed. Thomas A.Green. Santa Barbara, Califoria, 2001 / Vol. 1.

Bibliography

Anisimova – Anisimova M.A. Oruzhiye Vostoka XV – pervoy poloviny XX veka [Oriental Weapons of the 15th to the first half of the 20th century.] St. Petersburg: Atlant, 2013.

Bagrin – Bagrin E.A. Voyennoye delo russkikh na vostochnom pogranichye Rossiyi v XVII v.: taktika i vooruzheniye sluzhilykh lyudey v Pribaikalye, Zabaikalye i Priamurye. [Russian warfare on the eastern border of Russia in the 17th century: tactics and weaponry of service-class people in the Baikal, Transbaikal and the Amur regions.] St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013.

Bagrin, Gvozdyov, Prokopets – Bagrin E.A., Gvozdyov RV, Prokopets S.D. Zashchitnoye vooruzheniye stran Dalnego Vostoka XVII-XIX vv. v fondakh PGOM imeni V.K.Arsenieva [Far Eastern Armour of the 17th to 19th centuries in the collection of the Arseniev State Museum] // Voyennoye delo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione s drevneyshikh vremen do nachala XX veka. Vol. 1. Vladivostok, 2010.

Bagrin, Vasiliev – Bagrin E.A., Vasiliev S.G. Vostochnoye oruzhiye v kollektsii Zabaikalskogo krayevogo krayevedcheskogo muzeya imeni A.K.Kuznetsova [Eastern weapons in the collection of the Zabaikalsky regional local history museum named after A.K. Kuznetsov] // Voyennoye delo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione s drevneyshikh vremen do nachala XX veka. Vol. 2. Vladivostok, 2010.

Barabash – Barabash Ya. Mongolskiye i kitayskiye voyska v Urghe [Mongolian and Chinese troops in Urga] // Voyenny sbornik, № 7, 1872.

Basham, 1954 – Basham A.L. The Wonder That Was India: A Survey of the Culture of the Indian Sub-Continent before the Coming of the Muslims. New York City, 1954.

Bernier, 2008 – F. Bernye. Istoriya poslednikh politicheskikh potryaseniy v gosudarstve Velikogo Mogola [History of recent political turmoil in the State of the Great Mughal]. Moscow, 2008.

Bichurin – Bichurin N.Ya. Statisticheskoye opisaniye Kitayskoy imperii [Statistical description of the Chinese Empire]. Moscow: Vostochny Dom, 2002.

Blagodatov – Blagodatov A.V. Zapiski o kitayskoy revolyutsii 1925-1927 gg. [Notes on the Chinese Revolution of 1925-1927]. Moscow: Nauka, 1970.

Bobrov, Khudyakov, 2005 – Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Voyennoye delo syanbiyskikh gosudarstv severnogo Kitaya IV-VI vv. n.e. [Warfare of the Xianbi states of Northern China in IV - VI centuries AD // Voyennoye delo nomadov Tsentralnoy Azii v syanbiyskuyu epokhu]. Novosibirsk: NGU, 2005.

Bobrov, Khudyakov, 2009 – Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzheniye i taktika kochevnikov Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekovya i rannego Novog Vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). [Weapons and tactics of the nomads of Central Asia and South Siberia in the late Middle Ages and early Modern period (15th to the first half of the 18th century)]. St. Petersburg, 2009.

Bokschanin – Bokschanin A.A. O srednevekovoy kitayskoy strategii i taktike na primere voyny Tsinnan (1399-1402 gg.) [On medieval Chinese strategy and tactics on the example of the Jingnan War (1399-1402) // Kitay: obshchestvo i gosudarstvo. Moscow: Nauka, 1973.

Butakov, Tizengauzen – Butakov A.M., Tizengauzen A.Y. Opiumnye voyny [Opium Wars]. Moscow: AST, 2002.

Chao Cuo, 2005 – Doklady Chao Tso o syunnu [Reports by Chao Cuo about the Xiongnu] //

Strany i narody Vostoka. vol. XXXII. Moscow: Vostochnaya literature, 2005.

Clark 2006 - Clark M. The Daśanāmī-sa□nyāsīs. The Integration of Ascetic Lineages into an Order. Leiden, Boston: Brill. 2006.

Confucius – Konfutsiy. Besedy i suzhdeniya [Analects]. St. Petersburg: Kristall, 1999.

Culture of India 2011 – The Culture of India. Ed. Kathleen Kuiper. New York 2011.

Diary – The Diary of a Manchu Soldier in Seventeenth–century China. "My service in the Army" by Dzengseo. New York, "Routlege", 2006, introduction, translation and comments by Nicola Di Cosmo.

Dirks 1987 – Dirks N.B. The Hollow Crown. Ethno–history of an Indian Kingdom. Cambridge, 1987.

Dye 2001 – Dye J.M. The Arts of India. Virginia Museum of Fine Arts. New Delhi, 2001

Elgood 2004 – Elgood R. Hindu Arms and Ritual. Arms and Armour from India. 1400 – 1865. Delft, 2004.

Figiel – Figiel L. On Damascus Steel. New York, 1991.

Flood 1996 – Flood G. An Introduction to Hinduism.Cambridge, 1996.

Fomina – Fomina N.I. Borba protiv Tsinov na Yugo-Vostoke Kitaya: seredina XVII v. [The fight against the Qing in the South-East of China: mid-17th century]. Moscow: Nauka, 1974

Freeman 1996 - Freeman R. The Literature of Hinduism in Malayalam // The Blackwell Companion to Hinduism. Ed. by Gavin Flood. Oxford: Blackwell Publishing, 2003.

Goetz – Goetz H. The art and architecture of Bikaner State. Oxford, 1950.

Gorelik – Gorelik M.V. Dospekh Доспех itszu (i, lolo). Genezis i mesto v istorii kitayskogo dospekha [Yizu (Yi, Lolo) armour. Its genesis and place in the history of Chinese armour] // Voyennoye delo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione s drevneyshikh vremen do nachala XX veka. Vol. 2. Vladivostok, 2010.

Gorelik, 2004 – Gorelik M.V. Ob odnoy raznovidnosti evraziyskikh klinkov epokhi razvitogo Srednevekovya [On one type of Eurasian blades of the High Middle Ages] // Voyennoye delo narodov Sibiri i Tsentralnoy Azii, vol. 1. Novosibirsk, 2004.

Hales – Hales R. Islamic and Oriental Arms and Armour. A Lifetime's Passion. London, 2013.

Hart III 1975 – Hart G.L., III. The Poems of Ancient Tamil: Their Milieu and their Sanskrit Counterparts. Berkeley 1975.

Huaduo – Wu Huaduo. My stali krasnoarmeitsami [We became the Red Army soldiers] // Rozhdennaya v boyakh: vospominaniya uchastnikov grazhdanskikh revolyutsionykh voyn in voyny protiv yaponskikh zakhvatchikov v Kitaye. Moscow: Voyenizdat, 1961.

Huanfu Jiang – Huanfu Jiang. Zhongguo daojian [Chinese swords and sabres]. Jin'an: Mingtian, 2007.

Huangchao – Yun Lu. Huangchao liqi tushi [Illustrated description of ritual objects of the August dynasty]. Yangzhou: Shangwu Yinshuguan, 2005.

In palaces and tents, 2008 – Vo dvortsakh i v shatrakh. Islamskii mir ot Kitaia do Evropy. Katalog vystavki. [In Palaces and Tents: Islamic World from China to Europe. Exhibition catalogue]. St Petersburg, 2008.

Kholodnoye oruzhiye, 2009 – Kholodnoye oruzhiye: Katalog kollektsii Primorskogo gosudarstvennogo obiedinionnogo muzeiya im.

V.K.Arsenieva [Cold weapons: Catalogue of the collection of the Arseniev State Museum]. Vladivostok: Rubezh, 2009.

Kolesnikov, Klyashtorny – Galkin A.S. Sovremennoye sostoyaniye vooruzhennykh sil v Vostochnom Turkestane [The current situation of the armed forces in East Turkestan] // Kolesnikov A.A., Klyashtorny S.G. Vostochny Turkestan glazami russkikh puteshchestvennikov. Alma Ata: Nauka.

Kolff 1990 – Kolff D.H.A. Naukar, Rajput and Sepoy. The Ethnohistory of the military labour market in Hindustan, 1450–1850. Cambridge, 1990.

Kuznetsov – Kuznetsov V.S. Ekonomicheskaya politika tsinskogo pravitelstva v Sintziane [The economic policy of the Qing government in Xinjiang]. Moscow: Nauka, 1973.

LaRocca – LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. The Metropolitan Museum of Art, New York. 2006.

Li Dazhao – Li Dazhao. Lu Yu, Shen deng sheng de Hongqianghui [Red Pikes Society in the provinces of Shandong, Henan and Sha'anxi], August, 8, 1926. https://www.marxists.org/chinese/lidazhao/marxist.org-chinese-lee-1926A.htm.

Liang Baozhong, Zhao Gang – Liang Baozhong, Zhao Gang. Tie yu huo zhi wu. Jiedu Zhongguo gudai daojian wenhua [Dance of iron and fire. Deciphering of ancient Chinese culture of bladed weapons]. Beijing: Junshi Yiwen chubanshe, 2008.

Liang Baozhong, Zhao Gang, 2008 – Zhongguo gudai gangtie leng bingqi xunli [Guided tour of ancient Chinese steel cold weapons]. Beijing: Junshi Yiwen chubanshe, 2008.

Malyavin – Malyavin A.V. Etyud o neoliticheskikh strelakh [A Study of Neolithic arrows] // Traditsionnaya kultura vostoka Azii, vol. 7. Blagoveshchensk, 2014.

Martynov, 1978 – Martynov A.S. Status Tibeta v XVII-XVIII vekakh [Status of Tibet in the 17th to 18th centuries]. Moscow: Nauka, 1978.

Mohamed 2008 – The Arts of the Muslim Khight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Paris, 2008.

Muye Dobo Tongji – Yi Deokmu, Pak Jaega. Muye Dobo Tongji [Illustrated manual for martial arts]. Seoul: Hakminsa, 1996, translated into Korean by Im Donggyu.

Nandi 1974 – Nandi R.N. Origin and Nature of Śaivite Monasticism // Indian Society: Historical Probings. In Memory of D.D. Kosambi. New Delhi, 1974.

Nosov 2011 – Nosov K. Traditsionnoye oruzhiye Indii [Traditional Weapons of India]. Moscow, 2011.

Osella, Osella 2006 – Osella C., Osella F. Men and Masculinities in South India. London, 2006.

Palmovsky - Palmovsky K. Opisaniye smotra voysk v Pekine [Description of a troop review in Beijing] // Syn Otechestva, Part 34. № 5. 1817.

Pant, Sharma 2001 – Pant G.N. Sharma K.K. Indian Armours in The National Museum Collection. New Delhi, 2001.

Pastukhov, 2012a – Pastukhov A.M. Predmety kazakhskogo, mongolskogo, oyratskogo i tsinskogo vooruzheniya XVIII v. iz chastnykh sobraniy [Items of Kazakh, Mongolian, Oirat and Qing weapons of the 18th century from private collections] // Voyennoye delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov. Astana, 2012.

Pastukhov, 2012b – Pastukhov A.M. Udarno-

drobyashcheye oruzhiye perioda Tsin (1636-1912) [Shock weapon of the Qing period (1636-1912)] // Voyennoye delo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione s drevneyshikh vremen do nachala XX veka. Vol. 2. Vladivostok, 2012.

Pathak 2008 – Pathak S.K. Indian Silver. New Delhi, 2008.

Peng Peng – Peng Peng. Dao bing xiang jian [Weapons and warrior: a look at each other]. Jinan: Shandong Meishu Chubanshe, 2011.

Primakov – Primakov V.M. Zapiski volontiora [Notes of a volunteer]. Moscow: Nauka, 1967.

Qing Gong – Qing Gong wubei [Weapons and equipment from the Qing Palace Museum]. Shenzhen: Shanghai liaoxue zhishu chubanshe –Shangwu Yinshuguan, 2008.

Rawson – Rawson P.S. The Indian Sword. New York, 1969.

Ricketts – Ricketts H., Missillier P. Splendeur des armes orientales. Paris, 1988.

Rites of Power – Rites of Power. Oriental Weapons. Collection of Dr. Jorge Caravana. Caleidoscopio, 2010.

RKO – Russko-kitayskiye otnosheniya v XVII v. 1608-1683 [Russian-Chinese relations in the 17th century. 1608-1683]. Moscow: Nauka, 1969, Vol. I.

Roerich – Roerich Yu.N. Zveriniy stil u kochevnikov Severnogo Tibeta [Animal style of the nomads of Northern Tibet] // Tibet i Tsentralnaya Aziya. Samara: Agni, 1999.

Sages – Mudretsy Kitaya: Yan Chzhu, Le-tsy, Chzuan-tsy [The sages of China: Yang Zhu, Lie-zi, Zhuang-zi]. St. Petersburg: Peterburg XXI vek, 1994.

Saltykov 1985 – Saltykov A.D. Pis'ma ob Indii [Letters from India]. Moscow, 1985.

Sementsov 1985 – Sementsov, VS. 1985. Bhagavadgita v traditsii i sovremennoy nauchnoy kritike [the Bhagavad Gita in Tradition and in Modern Scientific Criticism]. Moscow, 1985.

Shkolyar – Shkolyar S.A. Kitayskaya doognestrelnaya artilleriya [Chinese pre-fire artillery]. Moscow: Nauka, 1980.

Sima Qian – Sima Qian. Istoricheskiye zapiski [Records of the Grand Historian]. Vols 1-9. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura, 1972-2010.

Simonovskaya – Simonovskaya L.V. Antifeodalnaya borba kitayskikh krestyan v XVII veke [Anti-feudal struggle of Chinese peasants in the 17th century]. Moscow: Nauka, 1966.

Skachkov – Skachkov K.A. Pekin v dni Taipinskogo vosstaniya: iz zapisok ochevidtsa [Beijing in the days of the Taiping Rebellion: notes of an eyewitness]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958.

Smolin – Smolin G.Ya. Antifeodalniye vosstaniya v Kitaye [Anti-feudal uprisings in China]. Moscow: Nauka, 1974.

The Art – From Chopsticks to Butterfly Swords. The Art of Chinese Weapons. Ramat–Gan, The Yechiel Nahari Museum of Far Eastern Art, 2012.

The Arthashastra 1959 – Artkhasastra, ili nauka politiki [The Arthashastra, or the Political Science]. Moscow - Leningrad, 1959.

The Mahabharata 1976 – Mahabharata. Kniga pyataya. Udiogaparva [The Mahabharata].

Tirri – Tirri A.C. Islamic Weapons. Maghrib to Moghul. Indigo Publishing, 2003.

Tom – Tom Philip M.W. Military sabers of the Qing

dynasty. http://www.mandarinmansion.com/articles/Philip%20Military%20Sabers%20of%20the%20Qing.pdf.

Tom, 2001 – Tom Philip M.W. Some Notable Sabers of the Qing Dynasty at the Metropolitan Museum of Art. Metropolitan Mwuseum Journal 36: 11, 2001.

Treasury of the World – Treasury of the World; Jewelled Arts of India in the Age of the Mughals. London, 2009

Uspenskaya 2000 – Uspenskaya E.N. Rajputy – rytsari srednevekovoi Indii [Rajputs: The Medieval Indian Knights]. Saint Petersburg, 2000

Uspenskaya 2003 – Uspenskaya E.N. Radjputy: Traditsionnoe obschestvo. Gosudarstvennost'. Kul'tura [The Rajputs: Traditional Society, State Organization, Culture]. Saint Petersburg, 2003

Uspenskaya, Kotin 2007 – Uspenskaya E.N., Kotin I.Yu. Sikkhizm. [Sikhism] Saint Petersburg, 2007.

Vanina 2012 – Eugenia Vanina. Medieval Indian Mindscapes: Space, Time, Society, Man. New Delhi, 2012.

Volkov – Volkov S.V. Sluzhilyye sloyi na traditsionnom Dalnem Vostoke [Service-class people in the traditional Far East]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999.

Vorobyov – Vorobyov M.V. Chzhurzheni i gosudarstvo Tsin [The Jurchen and the Jin state]. Moscow, Nauka, 1975.

Warfare and Weaponry 2003 – Warfare and Weaponry in South Asia. 1000 – 1800. // Eds. Gommans J.J.L and Kolff D.H.A. Leiden 2003.

Watt 1908 – Watt, Sir George, The Commercial Products of India, London, (1890, rev. 1908).

Werner – Werner E.T.C. Chinese Weapons. Los Angeles: Ohara Publications, 1972.

Zarrilli 2001 – Zarrilli F. India // Martial Arts of the World. An Encyclopaedia. 2 Vols. Ed. Thomas A.Green. Santa Barbara, Califoria, 2001 / Vol. 1.

Zhao Gang – Zhao Gang. Xiang daojian. Daojian wenhua pinjian [Between sabres and swords: Standards of bladed weapons culture]. Hebei daxue chubanshe, 2012.

Zheng Yiwei – Zheng Yiwei. Zhongguo gudai lengbingqi [Ancient Chinese edged weapons]. Shanghai: Shanghai Wenhua Chubanshe, 2007.

Zhengnan Shefa – Huang Baijia. Zhengnan shefa [Archery methods of [teacher] Zhengnan]. Zhang Shi Xiajutang, 1697.

Zhongguo – Zhongguo gudai bingqi tushuo [Illustrated description of ancient Chinese weapons]. Tianjin: Tianjin guza, 2003.

Zhongguo gudai – Zhongguo gudai ciwu da cidian. Bingqi. Xingju. [Chinese large dictionary of the material culture of past eras: Weapons. Instruments for punishment]. Shijiazhuang, 2004.

Zhongguo junshi – Zhongguo junshi shi. Diyi juan. Bingqi [History of warfare in China. Volume I: Weapons]. Beijing, 1983.

Zhou Qufei – Zhou Qu-fei. Za khrebtami. Vmesto otvetov [Notes From the Land Beyond the Passes (Ling wai dai da)]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001.

Коллекционеры и эксперты:

Андрей Попов – sahibru@mail.ru
Валентин Кормщиков – sahibru@mail.ru
Владимир Белановский – luedao@list.ru
Алексей Пастухов – chinesewarfare@inbox.ru

The Ministry of Culture of the Russian Federation
The State Museum of Oriental Art

Published based on the decision made by the Editorial Review Board
of the State Museum of Oriental Art

DEADLY BEAUTY: ARMS AND ARMOUR OF INDIA AND CHINA
Exhibition at the State Museum of Oriental Art
from April 7, 2015 to May 28, 2015

Exhibition curator: **E. Karlova**
Collectors: **A. Popov, V. Belanovsky, V. Kormshchikov**
Collection keepers: **N. Alfonso, I. Sheptunova**
Restorers: **I. Krotkov, A. Rodionov**
Exhibition design by: **L. Rapoport**
Graphic design by: **P. Teplyakova, K. Kosacheva**
Exhibition arrangement by: **D. Denisov, N. Malakhova, I. Pedenko, N. Parshin, D. Naroditskiy**
Paperwork by: O. Prytkova

E. Karlova, A. Pastukhov, A. Popov, E. Uspenskaya. Deadly Beauty: Arms and Armour of India and China. Exhibition Catalogue. Moscow, the State Museum of Oriental Art, 2015 – 368 pages, illustrated.

This catalogue is published in conjunction with an exhibition in the State Museum of Oriental Art in Moscow that was devoted to arms and armour from India and China. Items from this area run the whole spectrum from rare tribal weaponry to exquisitely decorated precious weapons once owned by noblemen. The backbone of the exhibition is formed by private collections that several Moscow collectors kindly lent for display. Their collections are complemented by antiques in the State Museum of Oriental Art. Intended for general readership.

Catalogue editor: **E. Karlova**
Photographs by: **E. Basilia**
Graphic design by: **O. Boiko**
Proof–read by: **S. Lapina**

ISBN 978-5903417-73-5

© The State Museum of Oriental Art
© Written by E. Karlova, A. Pastukhov,
A. Popov, E. Uspenskaya
© Catalogue Design by O. Boyko

Государственный
МУЗЕЙ
ВОСТОКА

Е.М. Карлова, А.М. Пастухов, А.Ю. Попов, Е.Н. Успенская

СМЕРТЕЛЬНАЯ КРАСОТА
ОРУЖИЕ ИНДИИ И КИТАЯ
Каталог выставки

E. Karlova, A. Pastukhov, A. Popov, E. Uspenskaya

MORTAL BEAUTY
ARMS AND ARMOUR OF INDIA AND CHINA
Exhibition Catalogue

На первой странице обложки:
Церемониальная булава
Северо-Западная Индия, XIX в.

Транснефть
ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«АКЦИОНЕРНАЯ КОМПАНИЯ
ПО ТРАНСПОРТУ НЕФТИ «ТРАНСНЕФТЬ»

INKERMAN
SINCE 1961

MITSUBISHI ELECTRIC
Changes for the Better

Подписано в печать 25.03.2915
Печать офсетная. Тираж ???

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар»
107023, г. Москва, Электрозаводская, д.20, стр. 3